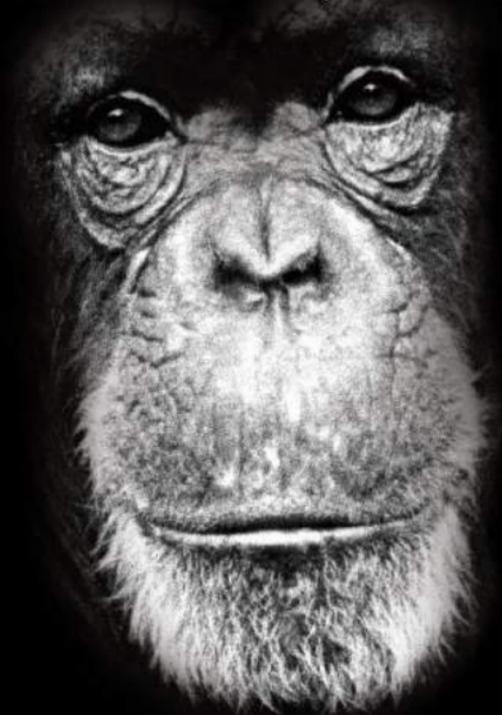

БЕСТСЕЛЛЕР *THE NEW YORK TIMES*

ПОСЛЕДНЕЕ ОБЪЯТИЕ МАМЫ

ЧЕМУ НАС УЧАТ ЭМОЦИИ ЖИВОТНЫХ

ФРАНС ДЕ ВААЛЬ

АНО АЛЬПИНА
НОН-ФИКШН

Книжки в формате
Дизайн: Эльвира

Франс де Вааль

Последнее объятие Мамы

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48613612

Последнее объятие Мамы. Чему нас учат эмоции животных: Альпина

нон-фикшн; Москва; 2020

ISBN 978-5-0013-9214-9

Аннотация

Испытывают ли животные гордость, стыд, вину или отвращение, как и мы, люди? Есть ли у них чувство справедливости и благодарности? Могут ли собаки смеяться и скорбеть, способны ли слоны утешать друг друга, а обезьяны завидовать, плести интриги и выстраивать планы мести? Чувствуют ли боль рыбы и умеют ли любить птицы? Что общего в поведении альфа-самцов шимпанзе и современных политиков?

В этой доброй и умной книге, помимо трогательной истории шимпанзе по имени Мама, известный приматолог Франс де Вааль рассказывает о своих многочисленных наблюдениях и экспериментах, посвященных изучению эмоций самых разных животных. Наряду с гневом и ненавистью, приводящими даже к преднамеренному убийству себе подобных, животные обнаруживают удивительную способность к состраданию, примирению и прощению. Они, как и мы, способны к эмпатии, взаимопомощи и тесному социальному взаимодействию.

Автор рассматривает чувства человека в эволюционном контексте как прямое продолжение эмоций животных и призывает осознать нашу неразрывную связь со всеми существами на планете и в конечном счете лучше понять самих себя.

Содержание

Пролог	9
1. Последнее объятие мамы	28
В обезьянах мы узнаём себя	31
Главенствующая роль Мамы	43
Альфа-самка	58
Кончина и скорбь	73
2. Отражение души	86
Все написано на лице	94
Рот до ушей	110
Это было смешно!	125
Смешанные чувства	139
3. На языке тела	142
Вековая мудрость	148
Обезьяна видит, обезьяна делает	161
Поцелуй, и все пройдет	173
Добро и зло	185
Сочувствие у крыс	198
4. Эмоции, которые делают нас людьми	216
Что чувствует лошадь, испытывая жажду?	220
Око за око	232
Гордость и предубеждение	251
Как нашкодивший щенок	260
Фактор «Фу!»	278

Эмоции как органы тела	296
5. Стремление к власти	305
Как альфа-самец	307
Истерики политиков	316
Убийство	326
Бой тамтамов	339
Женская власть	356
6. Эмоциональный интеллект	365
Вся слава мозгу	366
Обезьяны, огурцы и виноград	373
Игра «Ультиматум»	389
Свобода воли и брехня	399
Будь со мной	416
7. Чувствительность	427
Кого мы едим	432
Пес Хрисиппа	447
Эволюция без чудес	457
Рыбы не плачут	474
Прозрачность	483
Заклучение	493
Благодарности	499
Об авторе	502
Библиография	504

Франс де Вааль

Последнее объятие Мамы

Чему нас учат

Эмоции животных

Переводчик *Мария Десятова*

Научный консультант *Зоя Зорина, д-р биол. наук*

Редактор *Валентина Бологова, канд. биол. наук*

Иллюстрации *Хадии Улумбековой*

Руководитель проекта *И. Серёгина*

Корректоры *И. Астапкина, О. Петрова*

Компьютерная верстка *А. Фоминов*

Дизайн обложки *Ю. Буга*

В книге использованы фотографии и рисунки автора

© Frans de Waal, 2019

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО

«Альпина нон-фикшн», 2020

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и

иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Катрин, умеющей меня зажечь

Книжные проекты Дмитрия Зими́на

Эта книга издана в рамках программы «Книжные проекты Дмитрия Зими́на» и продолжает серию «Библиотека «Дина́стия»». Дми́трий Бори́сович Зи́мин – основатель компании «Вымпелком» (Veeline), фонда некоммерческих программ «Дина́стия» и фонда «Московское время».

Программа «Книжные проекты Дмитрия Зими́на» объединяет три проекта, хорошо знакомые читательской аудитории: издание научно-популярных переводных книг «Библиотека «Дина́стия»», издательское направление фонда «Московское время» и премию в области русскоязычной научно-популярной литературы «Просветитель».

Подробную информацию о «Книжных проектах Дмитрия Зими́на» вы найдете на сайте ziminbookprojects.ru.

Пролог

Наблюдать за поведением окружающих всегда было для меня делом настолько естественным, что иногда я, кажется, слегка увлекаюсь. Я об этом не догадывался, пока однажды не рассказал маме о наблюдении, сделанном в междугороднем автобусе. Мне тогда было лет двенадцать. В автобусе целовались парень с девушкой – смачно и взасос, как это принято у подростков, широко раскрывая рот и заглатывая едва ли не пол-лица. И это бы ладно, но я вдруг заметил, что девушка жует жвачку, хотя до поцелуя жевал только парень. Я озадачился, но быстро сообразил – ну да, это ведь как в общающихся сосудах. Однако маму мое открытие почему-то не порадовало. Обеспокоившись, она велела мне больше так пристально людей не разглядывать, это, мол, неприлично.

Теперь наблюдение – это моя профессия. Это, правда, вовсе не означает, что я запомню цвет платья или замечу у кого-то накладку на лысине – такие вещи меня совершенно не интересуют. Я наблюдаю за проявлениями эмоций, за языком тела, за социальным взаимодействием. Человек настолько схож в этом с другими приматами, что мои наблюдения в равной степени применимы к ним всем, хотя работа моя связана в основном со вторыми. В студенческие годы я работал в помещении, окна которого выходили на вольер с шимпанзе, и последние двадцать пять лет, что я тружусь в Наци-

ональном центре изучения приматов Йеркса под Атлантой (Джорджия), я наблюдаю похожую картину. Мои шимпанзе живут под открытым небом, на полевой станции, и время от времени, когда у них начинается шумный переполох, мы все кидаемся к окнам. В том, что большинству людей может показаться хаосом и суматохой, когда двадцать косматых зверюг беспорядочно гоняются друг за другом с воплями и визгом, – на самом деле просматриваются черты высокоорганизованного сообщества.

В обезьяньей колонии мы различаем всех подопечных не только «в лицо», но даже по голосу, поэтому знаем, чего от них ждать. Нельзя вести наблюдение, не отслеживая, какие паттерны¹ включены в поведение, иначе само наблюдение будет бессистемным и поверхностным. Это примерно как смотреть спортивную игру, в которой ты ничего не понимаешь. Смотреть – и ничего не видеть. За это я очень не люблю американские телетрансляции международных футбольных матчей: комментаторы в большинстве своем – новички в этой области и стратегических замыслов выявить не в состоянии. Они следят только за мячом и в решающие моменты, вместо того чтобы помолчать, продолжают молоть языком. Вот что бывает, когда мы не распознаём паттерны поведения.

Важно видеть то, что происходит за кадром. Если один са-

---

¹ Паттерны – наследственно обусловленные, видоспецифические фиксированные комплексы действий. – *Прим. науч. ред.*

мец шимпанзе запугивает другого, швыряясь камнями или с разбега проносясь на волосок от него, нужно отвести взгляд от этих двоих и посмотреть вокруг – обнаружатся интересные подробности. Я называю это комплексным наблюдением, когда принимается во внимание расширенный контекст. Если лучший друг запугиваемого мирно спит в углу, это не значит, что на него можно не обращать внимания. Вот он просыпается, топает к первым двум – и вся колония понимает: сейчас начнется. Одна из самок предупреждает остальных громким ревом, матери подтаскивают малышей поближе и прижимают к себе.

И не спешите отворачиваться, когда потасовка закончится. Следите за главными действующими лицами – выяснение отношений еще не завершилось. Я наблюдал тысячи примирений, но до сих пор помню одно из первых, оказавшееся для меня полной неожиданностью. Почти сразу после схватки двое самцов-соперников двинулись друг к другу – выпрямившись в полный рост и вздыбив всю шерсть, то есть визуально увеличившись в размерах почти вдвое. При этом они смотрели друг другу в глаза с такой яростью, что впору было ожидать второго раунда драки. Но когда они сблизились, один вдруг развернулся и подставил другому зад. Второй принялся вычесывать шерсть вокруг ануса первого, громко чмокая губами и щелкая зубами в знак усердия. Поскольку первому потребовалось проделать то же самое, они сплелись в неуклюжий узел, чтобы вычесывать зад друг у друга одно-

временно. Однако довольно скоро расплелись, и каждый занялся шерстью вокруг морды своего визави. Мир был восстановлен.

Во время примирения после схватки самцы шимпанзе стремятся вычесывать шерсть на заду недавнего противника, и, поскольку оба пытаются сделать это одновременно, им приходится сплетаться в немыслимый узел.

Казалось бы, странно, что первым делом у бывшего противника начинают вычесывать именно зад, но давайте вспомним существующие во многих языках выражения типа «лизать задницу». Они возникли неспроста. У человека сильный испуг может вызвать рвоту и понос, поэтому о струсившем говорят, что он «наделал в штаны». То же самое происходит и у обезьян – за вычетом штанов. Испражнения могут рассказать о многом. Вот самец шимпанзе, когда стычка уже давно закончилась, как бы невзначай подбирается к оставленной соперником вмятине в траве и, наклонившись, принюхивается. Хотя зрение у шимпанзе преобладает над остальными чувствами примерно в той же степени, что и у нас, обонянию все же отводится важная роль.

Представители нашего собственного вида, как показывают съемки скрытой камерой, обменявшись рукопожатием – особенно с человеком своего же пола, – часто нюхают ладонь. Небрежно взмахнув кистью перед носом, мы посылаем рецепторам поток сведений о настрое человека, пожавшего нам руку. Мы проделываем это бессознательно, как и многое другое, сближающее нас в поведенческом отношении с остальными приматами. При этом себя мы считаем существами разумными, действующими осмысленно, а поведение других видов преподносим как механическое. На самом деле все не так просто.

Мы постоянно отслеживаем собственные чувства, но за-

Гвоздка в том, что наши эмоции и чувства – это не одно и то же. Мы норовим их объединить, хотя чувства – это внутреннее субъективное состояние, известное, строго говоря, только тому, кто их испытывает. Я осознаю собственные чувства, а о ваших узнаю лишь с ваших же слов. Чувства мы передаем вербально. Эмоции же представляют собой и физическое состояние, и психическое – от злости и страха до полового влечения, сочувствия, стремления доминировать, – которые обуславливают наше поведение. Вызываемые тем или иным стимулом и сопровождаемые поведенческими изменениями, эмоции получают внешнее проявление – в мимике, изменении тона кожи, тембре голоса, жестах, запахе и так далее. И только когда человек отдаст себе отчет в происходящих с ним переменах, эмоции превратятся в чувства, то есть в осознанные переживания. Мы выражаем эмоции, но описываем чувства.

Возьмем примирение или восстановление дружеских отношений после ссоры. Примирение – это измеримое эмоциональное взаимодействие. Чтобы его отследить, вам как наблюдателю понадобится только запастись терпением, дождаться и посмотреть, что произойдет между бывшими противниками. Но чувства, которыми это примирение сопровождается – раскаяние, прощение, облегчение на душе, – известны лишь тому, кто их испытывает. Вам кажется, будто другие испытывают абсолютно то же, что и вы, но утверждать это наверняка даже по отношению к представителям своего

собственного вида нельзя. Допустим, человек заявляет, что простил, но можно ли доверять его словам? Сколько раз нам, несмотря на все заверения, припоминали якобы прощенную обиду. Мы не до конца понимаем свое внутреннее состояние и зачастую вводим в заблуждение и себя, и окружающих. Мы большие мастера изображать радость, подавлять страх и запутываться в любви. Поэтому я рад, что работаю с бессловесными существами. Об их чувствах я могу только догадываться, но, по крайней мере, обезьяны не собьют меня с толку словесными описаниями.

В исследовании человеческой психологии принято полагаться на анкетирование, то есть основной упор делается на описание чувств, а не на поведение как таковое. Я же предпочитаю противоположный подход. Нам нужно больше наблюдать за непосредственным взаимодействием в человеческом обществе. Для иллюстрации давайте перенесемся на крупную конференцию в Италии, на которой я побывал много лет назад, когда делал самые первые шаги в науке. Приехав рассказывать о разрешении конфликтов у приматов, я никак не ожидал, что мне подкинут идеальный пример на ту же тему из области человеческих взаимоотношений. Один из участников конференции вел себя как никто на моей памяти прежде и мало кто после. Возможно, все дело в том, что он был известным ученым, причем англоязычным. На международных встречах американцам и британцам свойственно принимать свою величайшую привилегию говорить на род-

ном языке за интеллектуальное превосходство, и, поскольку спорить с ними на ломаном английском никто не берется, развеять это заблуждение удается редко.

Доклады шли согласно программе, но после каждого выступления наш знаменитый англоязычный ученый вскакивал со своего места в первом ряду и принимался разъяснять публике услышанное. И вот заканчивает докладчица из Италии свою речь, еще даже аплодисменты не смолкли, а он уже вскочил, забрался на сцену и говорит в микрофон буквально следующее: «Она, собственно, имела в виду...» Содержание я уже не помню, но итальянка скорчила гримасу. Заносчивость оратора и бестактность по отношению к докладчице вряд ли остались незамеченными – сегодня мы называем такое самоутверждение «менсплейнингом»².

Большинство собравшихся слушали доклады в синхронном переводе, и, возможно, именно временное отсутствие вербального сопровождения помогло им увидеть поведение этого выскочки в истинном свете. Точно так же, как в теледебатах мы гораздо лучше считываем язык тела, если выключить звук. Самозваного комментатора освистали и зашикали.

---

² Mansplaining – от английских слов man (мужчина) и explaining (объяснение) – термин, принятый в среде феминисток, означает снисходительную манеру разговора, используя которую мужчина объясняет что-то женщине с помощью упрощенных формулировок, делая скидку на ее пол и ставя под вопрос ее осведомленность в теме. По сути – способ мужского самоутверждения за счет общения с женщиной с позиции интеллектуального превосходства. – *Прим. пер.*

Судя по озадаченному выражению лица, такой реакции выдающийся ученый никак не ожидал. До тех пор ему казалось, что все в порядке. Сконфуженный и, возможно, пристыженный, он поспешно покинул сцену.

Я же продолжал следить и за ним, и за итальянской докладчицей, когда они уже устроились на своих местах в зале. Минут через пятнадцать ученый подошел к итальянке и предложил ей свой приемник для синхронного перевода – у нее приемника не было. Итальянка, поблагодарив, взяла приемник (хотя на самом деле, возможно, в переводе не нуждалась), тем самым подтвердив негласное примирение. Я говорю «негласное», поскольку по всем признакам о самом инциденте не было сказано ни слова. Зачастую людям достаточно обозначить доброжелательное отношение к другому участнику конфликта (улыбнуться, сказать что-то приятное) и не развивать щекотливую тему. Я не слышал, о чем они говорят, но, как потом стало известно от третьего лица, после всех докладов ученый снова подошел к итальянке и сказал: «Это я, конечно, здорово сглупил!» Вот эта достойная уважения самокритика уже вполне тянула на однозначно выраженное примирение.

Хотя универсальность разрешения конфликтов у людей получила такое великолепное подтверждение прямо там, на конференции, мой собственный доклад приняли неоднозначно. Я тогда только начинал свои исследования, и наука была еще не готова принять идею существования механиз-

мов примирения у других видов. Сами мои выкладки вроде бы сомнений не вызывали – я подкрепил их достаточным количеством фактических данных и фотографий, – но как их расценивать, никто не знал. В то время конфликты у животных анализировали главным образом с точки зрения побед и поражений. Победа – хорошо, поражение – плохо, важно только одно: кому в итоге достанутся ресурсы. В 1970-е гг. в науке преобладал взгляд на животных как на эгоистичных участников жестокой конкурентной борьбы, не способных на подлинную доброту. Примирение, на котором я сделал акцент, в эти рамки не укладывалось. Кроме того, сам термин ассоциировался с областью эмоций, и на это тоже смотрели косо. Коллеги принялись покровительственным тоном разъяснять, что я поддался сентиментальным чувствам, которым нет места в науке. Я был еще совсем молодым и зеленым, поэтому мне можно было втолковывать, что в природе все вращается вокруг выживания и размножения, а на примирениях ни одно живое существо далеко не уедет. Уступки – удел слабых. Даже если шимпанзе и демонстрируют такое поведение, утверждали старшие коллеги, маловероятно, что им есть от него какая-то польза. И уж конечно, ничего подобного нет ни у каких других видов. Я изучаю случайные явления.

Теперь, когда позади несколько десятилетий и сотни исследований, мы знаем, что на самом деле примирение – феномен широко распространенный. Оно наблюдается у всех

общественных млекопитающих – от крыс и дельфинов до волков и слонов, а также у птиц. Примирение служит восстановлению взаимоотношений, и сегодня мы сильно удивимся, если обнаружим, что представители некоего вида социальных млекопитающих *не мирятся* после конфликта. Нам будет непонятно, почему не распадаются их сообщества. Но тогда, на конференции, я этого не знал и вежливо выслушивал поучения. Которые, впрочем, не заставили меня отказаться от своих выводов, поскольку наблюдение всегда перевесит в моих глазах любую теорию. Фактическое поведение животных всегда важнее умозрительных представлений о том, как они должны себя вести. У прирожденного наблюдателя иначе быть не может – в науке он использует индуктивный подход.

Аналогичным образом, заметив, что и у других приматов, как это написал Чарльз Дарвин в своем труде «О выражении эмоций у человека и животных» (1872), при накале эмоций мимика схожа с человеческой, вы уже не сможете обойтись молчанием сходство психических состояний. Другие приматы точно так же обнажают зубы в ухмылке, издают хриплые смешки при щекотке, надувают губы, когда не получается добиться желаемого. И эти наблюдения автоматически становятся отправной точкой в ваших гипотезах. Вы можете придерживаться каких угодно взглядов на эмоции – или их отсутствие – у животных, но вам придется предложить концепцию, объясняющую использование человеком и осталь-

ными приматами одних и тех же лицевых мышц для обозначения реакций или намерений. Дарвин, разумеется, предполагал в данном случае эмоциональную преемственность между человеком и другими видами животных.

Тем не менее существует огромная разница между поведенческим выражением эмоций и осознанным или неосознанным переживанием этих состояний. Любые попытки толковать чувства животных лежат вне плоскости науки, оставаясь по-прежнему всего лишь проекциями и домыслами. Это не обязательно плохо, я и сам поддерживаю *предположение*, что родственные нам виды испытывают чувства, схожие с нашими, но все же не стоит забывать о том, насколько условно это сходство. Даже рассказывая о последней встрече пожилого профессора и старой шимпанзе Мамы за несколько дней до ее кончины, я не могу описать чувства шимпанзе. Да, знакомое поведение и эмоционально заряженная ситуация позволяют о них догадываться, но все же они от нас скрыты. Эта неопределенность всегда удручала исследователей, и именно поэтому сама область изучения эмоций зачастую представляется туманной и запутанной.

Наука не любит неточности, поэтому в том, что касается эмоций у животных, она зачастую расходится с обывательскими представлениями. Спросите человека с улицы, есть ли у животных эмоции, и вам ответят: «Конечно!» Люди видят целую гамму эмоций у своих собак и кошек и по умолчанию приписывают те же свойства остальным животным.

Но задайте аналогичный вопрос университетским профессорам – многие озадаченно почешут в затылке и примутся уточнять, что вы имеете в виду. Какое, собственно, определение вы даете эмоциям? Вам могут попасться последователи американского бихевиориста Берреса Скиннера – он отстаивал механистический взгляд на животных и отрицал наличие у них эмоций, называя их «отличным примером вымышленных причин, которыми мы обычно объясняем поведение»³. Да, сегодня трудно найти ученого, начисто отвергающего эмоциональность у животных, и все же говорить о ней многим неловко.

Читателям, уже готовым обидеться за животных, которым ученые отказывают в эмоциональности, не стоит забывать, что без присущего науке скепсиса мы до сих пор считали бы Землю плоской или верили, будто личинки самозараждаются в гнилом мясе. Наука являет себя во всем великолепии именно тогда, когда ставит под сомнения сложившиеся установки. И хотя я не разделяю скептический взгляд на эмоции у животных, мне кажется, что просто констатировать их наличие – это все равно, что назвать небо голубым. От этого нам толку мало. Нам нужно знать больше. Какие именно эмоции? Как они ощущаются? Какой цели служат? Одинаковый ли страх испытывают – если испытывают – рыба и ло-

---

³ В. Ф. Skinner (1953), p. 160; Скиннер Б. Ф. Наука и человеческое поведение / Пер. А. А. Федорова, А. И. Васильева. – Новосибирск, 2017.1. ПОСЛЕДНЕЕ ОБЪЯТИЕ МАМЫ

шадь? Поверхностных впечатлений для ответа на эти вопросы недостаточно. Вспомните, как мы исследуем внутренний мир представителей собственного вида: сажаем испытуемых смотреть видео или играть в игры, предварительно обвешав разными датчиками, считывающими сердечный ритм, кожно-гальваническую реакцию, сокращения лицевых мышц и так далее. И даже мозг сканируем. Вот и другие виды нужно изучать с такой же дотошностью.

Я люблю наблюдать за приматами в естественных условиях и за прошедшие годы посетил немало полевых станций в разных точках мира, но сделать на основе этих наблюдений полноценные выводы ни мне, ни кому-либо еще не удалось. Одна из самых эмоциональных ситуаций, при которых мне довелось присутствовать, началась с того, что шимпанзе высоко в кронах деревьев надо мной вдруг душераздирающе заверещали и заухали. Шимпанзе относятся к самым шумным животным на планете, а значит, всполошить их могло что угодно, и я с замиранием сердца дождался разгадки. Как выяснилось, они поймали какую-то несчастную мартышку и своими воплями недвусмысленно давали понять, насколько ценна для них эта добыча. Наблюдая, как шимпанзе обступают владельца тушки и приобщаются к пиршеству, я гадал, что побуждает добытчика поделиться лакомым куском. Ему самому столько не съесть, и поэтому не жалко? Или он хочет поскорее отделаться от попрошаек, которые жалобно хнычут над ухом, не забывая робко тянуть лапу за

каждым куском, который он отправляет в пасть? А может, это проявление альтруизма, и добытчик делится, понимая, что остальным тоже хочется вкусного? Узнать это лишь из визуального наблюдения невозможно. Что произойдет, если изменится степень голода добытчика или попрошайкам будет труднее просить? Проявит ли добытчик такую же щедрость? Выяснить истинные мотивы его поведения поможет лишь контролируемый эксперимент.

В работах, посвященных изучению умственных способностей, он сработал на ура. Сегодня мы уже позволяем себе говорить о психической жизни животных, всего-то сто лет ушло на эксперименты с обучением приматов знаково-символьной коммуникации – общению на простейших аналогах языка человека, с узнаванием собственного отражения в зеркале, использованием орудий, планированием будущего и способностью принять чужую точку зрения. Эти исследования пробили огромные зияющие бреши в стене, якобы отделяющей человека от всего остального царства животных. То же самое может произойти и в отношении эмоций, но для этого необходим системный подход. В идеале нам нужно объединять результаты лабораторных и полевых исследований, считая их элементами одной общей мозаики.

Пусть эмоции трудноуловимы, это бесспорно самая яркая и выразительная грань нашего существования. Они придают значимость всему происходящему. В ходе экспериментов эмоционально окрашенные изображения и истории испыты-

емые запоминают гораздо лучше нейтральных. Все прошлые или будущие жизненные события мы описываем с привлечением эмоциональных эпитетов. Свадьба – веселая и счастливая, похороны – горькие, футбольный матч – либо крутая игра, либо позор, в зависимости от результатов.

Тот же эмоциональный крен проявляется у нас и по отношению к животным. Размещенный в интернете видеоролик, на котором дикий капуцин колет камнем орехи, соберет гораздо меньше просмотров, чем ролик со стадом буйволов, отгоняющих львов от теленка: копытные поднимают хищников на рога, и теленку удастся вырваться из их когтей. Оба ролика производят впечатление, но за душу берет только второй. Мы на стороне теленка, мы слышим его жалобное мычание, радуемся воссоединению с матерью – и благополучно забываем, что для львов все закончилось печально.

Это еще одна характерная особенность эмоций – они лишают нас беспристрастности, побуждают принять чью-то сторону.

Помимо того что эмоции вызывают у нас живой интерес, они структурируют наше общество – до какой степени, мы зачастую не осознаем. Что движет политиком, стремящимся занять более высокий пост, как не жажда власти, отличающая всех приматов? Что заставляет нас беспокоиться за родных и близких, как не эмоциональные узы, связывающие родителей и потомство? Что подвигло нас отменить рабство и детский труд, если не гуманность, проистекающая из стрем-

ления к социальному взаимодействию и эмпатии⁴? Не случайно Авраам Линкольн в своих призывах к отмене рабства упоминал душераздирающее зрелище, не раз виденное им в южных штатах, – группы рабов в кандалах. Наша система правосудия позволяет направить обиду и жажду мести в русло поисков справедливого возмездия, а система здравоохранения коренится в сострадании. Больницы (во многих европейских языках от латинского *hospitalis* – «гостеприимный») зарождались как странноприимные дома при монастырях, где врачебную помощь оказывали монахини, и лишь гораздо позже они стали светскими учреждениями с профессиональным медицинским персоналом. Так что, по сути, все самые дорогие нашему сердцу институты и достижения неразрывно связаны с человеческими эмоциями и без них существовать не смогут.

Осознание этого побудило меня взглянуть на эмоции животных под другим углом, увидеть в них не просто тему для исследования, но ключ к самому нашему существованию, нашим целям и мечтам, нашему четко структурированному обществу. В силу своей специализации я, разумеется, основное внимание уделяю близким к нам приматам, но вовсе не потому, что именно их эмоции я считаю заведомо более до-

---

⁴ Эмпатия – осознанное сопереживание текущему эмоциональному состоянию другого человека, это отклик человека на чувства и состояние другого. Эмпат четко видит и понимает, что именно происходит с собеседником в данный момент (в эмоциональном плане). При этом он соизмеряет свои собственные поступки, мысли и эмоции с состоянием этого человека. – Прим. науч. ред.

стойными изучения. Да, выражение их у приматов больше всего схоже с нашим, но эмоции присутствуют и у остальных представителей животного царства – от рыб до птиц и насекомых, и даже у моллюсков с развитым мозгом (таких как осьминог).

Лишь в отдельных случаях я буду именовать остальные виды «другими животными» или использовать по отношению к ним термин «нечеловеческие». Для простоты я зову их «животными», хотя для меня как для биолога совершенно очевидно, что мы принадлежим к одному царству. Мы все животные. И, поскольку я не считаю, что наш собственный вид кардинально отличается в эмоциональном отношении от других млекопитающих (более того, я затруднился бы выделить эмоции, присущие исключительно человеку), нам стоит пристальнее присмотреться к эмоциональным корням, которые роднят нас с другими обитателями планеты.

1. Последнее объятие мамы

Прощание с королевой колонии

За месяц до того, как Маме должно было исполниться пятьдесят девять, и за два месяца до 80-летия Яна ван Хоффа у двух почтенных представителей рода гоминид состоялась трогательная встреча. Мама, истощенная болезнью и доживавшая последние дни, принадлежала к числу старейших в мире шимпанзе, содержащихся в неволе. Убеленный сединами, резко контрастирующими с ярко-красной ветровкой, профессор биологии ван Хофф когда-то был научным руководителем моей диссертации. Профессор и шимпанзе знали друг друга более сорока лет.

Свернувшаяся клубком в своем соломенном гнезде Мама даже не смотрит на Яна, который вторгся в спальную клетку и подступает к старой знакомой с дружелюбным уханьем. Работающим с человекообразными обезьянами часто приходится имитировать типичные для животных звуки и жесты: негромкое уханье – сигнал успокаивающий. И даже выйдя наконец из полузабытья, Мама не сразу осознает, что происходит. А потом впадает в бурный восторг, увидев Яна совсем рядом. Она расплывается в широченной ухмылке, гораздо более широкой, чем у представителей нашего вида. Губы у шимпанзе невероятно гибкие и способны даже выво-

рачиваться наизнанку, потому мы видим не только зубы и десны Мама, но и внутреннюю сторону губ. Мама улыбается всей нижней половиной лица и издает отрывистые повизгивания – негромкие высокие звуки, связанные обычно с сильными эмоциями. В данном случае эмоции явно положительные, поскольку Мама тянется рукой к голове наклонившегося к ней Яна. Она ласково перебирает его волосы, а потом, обвив длинной рукой за шею, притягивает поближе к себе. Пальцы ее во время этого объятия ритмично похлопывают затылок и шею Яна – это успокаивающий жест, которым шимпанзе пользуются, в том числе и когда утешают хнычущего малыша.

В 2016 г. Ян ван Хофф в последний раз навестил Маму — старую самку шимпанзе, матриарха колонии, — на ее смертном одре в зоопарке Бюргерса. Расплавшись в широкой радостной ухмылке, Мама принялась обнимать профессора, которого знала сорок лет. Скончалась она через несколько недель после этой встречи

В этом вся Мама: видимо, почувствовав волнение Яна, которому пришлось вторгнуться на ее личную территорию, она дает старому другу понять, что беспокоиться не о чем. Она рада его видеть.

В обезьянах мы узнаём себя

Эта встреча – событие во всех смыслах исключительное. Хотя за время своего знакомства Яну и Маме не раз доводилось устраивать «сеансы взаимного вычесывания» через прутья решетки, ни один человек в здравом уме не войдет в клетку взрослого шимпанзе. С виду шимпанзе кажутся не очень крупными, но мышечная сила у них намного больше нашей, и рассказов о нападениях со страшными последствиями существует предостаточно. Даже у самого крупного профессионального борца-тяжеловеса нет шансов в схватке со взрослым шимпанзе. На мой вопрос, стал бы он вторгаться в клетку к какому-нибудь другому шимпанзе в этом же зоопарке, пусть даже из числа таких же давних его знакомых, как Мама, Ян ответил, что жизнь ему еще дорога. Шимпанзе настолько непредсказуемы и вспыльчивы, что считать себя в абсолютной безопасности рядом с ними может лишь тот, кто их вырастил, а у Яна такой страховки не имелось. Но слабость Мама меняла дело. Кроме того, за прошедшие годы она неоднократно выражала доброжелательные чувства к Яну, так что оба научились доверять друг другу. Только поэтому Ян отважился в первый и последний раз вторгнуться в личные покои долго царствовавшей королевы колонии шимпанзе зоопарка Бюргерса в Арнеме (Нидерланды).

У меня с Мамой за долгие годы тоже сложились похожие

отношения – собственно, это я когда-то назвал ее Мамой за ее положение матриарха колонии. Но, поскольку теперь я живу по другую сторону Атлантики, поучаствовать в прощании я не мог. С Мамой я в последний раз виделся за несколько месяцев до того. Еще издаലെка разглядев меня среди посетителей, она тут же поковыляла здороваться, преодолевая артритную боль в ногах. Пофыркивая и ухая, она подошла к разделяющему нас рву с водой и приветливо протянула мне руку. Шимпанзе живут на лесистом острове (самой обширной из всех подобных зоопарковых территорий в мире), где я еще молодым ученым провел за наблюдениями 10 000 часов. Мама знала: когда все удалятся на ночь в закрытое помещение, я приду к ее спальной клетке, чтобы пообщаться наедине.

Этой предсказуемостью наших встреч часто пользовались съемочные группы. К моему прибытию они уже стояли наготове, включив камеры и держа в фокусе Маму, которую кто-нибудь выискивал для них среди ничего не подозревающих шимпанзе. Она же неизменно занималась своими делами – вычесывалась или спала, а потом, едва заметив меня или услышав, как я ее зову, вскакивала и мчалась навстречу, громко и часто похрюкивая. Съемочная группа все это запечатлевала – и мою реакцию, и реакцию других шимпанзе из числа тех, кто тоже меня помнил. И каждый раз все поражались тому, как безошибочно Мама меня узнает и как бурно радуется.

У меня же эти съемки вызывают двойственные чувства. Во-первых, они лишают встречу старых друзей непринужденности. А во-вторых, я не понимаю, что здесь такого поразительного. Любой знакомый с шимпанзе прекрасно знает об их цепкой памяти и отличной способности к узнаванию лиц – почему же радость Мама при моем появлении кажется нам чем-то особенным? Потому что мы не ожидаем ничего подобного от экзотического животного? Или потому что эта радость говорит о дружбе между представителями разных видов приматов? Давайте представим, что я год пробыл за границей, а потом вернулся и решил навестить соседей. За спиной у меня целая съемочная команда, готовая запечатлеть встречу, я звоню в дверь, и та распаивается под радостные возгласы: «Смотрите, кто пришел! Сколько лет, сколько зим!»

Кто-нибудь этому удивится?

Изумление, которое вызывает у нас прием, оказываемый мне Мамой, свидетельствует о невысоком мнении человека об эмоциональных и умственных способностях животных. Исследователям умственных способностей у животных с крупным мозгом не привыкать к потокам скепсиса от коллег-ученых, особенно работающих с обладателями небольшого мозга, например крысами или голубями. Такие ученые зачастую видят в животных механизмы, построенные по типу «стимул – реакция», движимые инстинктами и простым научением, и все эти разговоры о мыслях, чувствах и дол-

говременной памяти им ненавистны. О том, насколько устарели эти взгляды, я рассказываю в своей предыдущей книге «Достаточно ли мы умны, чтобы судить об уме животных?» (Are We Smart Enough to Know How Smart Animals Are, 2016)⁵.

Встречу Яна с Мамой сняли на сотовый телефон⁶. Когда этот ролик показали по голландскому телевидению с закадровыми пояснениями самого Яна (голос у которого прерывался от эмоций), зрители популярного ток-шоу были тронуты до глубины души. Они оставляли пространственные комментарии на сайте канала, писали Яну лично, рассказывая, как обливались слезами перед телеэкраном. Зрителей потрясла не только сама печальная ситуация – перед показом ролика было объявлено, что Мамы уже нет, – но и совершенно человеческий жест, с которым шимпанзе обнимала Яна, успокаивающе похлопывая пальцами по затылку. Эта сцена стала откровением для многих, узнавших в ней свои собственные повадки. Они впервые увидели, что жест, который кажется исключительно человеческим, на самом деле общий для всех приматов. Именно в таких мелочах эволюционные связи подчас проступают наиболее отчетливо. Кстати, эти связи присутствуют в 90 % проявлений эмоций у человека, начиная с встающей дыбом скудной растительности на нашем те-

---

⁵ Де Вааль Ф. Достаточно ли мы умны, чтобы судить об уме животных. – М.: Альпина нон-фикшн, 2019.

⁶ Мама обнимает Яна ван Хоффа: www.youtube.com/watch?v=INa-oOAexno.

ле, когда мы напуганы (мурашки, гусиная кожа), и заканчивая привычкой мужчин (и самцов шимпанзе) хлопать друг друга по спине от избытка чувств. Мы наблюдаем этот экспрессивный физический контакт каждую весну, когда шимпанзе выбираются из помещения после долгой зимы. Радуюсь траве и солнцу, они восторженно ухают, обнимаются и раздают дружеские шлепки.

В других случаях мы реагируем на очевидные свидетельства нашей эволюционной связи с человекообразными обезьянами либо насмешкой над ними (посетители зоопарка то и дело пытаются, как они думают, изобразить обезьяну, которая якобы чешет подмышки), либо бурным весельем. Мы любим посмеяться над собратьями-приматами. Когда на лекциях я показываю видеозаписи с обезьянами, аудитория встречает хохотом любые, даже самые обычные их действия. Этот смех говорит не только об узнавании, но и о неловкости, которую испытывают зрители при виде смущающего их сходства. В одном из моих самых популярных роликов, собравшем миллионы просмотров в интернете, самка капуцина обижается на то, что за выполнение задания она в награду получила менее лакомый кусочек, чем достался ее партнеру. И когда она принимается яростно трясти прутья клетки и молотить ладонью по полу, мы видим так хорошо нам знакомую реакцию досады на замеченную ею несправедливость.

Гораздо хуже смеха – отвращение, которое обычно вызывали у людей другие приматы в прошлом. К счастью, теперь

такая реакция встречается реже, хотя люди по-прежнему часто называют приматов уродливыми и изумляются, когда я говорю про самку – «хорошенькая», а про самца – «красавец». В прежние времена жители Запада никогда не видели живых обезьян – только их кости да шкуру или изображения наших ближайших сородичей на гравюрах. И когда обезьяны наконец предстали перед публикой, та не поверила своим глазам. Появившийся в 1835 г. в Лондонском зоопарке самец шимпанзе щеголял в матросском костюме. Привезенную следом самку орангутана нарядили в платье. Королева Виктория, посетив зоопарк, пришла в ужас: ее покорибил сам облик обезьян и их невыносимое и непозволительное сходство с человеком. Отвращение к обезьянам испытывали многие, но откуда оно бралось, если не из нежелания принять неприятную правду о нас самих, которую они нам сообщали? Посмотрев на обезьян в Лондонском зоопарке, молодой Чарльз Дарвин пришел к тому же выводу (за вычетом неприязни), что и королева. Он счел, что на этих созданий стоило бы взглянуть всем, кто считает человека венцом творения.

Наверное, телепередача, в которой Ян объяснял, как дорога была ему Мама и зачем понадобилось навещать ее на смертном одре, пробудила у зрителей все эти разнообразные эмоции. Сам же он ничего поразительного, странного и неожиданного в этой встрече не находил. Ему просто нужно было попрощаться. При этом он сохранял паритет, который

нечасто увидишь, когда человек заводит «дружбу» с медведем, слоном, китом и утверждает, что животное стало ему как родное. Человек в такой ситуации чувствует глубокую привязанность, но вряд ли эти чувства взаимны. Подобные отношения – это, по сути, потенциальное парное самоубийство, поскольку человек в них играет с огнем, и животному, которое в случае гибели человека окажется крайним, тоже несдобровать.

Один журналист, очарованный самцом шимпанзе в заповеднике, говорил, что разглядел в глубине его глаз свое неизвестное эволюционное прошлое и невольно задумался о собственном месте в мире. Однако желая польстить обезьянам этим признанием, журналист, сам того не осознавая, продемонстрировал высокомерие. Ныне живущие человекообразные обезьяны – это не машина времени, призванная возвращать нас к эволюционным истокам! Хоть мы и в самом деле происходим от обезьяноподобного предка, тот древний вид давным-давно вымер. Его представители жили на нашей планете около 6 млн лет назад, а их потомки претерпели множество изменений и, постепенно исчезая с лица земли, дали начало современным видам – шимпанзе, бонобо и человеку. Поскольку у всех трех гоминид одинаково давняя эволюционная история, они одинаково «развиты». Поэтому не только мы, глядя на человекообразную обезьяну, видим в ней отражение нашего общего прошлого, но и обезьяна может видеть его в нас. Если обезьяны служат для нас машиной времени,

то и мы служим машиной времени для них.

У Яна с Мамой ничего подобного не наблюдалось. То, что они принадлежали к разным видам, отступало у них на второй план. Это была встреча между двумя давними знаковыми из родственных видов, уважающими друг друга как личность. Если рядом с кроликом или собакой нам легко ощущать умственное превосходство, то на человекообразную обезьяну, мне кажется, долго смотреть свысока невозможно. Их социальная и эмоциональная жизнь настолько схожи с нашими, что непонятно, где проводить границу.

Канадский ученый Дональд Хебб, известный как основоположник нейропсихологии, заметил размытость этих границ, когда работал с шимпанзе в Национальном центре изучения приматов Йеркса (сейчас находится под Атлантой, но в 1940-е гг. располагался во Флориде). Хебб пришел к выводу, что поведение шимпанзе нельзя втиснуть в узкие рамки категорий, на которые мы дробим поведение других животных, – поиски пищи, груминг, спаривание, драки, звуковые сигналы, жесты и так далее. Мы фиксируем отдельные действия в мельчайших подробностях, но что стоит за поведением в целом, нам определить трудно. По мнению Хебба, было бы гораздо продуктивнее классифицировать поведение человекообразных обезьян в эмоциональной плоскости, поскольку эмоции мы схватываем интуитивно:

Объективная категоризация упускает то, что удается ухватить более расплывчатым

*эмоциональным и тому подобным категориям – некую систему, взаимосвязь между отдельными поступками, без учета которой невозможно понять поведение*⁷.

Хебб намекал на господствующее в биологии представление о том, что эмоции управляют поведением, но в отрыве от него довольно бесполезны: испуг сам по себе никакой выгоды живому существу не дает. Вот если испуг побуждает бежать, прятаться, атаковать – тогда он может спасти жизнь. То есть, если в двух словах, эволюционное развитие эмоций шло за счет способности вызывать адаптивные реакции на опасность, соперничество, возможность спаривания и так далее. Эмоции завязаны на действии. У нашего вида так много общего в эмоциональной сфере с другими приматами, потому что поведенческий репертуар у нас примерно одинаков. Это сходство, выраженное также и в строении организма, дает нам основу для теснейшей невербальной связи с другими приматами. Поскольку наши тела идеально проецируются друг на друга, до взаимопонимания нам буквально рукой подать. Именно поэтому Ян и Мама общались на равных, а не как человек и животное.

Вы можете возразить, что ни о каком равенстве между свободным человеком и содержащейся в неволе обезьяной говорить не приходится. Справедливое замечание. Но Мама, появившаяся на свет в Лейпцигском зоопарке в 1957 г., не имела ни малейшего представления о жизни в дикой при-

---

⁷ Donald O. Hebb (1946), p. 88.

роде. Зато ей повезло попасть в крупнейшую в мире колонию шимпанзе. Почти полтора века с той поры, как первые живые представители обезьяньего племени так возмутили британскую королеву, шимпанзе в зоопарках селили порознь или небольшими группами. Считалось, что шимпанзе слишком агрессивны, поэтому в группе может быть лишь один взрослый самец, хотя в естественной среде в стаде порой насчитывается более десятка половозрелых мужских особей. В студенчестве Ян немало времени провел на одной американской базе в Нью-Мексико, где НАСА готовило молодых шимпанзе к полету в космос. Там он своими глазами увидел все преимущества и недостатки содержания обезьян в большой группе. Недостатки и проблемы проистекали из способа раздачи корма: служители сваливали все овощи и фрукты в одну кучу, провоцируя тем самым нешуточные битвы, рвущие все социальные связи в колонии. Примерно в то же время аналогичный урок получила Джейн Гудолл в своем танзанийском «банановом клубе» – после этого она диких обезьян уже не подкармливала.

Вдохновленный американским опытом, Ян вместе со своим братом Антоном – директором зоопарка Бюргерса – решил устроить там общежитие для шимпанзе, но кормить всех отдельно или в мелких семейных группах. Так в начале 1970-х гг. и была основана колония в Арнеме – около двадцати пяти шимпанзе, живущих на открытом воздухе на острове площадью примерно в гектар. Вопреки мрачным про-

гнозам специалистов, предрекавших предприятию провал, колония процветает, и за время существования в ней родилось больше здоровых детенышей, чем в любой другой. Популяции человекообразных обезьян в лесах Африки и Азии сейчас резко сокращаются, поэтому колонии приматов в зоопарках приобретают особенную ценность. Колония в Арнеме была (и остается) примером успеха и образцом для зоопарков по всему миру.

Так что Мама прожила – хоть и не на свободе – долгую насыщенную жизнь в собственной социальной вселенной, где хватало и рождений, и смертей, и совокуплений, и драматической борьбы за власть, и дружбы, и семейных уз, и все прочего, из чего складывается социум у приматов. Может быть, Мама и связывала приход Яна со своей болезнью и слабостью, но догадывалась ли она, что дни ее сочтены? Осознают ли обезьяны свою смертность?

Судя по шимпанзе Рео из японского Института изучения приматов при Киотском университете, осознание смерти у них отсутствует. Из-за воспаления спинного мозга у молодого и сильного самца парализовало все тело ниже шеи – есть и пить он мог, но конечности и торс утратили подвижность. Несмотря на круглосуточную заботу ветеринарных врачей и студентов в течение полугода Рео неуклонно терял в весе. В конце концов болезнь отступила, однако нам этот случай интересен не столько победой, сколько тем, как Рео воспринимал паралич, приковавший его к постели. Его отношение

к жизни нисколько не изменилось. Даже когда состояние его казалось безнадежным – всем, кроме него самого, – он как ни в чем не бывало по-прежнему дразнил студентов, плюясь в них водой. Превратившийся в живой скелет шимпанзе явно ни о чем не беспокоился и в уныние не впадал⁸.

Иногда нам кажется, что другие животные чувствуют приближение смерти – например, корова, которую ведут на бойню, или домашний питомец, пропадающий из вида за несколько дней до кончины. Однако во многом это наша проекция, основанная на *нашем* осознании происходящего. Имеется ли такое же осознание у животных? Кто скажет наверняка, что кошка, прячась перед смертью в подвале, понимает, как мало ей осталось? Может быть, она просто обессилена, измучена болью и хочет скрыться от всех. Точно так же и с Мамой: мы прекрасно видели, что физически она уже на пороге смерти, но никогда не узнаем, ощущала ли она это.

К тому времени Маму изолировали в ее «спальне», потому что самцы шимпанзе, особенно подростки, нередко глумятся над слабыми, видя в них легкую добычу. Сотрудники зоопарка хотели оградить умирающую Маму от подобной участи. Сообщество шимпанзе не жалуется слабых и робких, и именно поэтому так впечатляет главенство, которое Мама удерживала всю свою жизнь.

---

⁸ Tetsuro Matsuzawa (2011).

Главенствующая роль Мамаы

Мама отличалась на редкость могучим сложением – ширококостная, с длинными мощными руками. Во время демонстраций угрозы, топая ногами, со вздыбленной шерстью, она являла собой весьма устрашающее зрелище. Конечно, она не могла тягаться с самцами ни мышечной массой, ни густотой шерсти – особенно на плечах, где самцы ее топорщат, чтобы выглядеть внушительнее. Но недостаток физической мощи Мама компенсировала напором. Все знали ее фирменный резкий удар по металлической двери в загон. Упершись широко расставленными кулаками в землю, она раскачивалась на руках и с оглушительным грохотом ударяла обеими ступнями в дверь. Это означало, что Мама на взводе и с ней лучше не шутить.

И все же Мама доминировала не столько за счет физического воздействия, сколько за счет силы характера. Она держалась как суровая бабушка, которая прожила жизнь и глупостей не потерпит. Мама внушала такое уважение, что, впервые встретившись с ней взглядом, я почувствовал себя ниже ростом, хотя глаза наши находились на одном уровне. Она имела обыкновение степенно кивнуть знакомому, давая понять, что заметила. Ни у одного из представителей других видов, кроме человеческого, я не наблюдал такой мудрости и величия. В ее взгляде читалось сдержанное дружелю-

бие – готовность понимать и принимать вас (если не будете ее злить). У нее даже чувство юмора имелось. Обычно смеющуюся физиономию у шимпанзе можно заметить, когда они затевают шуточную возню, но я видел подобное и в таких комичных ситуациях, когда, скажем, альфа-самец убегает в притворном страхе от обиженного детеныша. Улепетывая от верещащего маленького чудовища, самый авторитетный самец колонии строит смеющуюся физиономию, как будто его самого забавляет нелепость происходящего. И вот Мама как-то раз отреагировала аналогичной ухмылкой на совершенно неожиданное разрешение напряженного конфликта – как мы реагируем, когда до нас дойдет соль анекдота.

Один мой коллега, Маттейс Схилдер, проверял реакцию шимпанзе на хищников. Надев маску пантеры, он незаметно для испытуемых спрятался в зарослях у водяного рва, окружавшего обезьяний остров, а потом внезапно высунул голову в маске, и обезьяны оказались нос к носу с засевшей в кустах пантерой. Бдительные и чуткие, шимпанзе мгновенно подняли боевую тревогу – с громким сердитым лаем они ринулись закидывать противника палками и камнями. (Такая же реакция, кстати, отмечена у диких шимпанзе, которые отчаянно боятся леопардов ночью, но донимают их днем.) Маттейс, с трудом уворачиваясь от прицельно запущенных снарядов, спешно перебрался в другое укрытие.

После нескольких таких стычек он выпрямился в полный рост и, сняв маску, явил обезьянам свое настоящее, знако-

мое им лицо. Обитатели колонии сразу же успокоились. Но только у одной Мамаы выражение постепенно сменилось с гневного и встревоженного на то самое смеющееся, когда рот полуоткрыт, но зубы не оскалены. Эта выразительная, отнюдь не мимолетная усмешка позволяла предположить, что до Мамаы дошел комизм устроенного Маттейсом маскарада⁹.

Благодаря умению одинаково хорошо ладить и с самцами, и с самками, Мама обзавелась внушительной группой поддержки, не имеющей себе равных, – она была прирожденным дипломатом. При этом она охотно поддерживала других: в борьбе за власть между самцами Мама не только принимала сторону одного из соперников, но и не давала ни одной из самок встать на сторону другого. Самке, которая в стычках самцов вступалась за «неправильного» претендента, позже могло сильно влететь от Мамаы. Она брала на себя роль «парламентского организатора», обеспечивая тыл «своему» кандидату.

Исключение она сделала только одно – для своей подруги Кёйф, которая упоминалась в моих предыдущих книгах под именем Горилла, полученным за черную окраску лица. На этом сходство с гориллой и заканчивалось: Кёйф обладала куда более хрупким и изящным телосложением, чем у Мамаы. Они родились в одном зоопарке, и у них с самого начала сложился прочный и мощный союз, который продержался до самой смерти Кёйф, скончавшейся на несколько лет раньше

---

⁹ Otto Adang (1999), p. 116.

подруги. Я ни разу не наблюдал даже тени разногласий между этими двумя самками. Они часто занимались взаимным вычесыванием и всегда выручали друг дружку в беде. Кёйф единственная из всех самок могла безнаказанно противиться воле Мамы. За предпочтение, отдаваемое самцу, которого Мама не жаловала, Кёйф не поплатилась ни разу – Мама как будто ничего не замечала. В остальном Мама и Кёйф обычно действовали сообща. Если сцепишься с одной, на подмогу тут же примчится вторая, и это знали все, включая самцов, которые на собственной шкуре убедились, что с двумя разъяренными самками им не справиться. Мама и Кёйф стояли друг за друга горой, а после крупных передраг в буквальном смысле рыдали одна у другой на груди.

На Маме держалось все, причем не только в колонии. Она брала на себя роль посредника между обезьянами и нами, людьми. Ни одна другая шимпанзе не выстраивала такие прочные связи с теми, кто ей нравился или кого она считала важной персоной – к директору зоопарка, например, она относилась с большим уважением. Со мной Мама тоже общалась в основном по собственной инициативе, и мы часто устраивали сеансы взаимного вычесывания через прутья спальной клетки, которую она делила с Кёйф. Но если Маму я мог не опасаться, с Кёйф приходилось держать ухо востро, потому что время от времени она любила меня провоцировать, проверяя на прочность. Шимпанзе ведут постоянную игру, пытаясь выяснить, кто доминирует, не уставая прощупу-

пывать границы. Иногда Кёйф пыталась схватить меня через прутья – пристроившись рядом с Мамой, которая прикрывала ее собой. Самая лучшая стратегия в таких случаях – сохранять спокойствие и делать вид, что ничего не замечаешь, иначе конфликт пойдет по нарастающей. За последующие годы мои отношения с Кёйф ощутимо наладились – я стал ее главным любимцем среди людей, после того как помог ей вырастить первого выжившего детеныша.

До тех пор все ее новорожденные детеныши, увы, гибли из-за недостаточной лактации – умирали от истощения, не насыщаясь материнским молоком. После каждой такой потери Кёйф впадала в глубокую депрессию, при которой раскисывалась на месте, обхватывала себя руками, отказывалась от еды и издавала душераздирающие вопли. Было даже что-то вроде слез: хотя считалось, что другие приматы, кроме человека, плакать не способны, Кёйф энергично терла глаза кулаками, как делают дети, когда нарежутся. Может, конечно, глаза у нее просто-напросто засорились, но почему-то происходило это именно при таких обстоятельствах, на которые человек реагирует слезами.

Видя, как мучительно переживает Кёйф гибель каждого детеныша, я решил, что следующего помогу ей выкормить из бутылочки. Но здесь возникала проблема: матери у человекообразных обезьян – большие собственницы, поэтому вряд ли Кёйф позволит нам забрать новорожденного. Значит, Кёйф придется кормить малыша из бутылочки самой.

Замысел был дерзкий, никто прежде ничего подобного не пробовал.

Выход нашелся, когда очередной новорожденный в колонии появился на свет у глухой самки. Все детеныши у нее тоже гибли в младенчестве, поскольку она не различала те едва слышные сигналы, которыми малыши дают знать о себе и своем самочувствии – хорошем или плохом. Так, глухая самка может сесть на детеныша и раздавить, не услышав его отчаянного хныканья. И вот, чтобы предотвратить очередную потерю, а эта самка переживала каждую так же тяжело, как Кёйф, мы отважились забрать у нее новорожденную, получившую имя Розье («Розочка»), и отдать на попечение Кёйф. Но первые недели малышку нянчили мы сами, параллельно обучая Кёйф обращаться с бутылочкой. Наконец мы положили извивающегося детеныша на солому в спальне Кёйф.

Я научила шимпанзе Кэйф кормить ее приемную дочь Розье из бутылочки. Кэйф блестяще освоила этот способ кормления

Та не стала сразу подхватывать малышку на руки, а подошла к решетке, за которой мы со служительницей дожидались развития событий. Поцеловав нас обоих, Кёйф посматривала то на нас, то на Розье, словно спрашивая разрешения. Хватать чужих младенцев без спроса у шимпанзе не приветствуется. Мы замахали руками, показывая, что да, можно, бери скорее! В конце концов Кёйф послушалась и с этого момента вела себя как самая заботливая мать, которую только можно представить, полностью оправдав наши надежды. С кормлением она справлялась виртуозно и даже приноровилась делать то, чему мы ее не учили – убирать бутылочку, когда Розье требовалось срыгнуть.

С тех пор как мы отдали ей Розье, Кёйф при каждой встрече осыпала меня знаками любви и признательности. Она радовалась мне, будто дорогому родственнику, с которым давно не виделась, норовила схватить за обе руки и горестно причитала, когда я собирался уходить. Ни одна другая обезьяна в мире такого не делала. Научившись обращаться с бутылочкой, Кёйф получила возможность выкормить не только Розье, но и собственных детенышей. И за этот поворот в своей жизни она оставалась бесконечно нам благодарной, поэтому у спальной клетки Мамы и Кёйф меня всегда ждал самый теплый прием.

Необычным характером этих отношений объясняется и то, что при рассказе об этом я упоминаю целый спектр эмо-

ций – от печали и любви до признательности и преклонения, поскольку все это я переживал в процессе общения с ними. Как водится у людей и как рекомендовал Хебб применительно к обезьянам, мы часто описываем поведение через призму стоящих за ним эмоций. Однако в своих исследованиях я стараюсь воздерживаться от таких характеристик, поскольку из объективного анализа их поведения свои личные впечатления лучше исключить. Один из очевидных способов это сделать – документировать, как обезьяны ведут себя друг с другом, а не с нами. Поскольку основной темой моего исследования были политические взаимоотношения в колонии, сбором этих данных я в основном и занимался. Мой проект был посвящен иерархическому соперничеству между самцами, посреднической роли доминирующих самок (Мамы, в частности) и разным способам разрешения конфликтов.

Таким образом, огромное внимание я уделял социальной иерархии и власти – вопросам на удивление одиозным для 1970-х гг., когда были популярны идеи хиппи. В студенчестве мои ровесники были анархистами и рьяными демократами, не доверяли университетским властям (которых презрительно звали «мандаринами», как чиновников в Китайской империи), ревность считали пережитком и к любым амбициям относились с подозрением. Тогда как в колонии шимпанзе, за которой я наблюдал изо дня в день, с лихвой хватало всех этих «реакционных» тенденций – и борьбы за власть, и амбиций, и ревности.

Для патлатого юнца, вскормленного розовым сиропом из песен вроде Strawberry Fields Forever и Good Vibrations, это было время ошеломляющих жизненных открытий. При первом знакомстве со своими ближайшими родичами меня как человека потрясло наше сходство: через эту фазу – «Если это животное, кто же тогда я?» – проходит каждый приматолог. Однако потом мне, как истинному хиппи, пришлось обеспокоиться проблемами того самого поведения, которое мое поколение массово порицало, но которое было типичным у обезьян. В результате я не стал хуже думать о них, зато начал лучше понимать собственных соплеменников.

Помог мне в этом базовый инструмент любого наблюдателя – распознавание различных форм поведения. Я начал подмечать и подковерную борьбу за иерархические позиции, и формирование коалиций, и лизоблюдство, и политический оппортунизм – в собственном окружении. Причем не только у старших поколений. В протестующей студенческой среде тоже имелись альфа-самцы, борьба за власть, подпевалы и ревность. Собственно, чем «свободнее» становились связи, тем выше «зеленоглазое чудовище» поднимало свою безобразную голову. Наблюдения за обезьянами обеспечили мне взгляд со стороны, необходимый для объективного анализа таких паттернов поведения, которые – если знать, на что обращать внимание, – видны как на ладони. Студенческие вожаки осмеивали и изолировали потенциальных соперников, напропалую отбивали чужих подружек – и одновремен-

но проповедовали всеобщее равенство и терпимость. Между желаемым – светлым образом поколения, рисуемым пламенными политическими речами, – и действительностью лежала огромная пропасть. А мы ее отрицали!

Мама, по крайней мере, никого в заблуждение не вводила: у нее имелась власть, она этой властью пользовалась. Поначалу она даже доминировала над тремя взрослыми самцами, которых подселили в колонию на позднем этапе. Трое новеньких оказались в заведомо невыгодном положении, и завоевывать позиции в уже сложившейся иерархии им было нелегко. Мама строила всех по струнке, не стесняясь применять грубую силу. При этом она наносила даже больше увечий, чем доминирующие самцы в аналогичной ситуации – возможно, самке, чтобы удержаться у власти, приходится действовать жестче. Впоследствии самцы-новички достигли высоких рангов и тогда уже играли в привычные игры, борясь за власть между собой, а Мама осталась невероятно влиятельной предводительницей самок. Любому самцу, вознамерившемуся повысить статус, требовалось привлечь на свою сторону Маму, иначе все усилия шли прахом. Все они вычесывали Маму чаще, чем остальных самок, ласково тискали и щекотали ее маленькую дочку Моник (которая вела себя как избалованная принцесса) и не сопротивлялись, когда она вырывала у них еду прямо из рук. Самцы знали, что терять благосклонность Мамы нельзя.

Маме отлично давалось посредничество. Зачастую два со-

перничающих самца никак не могли помириться после стычки, хотя вроде были бы и не прочь это сделать. Они ходили друг вокруг друга, но сблизиться не решались. Зрительного контакта избегали. Стоило одному поднять глаза, другой тут же хватал травинку или прутик и принимался изучать с внезапно вспыхнувшим интересом. Прямо как двое повздоривших в баре, у которых не получается разойтись по-хорошему.

В такой ситуации Мама подсаживалась к одному из соперников и начинала его вычесывать. Потом неторопливо направлялась ко второму. Первый нередко шествовал за ней, держась почти вплотную за ее спиной, чтобы исключить зрительный контакт с соперником. Если первый не шел, Мама возвращалась и сама тянула его за руку за собой, то есть посредничество ее было намеренным. Посидев какое-то время между этими двумя, Мама вставала и удалялась, оставляя самцов вычесывать друг друга.

В других случаях к Маме неслись дерущиеся самцы, которые не могли сами прекратить затянувшуюся схватку. Тогда Маме приходилось вставать, словно рефери в боксе, между двумя здоровыми взрослыми шимпанзе, которые вопили друг на друга, но хотя бы уже не нападали. Если один все равно порывался сцапать другого, Мама тут же обращала неутомонного в бегство. После этого самцы обычно мирились – устраивая псевдосовокупление, целуясь и лаская гениталии друг друга, – а потом сбрасывали напряжение, го-

няя кого-нибудь из низкоранговых самцов.

Наиболее отчетливо роль Мама как непревзойденной примирительницы проявилась в одном драматичном происшествии. На вершине иерархии укрепился новоиспеченный альфа-самец Никки, но все его попытки доминировать встречали яростный отпор у остальных. Статус альфы вовсе не означает, что обладателю – тем более юнцу вроде Никки – теперь все позволено. В конце концов разгневанные обезьяны – включая Маму – погнали его толпой, с громкими воплями и лаем. Никки, тут же растеряв весь гонор, забрался высоко на дерево и сидел там один, охваченный паникой и верещал от ужаса. Все пути отступления были отрезаны. Когда он пытался спуститься, его тут же загоняли обратно.

Примерно через четверть часа на дерево неспешно вскарабкалась Мама. Она коснулась Никки рукой, поцеловала его и спустилась на землю – Никки следовал за ней по пятам. Вот теперь на него никто не накинулся, и Никки, явно еще не отошедший от пережитого, помирился с противниками.

Альфа-самцы редко пробиваются к вершинам власти самостоятельно, и Никки не был исключением. Занять верховную позицию ему помог самец постарше – Йерун, а значит, портить отношения с этим союзником Никки не стоило. Мама, судя по всему, этот расклад понимала, поскольку активно вмешалась, когда эти двое все-таки повздорили. Йерун собрался спариться с сексуально привлекательной самкой, но Никки немедленно вздыбил шерсть и начал раскачивать

верхнюю часть корпуса, предупреждая, что готов вмешаться. Йерун бросил ухаживания и с воплем помчался за Никки. И хотя доминировал в этой паре Никки, руки у него были связаны: лезть в драку с тем, кто возвел тебя на престол, себе дороже. Тогда, почуяв удачную возможность, их общий соперник – самец, которого они с престола спихнули, – принялся вышагивать вокруг с угрожающим видом. Вот в этот-то критический момент Мама взяла дело в свои руки. Направившись сначала к Никки, она вложила ему палец в рот – распространенный жест успокоения. Одновременно она нетерпеливым кивком подозвала Йеруна, протягивая ему вторую руку. Йерун приблизился и поцеловал ее в губы. Тогда Мама отступила в сторону, Йерун оказался лицом к лицу с Никки и обнял его. Помирившиеся самцы плечом к плечу двинулись на общего соперника, подчеркивая тем самым восстановление союза. После этого все успокоилось. Мама пресекла хаос в группе на корню, в буквальном смысле восстановив правящую коалицию.

В этом примере отражено явление, которое я называю «тройственное осознание», – умение разбираться в отношениях, куда мы лично не включены¹⁰. Многие животные явно в курсе, над кем доминируют они сами и кто составляет их непосредственную семью и друзей, но шимпанзе продвинулись еще дальше: они видят, кто над кем доминирует и кто

---

¹⁰ Эту ситуацию можно обозначить формулой: я знаю, что ты знаешь, что он знает. – *Прим. науч. ред.*

с кем дружит в их окружении. То есть особь А осведомлена не только о собственных взаимоотношениях с В и С, но и об отношениях между В и С. Ее осведомленность распространяется на весь треугольник. Соответственно, Мама наверняка осознавала степень зависимости Никки от Йеруна.

Тройственное осознание может распространяться и за пределы группы, о чем свидетельствует реакция Мама на директора зоопарка. Почти не контактируя с ним напрямую, она могла заметить, как начинают суетиться служители при его появлении, и уловить их почтительное к нему отношение. Человекообразные обезьяны считывают и усваивают информацию – как мы, когда выясняем, кто на ком женат или где чей ребенок. Экспериментаторы выясняли, как животные воспринимают свое социальное окружение, проигрывая им записи голосовых сигналов и демонстрируя видео. Эти исследования показывают, что тройное осознание свойственно не только человекообразным обезьянам – оно наблюдается и у других обезьян, а также, например, у врановых. Однако Мама достигла в этом величайших высот и обладала непревзойденным социальным чутьем. Ее главенство в колонии было обусловлено способностью поддерживать мир и улавливать политические хитросплетения – именно благодаря этой способности Мама восстанавливала распадающиеся союзы и гасила вспыхивающие конфликты.

Альфа-самка

История человечества знает множество альфа-самок – от Клеопатры до Ангелы Меркель. Но меня поразил самый обыкновенный житейский пример, попавшийся в изданной в 2016 г. автобиографии Брюса Спрингстина «Рожденный бежать» (Born to Run). Молодой гитарист Спрингстин мотался с группой The Castiles по третьесортным клубам Нью-Джерси, в том числе по таким, где тусовались подростки-гризеры – «бриолинщики» с напомаженными коками. Вот там, в компании девиц с начесами, музыканты и столкнулись с доминированием Кэти:

Приходишь, ставишь аппаратуру, начинаешь играть <...> а все как будто каменные, никто даже не шелохнется. И вот так где-то час – все напряженно оглядываются на Кэти. Потом вдруг случайно попадаешь на какую-то правильную песню, Кэти поднимается и начинает танцевать, как будто в трансе, и подружку за собой вытаскивает. Еще пара минут, и перед сценой яблоку негде упасть – вот теперь мы уходим в отрыв. Этот ритуал повторялся из раза в раз. Мы ей нравились. Постепенно мы вычислили ее любимые песни и зажигали по полной¹¹.

Хотя у людей иерархия бывает довольно явной, мы тем

---

¹¹ Bruce Springsteen (2016), p. 78.

не менее опознаем ее не всегда, а ученые зачастую делают вид, будто ее и вовсе не существует. На иных конференциях, посвященных поведению человеческих подростков, можно ни разу не услышать слова «власть» и «секс», хотя, в моем понимании, вся жизнь подростка только вокруг них и вертится. Когда я об этом заговариваю, все обычно кивают, думая: «Какой на удивление свежий взгляд у этих приматологов», – и вновь пускаются радостно обсуждать самооценку, внешний вид, управление эмоциями и склонность к риску. Между наблюдаемым человеческим поведением и новомодными психологическими конструктами социология всегда выбирает второе. И все же у подростков нет занятий более очевидных, чем исследование сексуальной сферы, проверка границ власти и стремление понять, как все устроено. Скажем, группа Спрингстина всеми силами пыталась угодить Кэти и завоевать ее симпатии, но при этом действовать приходилось с величайшей осторожностью. Поскольку на заднем плане маячили парни-гризеры, чрезмерное внимание девушек могло дорого обойтись музыкантам – «одно словцо, один слушок, один намек на что-то большее, чем дружба, и тебе не поздоровится».

Все как и положено приматам.

У шимпанзе самки-подростки тоже провоцируют конкуренцию среди самцов и добиваются покровительства. До подросткового возраста на них почти не обращают внимания: они присматривают за чужими малышами и играют с

ровесниками обоих полов, но до них никому нет дела. Однако стоит обозначиться первому едва заметному набуханию, и самцы уже не сводят с них глаз. Розовое вздутие на заду увеличивается с каждым менструальным циклом – а с ним и половая активность самки. Поначалу самкам-подросткам плохо удается привлекать самцов к спариванию и успех они имеют только у ровесников. Но чем крупнее становится набухание, тем больше они начинают интересовать старших самцов.

Любая юная самка быстро усваивает, какую выгоду из этого можно извлечь. В 1920-е гг. Роберт Йеркс, один из американских основоположников приматологии, проводил эксперименты в области «супружеских», как он их назвал, отношений у человекообразных обезьян (название неудачное, поскольку постоянные межполовые союзы шимпанзе не образуют). Бросая арахис самцу и самке, оказавшимся близко друг к другу, Йеркс установил, что набухание – это крупный козырь, дающий самке весомое преимущество перед остальными. Арахис неизменно забирали самки с набухшими гениталиями¹². В дикой природе самцы делятся охотничьей добычей именно с такими сексуально привлекательными самками. Собственно, само присутствие этих самок побуждает самцов охотиться активнее, поскольку удачная охота открывает перед ними широкие возможности для спаривания. Низкоранговый самец, поймавший маргышку, автоматиче-

---

¹² Robert Yerkes (1941).

ски становится магнитом для противоположного пола, получая шанс спариться в обмен на долю добычи – пока его не застукает кто-нибудь из самцов рангом повыше.

О готовности самки к спариванию свидетельствует похожее на розовый воздушный шарик вздутие у нее на задку — набухшая кожа внешних половых органов. Оно хорошо заметно и сразу привлекает внимание самцов. После первого же набухания самки-подростки сразу повышаются в статусе и познают преимущества сексуальной привлекательности.

Может показаться странным, что самцы шимпанзе находят набухание привлекательным, ведь большинству из нас на это ярко-розовое вздутие смотреть довольно противно. Но так ли в принципе отличается реакция самцов на набухание от привычной для человеческих мужчин реакции на женскую грудь? При этом соблазнительность мясистых выростов на передней части корпуса еще более загадочна, поскольку, в отличие от набухания у самок шимпанзе, они даже о готовности к оплодотворению не сигнализируют. Однако по мере увеличения размера груди – зачастую не без помощи приподнимающих грудь бюстгалтеров пуш-ап – девушка притягивает мужские взгляды все сильнее. Она познает могущество своего декольте, которое обеспечивает ей небывалую популярность у мужчин, а женщинам дает повод для зависти и злословия. Этот сложный период в жизни девушки, полный эмоциональных бурь и комплексов, отражает то же самое взаимодействие власти, секса и соперничества, через которое проходят самки-подростки у человекообразных обезьян.

Юная самка шимпанзе на собственном горьком опыте убеждается, насколько эфемерно покровительство самцов, существующее до тех пор, пока их привлекают ее прелести. Типичный пример накопления этого опыта продемонстрировали Мама и Ортъе, у которой как раз проходили первые менструальные циклы. Во время потасовки из-за еды Мама

шлепнула Ортье по спине. Ортье кинулась к альфа-самцу Никки и принялась верещать во всю глотку, закатывая совершенно несоразмерную полученному мягкому внушению истерику. Ортье даже указала на Маму обвиняющим перстом.

Но у Ортье имелось набухание, побуждавшее Никки весь день крутиться поблизости. Поэтому, вняв ее негодующим воплям, он вздыбил всю шерсть и промчался в шаге от Мама, альфа-самки. Мама этого так не оставила. С воплями и лаем она погналась за Никки. Однако до схватки дело не дошло, и через каких-нибудь пару минут Мама и Ортье уже посмотрели друг другу в глаза – издалека. Мама кивнула, Ортье тут же подбежала к ней, и они обнялись. Вроде бы все уладилось, тем более что с Никки Мама тоже помирилась.

Вечером шимпанзе, как обычно, загнали в помещение, где колония разделилась до утра на мелкие группки, но чуть погодя оттуда донесся шум – кому-то явно задали хорошую трепку. Оказывается, едва очутившись наедине с Ортье вне зоны досягаемости самцов, Мама сделала юной самке внушение гораздо более доходчивое. Прежнее примирение было просто игрой на публику и не означало, что инцидент исчерпан.

Периоды сексуальной привлекательности у юных самок, какими бы неожиданными привилегиями они ни сопровождались, кратковременны и преходящи, и как только набухание продемонстрирует кто-то из самок постарше, самцы сра-

зу теряют к подростку всякий интерес. Вроде бы это противоречит интуитивной логике, ведь мы привыкли, что мужчины предпочитают партнерш помоложе, однако у шимпанзе все иначе. У нашего вида тяга к молодым эволюционно оправдана, поскольку мы образуем пары – создаем устойчивые супружеские союзы. Молодые женщины одновременно и более доступны, и более ценны, ведь репродуктивный срок у них впереди еще долгий. Отсюда вечное стремление женщин выглядеть моложе за счет окраски волос, косметики, имплантов, подтяжки и тому подобного. Наши родичи обзьяны между тем долговременных союзов не создают, и самцов больше привлекают зрелые партнерши для спаривания. Если набухание обнаруживается одновременно у нескольких самок, самцы неизменно вождедеют тех, что постарше. Та же тенденция отмечается у шимпанзе в дикой природе. У них царит обратная возрастная дискриминация – преимущество определенно имеют партнерши заслуженные, уже родившие пару здоровых детенышей.

В результате Мама, через четыре года после рождения Моник снова явившая миру набухание, стала главной секс-бомбой колонии. Самцы – и стар и млад – собрались на брачные «переговоры». Не вступая в открытое состязание (хотя время от времени было и такое), они в основном вычесывали друг друга. В обмен на долгий сеанс вычесывания – в первую очередь альфа-самца – позволялось кому-нибудь одному без помех поухаживать за привлекательной самкой.

Внешне картина совершенно идиллическая: объект вожделения мирно сидит в сторонке и наблюдает, как толпа донжуанов вычесывает друг друга. Однако за внешним спокойствием бушуют скрытые страсти. Любой самец, который попытается подойти к Маме в обход протокола, получит гарантированную взбучку.

Больше всего в подобных сценах меня занимает очевидное умение самцов держать себя в руках. Мы привыкли считать животных существами эмоциональными, не имеющими наших механизмов самоконтроля. Некоторые философы утверждали даже, что именно способность сдерживать чувства, связанная с идеей свободы выбора, отличает наш вид от всех остальных. Но, как и многие другие притязания на человеческую уникальность, это глубочайшее заблуждение. Для живого существа нет стратегии менее адаптивной, чем слепо поддаваться порыву. Кому охота превращаться в неуправляемый снаряд? Если кошка будет, как одержимая, кидаться на грызуна, вместо того чтобы осторожно к нему подкрадываться, то никогда никого не поймает. Если бы Мама не дождалась подходящего момента, чтобы задать трепку Ортье, она ни за что не сумела бы подтвердить свой статус. Дайте самцам волю спариваться, когда им заблагорассудится, и разборки между соперниками будут бесконечными. А так им приходится умашивать вышестоящих и платить грумингом за право на спаривание либо искать обходные пути и устраивать тайные свидания за кустами – распространен-

ный прием, требующий содействия самки. Все это опирается на высокоразвитый самоконтроль, без которого невозможна жизнь в сообществе. О способности животных к самоконтролю не понаслышке знают берейторы и дрессировщики, работающие с собаками и морскими млекопитающими, ведь это, по сути, их хлеб.

Набухание внешних половых органов у самки может спровоцировать ожесточенное состязание между самцами, выраженное, как ни странно, не в потасовках, а в груминге. На так называемых переговорах самцы на глазах у самки лихорадочно перебирают шерсть друг друга. Подчиненные вычесывают тех, кто рангом выше, чтобы выторговать себе возможность беспрепятственно спариться. Самка (слева) терпеливо дожидается, пока самцы разберутся между собой

В одном японском зоопарке я видел устроенный для шимпанзе орехокольный «станок» – в вольере стоял тяжелый камень-наковальня с прикрепленным к нему на цепочке булыжником-молотком. Служители рассыпали по вольеру орехи макадамия, шимпанзе нагребали полные горсти – и руками, и ногами – и рассаживались около «станка». Макадамия – один из тех немногих орехов, которые шимпанзе не могут расколоть зубами, поэтому им и требуется наковальня. Первым за дело принимался альфа-самец, потом его место занимала альфа-самка и так далее. Остальные терпеливо дожидались своей очереди. Все предельно чинно и благородно, каждый рано или поздно получит доступ к наковальне. Но гарантия этого спокойствия – насилие: если кто-то попытается нарушить заведенный порядок, начнется свара. Хотя насилие здесь неявное, оно все же помогает дисциплинировать сообщество. Не так ли устроен и человеческий социум? Внешне все цивилизованно, однако залогом этой цивилизованности служит угроза наказания или другие меры принуждения. Так что и для человека, и для остальных животных нет программы действий глупее, чем идти на поводу у эмоций, не учитывая последствия.

Мама жила в сложном обществе и разбиралась в его устройстве лучше кого бы то ни было – включая меня, наблюдателя, человека, которому стоило немалых усилий распутывать все эти хитросплетения. Как Мама пробилась на вершину, до конца непонятно, но опыт изучения множества

других колоний шимпанзе, с которыми мне довелось познакомиться на протяжении научной карьеры, а также наблюдение за шимпанзе в дикой природе подсказывают, что ключевыми факторами здесь выступают возраст и характер. Самки шимпанзе редко устраивают борьбу за доминирование, иерархия выстраивается поразительно быстро. Когда в зоопарке собирают в одну колонию шимпанзе, прежде содержащихся в других местах, у самок ранговые позиции распределяются в два счета. Одна подходит к другой, та выражает подчинение – кланяется, учащенно похрюкивает, убирается с дороги, – и все, с этого момента первая доминирует над второй. Перетасовки бывают, но в очень редких случаях. У самцов все происходит совершенно по-другому: они либо начнут угрожать и демонстрировать силу, нарываясь на драку, либо выждут – и устроят драку через пару дней. В какой-то момент обязательно состоится выяснение, кто круче. И даже завоевав позиции, расслабляться все равно нельзя – тебе в любую минуту могут бросить вызов. Именно поэтому на вершине власти обычно оказываются самцы в расцвете сил – в возрасте от двадцати до тридцати лет. Они свергают оттуда старших, которые, побывав в зените могущества, ступень за ступенью спускаются по иерархической лестнице.

У самок же, наоборот, возраст дает иерархическое преимущество, и эта система закономерно более стабильна, чем у самцов. Статус альфы всегда принадлежит кому-то из старейших, хотя вокруг хватает тех, кто моложе и физически

покрепче. Они легко справятся с пожилой альфой в схватке, но физическая форма никакого отношения к статусу не имеет. Десятилетия исследований шимпанзе в дикой природе позволяют сделать вывод, что самки почти не борются за статус, а достигают его в порядке очереди. Если самка прожила достаточно долго, почтение ей обеспечено. Поскольку шимпанзе рассеяны по лесу и кормятся в основном в одиночку, высокий статус, наверное, не настолько выгоден самке, чтобы идти ради него на риск. Он не стоит тех усилий, которые тратят на его завоевание самцы¹³.

Самку, занимающую такую позицию, как у Мама, нередко называют матриархом, но термин этот неоднозначен. Например, матриарх у слонов – это самая старшая и крупная слониха, которая возглавляет стадо из других самок и молодняка, находящихся в большинстве своем в родстве между собой. У шимпанзе все иначе: Мама верховодила во вселенной гораздо более сложной, где остальные самки не были ее родственницами, зато имелись самцы с их неустанным иерархическим соперничеством. Однако самым примечательным в главенстве Мама был даже не верховный статус как таковой, а ее необычайная власть. Статус и власть – это далеко не одно и то же.

О высоте ранга мы судим по демонстрации подчинения, которое у шимпанзе выражается поклонами и учащенным похрюкиванием. Альфа-самцу достаточно просто пройтись,

---

¹³ Steffen Foerster et al. (2016).

остальные будут сами сбегаться к нему и буквально бухаться в ноги, похрюкивая с придыханием. Подчеркивая свой статус, альфа может проводить рукой над подчиненными, перепрыгивать через них или даже игнорировать приветствие, как будто ему все равно. Он окружен величайшим почтением. Мама удостоивалась таких церемоний реже, чем любой самец, но все же, время от времени, остальные самки уважение ей демонстрировали, тем самым утверждая в статусе альфа-самки. Все эти внешние признаки статуса отражают положение в формальной иерархии, как знаки различия на военной форме обозначают звание.

Власть – это совершенно иное. Это влияние, которое оказывает отдельная особь на процессы в сообществе. Это глубокий слой, скрытый за формальной структурой. У людей такой властью обладает, например, заслуженный секретарь генерального директора – помощница, которая регулирует доступ к начальству (будь то мужчина или женщина) и множество мелких решений принимает самостоятельно. Большинство из нас осознает ее величайшую власть и благоразумно старается наладить с ней отношения, хотя формально она – низшее звено в иерархии. Аналогичным образом результаты социального взаимодействия в группе шимпанзе зачастую зависят от особи, занимающей ключевую позицию в сплетении родственных уз и коалиционных союзов. Я уже приводил в пример Никки, новоиспеченного альфа-самца, который пользовался гораздо меньшим уважением, чем его

старший союзник – Йерун. Находясь на вершине иерархии, Никки обладал тем не менее довольно незначительной властью и регулярно сталкивался с неповиновением. А правили бал на самом деле Йерун и Мама – старейшие самец и самка в колонии. Пиетет перед ними был так силен, что послушаться их никто не смел. Благодаря налаженным связям и посредническому таланту Мама пользовалась огромным влиянием, и, хотя формально все взрослые самцы превосходили ее рангом, в трудную минуту они и нуждались в ней, и преклонялись перед ней.

Воля Мамы была законом для всей колонии.

Кончина и скорбь

Когда состояние Мамы ухудшилось до безнадежного, ее усыпили. Как ни горько, но иначе было нельзя. А потом зоопарк сделал то, что редко предусматривает протокол обращения с умершим животным: шимпанзе позволили подойти и прикоснуться к телу Мамы, оставленному в открытой спальной клетке. Все подходы снимались на видеокамеру.

Как показали эти записи, самки проявили более стойкий интерес, чем самцы. Те в основном ударяли раз-другой по трупу и пытались потаскать его по клетке. Такое грубое обращение может показаться неприемлемым, но мы наблюдали его и прежде: возможно, это попытка воскресить мертвого. Как удостовериться, что соплеменник и вправду скончался, если не проверить как следует его реакцию? Даже в больничном отделении экстренной помощи пациента признают мертвым, только если все реанимационные процедуры оказались безуспешными. Самки шимпанзе занимались примерно тем же, только не так грубо, как самцы, – поднимали руку или ногу и, отпустив, смотрели, как она безвольно падает; заглядывали в пасть (видимо, убеждаясь в отсутствии дыхания). Но, когда одна из самок попыталась поволочь тело, получила оплеуху от Гейши, Маминой приемной дочери. В отличие от остальных, Гейша находилась у тела неотлучно, не отвлекаясь ни на еду, ни на общение. Совсем

как люди во время бдения у гроба – старинного обряда, во время которого скорбящие несколько дней дежурили у тела усопшего. Может быть, этот обряд породила надежда на возвращение любимого человека к жизни, а может, наоборот, желание знать наверняка, что его не похоронят заживо.

Гейша – дочь Кёйф. Когда та умерла, Мама взяла Гейшу под свою опеку – вполне закономерно, учитывая, как близки были две старшие самки. И теперь, после смерти Мама, именно Гейша просидела рядом с ней дольше всех, даже дольше Маминой биологической дочери и внучки. Все самки подходили к мертвой Маме в абсолютном молчании, совершенно не свойственном шимпанзе, тыкались в ее тело носом, осматривали, ощупывали и понемногу вычесывали.

Еще они притащили откуда-то одеяло и оставили рядом с Мамой. Этот поступок истолковать труднее, но он напомнил мне о смерти другого шимпанзе.

Дело было на полевой станции Йеркса. Все еще популярный бывший альфа-самец по имени Амос начал задыхаться – он глотал воздух с частотой шестьдесят вдохов в минуту. По морде его катился пот. Только тогда мы увидели, что ему плохо, а до тех пор он, как и большинство самцов, скрывал недомогание до последнего. Самцы стараются не показывать слабость. Лишь через несколько дней, уже после смерти Амоса, мы обнаружили у него увеличение печени до невероятных размеров и множественные раковые образования. Поскольку выходить наружу с остальными он отказывался, мы

изолировали его и держали дверцу спальной клетки приоткрытой. Тогда к нему стала наведываться подруга, Дейзи, – просунув руку в щель, она ласково чесала Амосу чувствительные места за ушами. В очередной визит она притащила древесную стружку и начала охалками просовывать ее в клетку Амоса. Из этой стружки шимпанзе любят сооружать себе спальные гнезда. Несколько пригоршней Дейзи подпихнула Амосу под спину – между спиной и стенкой, на которую он опирался. Она словно понимала, что ему больно и хорошо бы устроить его поудобнее, точь-в-точь как мы, когда подкладываем подушки под спину больному.

Соответственно, даже не зная, как пресловутое одеяло оказалось рядом с телом Мамы, нельзя исключать вероятность, что кто-то пытался ее укутать, – ведь она была холодна как лед. Исследование реакции человекообразных обезьян и других животных на чужую смерть относится к области *танатологии*, название которой происходит от имени древнегреческого бога ненасильственной смерти Танатоса. Квалифицировать скорбь нелегко, однако в своей книге «Как скорбят животные» (How Animals Grieve, 2013) американский антрополог Барбара Кинг предлагает в качестве минимального критерия выраженное изменение поведения у тех, кто был близок к умершему: снижение аппетита, беспокойство, дежурство на том месте, где они виделись с умершим последний раз¹⁴. Если умирает детеныш, мать может не расставать-

---

¹⁴ Barbara King (2013).

ся со смердящим трупиком, пока он не разложится окончательно, – такое наблюдалось многократно. Одна шимпанзе в западноафриканском лесу таскала с собой тельце детеныша не меньше двадцати семи дней. Для приматов, которые носят потомство под брюхом или на спине, такая реакция вполне понятна, однако то же самое наблюдали и у дельфинов. Самка дельфина способна не один день поддерживать на плаву тело скончавшегося дельфиненка¹⁵.

У тех, кто не был тесно связан с умершим, нет оснований реагировать на его кончину. Многие домашние питомцы, например, почти не замечают, что в доме кто-то умер. Для скорби требуется привязанность. Чем теснее связь, тем сильнее реакция на ее разрыв. Это относится ко всем млекопитающим и птицам, включая врановых. Когда из пары моих галок куда-то пропала самка, самец изо дня в день звал ее, непрестанно выискивая в небе. Когда она все же не вернулась, он умолк и через несколько дней умер. Тогда настала моя очередь горевать по обеим птицам, которые подарили мне так много тепла и любви и заставили убедиться, что в области чувств пернатые не уступают млекопитающим.

Зная, как известный австрийский этолог Конрад Лоренц идеализирует супружескую верность своих гусей, предположительно создающих пару на всю жизнь, его ученица, указывая на замеченные ею случаи измен у этих птиц, постаралась смягчить удар, сказав, что «зато совсем как у людей». Для

---

¹⁵ James Anderson et al. (2010), Dora Biro et al. (2010).

птиц моногамия (образование стойких супружеских пар) более характерна, чем для млекопитающих. Среди приматов, в частности, моногамных видов насчитывается очень мало, да и у человека истинная моногамия под вопросом. Однако чувства, сопутствующие брачным отношениям, могут почти не отличаться у разных видов, поскольку у всех млекопитающих они замешаны на окситоцине. Этот древний нейропептид выделяется в кровь гипофизом во время секса, вскармливания и родов (в родильных отделениях его вводят роженицам для стимуляции схваток), но вместе с тем он служит укреплению эмоциональных связей между взрослыми. У влюбленных в начале отношений уровень окситоцина в крови выше, чем у одиночек, и он останется высоким, если пара не распадется. Помимо прочего, окситоцин защищает моногамную пару от интрижек на стороне. Получив в ходе экспериментов этот гормон в составе спрея для носа, женатые мужчины начинали чувствовать себя неудобно в обществе привлекательных женщин и предпочитали держаться от них подальше¹⁶.

Даже если не брать в расчет романтическую любовь, считая ее исключительно человеческой прерогативой, невозможно не отметить поразительное сходство между нами и другими видами в области нейрогуморального обеспечения брачных отношений. Нейробиолог Ларри Янг, мой коллега по Университету Эмори, известен исследованиями двух ви-

---

¹⁶ Inna Schneiderman et al. (2012), Dirk Scheele et al. (2012).

дов полевок. Луговая полевка полигамна и спаривается беспорядочно, в то время как внешне почти не отличающаяся от нее желтобрюхая полевка образует моногамные пары, в которых самка и самец спариваются исключительно друг с другом и вместе выращивают потомство. У этих полевок в подкрепляющей системе мозга содержится намного больше рецепторов окситоцина, чем у полевок луговых. В результате спаривание вызывает у них глубоко положительные ассоциации, формирующие привязанность к данному партнеру. Окситоцин гарантирует укрепление уз. В случае потери партнера у представителей этого вида полевок отмечаются химические изменения в мозге, указывающие на стресс и апатию. Кроме того, они перестают сопротивляться опасности, им как будто становится все равно, жить или умереть. Судя по всему, даже этим крошечным грызунам введома горечь утраты¹⁷.

Американский зоолог Патриция Макконнелл рассказывает о реакции ее собаки Лесси на смерть своего лучшего друга Люка. Собаки обожали друг друга и были неразлучны. После кончины Люка Лесси весь день пролежала в комнате рядом с его телом, глядя полными скорби глазами из-под наморщенного лба. Наутро она впала в детство – кружилась на месте, лизала и сосала игрушки, словно щенок, еще не отлученный от матери. Макконнелл пришла к выводу, что Лесси осознала необратимость своей утраты, иначе откуда такая

---

¹⁷ Larry Young & Brian Alexander (2012), Oliver Bosch et al. (2009).

резкая смена настроения?¹⁸

Насколько мы можем судить, если не все, то хотя бы некоторые животные понимают, что умерший товарищ больше не поднимется. Когда взрослый самец шимпанзе упал с дерева и сломал шею, дикая самка-подросток целый час не сводила с него взгляда – сидела не шелохнувшись, не трогаясь с места, пока самцы, нервно скаля зубы, заключали друг друга в объятия¹⁹. Если бы обезьяны считали состояние погибшего соплеменника временным, не было бы оснований для такой драматичной реакции. Более того, осознание его гибели как необратимой подразумевает умение прогнозировать. У нас имеется немало свидетельств ориентированности приматов на будущее, выражающейся в планировании дальних переходов или подготовке орудий для определенной задачи, но мы редко рассматриваем предвидение применительно к жизни и смерти. По очевидным причинам, экспериментальным путем это предвидение исследовать не получается. Если осведомленность о неизбежности собственной кончины мы называем *осознанием смертности* (которое мы не находим ни у каких других видов, кроме нашего), то возникшее у Лесси понимание, что Люк не вернется, можно назвать *осознанием необратимости утраты*. От осознания смертности оно отличается тем, что направлено не на себя, а на другого.

Схожих историй о переживании утраты мы знаем нема-

---

¹⁸ Patricia McConnell (2005), p. 253.

¹⁹ Geza Teleki (1973).2. ОТРАЖЕНИЕ ДУШИ

ло – и про кошек в том числе, и, разумеется, о тоске питомца по умершему хозяину. Известны случаи, когда пес годами жил на могиле близкого человека или каждый день приходил на станцию, где привык встречать его с работы. Я побывал в Эдинбурге и Токио у памятников, увековечивших невероятную преданность Бобби и Хатико своим хозяевам. Возможно, такая же посмертная привязанность движет и другими животными. Слоны собирают хоботом кости и бивни своего погибшего собрата и передают друг другу. Иногда они могут годами возвращаться на место смерти родственника лишь для того, чтобы перебрать останки.

Совсем другое проявление осознания необратимости мы наблюдали в африканском заповеднике через день после появления там ядовитой габонской гадюки. Перепуганные бонобо сперва отскакивали, стоило змее пошевелиться, потом какое-то время осторожно тыкали ее палкой, пока наконец альфа-самка не схватила гадюку и, взметнув высоко в воздух, не ударила с размаху о землю. Судя по поведению соплеменников, видевших эту расправу, никто не допускал, что змея могла остаться в живых. Убита – значит убита. Подроски радостно волочили ее мертвое тело по земле как веревку, наматывали на шею и даже открывали ей пасть, чтобы потрогать огромные зубы. Бонобо совершенно определенно воспринимали гибель гадюки как необратимую.

В колониях нам редко доводится застать момент смерти кого-то из обезьян, но в зоопарке Бюргерса получилось

именно так – когда Ортье в буквальном смысле упала замертво. Она принадлежала к числу моих любимиц, вечно жизнерадостная и беззаботная. Однако у нее начался кашель, с которым назначенные антибиотики справиться не могли. Ей становилось все хуже. И вот Кёйф, стоя вплотную к Ортье, какое-то время пристально смотрела ей в глаза, а потом ни с того ни с сего разразилась истерическими воплями и начала судорожно хлестать себя руками, как делают шимпанзе, когда сильно расстроены. Ее явно огорчило то, что она разглядела в глазах Ортье. Сама Ортье, до этого момента молчавшая, слабо взвизгнула в ответ. Она попыталась лечь, свалилась с бревна, на котором сидела, и больше не шелохнулась. Еще одна самка в соседнем помещении заверещала так же, как Кёйф, хотя ей оттуда точно не видно было, что происходит. После этого все двадцать пять шимпанзе резко умолкли. Служитель, разогнав остальных обезьян, попытался реанимировать Ортье искусственным дыханием изо рта в рот, но безуспешно. Вскрытие выявило у Ортье инфекционное поражение сердца и органов брюшной полости.

Приматы, как было и после кончины Мамы, обращаются с покойным почти так же, как мы, когда укладываем тело, обмываем, умащаем маслами, расчесываем, приводим в порядок, прежде чем расстаться с ним навсегда. Правда, человек заходит чуть дальше, совершая погребение покойного и снабжая его тем, что может пригодиться ему в последнем пути. Древние египтяне закладывали в гробницы фараонов и

яства, и сосуды с вином, и мумии охотничьих собак и ручных павианов, и даже целые корабли. Человек часто пытается облегчить горечь утраты и смягчить ужас осознания собственной бренности, представляя смерть как переход в иную жизнь. У других животных мы этого примечательного психического новшества не наблюдаем.

Полемика по поводу этих различий разгорелась, когда в 2015 г. в недрах южноафриканской пещеры были обнаружены ископаемые остатки *Homo naledi*, нашего первобытного родственника. Строением таза он напоминает австралопитеков, однако ступни и зубы у него типично человеческие. Скорее всего, *Homo naledi* принадлежит к одному из десятков боковых побегов на нашем необъятном родословном древе, но палеонтологам такие версии не нравятся. Им непременно хочется поместить свою находку на ту крошечную веточку, которая ведет к нам, даже если шансы на подтверждение этой гипотезы ничтожны. Зато можно громогласно заявлять, что найден очередной предок человека. Но как выдвинуть на эту роль *Homo naledi*, если объем мозга у него не превышал обезьяний? Найдя его ископаемые остатки в почти недоступной части той же самой пещерной системы, ученые решили, что доказательство, наконец, получено – ведь останки могли поместить туда только намеренно. И лишь человек, заявляли палеонтологи, будет заботиться о погребении покойного. Это предположение было беспочвенным и выдавало полную неосведомленность о том, как обращаются с умершими

остальные животные.

Поскольку шимпанзе и прочие приматы долго на одном месте не задерживаются, хоронить или укрывать своих мертвецов им незачем. Если бы они вели оседлый образ жизни, то, несомненно, заметили бы, что трупы привлекают падальщиков – в том числе опасных хищников вроде гиен. И высшим обезьянам совершенно точно хватило бы ума справиться с этой напастью, научившись прятать смердящие останки или убирать с глаз долой. Вряд ли для этого требуется вера в загробную жизнь. Именно такой практической необходимостью могли руководствоваться и *Homo naledi*. В данный момент нам просто неизвестно, погребали они мертвецов трепетно и заботливо или бесцеремонно сваливали останки в дальнюю пещеру, чтобы избавиться от них. Или даже хуже – где гарантия, что останки в момент попадания в эту труднодоступную пещеру уже были останками?

Забавно, что слово *naledi* (в языках группы сото-тсвана означающее «звезда») выглядит анаграммой английского слова *denial* («отрицание»). Первооткрыватели останков усиленно упирали на сходство их с человеческими, при этом наотрез отказываясь признавать, сколько общего было у наших предков с человекообразными обезьянами. Человек отделился от обезьян примерно тогда же, когда разошлись эволюционные пути африканского и индийского слонов, и генетическое сходство или различие в этих парах примерно одинаковое. Тем не менее вторую пару мы зовем общим словом

«слоны», а для первой упорно ищем ту самую точку перехода от обезьяны к человеку. У нас даже особые термины для этого имеются – «гоминизация» и «антропогенез». Само существование такой точки перехода – распространенное заблуждение. Это все равно что пытаться провести в световом спектре четкую границу между оранжевым цветом и красным. Наша жажда конкретики не уживается с привычкой эволюции к плавности и постепенности.

Пока неизвестно, насколько распространено у животных осознание конечности жизни и насколько оно зависит от способности проецировать свои действия в будущее. Но представители по крайней мере нескольких видов, убедившись посредством обоняния, осязания и безуспешных попыток реанимации, что их близкий действительно мертв, сознают, судя по всему, что отношения с ним теперь навсегда остались в прошлом. Как они приходят к осознанию этого – загадка. По опыту? Или интуитивно ощущают смерть как часть бытия? Самое время вспомнить о том, что все эмоции замешаны на знании – без него они просто не возникнут. Когда животное проделывает что-то интересное, когнитивисты иногда говорят: «Это просто эмоции», но эмоции не бывают простыми и неразрывно связаны с восприятием ситуации. Скорбь, в частности, представляет собой переживание гораздо более сложное, чем следует из применяемого к нему термина «эмоция». Это печальная обратная сторона формирования социальных связей – утрата близкого. Некоторых жи-

вотных она ранит так же глубоко, как и нас, в силу общности нейрогуморальных процессов – например, наличие окситоциновой системы, – и, возможно, схожих представлений о жизни и ее хрупкости.

Для меня приезды в колонию зоопарка Бюргерса теперь никогда не будут прежними. Смерть Мама стала огромной потерей и для шимпанзе, и для Яна, и для меня, и для других ее человеческих друзей. Мама была душой колонии. Жизнь, конечно, продолжается, но каждый из живущих неповторим, и другого такого уже не будет. Вряд ли когда-нибудь мне доведется встретить среди обезьян личность настолько впечатляющую и вдохновляющую, как Мама.

2. Отражение души

Смех и улыбка

Щекотать детеныша шимпанзе – это примерно как щекотать ребенка. Чувствительные к щекотке места у обезьян те же, что и у нас – подмышки, бока, живот. Шимпанзенок широко раскрывает рот, не задирая верхнюю губу, и шумно пыхтит – «ух-ух-ух» – в знакомом нам ритме человеческого смеха. Сходство настолько потрясающее, что щекочущему тоже трудно не расхохотаться.

Ведет себя детеныш шимпанзе при этом так же противоречиво, как человеческий ребенок. Отталкивает вашу руку, защищая щекотные места, извивается, уворачивается, но стоит вам прекратить, и он требует еще, с готовностью подставляя животик. Теперь можно даже не щекотать, достаточно просто протянуть к нему палец, и детеныш все равно зальется радостным смехом.

Смехом? Стоп, минуточку! Истинный ученый должен избегать любого антропоморфизма, не зря коллеги-ретрограды часто требуют, чтобы мы сменили терминологию. Почему не назвать обезьянью реакцию как-нибудь нейтрально – скажем, вокализированным пыхтением? От осторожничающих коллег я слышал, например, о «смехоподобном» поведении. Тогда уж точно никакой путаницы между людьми и

животными не возникнет.

Термин «антропоморфизм», означающий «человекообразие», восходит к греческому философу Ксенофану, который в V в. до н. э. возмущался уподоблением богов людям в поэмах Гомера. Высмеивая этот подход, он говорил: «Будь у лошадей руки, чтобы рисовать, они бы изображали своих богов лошадьми». Сейчас антропоморфизм трактуется шире. Как правило, за него ругают, когда хотят пресечь приписывание человеческих черт другим видам животных. У животных нет никакого «секса», есть половое поведение. У них не бывает «друзей», существуют только предпочитаемые партнеры по группе. А учитывая, как носится наш вид с идеей своей интеллектуальной исключительности, неудивительно, что в когнитивистике эти изъятия или замены терминов насаждаются еще активнее. Сводя любые действия животных к инстинктам и простому научению, мы удерживаем на пьедестале человеческие познавательные способности. Высказавший иную точку зрения превращается в мишень для насмешек.

Чтобы разобраться, откуда идет это неприятие, нужно вспомнить другого древнего грека – Аристотеля. Великий философ расставил всех живых существ на вертикальной *scala naturae* («лестнице природы»), на верхнюю ступень которой, ближайшую к богам, помещался человек, ниже располагались млекопитающие, а у самого подножия – птицы, рыбы, насекомые и моллюски. Сравнить разные ступени этой обширной лестницы было излюбленным занятием нату-

ралистов, однако единственное, чему нас эти сравнения научили, – мерить другие виды по человеческим стандартам.

Но велика ли вероятность, что все несметное богатство и разнообразие природы скроено по одному лекалу? Не логичнее ли каждому животному иметь свою психическую жизнь, свои особенности разума и эмоций, адаптированные к его собственному сознанию и его собственной истории развития? Как может психическая жизнь рыбы и птицы быть одинаковой? Или возьмем, например, хищника и жертву. У хищника явно совсем иной эмоциональный арсенал, чем у тех видов, которые вынуждены озираться на каждом шагу. Хищники излучают хладнокровную уверенность (за исключением тех случаев, когда они встречаются достойного соперника), а жертвы испытывают пятьдесят оттенков страха. Они живут в постоянном напряжении, вздрагивают от каждого шороха, каждого запаха, каждой тени. Вот почему конь может умчаться в панике, а собака – нет. Наши предки лазили по деревьям и собирали плоды (поэтому у нас фронтальное расположение глаз, цветное зрение и хватательная рука), но благодаря нашим размерам и особым умениям мы держимся с уверенностью клыкастых и когтистых. Возможно, именно поэтому мы так хорошо ладим с нашими домашними пушистыми хищниками.

В колледже у меня была черно-белая кошка Плекси. Где-то раз в месяц я отвозил ее на велосипеде – в сумке, из которой наружу торчала только голова, – в гости к ее лучшему

другу, коротколапому песику, с которым она привыкла играть еще котенком. Они носились вверх-вниз по лестницам в большом студенческом доме и наскакивали друг на друга из-за каждого угла, заражая всех своим буйным весельем. Так они могли куролесить часами, пока, наконец, не плюхались на пол в изнеможении. Собаки и кошки часто находят общий язык, потому что им одинаково нравится преследовать и хватать движущийся объект. Кроме того, они млекопитающие, и это сближает их не только между собой, но и с нами. Мы распознаём их эмоции, они распознают наши. Именно из-за этой эмпатической связи нам из домашних питомцев милее всего кошки (около 600 млн по всему миру) и собаки (500 млн), а не игуаны, допустим, и рыбки. Однако эта же связь побуждает нас проецировать на животных собственные чувства и ощущения, зачастую бездумно.

Мы можем сказать, что собака «гордится» полученной на выставке медалью, а кошка, промахнувшаяся в прыжке, озирается «в растерянности». Мы ездим в пляжные отели поплавать с дельфинами, ни на секунду не сомневаясь, что им это нравится так же, как и нам. Сколько людей готовы поверить, будто покойную гориллу Коко из Калифорнии, владевшую языком жестов, беспокоила проблема глобального потепления или что у шимпанзе есть своя религия. Когда я слышу подобные речи, мышцы-корругаторы²⁰ сводят мои

---

²⁰ Корругатор (горизонтальная мышца, сморщивающая бровь) образует между бровями вертикальные морщины. – *Прим. ред.*

брови к переносице, и я требую доказательств. Безосновательное очеловечивание никакой пользы не несет. Да, у дельфинов улыбочивый вид, но это всего лишь особенности строения челюсти, и об истинных ощущениях такая «улыбка» ничего не говорит. А пес, возможно, любит носить наградную медаль, потому что с ней ему обеспечено внимание и всякие вкусности.

Зато когда опытные полевые исследователи, изо дня в день наблюдающие за обезьянами в тропическом лесу, рассказывают мне о том, как шимпанзе заботятся о раненой товарке, приносят ей пищу и замедляют темп при переходах, я не против порассуждать об эмпатии. И, узнавая от тех же исследователей, что взрослые самцы-орангутаны возвещают с макушек деревьев, в каком направлении они наутро намерены двигаться, я допущу наличие у них способности к планированию. Когда предположения опираются на данные контролируемых экспериментов, домыслами их уже не назовешь. Но даже в этих случаях обвинения в антропоморфизме сыплются градом.

Неприятие антропоморфизма проистекает из нашей уверенности в собственной исключительности – стремления поставить человека особняком и отрицать в нем животные черты. Это стремление по-прежнему распространено в гуманитарных науках и во многих общественных, которые развиваются за счет представления о том, что наличием разума человек обязан лишь самому себе. Однако мне лично отри-

цание сходства между человеком и другими животными кажется большей проблемой, чем признание. Отказ признавать это сходство я называю антропоотрицанием. И оно ощутимо мешает нам объективно оценивать самих себя как вид. Основные структуры нашего мозга точно такие же, как у других млекопитающих: никаких новых отделов у нас нет, и используем мы все те же старые проверенные нейротрансмиттеры. Если бы устройство мозга у разных видов не было настолько однотипным, мы не надеялись бы найти лекарство от человеческих фобий, изучая миндалевидное тело у крыс. По данным нейровизуального исследования, у собак, специально ради этого выдрессированных лежать неподвижно в аппарате МРТ, предвкушение награды вызывает активность в хвостатом ядре – той же области мозга, которая «вспыхивает» у бизнесмена, предвкушающего дополнительные дивиденды. Мы вскрываем «черный ящик» психических процессов, внутрь которого не могли проникнуть ученые предыдущего поколения, и обнаруживаем там общую для всех видов основу. Современная нейробиология начисто исключает прежнее резкое разграничение человека и животных²¹.

Это не значит, что планирование у орангутанов находится на том же уровне, что у моих студентов, готовящихся к объявленной мной контрольной, однако фундаментальная преемственность между этими процессами существует. Еще бóльшая преемственность прослеживается в эмоциональных

---

²¹ Gregory Berns et al. (2013).

особенностях. Поскольку эмоции мы считываем зачастую интуитивно, преемственность эту трудно объяснить, опираясь лишь на фактические данные и гипотезы. Зато здесь нам помогает тесное общение с животными – как общаются изо дня в день со своими питомцами их хозяева. Отсюда моя простая и ненаучная рекомендация любому ученому, сомневающемуся насчет глубины эмоций у животных: пусть заведет собаку.

Антропоморфизм вовсе не так вреден, как может показаться. По отношению к человекообразным обезьянам он, по сути, логичен и диктуется самой эволюционной теорией, согласно которой они относятся к «антропоидам», что означает «подобные человеку». Этим термином мы обязаны Карлу Линнею, шведскому биологу XVII в., который строил свою классификацию на анатомии, но с таким же успехом мог положить в основу и поведение. Самый экономный и неприятельский подход: если два родственных вида в схожих обстоятельствах ведут себя одинаково, значит, мотивация у них тоже наверняка одинаковая. Если нам ничто не мешает так рассуждать, сравнивая лошадей и зебр или волков и собак, почему для человека и человекообразных обезьян правила должны быть иными?

К счастью, времена меняются. Естественные науки навсегда размыли прочерченную в западной культуре и религии границу между человеком и животными. Сегодня мы часто идем от противного: предполагаем преемственность и пере-

кладываем бремя доказательств на тех, кто отстаивает существование разрыва. Пусть они нас в этом и убеждают. Любому, кто возьмется доказывать, будто детеныш обезьяны, захлебываясь во время щекотки хриплым смехом, чувствует нечто принципиально иное, нежели хохочущий от щекотки человеческий ребенок, придется здорово попотеть.

Все написано на лице

Много лет назад мы с Яном ван Хоффом побывали в Нидерландах на семинаре Пола Экмана и его последователей. Американского психолога принимали у нас с почестями – тогда он еще не достиг грядущих вершин славы, но его исследования человеческой мимики уже вызвали резонанс. Экман разработал систему кодирования лицевых движений (FACS/СКЛид) – комплексный инструмент для классификации выражений лица человека в соответствии с отслеживаемыми сокращениями всех лицевых мышц, вплоть до самых мелких. В нашей мимике участвует и крошечная мышца у внутреннего края глазницы, латинское название которой означает «сморщивающая бровь», и крупные мышцы щек, которые тянут вверх уголки губ, когда мы улыбаемся. Экман мог лично продемонстрировать практически любую комбинацию – мимической мускулатурой он управлял виртуозно. Он без труда проделывал едва уловимые движения, и симметричные, и асимметричные, передавая тончайшие эмоциональные переходы. Вот он сердится, а вот скрывает недовольство за широкой улыбкой, а теперь одновременно польщен и обеспокоен. Он мог выдать целую гамму сложнейших эмоций по заказу – только называйте. По его лицу было четко видно, что едва заметная складка между бровей – это одна эмоция, а наморщенный нос – совершенно другая. Однако

нас восхищала не только эта мимическая эквилибристика, но и редкий в то время для психолога эволюционный подход.

Я говорю «эквилибристика», потому что работал Экман, несомненно, главным образом с движением и формой. Нам, людям, ничего не стоит соорудить сердитую мину, когда на самом деле мы ничуть не сердимся. Мы способны – в разумных пределах – управлять своей мимикой. Я очень долго считал, что другие приматы такой способности лишены, пока не начал изучать бонобо в зоопарке Сан-Диего. Там я оказался в ситуации, которая теперь, по прошествии времени, выглядит довольно забавной.

Я взялся документировать весь поведенческий репертуар бонобо – все звуковые сигналы, мимику, жесты, позы, – чего прежде никто не делал. Но после каждого сеанса наблюдений за группой молодняка в просторном зеленом вольере мой список выражений лица удлинялся и удлинялся, уходя куда-то в бесконечность. Выражения встречались одно причудливее другого и никак не совпадали с подмеченными ранее. Через какое-то время до меня дошло, что самые необычные выражения всегда возникают в ситуациях несоциального характера и за ними не следует никаких поступков вроде спаривания или агрессии, выдающих скрытые за мимикой эмоции. Вот сидит юный бонобо, уставившись в пространство, а потом вдруг устраивает целую пантомиму: щеки втянуты, верхняя губа выпячена, челюсти работают в ускоренном темпе. Иногда подключается рука – например, чтобы от-

тянуть губу вбок или, обвинив голову сзади, сунуть палец в рот «с противоположной» стороны.

Я догадался, что бонобо просто забавляются, корча гримасы, которые совершенно ничего не значат, однако эти ужимки говорили о великолепном владении мимической мускулатурой. В таком случае что мешает животному, способному корчить физиономии ради забавы, соорудить нужную мину ради манипуляции? На этот вопрос еще предстоит ответить, но пока обезьяний молодняк ясно дал мне понять, насколько нелепа одержимость науки классификациями. А я, осознав, в чем смысл этого лицедейства, уже не мог отделаться от ощущения, что бонобо иногда мне подмигивают.

Нам с Яном импонировал подход Экмана с его упором на внешние проявления. Мы изучаем поведение животных с биологической точки зрения, основное внимание уделяя сигналам, их выражению и их воздействию на окружающих. Собственно, ни о чем другом нам очень долго просто не позволяли говорить! Яну поступила настоящая персональная рекомендация (ни много ни мало от нобелевского лауреата, зоолога Нико Тинбергена) в исследовании мимических выражений у приматов не касаться внутренних состояний. Зачем упоминать эмоции, если можно спокойно без этого обойтись? У Тинбергена смеющееся или «игровое» выражение лица у шимпанзе описывается как «расслабленное с открытым ртом», а ухмылка или улыбка зовется «оскалом без вокализации». Экман в рамках своей классификации делал

то же самое, но при этом никогда и нигде не отрицал, что анализирует именно эмоции. Он не стеснялся отсылок к внутренним состояниям, да и в принципе считал, что в мимике нельзя разобраться, не учитывая стоящие за ней эмоции. Эмоции редко удерживаются внутри, утверждал Экман, ведь «один из главных отличительных признаков эмоции заключается в том, что ее, как правило, не получается утаить: нам видны и слышны ее проявления»²².

Ну, разумеется, Экман мог без опаски ссылаться на эмоции, подумаете вы, он-то занимался нашим собственным биологическим видом. Но, к сожалению, в науке иногда вспыхивают совершенно загадочные баталии, которые по прошествии времени вызывают у нас лишь недоумение, если вообще вспоминаются. Именно так вышло с изучением человеческой мимики, которая либо считалась чем-то банальным и не стоящим внимания, либо впечатляла такой непохожестью у разных народов, что ее предпочитали относить к культурным особенностям. Попытки увязать мимику с биологией, как у Экмана, были заранее обречены на провал. Однако все изменилось, когда Экман пообщался с самым ярким оппозиционером – антропологом, утверждавшим, что человеческие эмоции и их проявления бесконечно пластичны. Не сомневаясь, что у антрополога имеется обширная картотека с полевыми заметками и тонны кино- и фотоматериалов, запечатлевших язык человеческого тела, Экман попросил раз-

---

²² Paul Ekman (1998), p. 373.

решения взглянуть на архивы. К его величайшему изумлению, оказалось, что никаких архивов нет. Антрополог уверял, что все данные у него в голове. И куда это годится? Верифицируемые данные – фундамент науки. Выходит, замок культурной обусловленности выстроен на песке?

Экман провел серию контролируемых экспериментов, в которых представителям двадцати с лишним народов демонстрировались изображения лиц, выражающих те или иные эмоции. Все испытуемые были почти единогласны в интерпретации предъявленной мимики, практически без разночтений опознавая гнев, страх, радость и так далее. Получалось, что смех – он везде и всюду смех. Но Экману не давало покоя альтернативное объяснение: что если люди просто посмотрелись популярных голливудских фильмов и телесериалов? Что если единодушие – это просто влияние массовой культуры? Тогда он отправился в один из самых уединенных уголков планеты и провел свое исследование в племени Папуа – Новой Гвинеи, не знающем письменности. Там не только о Джоне Уэйне и Мэрилин Монро слухом не слышали, там вообще не подозревали о существовании телевидения и журналов. Тем не менее испытуемые правильно опознали эмоции на большинстве предъявленных Экманом изображений и, в свою очередь, не явили никаких необычных, незнакомых нам выражений на сотне тысяч футов киноплёнки, запечатлевшей их повседневную жизнь. Данные, полученные Экманом, говорили в пользу универсальности

эмоций настолько убедительно, что навсегда изменили наше представление и о самих эмоциях, и об их выражении. Сегодня мы считаем их обусловленными природой человека, а не культурой²³.

И все же нельзя забывать, насколько результаты этих исследований зависят от языка. Мы сравниваем не только выражения лиц и их оценку, но и сами обозначения эмоций. Поскольку эмоциональный словарь в каждом языке свой, все по-прежнему упирается в перевод. Единственный выход – наблюдать, как эти обозначения используются в жизни. И если мимика действительно формируется под влиянием окружения, то рожденные слепоглухими либо не должны выражать эмоции мимикой вовсе, либо выражения лица у них должны быть своеобразными, ни на что не похожими, ведь лиц окружающих они не видят. Однако в исследованиях такие дети улыбаются, смеются и плачут точно так же и точно в таких же обстоятельствах, как любой нормальный ребенок. И, поскольку в их ситуации имитационное научение невозможно, стоит ли сомневаться, что выражение эмоций с помощью мимики – это биологическая составляющая нашего вида?²⁴

Тут мы возвращаемся к позиции, изложенной Чарльзом Дарвином в его труде «О выражении эмоций у человека и животных» (The Expression of the Emotions in Man and

---

²³ Paul Ekman and Wallace Friesen (1971).

²⁴ Irenäus Eibl-Eibesfeldt (1973).

Animals, 1872). Дарвин подчеркивал, что мимические выражения – это часть эмоционального репертуара нашего вида, указывал на их сходство с мимикой человекообразных и других обезьян, позволяющее предположить идентичность эмоций у всех приматов. Это был фундаментальный труд, признанный сегодня всеми исследователями в данной области. В то же время это единственная из всех крупных дарвиновских работ, которая, получив поначалу заслуженную славу, была вскоре забыта, и почти целый век к ней никто не обращался. Почему? Потому что ретрограды от науки сочли манеру изложения Дарвина чересчур вольной и антропоморфической. Их смущало, что кошка, которая трется о ноги хозяйина, находится «в ласковом настроении», шимпанзе оттопыривают губы «в угрюмом настроении или когда разочарованы», а «коровы смешно закидывают хвосты, когда скачут от удовольствия»²⁵. Что за нелепость? А уж предполагать, будто наши благородные переживания мы выражаем теми же самыми движениями лицевых мышц, что и «низшие» животные, – это уже откровенное оскорбление.

Однако сходство не было абсолютным, Дарвин замечал и исключения. Краснеть и хмуриться, как он думал, способен только человек. Насчет первого он был абсолютно прав. Я не знаю других приматов, у которых наблюдалось бы резкое покраснение кожи лица. Эта способность остается эво-

---

²⁵ Дарвин Ч. О выражении эмоций у человека и животных // Сочинения: В 9 т. Т. 5. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1953. – С. 681–922.

люционной загадкой – особенно для циников, сводящих весь смысл социального взаимодействия к эгоистичной эксплуатации окружающих. Будь это так, не выгоднее ли было бы нам обойтись без неконтролируемого прилива крови к щекам и шее, сигнализирующего, словно маяк в ночи, об изменении нашего психического состояния? Если краска смущения или стыда служит залогом честности, необходимо задуматься, почему эволюция снабдила столь бросающимся в глаза сигналом только наш вид и больше никакой. Или, как выразился Марк Твен: «Человек – единственное животное, способное краснеть. Впрочем, только ему и приходится».

А вот по поводу умения хмуриться Дарвин был прав лишь отчасти. Он цитирует авторитетного современника, который видел в этой способности присущее исключительно человеку проявление интеллектуального превосходства, поскольку соответствующая мышца «сдвигает брови энергичным усилием, которое безотчетно, но непреодолимо выражает проходящую в уме мысль»²⁶. Однако на самом деле никакого повода раздуваться от гордости наличие крохотной мышцы-корrugатора нам не дает. Теперь мы знаем, что она имеется и у других видов. Задавшись целью исследовать ее действие у прочих животных, Дарвин несколько раз наведился в зоопарк Лондонского зоологического общества – о встрече с

---

²⁶ Charles Darwin (1872), p. 219. Дарвин Ч. О выражении эмоций у человека и животных // Сочинения: В 9. Т. 5. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1953. – С. 681–922.

самкой орангутана Дженни он повествует в письме к сестре:

Видел я там и орангутана во всем великолепии: слугитель показал ей яблоко, но не отдал, и тогда она, повалившись на спину, принялась выть и молотить ногами, как капризный ребенок. Потом насупилась. Выдержав две-три такие истерики, слугитель сказал: «Дженни, если прекратишь реветь и будешь вести себя прилично, дам тебе яблоко». Дженни явно поняла каждое слово, и хотя, точно как ребенку, совладать с собой и перестать канючить стоило ей невероятного труда, она все же справилась. Получив яблоко, она прыгнула в кресло и с самым что ни на есть довольным видом стала жевать²⁷.

Поскольку Дарвин полагал, что обезьяна, как и человек, будет хмуриться, сосредоточившись на каком-то деле, которое никак не ладится, он пытался заставить Дженни и других обезьян наморщить лоб, давая им почти невыполнимые задания. Однако, сражаясь с задачей, лоб они хмурить и не думали. С тех пор ученые считали умение хмуриться сугубо человеческим, в действительности же человекообразные обезьяны морщить лоб способны – как выяснил сам Дарвин, щекоча шимпанзе нос соломинкой. Тогда она «сморщила лицо, и между бровями появлялись легкие вертикальные складки»²⁸. У шимпанзе и орангутанов выступающие

---

²⁷ John van Wyhe and Peter Kjærgaard (2015), p. 56.

²⁸ Charles Darwin (1872), p. 142. Дарвин Ч. О выражении эмоций у человека и животных // Сочинения: В 9. Т. 5. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1953. –

надбровные дуги нависают над глазами козырьком, поэтому хмурить брови им затруднительно, а окружающим затруднительно это движение различить. А вот бонобо с их более плоскими, более открытыми лицами сдвигают брови легко, причем точно в таких же ситуациях, как мы. Например, предостерегая противника, бонобо сужают глаза и сверлят его взглядом, сводя брови к переносице. Получается совершенно такое же выражение, как у рассерженного человека.

Я отчетливо помню, как меня самого испепелили подобным взглядом в колонии шимпанзе. Сделала это Бори – одна из моих пожилых любимиц, у которой на полевой станции Йеркса уже имелись не только дочери, но и внуки. Как-то раз, когда и без того жаркая Джорджия превратилась в настоящее пекло, я взял шланг и устроил для шимпанзе фонтан. Разумеется, питьевой воды у них и так всегда вдоволь, но плескаться под струей из шланга им нравится намного больше – они обожают ее, как городские дети обожают газонные поливалки. Десяток обезьян толкались под струей, ловя распахнутым ртом прохладную влагу. И тут вдруг взвизгнул кто-то из малышей – на него случайно брызнуло. Остальные не отреагировали, зато Бори сразу подбежала и уставилась на меня сердито, предупреждая, чтобы поаккуратнее размахивал шлангом. Вблизи этот пристальный напряженный взгляд читался абсолютно недвусмысленно.

Лучший способ разобраться в эмоциях животных – на-

блюдать за их спонтанным поведением как в дикой природе, так и в неволе. Исследователи поведения животных документируют примеры использования того или иного мимического выражения сотнями, даже тысячами. Именно так мы выясняем, что обезьяны смеются во время игры, а жуя любимое лакомство, издают особые ухающие звуки, приглашая остальных присоединиться к пиршеству. Мы смотрим, что предшествовало появлению выражения и как отреагировали на него остальные. Что произошло после подачи данного сигнала? Вспыхнула драка, прекратилась потасовка, наметился путь к примирению? У нас собраны обширные каталоги (они называются «этограммы») сигналов, типичных для каждого вида – не только для приматов, но и для лошадей, слонов, ворон, львов, кур, гиен и так далее. Одна из первых этограмм была составлена для волков и включала все движения хвоста, положение ушей, вздыбливание шерсти, вокализацию, оскалы и так далее. Этограммы бывают довольно пространными, указывающими на богатый эмоциональный репертуар. Сейчас мы располагаем, кроме прочих, этограммами мышей и крыс.

Очень долго считалось, что грызуны лишены эмоциональной мимики, однако тщательные исследования показали, что, испытывая боль или мучения, грызун сужает глаза, раздувает щеки и прижимает уши к голове. Другие грызуны распознают это выражение с легкостью – как видно из экспериментов, в ходе которых они предпочитали усаживаться

рядом с фотографией, запечатлевшей расслабленную крысиную мордочку, а не искаженную болью. Мимика крысы способна сообщить и о приятных ощущениях. Когда швейцарские ученые разработали программу положительного воздействия, обеспечивающую лабораторным крысам ежедневное поглаживание и игры, в спокойные моменты после каждого такого сеанса исследователи наблюдали за выражением крысиных мордочек. Крысы, получившие положительное воздействие, заметно выделялись на общем фоне – более розовыми и менее напряженными ушами. Эти исследования покончили с устоявшимся мнением о статичности мимики у грызунов (отраженным в шуточных рисунках, где разные эмоции иллюстрировало одно и то же непроницаемое выражение)²⁹.

---

²⁹ Kathryn Finlayson et al. (2016), Dale Langford et al. (2010).

Радость

Злость

Стыд

Любовь

Печаль

Вожделение

Голод

Страх

Мимика у грызунов довольно долго считалась статичной и служила поводом для подобных карикатур, в которых все эмоции якобы передаются одним и тем же выражением. Однако еще неизвестно, кто будет смеяться последним: выясняется, что крысы и мыши вполне способны продемонстрировать с помощью мимики и страх, и удовольствие

Обладатели самой выразительной мимики на нашей планете принадлежат к отряду копытных. В принципе, наличие богатой мимической палитры у лошадей, ослов и зебр вполне объяснимо, если вспомнить, что эти виды – высоко-социальные «визуалы», у которых ведущим органом чувств является зрение. Лошадиная СКЛид (то есть версия экмановской системы кодирования, применяемая к лошадиной мимике) распознает у них не менее семнадцати отдельных мимических движений, складывающихся в бесчислен-

ные комбинации. Лошади выражают удовольствие учащенным всхрапыванием; приветствуют друг друга, оттягивая уголки губ; задирают верхнюю губу, улавливая необычный запах (это движение называется «флемен»); в испуге расширяют глаза, обнажая белки, а об огромном разнообразии позиций ушей и говорить не приходится³⁰. Любому хозяину кошки или собаки известно, насколько действенный сигнальный механизм представляют собой их уши – глядя на них, начинаешь жалеть, что человеческие далеко не так подвижны.

Мимические способности и восприятие лиц (в том числе человеческих) исследовались и у собак. Как выяснилось, у них присутствует намеренная трансляция эмоций – о чем свидетельствует более выразительная мимика при наличии внимания со стороны человека, нежели при отсутствии, когда человек поворачивается к собаке спиной. В число типичных для собачьей морды выражений входит подтягивание внутренней части брови вверх, за счет чего глаза кажутся больше. Круглые лица с большими глазами нас умиляют (и эту нашу слабость нещадно эксплуатируют создатели мультфильмов). Подъем внутренней части брови придает собаке более грустный, более трогательный «щенячий» вид – его воздействие подтверждает даже статистика выбора питомцев. Содержатели приютов уже заметили, что собак, способ-

---

³⁰ Matthijs Schilder et al. (1984), Jen Wathan et al. (2015), Mathilde Stomp et al. (2018).

ных смотреть на посетителей таким взглядом, забирают чаще, чем неспособных. Что и говорить, лучший друг человека знает, на каких эмоциональных струнах играть³¹.

Людам, как правило, интереснее всего та мимика, которая роднит нас с другими видами, и, разумеется, самые яркие примеры сходства нам дают приматы. Тут самое время обратиться к Яну как ведущему мировому специалисту в этой области. В 1970-е гг. он провел обстоятельные наблюдения, подмечая в мельчайших подробностях, не описанных никем прежде, как павианы часто-часто чмокают губами или как самцы свинохвостых макак, поджав губы, задирают подбородок, когда ухаживают за самкой. Однако основной темой исследования у Яна был смех – и его отличие от улыбки. Хотя оба эмоциональных выражения часто ставят на одну доску, считая улыбку слабым проявлением смеха, Ян показал, что они имеют разные корни³².

---

³¹ Juliane Kaminski et al. (2017).

³² Jan van Hooff (1972).

Мимика у лошадей почти так же выразительна, как у приматов. На рисунке пони демонстрирует реакцию «флемен» — типичную для лошади, почувшавшей незнакомый запах, или для жеребца, уловившего аромат кобылей мочи. Заворачивая верхнюю губу, лошадь подгоняет летучие ароматные вещества ближе к рецепторам вомероназального органа. Схожая гримаса при встрече с необычным запахом наблюдается и у кошек

Рот до ушей

Не выношу телесериалы и голливудские фильмы, в которых снимают обезьян – каждый раз, когда выряженный в человеческую одежду обезьяний актер скалит зубы в дурацкой ухмылке, меня передергивает. Зрители, наверное, покатываются со смеху, но я-то знаю, что самой обезьяне в такие моменты совсем не радостно. Вынудить обезьяну показать зубы можно, по большому счету, только напугав ее – выражение, напоминающее нам ухмылку, возникает лишь как реакция на попытки доминирования и угрозу наказания. Где-то за кадром дрессировщик помахивает кожаным хлыстом или электропогонялкой для скота, четко и ясно давая обезьяне понять, что ее ждет за непослушание. Они же напуганы до полусмерти! Именно поэтому мы почти никогда не видим на экране взрослых обезьян – дрессировщику просто не удастся доминировать над силачами, которые к тому же гораздо пронырливее и изворотливее любого из крупных кошачьих. Только молодую обезьяну можно запугать так, чтобы она скалила зубы по команде.

С обнажением зубов до сих пор связано много вопросов – например, как оно превратилось у нашего вида в дружелюбную улыбку и откуда вообще взялось. Последний вопрос может показаться странным, однако в природе все развивается из предшествующих форм. Наша кисть руки – это моди-

фикация передней конечности наземных позвоночных, которая в свою очередь произошла от рыбьего грудного плавника. Наши легкие – это результат эволюции плавательного пузыря.

Поэтому интерес к происхождению коммуникационных сигналов вполне закономерен. Процесс их преобразования из предшествующих версий называется ритуализацией. Например, поднося к лицу руку с оттопыренным большим пальцем и мизинцем, мы изображаем инструментальное действие – прикладывание трубки стационарного телефона к уху. Этот жест трансформировался в сигнал «позвони мне». Ритуализация – это то же самое, только в более крупных, эволюционных масштабах. Неравномерный стук дятла, добывающего личинок из-под коры, превратился в ритмичную барабанную дробь на пустом бревне, служащую для обозначения границ территории. Негромкое причмокивание, которое издавали обезьяны, выискивая вшей и клещей друг у друга в шерсти, превратилось в дружеское приветствие – поднятые брови и хорошо слышное чмоканье, словно говорящее: «Я был бы рад тебя вычесать!»

Обнажение зубов в улыбке не нужно путать с оскалом, когда рот широко открыт, а глаза сверлят противника уничтожающим взглядом. Это свирепое выражение, как будто говорящее о намерении укусить, действует как угроза. При улыбке же, напротив, рот закрыт, а губы растягиваются, обнажая зубы и десны. Ряд сияющих белых зубов – заметный сигнал,

видимый издалека, однако значение его прямо противоположно угрозе. Он ведет свое происхождение от защитного рефлекса³³. Например, мы автоматически оттягиваем губы от зубов, когда чистим citrusовые, которые грозят брызнуть в лицо едким соком.

Уголки губ могут ползти вверх из-за страха и неуверенности. На съемках с американских горок почти у всех поголовно людей рот до ушей, однако это вовсе не восторженная улыбка, а гримаса испуга. То же самое происходит и у других приматов. Как-то раз мне довелось наблюдать за павианами на кенийской равнине во время засухи. Павианы тоннами поглощали стручки акации, поэтому следовать с подветренной стороны за сотней обезьян, наевшихся «музыкальных» бобов, – удовольствие было то еще. Они часто останавливались поглотить сочный кактус – вездесущее растение, которое в обычных обстоятельствах они из-за колючек обходят стороной. Прежде чем вонзить в кактус зубы, обезьяны растягивали губы как можно шире, чтобы не уколоться. Уловка была сугубо практической, но в результате возникала та же самая улыбка, что и при социальном взаимодействии, где она служит сигналом подчинения.

В группе макак-резусов, которую я изучал, могучей альфа-самке Оранж достаточно было просто пройти по территории – все встречные самки спешили продемонстрировать широкий заискивающий оскал, особенно если она устрем-

---

³³ Richard Andrew (1963).

лялась к ним или удостаивала визитом их стайку. К Оранж могло быть одновременно обращено около десятка расплывшихся в ухмылке физиономий, при этом никто из самок не спешил убраться прочь с дороги, поскольку весь смысл этого сигнала в том, чтобы застыть на месте и являть собой воплощенное почтение. Они, по сути, говорили Оранж: «Я подчиняюсь, я ни за что не посмею тебе перечить». Положение Оранж было настолько прочным, что ей и без того почти не приходилось использовать силу, а своими заискивающими улыбками остальные самки устраняли последний из возможных поводов показать им, кто тут главный. У резусов это выражение работает исключительно в одну сторону: его демонстрирует только подчиненный доминирующему, и никогда наоборот. Это недвусмысленный иерархический маркер. И такие сигналы имеются у каждого вида. Люди демонстрируют подчинение поклонами и воинским приветствием, подхалимажем, смехом над шутками начальства, целованием перстня донна и так далее. Шимпанзе в присутствии высокоранговой особи опускаются пониже и издают особое похрюкивание. Но изначально свойственный всем приматам сигнал признания себя нижестоящим – это широкая ухмылка с оттянутыми назад уголками рта.

Однако за этим выражением кроется нечто большее, чем страх. Когда обезьяна просто пугается – например, увидев змею или хищника, – она замирает (чтобы не заметили) или со всех ног несется прочь. Так выглядит обычный страх. Ни-

какие улыбки в подобную ситуацию просто не вписываются. Улыбка – это главным образом социальный сигнал, в котором страх смешан с жадной одобрения. В нем есть что-то от бурных восторгов собаки, дождавшейся возвращения хозяина, – когда прижав уши и поджав хвост, она валится на спину с радостным визгом. Собака подставляет хозяину свои самые уязвимые места – живот и горло, веря, что он не воспользуется своим могуществом и не вцепится в них. Эту манеру подставлять брюхо никто не примет за испуг, поскольку собаки часто ведут себя точно так же, подступая к кому-то из сородичей. Это шаг навстречу, обозначение доброжелательного настроения. То же самое относится и к обезьяньей улыбке – она выражает стремление наладить отношения. Поэтому Оранж получала такие сигналы десятками, а змея не получит ни одного.

Мне довелось подружиться с молодой самкой-резусом по имени Карри – из той же стаи, что и Оранж, обитавшей на обширной открытой территории. Я фотографировал резусов через сетчатую ограду, и, поскольку простаивал у сетки целыми днями, обезьяны скоро ко мне привыкли. Поначалу они, конечно, пытались напугать меня и выхватить фотоаппарат из рук, но в конце концов перестали обращать внимание, чем сильно упростили жизнь мне как фотографу. Карри же по-прежнему выискивала меня у сетки и, приближаясь, часто обнажала зубы в знак подчинения. Она любила сидеть рядом, иногда просовывая свою маленькую лапку сквозь сет-

ку, чтобы подержаться за мой палец. С макаками приходится осторожничать, они часто кусаются, но Карри можно было доверять. Не исключено, что за счет общения со мной низкоранговая самка упрочивала свои позиции. На каждый мой взгляд она отвечала мне, обнажая зубы, но делала это потому, что зрительный контакт у резусов воспринимается как угроза. Карри подмазывалась ко мне, полностью оправдывая свое имя³⁴.

Человекообразные обезьяны продвинулись дальше: их усмешка, хоть и остается нервной реакцией, несет в себе больше положительного. У них это выражение лица и то, как они его используют, больше похоже на наше. Бонобо иногда обнажают зубы в ситуации приятного и абсолютно невраждебного взаимодействия – например, во время спаривания. У одного немецкого исследователя попался термин *Orgasmusgesicht* («лицо при оргазме») – выражение, возникающее у самок, когда они смотрят во время совокупления в глаза партнеру (бонобо часто спариваются лицом к лицу). То же самое выражение может использоваться для того, чтобы кого-то утихомирить или привлечь на свою сторону, причем у человекообразных обезьян оно бывает направлено не только от нижестоящего к вышестоящему. Доминирующие особи тоже могут обнажить зубы, успокаивая других. Например, когда детеныш пытается стащить еду у самки, та,

---

³⁴ Отсылка к существующему в английском языке выражению *to curry favors* – «заискивать перед кем-то, выслуживаться». – *Прим. пер.*

убирая лакомые куски подальше, сверкает широкой улыбкой до ушей, призванной предотвратить истерику. Кроме прочего, дружелюбная улыбка помогает уладить дело миром, если игра начинает перерастать в потасовку. Улыбаясь, человекообразные обезьяны редко поднимают уголки губ, но в этих случаях улыбка становится совершенно человеческой.

Поскольку улыбка у человекообразных обезьян выдает беспокойство, она может оказаться очень некстати. Самцы шимпанзе – постоянно выясняющие, кто круче, – не любят демонстрировать тревогу в присутствии соперника. Это признак слабости. Когда один из самцов, ухая и вздыбив шерсть, поднимает с земли булыжник, другому становится не по себе, потому что дело пахнет поединком. У второго появляется нервная усмешка. И в таких случаях мне не раз приходилось видеть, как усмехающийся самец резко разворачивается, пряча эту усмешку от соперника. Еще я видел, как они прикрывают ее рукой или даже усиленно пытаются стереть с лица. Один самец, прежде чем повернуться обратно к сопернику, сжимал губы пальцами. Из этого, на мой взгляд, следует, что шимпанзе осознают, как воспринимаются их невербальные сигналы. А еще – что над конечностями они властны больше, чем над мимикой. То же самое относится и к нам. Хотя мы способны произвольно изобразить нужное выражение лица, изменить произвольно возникающее нам трудно. Например, принять радостный вид, если мы сердимся, или рассердиться, если на самом деле нам смешно (такое бы-

вает у родителей по отношению к детям), почти невозможно. Человеческая улыбка происходит от нервной усмешки, наблюдаемой нами у остальных приматов. Мы включаем ее, чтобы погасить намечающийся конфликт – это опасение не покидает нас даже в самой дружественной обстановке. Приходя в гости, то есть вторгаясь на территорию хозяина, мы приносим цветы или бутылку вина; в знак приветствия мы машем раскрытой ладонью, воспроизводя жест, когда-то служивший, как считается, для демонстрации безоружности. Но главным способом разрядить обстановку по-прежнему остается улыбка. Отвечая улыбкой на улыбку, мы умножаем общую радость, или, как пел Луи Армстронг: «Когда ты улыбаешься, весь мир улыбается вместе с тобой».

Иногда дети, которых отчитывают или ругают, стоят и усмеваются в ответ, и это воспринимается как издевка. Однако на самом деле это просто нервный сигнал, обозначающий отсутствие враждебности. Именно поэтому женщины улыбаются чаще мужчин, а за мужской улыбкой часто скрывается потребность в дружеских отношениях. В одном исследовании прицельно изучали улыбку как отражение уязвимой, заведомо проигрышной позиции на материале фотографий, сделанных перед поединками Абсолютного бойцовского чемпионата. На снимках бойцы-соперники смотрят друг на друга с вызовом. Как показал анализ обширного массива подобных фотографий, обычно в последующем бою проигрывал тот, кто на снимке улыбался сильнее. Исследователи

пришли к выводу, что улыбка говорит об отсутствии физического превосходства и что у того из соперников, кто улыбается сильнее, выше потребность в том, чтобы уладить дело миром³⁵.

Я очень сильно сомневаюсь, что улыбка у нашего вида – это именно «радостное» выражение, как часто утверждается в литературе, посвященной человеческим эмоциям. Ее истоки гораздо многообразнее и не сводятся к одной лишь демонстрации хорошего настроения. В зависимости от обстоятельств улыбка может означать нервозность, стремление угодить, необходимость успокоить собеседника, благосклонность и расположение, подчинение, веселье, сочувствие и так далее. Все ли эти ощущения подпадают под общий ярлык «радость»? Такие ярлыки бесконечно упрощают эмоциональные проявления – как смайлики, каждый из которых обладает одним-единственным приписанным ему значением. Обилие смеющихся или сердитых смайликов в наших текстовых сообщениях позволяет предположить, что языковые средства сами по себе не так выразительны, как нам внушают. Нам приходится добавлять невербальные сигналы, чтобы шаг к примирению не приняли за попытку насолить, а шутку – за издевку. Однако и смайлики, и слова все равно не заменят язык тела: направление взгляда, ширина зрачков, выражение лица, тон голоса, поза, жесты гораздо эффективнее передают широкую гамму смыслов.

---

³⁵ Michael Kraus and Teh-Way Chen (2013).

Несмотря на это, мы упорно примитивизируем систему невербальных сигналов, когда пытаемся наклепать на неподвижные изображения мимики и жестов ярлыки с названиями «базовых» эмоций, таких как грусть, радость, страх, гнев, удивление, отвращение. И неважно, что большинство эмоциональных состояний – это сплав из множества разных чувств. В детстве я как-то раз залез на крышу нашего дома, чтобы потренироваться на тот случай, когда понадобится помочь святому Николаю – бородачу в епископском облачении, который кладет подарки в дымоход. Разумеется, без помощника ему не обойтись. Но оказалось, что на крышу гораздо легче забраться, чем спуститься, и сам я слезть не смог. Когда меня в этом незавидном положении обнаружили, отец устроил мне взбучку. Его реакция выглядела как гнев – угрожающие жесты, повышенный голос, багровое лицо, – но гнев этот был порожден страхом, и к нему примешивалась надежда раз и навсегда отучить меня от подобных дурацких выходок. Надежда оправдалась. Как видим, каждое проявление эмоций нужно оценивать в широком контексте. Однобокая характеристика редко отражает суть. Называя тогдашнее состояние моего отца гневом, мы передаем его неточно, поскольку в характеристику необходимо включить и беспокойство, и любовь.

Та же тяга к упрощению видна и в описаниях эмоций животных – пожалуй, даже еще более сильная, поскольку мы убеждены, что их эмоции никак не могут быть сложнее на-

ших. Так, в «Оксфордском справочнике по поведению животных» (The Oxford Companion to Animal Behavior) 1987 г. утверждалось, что изучать эмоции животных абсолютно бессмысленно, поскольку ничего нового они нам не скажут, а кроме того, «животные обладают лишь ограниченным набором основных эмоций»³⁶. Учитывая отсутствие науки об эмоциях у животных как таковой, интересно, как автор в принципе пришел к такому выводу. Напоминает до сих пор тиражируемое в литературе утверждение, будто мимическая мускулатура у человека насчитывает сотни мышц – гораздо больше, чем у любого другого вида. Согласно концепции *scala naturae*, чем ближе к человеку животное располагается на эволюционной лестнице, тем богаче должна быть его эмоциональная палитра и, следовательно, многообразнее мимические мышцы.

Однако утверждения эти совершенно безосновательны. Когда группа антропологов и исследователей поведения наконец проверила этот постулат, препарировав лица двух мертвых шимпанзе, число мимических мышц у обезьян оказалось точно таким же, как у человека, а различий нашлось на удивление мало³⁷. В действительности именно этого и следовало ожидать, поскольку к точно такому же выводу пришел еще Николас Тульп, голландский анатом, увековеченный на картине Рембрандта «Урок анатомии доктора Туль-

---

³⁶ David McFarland (1987), p. 151.

³⁷ Anne Burrows et al. (2006).

па». В 1641 г. Тульп, впервые в истории препарировав труп человекообразной обезьяны, обнаружил, что строение мускулатуры, органов и прочего у нее почти не отличается от человеческого. Оба вида были похожи как две капли воды.

Несмотря на все это сходство, человеческая улыбка отличается от обезьяньего эквивалента: мы обычно поднимаем уголки губ, а саму улыбку наполняем еще большим дружелюбием и симпатией. Но это относится только к настоящей, искренней улыбке. Очень часто улыбка бывает дежурной, неестественной, абсолютно ничего не выражающей. Улыбка стюардессы, улыбка на камеру (скажите «сы-ы-ыр!») – это дань публике, так положено. И только так называемая улыбка Дюшена выражает искреннюю радость и положительные чувства. В XIX в. французский невролог Дюшен де Булонь исследовал мимические выражения, пропуская электрический ток через лицевые мышцы человека, не чувствующего боль. Так он воспроизводил и затем фотографировал самые разные выражения лица, но улыбка все время получалась нерадостной. Она выглядела фальшивой. В одну из попыток Дюшен рассказал все тому же испытуемому шутку – и улыбка вышла гораздо лучше, поскольку теперь он улыбался не только губами, но и немного сощурил глаза. Дюшен прозорливо заключил, что произвольная, «деланная» улыбка ограничивается губами, а мимические мышцы вокруг глаз не затрагивает. Без сокращения этих мышц улыбка не будет полноценной, излучающей неподдельную радость.

У нашего биологического вида имеется два типа улыбок. Полноценная названа «улыбкой Дюшена», в честь французского невролога, положившего начало исследованиям мимики. Он выяснил, что для улыбки недостаточно растянуть губы и приподнять уголки рта. На лице, изображенном слева, сокращены круговые мышцы глаз, глаза сощурены, в уголках видны морщинки — это и есть улыбка Дюшена. На лице справа улыбается только рот, глаза в улыбке не участвуют, и она выглядит искусственной

Так оно все и есть. Бывают улыбки нарочитые, не более чем условный знак для всего остального мира, – в интернете их полным-полно на фотографиях политиков или звезд и на миллионах селфи. А бывают другие, порождаемые опреде-

ленным внутренним состоянием и отражающие искреннюю радость, наслаждение, симпатию. Такую улыбку подделать гораздо труднее.

Казалось бы, всем ясно, что в основном на лице у нас отражаются подлинные чувства, но даже эта простая мысль когда-то была спорной. Ученые горячо протестовали против используемого Дарвином термина «выражение», считая его слишком откровенным, подразумевающим, что лицо выдаст наши потаенные переживания. И хотя психология буквально значит «наука о душе» (psyche по-гречески – «душа», «дух»), многие психологи не любили отсылок к скрытым процессам и объявляли душу неприкосновенной. Они предпочитали наблюдать за тем, что на поверхности, а мимику рассматривали как разноцветные флажки, с помощью которых мы даем знать окружающим о ближайших намерениях.

Дарвин выиграл и эту битву, поскольку, будь наши выражения лица просто сигнальными флагами, мы спокойно решали бы сами, какие вывесить, а какие убрать. Любое, нужное нам выражение изображалось бы с такой же легкостью, как поддельная улыбка. Однако в действительности над лицевыми мышцами мы властны гораздо меньше, чем над остальным телом. Как и шимпанзе, мы вынуждены иногда прикрывать улыбку рукой (книгой, газетой), поскольку заставить ее исчезнуть мы не в силах. А еще мы сплошь и рядом улыбаемся, плачем, кривимся от отвращения, даже ко-

гда видеть нас некому – например, разговаривая по телефону или читая книгу. С точки зрения коммуникации это совершенно бессмысленно. Во время телефонного разговора лицо у нас должно оставаться абсолютно бесстрастным.

Если, конечно, мы не эволюционировали, чтобы произвольно транслировать свое внутреннее состояние окружающим. В этом случае внешнее проявление эмоций и их передача – это единый процесс. Мимика подчиняется нам не полностью, поскольку не полностью подчиняются эмоции, но при этом окружающие получают возможность прочесть наши чувства. Скорее всего, ради укрепления связи между тем, что происходит внутри, и тем, что проявляется снаружи, наша мимика и развивалась.

Это было смешно!

Как-то раз я побывал на лекции одного философа, у которого вызывали недоумение невербальные составляющие человеческой коммуникации. Он отдавал предпочтение вербальным средствам – письменной и устной речи, но, разумеется, никуда не мог деться от вездесущих жестов и мимики. Зачем нам вся эта мишура, спрашивал он, и главное, почему она такая аффектированная? Почему, например, смеясь над шуткой, мы должны, частично теряя контроль над собой, издавать какое-то невнятное громогласное «ха-ха-ха!», слышное на всю округу? Почему нельзя просто сказать спокойно: «Это было смешно!» – и хватит?

Я представил себе, как эстрадный комик на выступлении в каком-нибудь маленьком клубе выдает величайшую шутку всех времен и народов, но публика вместо того, чтобы сползть на пол от хохота, сидит смирно и бормочет под нос: «Да, смешно!» Для комика, привыкшего к тому, что возвышенное человеческое чувство юмора имеет далеко не возвышенные животные проявления, такая реакция была бы плевком в душу. Смех – это отличная иллюстрация ключевой роли физиологических процессов во всем нашем существовании, включая и психическую его сторону. Смех объединяет сознание и тело, сплавляет их в одно целое. Мы можем воспринимать этот сплав как потерю контроля над собой, поскольку

предпочитаем, чтобы всем заправляло сознание. Как выразился театральный критик Джон Лар: «Наблюдать самозабвенный хохот зала – это все равно что присутствовать при грандиозном и неистовом таинстве. Лица искажены, слезы льются ручьем, тела содрогаются, но не в мучительных конвульсиях, а в пароксизмах восторга»³⁸.

Мы смеемся до умопомрачения. Мы обмякаем и валимся друг на друга, мы багровеем и рыдаем так, что уже не разберешь, смех это или плач. Мы в буквальном смысле писаемся от смеха. Нахохотавшись от души, мы чувствуем себя обессиленными. Отчасти это происходит потому, что, закатываясь смехом, мы выдыхаем (издавая звук) чаще, чем вдыхаем (потребляем кислород), и в итоге нам не хватает воздуха. Смех принадлежит к числу величайших благ человеческой жизни, он обладает известной пользой для здоровья – снижает стресс, стимулирует работу сердца и легких, способствует выбросу эндорфинов в кровь. Тем не менее хочется надеяться, что инопланетянам, решившим вступить с нами в контакт, не попадетсся на глаза сборище катающихся со смеху, иначе они даже мысли не допустят, что нашли разумную жизнь.

Поводом для смеха не всегда выступает юмор. Изучая незаметно для них самих поведение обычных людей в торговых центрах или где-нибудь на улицах – то есть в привычной повседневной обстановке, – психологи обнаружили,

---

³⁸ John Lahr (2000), p. 206.

что в большинстве случаев смех вызывают самые банальные фразы, в которых ничего остроумного нет. Проверьте сами. Попробуйте понаблюдать, когда именно возникают взрывы смеха в спонтанной общей беседе, и зачастую никаких особенных предпосылок для них не найдете – ни шутки, ни каламбура, ни случайной реплики. Это просто смех, вкрапленный в ткань разговора и обычно подхватываемый собеседниками. Юмор для смеха не главное, главное – социальное взаимодействие. Это громкое, напоминающее отрывистый лай проявление эмоций говорит о том, что симпатии взаимны и все благополучно. Дружный смех транслирует окружающим сплоченность и единение – примерно так же, как вой волчьей стаи³⁹.

Громкость человеческого смеха не устает поражать и меня – человекообразные обезьяны смеются гораздо тише, а всех прочих и вовсе почти не слышно. Подозреваю, что она обратно пропорциональна угрозе истребления хищниками. Если бы другие юные приматы смеялись так же заливисто и пронзительно, как наши дети на школьном или детсадовском дворе, хищники могли обнаружить их в два счета и легко застигнуть врасплох. Человек может позволить себе шуметь, хотя, конечно, хихикать и усмехаться мы тоже умеем.

На праздновании своего 80-летия Ян продемонстрировал великолепный образец человеческого смеха: выдал громкое утробное «ха-ха-ха», завершённое для пущей убедительно-

---

³⁹ Robert Provine (2000).

сти глубоким вдохом. Собравшиеся откликнулись общим хохотом – не только потому, что им была предъявлена визитная карточка нашего биологического вида, но и потому, что смех невероятно заразителен. В ходе экспериментов смеющееся выражение лиц, выводимых на компьютерный экран, люди копируют машинально, да и в телевизионных комедиях хохот за кадром вставляют именно для этого – чтобы вызвать аналогичную реакцию у зрителей.

Такая же имитация, как показывает анализ видеозаписей поведения, свойственна человекообразным обезьянам. Когда один орангутан-подросток подступает к другому со смеющимся лицом, второй мгновенно эту усмешку зеркально копирует, поэтому обычно, играя, смеются оба участника, а не один⁴⁰. Заразительность подобных сигналов наблюдается даже у птиц. Новозеландские попугаи кеа моментально настраиваются на игру, услышав из скрытого динамика запись щебета, который у них служит «игровым». Под воздействием этих звуков, слегка напоминающих смех, попугаи сразу принимаются заигрывать друг с другом, кидаются к своим игрушкам, выдвигают кульбиты в воздухе. Нет ничего более заразного, чем смех и озорство⁴¹.

Своим повторяющимся рисунком смех у приматов обязан частому ритмичному дыханию, от которого он происходит. У высших обезьян смех начинается с шумного пыхте-

---

⁴⁰ Marina Davila Ross, Susanne Menzler, and Elke Zimmermann (2007).

⁴¹ Raoul Schwing et al. (2017).

ния, которое по мере усиления взаимодействия становится все громче и звонче. Само по себе, в отрыве от игр, шумное учащенное дыхание выражает облегчение, радость, стремление к контакту – например, самка шимпанзе шумно пыхтит, прежде чем поцеловать лучшую подругу. Точно так же учащенно дышала Мама, прежде чем ухватить меня за руку, чтобы потом вычесывать, фыркая и причмокивая. Работая с обезьянами, привыкаешь осторожничать и внимательно следить за их сигналами. Все эти негромкие звуки, говорящие о доброжелательном настрое, настолько значимы, что, не услышав их, я бы побоялся подставлять Маме руку.

Российский ученый Надежда Ладыгина-Котс, которая столетие назад сравнивала эмоциональное развитие жившего у нее дома молодого шимпанзе Йони и своего собственного маленького сына, приводит примеры радостных моментов, вызывавших шумное пыхтение. Как-то раз Йони, увидев, что Котс собралась уходить, жалобно заскулил, но, когда она передумала и осталась, кинулся к ней, учащенно дыша. Если Йони подозревал, что за проделку ему сильно влетит, а его лишь мягко журили, он благодарно пыхтел. Вот такое учащенное дыхание, выражающее радость и хорошее настроение, и стало основой смеха, который сообщает то же самое, но гораздо громче⁴².

---

⁴² Nadia Ladygina-Kohts (1935). Ладыгина-Котс Н. Н. Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях. – М.: Государственный Дарвиновский музей, 1935.

Игра у животных бывает довольно грубой – участники борются, пускают в ход зубы, прыгают друг на друге, валяют и таскают один другого по земле. Без внятного и четкого сигнала о намерениях игровое поведение могут принять за драку. Игровые сигналы сообщают остальным, что беспокоиться не о чем, это просто шуточная возня. Например, у собак сигналом, позволяющим отличить игру от схватки, служит «поклон» (передней половиной корпуса пес припадает к земле, зад торчит вверх). Но, если в пылу борьбы одна собака прикусит другую по-настоящему, игра тотчас прекратится. Обидчик должен будет отвесить новый поклон – в качестве извинения, чтобы укус был забыт и игра возобновилась.

Смех служит той же цели – уточнению контекста происходящего. Один самец шимпанзе прижимает другого к земле и прикусывает за шею, не давая вырваться, но, так как все происходит под непрерывный хриплый смех, опасаться им нечего. Оба знают, что это лишь забава. Поскольку игровые сигналы позволяют интерпретировать чужое поведение, они называются метакоммуникацией, то есть коммуникацией по поводу коммуникации⁴³. Если я подойду к коллеге и со смехом хлопну его по плечу, он воспримет это совсем не так, как если бы я хлопнул его молча или с бесстрастным лицом. Мой смех – это метасигнал об ударе по плечу. Смех придает словам или действиям нужную окраску, смягчает потенциально обидные замечания, поэтому мы применяем его как

---

⁴³ Marc Bekoff (1972).

сигнал даже там, где ничего комичного нет.

Смех сигнализирует о том, что происходящее – это игра, не только непосредственным участникам, но и остальному миру. Видя смеющиеся лица или слыша смех, окружающие понимают, что все это безобидно. Шимпанзе достаточно умны, чтобы использовать смех подобным образом. Когда-то мы проанализировали сотни дружеских потасовок у молодняка, отслеживая, в какие моменты появляется смех. Особенно нас интересовали участники с ощутимой разницей в возрасте, поскольку, если старший заиграется, младшему может прийти несладко. В таких случаях вмешивается его мать, иногда отвешивая старшему затрещину. Виноват всегда будет старший! Как мы выяснили, во время игр с малышами подростки гораздо больше смеются, когда с них не спускает глаз мамаша младшего, чем когда они остаются без присмотра. Смех преподносит эту возню в нужном свете, он как бы сообщает бдительной матери: «Видишь, нам весело!»⁴⁴

Если все дружно смеются над чем-то вам непонятным, вы можете почувствовать себя изгоем. Смех часто объединяет «своих» за счет «чужих». Это настолько действенный способ травли и издевок, что исследователи готовы искать истоки смеха во враждебности. В таких гипотезах юмор рассматривается как орудие остракизма, направленное на аутсайдеров либо представителей иного этноса, в нем видят злой умы-

---

⁴⁴ Jessica Flack, Lisa Jeannotte, and Frans de Waal (2004).

сел⁴⁵. Английский философ XVI в. Томас Гоббс, в частности, считал смех выражением превосходства, не представляя, зачем еще нужен юмор, кроме как для подтрунивания над другими. Можно представить себе, какой несчастной была его жизнь.

Смех гораздо более характерен для отношений дружеских – между приятелями, влюбленными, супругами, родителями и детьми и так далее. На чем бы держался брак, если бы не цементирующий его юмор? Я рос в большой семье и часто с нежностью вспоминаю, как мы хохотали за обеденным столом – до изнеможения, когда казалось, что все, сейчас умру. Приходилось выползать из комнаты, чтобы отдышаться и успокоиться. Самый первый смех человеческий младенец издает в заботливых материнских руках. То же самое происходит и у других приматов. Самка гориллы щекочет огромным пальцем животик детеныша нескольких дней от роду, вызывая у него первый в жизни смех. У нашего собственного вида мать и младенец постоянно взаимодействуют друг с другом, ловя мельчайшие изменения в голосе и мимике, и все это щедро сдобрено улыбками и смехом. Вот они – его подлинные истоки, и никакой злобы в них нет.

Неотъемлемой составляющей смеха остается физическая стимуляция, явно имеющая долгую эволюционную историю, потому что щекотка вызывает подобные смеху звуки даже у крыс. Покойный американский нейробиолог эстонского про-

---

⁴⁵ Richard Alexander (1986).

исхождения Яак Панксепп больше кого бы то ни было работал над тем, чтобы эмоции животных можно было обсуждать всерьез. Поначалу над Панксеппом потешались за саму идею смеха у крыс. Этих грызунов до сих пор презирают и недооценивают, но, поскольку я и сам держал ручных крыс, у меня лично нет ни малейших сомнений в том, что это сложные создания, способные и на эмоциональную привязанность, и на игру. Панксепп заметил, что крысам нравится, когда их щекочут пальцем, – настолько нравится, что они сами ищут продолжения. Стоит отвести руку, они потянутся за ней, надеясь на возобновление стимуляции и издавая при этом попискивания частотой 50 кГц, для человека находящиеся за пределами слышимости.

Один пожелавший остаться неизвестным любитель крыс проделал подобный эксперимент дома:

Я решил поэкспериментировать с ручной крысой моего сына, молодым самцом по кличке Пинки. За неделю Пинки приучился играть со мной и теперь даже издает время от времени высокий тонкий писк, который я слышу. Едва я захожу в комнату, он принимается грызть прутья клетки и прыгает по ней, как кенгуру, пока я его не пощекочу. Он обхватывает мою руку, покусывает, лижет, переворачивается на спину, подставляя брюхо для щекотки (там ему больше всего нравится), и брыкается задними лапами, когда я

*затеваю с ним борьбу*⁴⁶.

Панксепп пришел к выводу, что для крыс щекотка – это удовольствие (поэтому они гоняются за щекочущей рукой, если ее отвести), которое требует правильного настроения. Если животное нервничает, напугано кошачьим запахом или ярким светом, никакого смеха не будет, сколько ни щекочи. Кроме того, их энтузиазм зависит от предыдущего опыта и степени знакомства с процессом, поскольку крысы гораздо охотнее (издавая высокочастотные попискивания) приближаются к руке, которая их щекотала, чем к той, которая лишь гладила. Крысы совершают едва заметные подскоки, называемые «прыжками радости», типичные для всех млекопитающих во время игры – для коз, собак, кошек, лошадей, приматов и так далее. Вспомним тех же скачущих от удовольствия коров у Дарвина. Хотя игровые сигналы у животных довольно разнообразны, резвые подскоки присутствуют всегда и у всех. Кошка, пританцовывая и выгнув спину, устремляется к вам, собака кружится на месте и заскакивает на запретный диван, всем видом показывая, что она не прочь устроить игру в догонялки. Эти радостные подскоки настолько типичны, что их легко распознают даже представители другого вида. В неволе детеныш носорога может играть с собакой, собака с выдрой, жеребенок с козой, а в дикой природе наблюдались случаи, когда молодые шимпанзе затевали шуточную возню с павианами, а волки и вороны дразнили друг друга. У игры

---

⁴⁶ Jaak Panksepp and Jeff Burgdorf (2003), p. 535.

свой собственный универсальный язык.

Аналогом смеха, издаваемого людьми и человекообразными обезьянами во время щекотки, у крыс выступают высокочастотные попискивания за пределами нашей слышимости. Судя по тому, как активно крысы тянутся за щекочущей рукой, щекотка доставляет им удовольствие

Кроме прочего, мы используем смех для того, чтобы разрядить неловкую или напряженную обстановку. У других видов такое встречается реже, но все-таки встречается. Мне лично доводилось видеть, как самцы шимпанзе гасят разгорающийся конфликт. Три взрослых самца, вздыбив шерсть

по всему телу, только что провели устрашающую демонстрацию, при которой обстановка всегда накаляется до взрывоопасных пределов, поскольку соперники испытывают нервы друг друга на прочность. Они перемахивают, раскачиваясь, с ветки на ветку, ворочают тяжелые камни, швыряют все, что под руку подвернется, молотят по гулким и звонким поверхностям. Но на этот раз, когда все трое уже удалялись с ристалища, один взял и потянул другого за ногу. Тот, удержав равновесие, попытался ее высвободить – и все это со смехом. Третий не остался в стороне, и вскоре все трое взрослых самцов галопом скакали по лужайке, тыкали друг друга в бок и хрипло смеялись. Страсти улеглись, как и стоявшая дыбом шерсть.

Аристотель считал, что именно смех отличает человека от зверей, и многие психологи до сих пор сомневаются в способности животных смеяться от радости или над чем-то забавным. Однако хорошо известно, что обезьяны любят фарсовые комедии – возможно, именно из-за обилия «физического» юмора. Когда симпатичный им человек, идя навстречу, вдруг поскользывается или падает, они сначала замирают в тревоге, но, если все обошлось, смеются с явным облегчением, точно так же, как мы в подобных обстоятельствах. Я уже рассказывал, как рассмеялась Мама, догадавшись, что под маской пантеры скрывался человек. Такую же реакцию можно наблюдать и у бонобо. Давным-давно территорию бонобо в зоопарке Сан-Диего отделял от публики глу-

бокий сухой ров. С внутренней стороны в него свешивалась пластиковая цепь, чтобы обезьяны могли спускаться и вылезать обратно, когда захотят. Но временами, когда в ров по ней спускался альфа-самец Вернон, подросток Калинд тут же вытягивал цепь наверх. Глядя сверху на оказавшегося в ловушке Вернона, Калинд смеялся, широко открыв рот, и шлепал ладонью по бортику рва. Он подшучивал над вожаком. Тогда единственная присутствующая при этом взрослая самка обычно кидалась на выручку и свешивала цепь обратно в ров, а потом стояла на страже, пока Вернон выбирался.

Еще один пример смеха над чем-то забавным сняли на видео японские полевые исследователи в Западной Африке. Девятилетний дикий шимпанзе радостно колот орехи с помощью распространенного приема с «молотом и наковальней». Он клал твердые, неразгрызаемые орехи по одному на плоскую поверхность большого камня и бил их зажатым в руке булыжником, пока не треснут. В лесу найти подходящие камни для такого дела не так-то просто. Мать самца, окинув взглядом найденные им идеальные молот с наковальней, двинулась к сыну и принялась вычесывать. На это обычно полагается ответить аналогичной любезностью, поэтому, закончив, мать застыла в ожидании, а сыну, чтобы приступить к вычесыванию, пришлось отложить камни. Мгновение спустя они уже были в руках матери. Судя по всему, сам подход к сыну и экспресс-сеанс груминга ей нужен был только как отвлекающий маневр. На видео видно и слышно, как,

хватая камни, она тихо посмеивается, довольная, что уловка сработала⁴⁷.

Это, разумеется, частные случаи, но и они позволяют предположить, что смех у человекообразных обезьян может быть не только игровым сигналом. Иногда он приобретает более широкое значение (служба для выражения веселья, налаживания связей, разрядки обстановки), что знакомо нам по контактам нашего собственного биологического вида.

---

⁴⁷ Шимпанзе-мать обманывает сына: www.youtube.com/watch?v=jealP0egJ9k.

Смешанные чувства

Проследив эволюцию смеха и улыбки, мы можем убедиться, насколько прав был Ян, предполагая у них разное происхождение. Они зародились на противоположных участках эмоционального спектра. Улыбка восходит к выражению страха и подчинения, превратившемся затем в сигнал отсутствия враждебности и только потом в демонстрацию симпатии. Смех появился как индикатор игрового поведения, возникающий во время веселой возни и щекотки, который впоследствии стал сигналом благополучия и налаживания отношений, и даже радости и веселья. У нашего вида эти выражения эмоций постепенно сближались и, поскольку у нас часто происходит смешение эмоций, в конце концов они слились воедино. Мы запросто переходим от улыбки к смеху и наоборот либо демонстрируем смешанные варианты.

Смешанные выражения эмоций типичны для гоминид – маленького семейства в составе отряда приматов, в которое входит человек и человекообразные обезьяны. Если у большинства остальных животных, в том числе и из группы приматов, в ходу разрозненные звуковые сигналы и мимические выражения, то гоминиды выделяются коммуникативными полутонами. Мартышка может сделать угрожающее лицо или игровое, может обнажить зубы в усмешке, но сочетать или смешивать эти выражения она не способна. Ее

коммуникативные сигналы фиксированы, стереотипны и разительно отличаются друг от друга – то есть это, условно, либо синий, либо красный цвет, но не фиолетовый. В этом низшие обезьяны сильно ограничены по сравнению с человекообразными, которым ничего не стоит в любом порядке чередовать надутые губы, хныканье и оскал, сопровождаемый повизгиванием. Выражение их лиц постоянно меняется, передавая широкую гамму эмоциональных тенденций, пусть даже и противоречивых. Точно так же ребенок может заплакать, потом засмеяться сквозь слезы, потом еще немного по-всхлипывать.

Используя классификацию из двадцати пяти выражений мимики, мы проанализировали в буквальном смысле тысячи их демонстраций в центре Йеркса, наблюдая за повседневной жизнью шимпанзе на открытой территории. Мы обнаружили огромное число смешанных выражений и переходов⁴⁸. Например, молодой самец, пытаясь наладить контакт с альфой, опасно садится поодаль и ждет приглашающего знака. Он демонстрирует дружелюбие – протягивает альфе руку, учащенно пыхтя, но при этом, как положено подчиненному, не забывает похрюкивать, выражая почтение. Или, допустим, самке очень хочется сочного арбуза, от которого ее раз за разом отпихивает товарка, и она никак не может решить, то ли продолжать кланчить, то ли громко возмутиться, нарываясь на драку. Она то дует губы и поскуливает, выпрашивая

---

⁴⁸ Lisa Parr et al. (2005).3. НА ЯЗЫКЕ ТЕЛА

арбуз, то подтягивает и негромко взвизгивает, выдавая растущее недовольство. Социальное взаимодействие изобилует подобной борьбой эмоций, которая целиком и полностью отражается на лицах – как человеческих, так и обезьяньих. Это отражение вовсе не застывший моментальный снимок, в нем видны все полутона и переходы. Эмоциональные состояния почти никогда не бывают обособленными, и именно поэтому вызывает столько нареканий стремление рассовать мимику по ящичкам с надписями «злость», «печаль» и прочими обозначениями базовых эмоций. Ни с нами, ни с нашими собратьями-гоминидами это примитивное распределение не срабатывает.

3. На языке тела

Эмпатия и сочувствие

Первый опыт работы с шимпанзе я получил в студенческие годы, когда учился в Неймегенском университете. Чтобы подзаработать, я устроился лаборантом в психологическую лабораторию, но никак не ожидал, что придется иметь дело с обезьянами. Какой ненормальный будет держать шимпанзе на верхнем этаже университетского здания, где одни кабинеты и аудитории? Условия содержания действительно были далеки от нормы, сегодня такого просто не допустили бы, но я получал несказанное удовольствие от общения с двумя новыми косматыми друзьями.

Каждый день я тестировал их, предлагая когнитивные задания, которые, наверное, идеально подходили крысам, но для человекообразных обезьян совершенно не годились. В те времена психологи еще верили в универсальность законов научения и интеллекта, таланты каждого конкретного вида их не интересовали. Они даже размер мозга не учитывали. Как безапелляционно выразился основатель школы бихевиоризма Беррес Скиннер: «Голубь, крыса, обезьяна – какая разница, где чьи показатели? Это неважно»⁴⁹. Но мы то теперь знаем, что существует много разновидностей ин-

---

⁴⁹ Marian Breland Bailey (1986), p. 107.

теллекта, каждая из которых приспособлена к особенностям восприятия и истории развития конкретного биологического вида. К человекообразной обезьяне или слону нельзя применять те же критерии оценки, что к вороне или осьминогу. Особенно к человекообразным обезьянам. Это мыслящие создания, с любой поставленной перед ними задачей они пытаются разобраться, а разобравшись, теряют интерес. Пара макак-резусов, которых тестировали в той же лаборатории, показывала куда лучшие результаты, чем наши шимпанзе, из чего следует, что выполнение заданий далеко не всегда является показателем интеллекта. Если макаки думали только о вознаграждении и могли выполнять рутинное задание раз за разом, лишь бы получить побольше лакомств, шимпанзе быстро становилось скучно. Задание было для них слишком примитивным. В итоге мы с ними в основном просто дурачились и проказничали, это им нравилось гораздо больше.

Именно так я и научился распознавать типичные для их вида звуки и другие коммуникативные сигналы, а также подражать их поведению – что на самом деле не так уж трудно, ведь человек, по сути, тоже обезьяна. Я не мог симитировать только одно – их физическую силу. Мне не дано было раскачиваться под потолком клетки, цепляясь за решетку одним пальцем, или прыгать со стены на стену, не касаясь пола. Им не было еще и шести лет, но они быстро сообразили, что я существо хилое и что мне не нравится, когда меня завязывают в такие же узлы, в которые они привыкли завязывать друг

друга. Я мог со всего размаха шлепнуть кого-нибудь из них по спине – любой человек в ответ вспылит бы, а эти просто смеялись, словно я сделал что-то невероятно забавное.

Как и положено в этом возрасте, у них пробуждалось влечение к противоположному полу, проецируемое в силу обстоятельств на представительниц нашего вида. При виде женщины у обоих возникала эрекция. Женщин они отличали абсолютно безошибочно, но как – я понять не мог. По запаху вряд ли, чувственное восприятие у шимпанзе схоже с нашим и ведущая роль в нем принадлежит зрению. Мы с приятелем-студентом решили провести небольшой тест (так состоялся мой первый поведенческий эксперимент). Нацепив юбки и парики, мы потренировались разговаривать фальцетом и отправились проверять реакцию обезьян – прошли перед клеткой, непринужденно болтая и показывая на них пальцем, будто случайные посетительницы. Нас почти не удостоили вниманием. Ни эрекции, ни замешательства – разве что за юбку потянули. Через несколько минут из-за угла выглянула секретарша, увидевшая двух странных дамочек и заподозрившая, что они заблудились. Вот на нее оба самца сразу же отреагировали именно так, как мы надеялись. Мы пришли к выводу, что людей обмануть проще, чем шимпанзе.

Это, конечно, не эксперимент, просто розыгрыш, и я бы постеснялся о нем упоминать, не будь он такой наглядной иллюстрацией остроты восприятия, о которой и пойдет речь

в этой главе. Как одна особь считывает язык тела другой? Многие животные, демонстрируя не меньшую проницательность, чем те два шимпанзе, при контактах с людьми легко отличают мужчин от женщин. Даже таким далеким от нас видам, как птицы или кошки, это удается без труда. Я знал немало попугаев, которые симпатизировали только мужчинам или только женщинам. Они ориентируются на видимые различия, универсальные для всего царства животных: у самцов движения резче и решительнее, чем у самок, которые движутся более мягко и плавно. Чтобы отличить мужскую особь от женской, нам необязательно даже видеть все тело целиком. Закрепив на руках, ногах и в паховой области испытуемых крохотные лампочки, ученые сняли прогуливающих участников эксперимента на камеру и обнаружили, что этих светящихся точек нам достаточно, чтобы определить пол⁵⁰. По движению нескольких белых проблесков на темном фоне зритель сразу догадывался, мужчина перед ним или женщина. У женщин походка может меняться даже в зависимости от фазы овариального цикла. Если мы сами способны безошибочно распознавать пол по таким скудным данным, неудивительно, что и многие другие животные считывают принадлежность человека к одному из полов с первого взгляда. Причем умение это обоюдное: я тоже по одним только движениям абсолютно точно отличу самца шимпанзе

---

⁵⁰ Nikolaus Troje (2002), для видео: www.biomotionlab.ca/Demos/BMLwalker.html.

от самки.

Много лет спустя мы провели более научный эксперимент по различению пола. Начинался он как исследование по узнаванию лиц с использованием сенсорного экрана, но в результате мы обнаружили, что шимпанзе знают друг друга не только в лицо, но и с тыла. На монитор перед шимпанзе выводили сначала фотографию зада кого-то из собратьев, а затем два портрета, лишь на одном из которых был запечатлен обладатель этого зада. Если портреты принадлежали обезьянам разного пола, угадать было очень легко, поскольку зад самца резко отличается от зада самки, и в лицах маскулинность и фемининность тоже проявляется четко.

А что будет, если за фотографией зада самца последуют два «мужских» портрета или, наоборот, за фотографией зада самки – два «женских»? Собыет ли это испытуемых с толку? Нет, шимпанзе по-прежнему безошибочно соотносили зад и портрет – но лишь у тех изображенных обезьян, которых они знали лично. Ошибки при сопоставлении соответствующих частей тела у незнакомцев означают, что испытуемые опирались в своем выборе не на общие признаки, отображаемые на фото – размер, окрас и так далее, а на знания, полученные извне, благодаря ежедневному общению друг с другом. Держа в уме образ всего тела знакомой особи, они свободно могли соотнести между собой любые его части – например, заднюю и лицевую. Мы опубликовали результаты этого эксперимента под заголовком «Лица и зады» (Faces

and Behinds), и поскольку способность обезьян узнавать друг друга по заду показалась всем очень смешной, нам вручили Шнобелевскую премию – пародию на Нобелевскую, присуждаемую за исследования, которые «заставляют сначала засмеяться, а потом – задуматься»⁵¹.

И хотя для людей аналогичные эксперименты не проводились – тем более с изображениями голых тел, – наверняка и у нас в памяти отпечатывается образ целиком, поскольку своих друзей и родных мы узнаем в толпе даже со спины.

---

⁵¹ Frans de Waal and Jennifer Pokorny (2008).

Вековая мудрость

Мы воспринимаем и интерпретируем эмоции в ходе коммуникации, благодаря эмпатии, соотнесению и в первую очередь пониманию языка телодвижений. Поскольку с помощью одного только наблюдения исследовать восприятие эмоций почти невозможно, ученые черпают свои сведения в основном из экспериментов – как правило, с предъявлением изображений на сенсорном экране. Людей таким образом тестируют постоянно, но и к другим видам такой метод тоже применяется.

Наши шимпанзе такие исследования обожали – может, их завораживал мгновенный отклик сенсорного экрана, точно так же, как завораживает человеческих детей смартфон. Вообще, самый быстрый способ заманить шимпанзе в наше лабораторное здание в центре Йеркса (они должны прийти туда добровольно) – прокатить мимо них тележку с компьютером. Тогда они с уханьем несутся к дверям лаборатории, где проводятся все эксперименты, и выстраиваются в очередь у входа. Им не терпится поиграть в разные интересные игры, которые у нас зовутся когнитивными заданиями. Даже вознаграждения можно никакого не выдавать: для шимпанзе тыкать в картинки на экране и решать головоломки – это само по себе невероятное удовольствие. Не обходится и без соперничества: они догадываются по тону звуковых сиг-

налов о своих успехах (правильный ответ отмечается триумфальным звуком) и могут расстроиться, если у соседа дела идут лучше. Прекраснейший стимул не терять интерес!

Я люблю, когда от эксперимента получают удовольствие и ученые, и животные-участники. Секрет в том, чтобы придумывать интересные задания. Например, очень долго в экспериментах на распознавание лиц приматам предъявляли изображения лиц человеческих – и когда результаты оказывались так себе, делался вывод, что никакие другие животные, кроме человека, лиц не распознают. Некоторые ученые даже брались утверждать, что в мозге человека имеется особый модуль распознавания лиц, развившийся исключительно у нашего рода. А потом шимпанзе протестировали на изображениях лиц их же собратьев. Вот тогда испытуемые и сосредоточенность показали более высокую, и результаты не хуже, чем у людей.

У них обнаружили даже признаки целостного восприятия. Мы, люди, распознаем лица не по величине носа и не по расстоянию между глазами – мы охватываем взглядом общую конфигурацию, воспринимая лицо как единое целое. То же самое, как оказалось, происходит и у остальных приматов (если тестировать их с помощью портретов представителей их собственного вида). Даже собаки – одомашненные животные, которых намеренно приучали настраиваться на человека, – гораздо лучше распознают собачьи эмоции, чем человеческие. Вроде бы закономерно, но сколько некор-

ректных экспериментов мы успели до этого провести, считая самыми легко различимыми свои собственные, человеческие лица. Судя по всему, ни обезьяны, ни собаки не настолько нами увлечены, как нам хотелось бы.

А как обстоит дело с выражением эмоций? Здесь все сложнее, поскольку мы не можем спросить у животных, что означает их мимика. Им не выдашь список обозначений – «радость», «грусть» и так далее, – как делал Экман. Однако тогдашней моей студентке Лизе Парр удалось найти нетривиальный выход, воспользовавшись данными физиологии. Физиология позволяет нам судить о реакции организма, а это важно, поскольку эмоции связаны с телом не меньше, чем с сознанием. Слово «эмоция» происходит от французского глагола *emotioner* – «волновать», «затрагивать», «колебать», а тот в свою очередь – от латинского *emovere*, «волновать, тревожить». Иначе говоря, эмоции пробирают нас целиком, это психические состояния, при которых сердце бьется чаще, щеки краснеют, губы дрожат, в груди щемит, голос повышается, слезы льются, под ложечкой сосет и так далее.

Однако и организм в свою очередь воздействует на эмоции. На них сильно влияют гормоны (в частности, выделяющиеся в разные фазы менструального цикла), сексуальное возбуждение, бессонница, голод, усталость, болезни и прочие физические состояния. Мы ассоциируем эмоции с теми или иными частями организма метафорически, однако они и в самом деле во многом определяют наши чувства. Напри-

мер, энтеральная нервная система – сеть из миллионов нейронов, вплетенная в стенки желудочно-кишечного тракта, – может вызвать у нас беспокойное покалывание в желудке, которое сигнализирует мозгу о том, что мы переживаем. Эту автономную систему называют нашим «вторым мозгом».

Глубокая укорененность эмоций в физиологии объясняет, почему западная наука так долго ими пренебрегала. Западная культура всю свою любовь отдает сознанию, а тело не жалуется. Сознание благородно и возвышенно, тело тянет нас в грязь. Дух бодр, плоть немощна, и именно на эмоции принято списывать нелогичные и абсурдные решения. «Не поддавайся эмоциям!» – предостерегаем мы. До недавнего времени эмоции в основном обходили вниманием как нечто находящееся ниже человеческого достоинства.

Зачастую эмоции гораздо лучше разума подсказывают, что для нас правильнее, хотя далеко не каждый готов к ним прислушиваться. Решая, делать ли предложение своей двоюродной сестре Эмме Веджвуд, Чарльз Дарвин набросал длинный список доводов «за» («та, кого можно любить и с кем можно играть – лучше собаки, во всяком случае») и «против» («придется навещать родственников и уступать в каждой мелочи»)⁵². Он пытался принять абсолютно продуманное и взвешенное решение, но я сильно сомневаюсь, что этот список помог ему определиться. Начать с того, что в доводах «за» были упущены те два пункта, с которых мно-

---

⁵² The Correspondence of Charles Darwin, vol. 2: 1837–1843.

гие из нас начали бы – любовь и физическая привлекательность. Решение жениться Дарвин утвердил непререкаемым QED (*quod erat demonstrandum* – «что и требовалось доказать»), уподобляя тем самым свои раздумья доказательству теоремы, хотя на самом деле, как видим, математика и логика в этом доказательстве были иллюзорными. Когда нужно принять важное решение, в какую-то сторону мы в любом случае склонимся, и очень редко это решение диктуется одним лишь разумом. Как изящно выразился французский философ XVII в. Блез Паскаль, «у сердца есть логика, которая разуму недоступна»⁵³.

Эмоции помогают нам ориентироваться в сложном мире, не до конца подвластном нашему пониманию. Это способ нашего организма заставить нас выбрать самый благоприятный для себя путь. Кроме того, выполнять требуемые для этого действия тоже способен только организм. Разум сам по себе ничто, для взаимодействия с окружающим миром ему необходимо тело. Эмоции служат точкой соприкосновения всех трех граней – разума, тела и окружающей среды. У них есть и другое название – «аффекты», но поскольку определения у этого термина противоречивые, я им пользоваться не буду. Для эмоций же у меня имеется следующее определение:

Эмоция – это временное состояние, вызванное значимым для организма внешним стимулом. Оно

---

⁵³ Blaise Pascal, *Pensées* (1669): “Le coeur a ses raisons, que la raison ne connaît point.”

характеризуется определенными изменениями в организме и сознании – в мозге, гормонах, мышцах, внутренних органах, в сердце, готовностью к действию и так далее. О том, какая именно эмоция вызвана, можно догадаться по ситуации, в которой находится организм, а также по изменениям в его поведении и по невербальным выражениям. Связь между ними и последующим поведением не односторонняя, эмоции сочетают индивидуальный опыт с оценкой окружающей среды, подготавливая тем самым организм к оптимальной реакции⁵⁴.

Рассмотрим эмоцию страха. Мартышка ужасно пугается, увидев змею. Когда мы делаем шаг с тротуара и перед самым нашим носом на полной скорости проносится автобус, нас тоже мгновенно охватывает страх. Он парализует тело и одновременно вызывает дрожь, заставляет сердце забиться чаще, дыхание – участиться, мышцы – напрячься, волосы – встопорщиться, а кроме того, провоцирует выброс адреналина в кровь. Все это обеспечивает приток кислорода к мозгу и мышцам, позволяя лучше справиться с воспринимаемой опасностью. Обезьяне нужно понять, опасна змея или безобидна, и как лучше поступить – забраться на дерево, попытаться, убежать или начать отбиваться. После инцидента с автобусом мы будем внимательнее при переходе – смотреть на дорогу и прикидывать, достаточно здесь безопасно или лучше дойти до «зебры». Огромное преимущество эмо-

---

⁵⁴ Frans de Waal (2011), p. 194.

ций перед инстинктами заключается в том, что они не диктуют конкретное поведение. Инстинкты заданы жестко, подобно рефлексам, а большинство животных функционирует совсем не так. Эмоции способствуют концентрации сознания, они подготавливают тело к действию, оставляя при этом простор для оценки ситуации и обращения к опыту. Это гибкая система реагирования, оставляющая далеко позади любые инстинкты. Благодаря миллионам лет эволюции эмоции «знают» об окружающей среде много такого, чего не знает наш разум. Именно поэтому их называют отражением вековой мудрости.

Так вот, возвращаясь к Лизе Парр: она придумала измерять шимпанзе температуру во время выполнения заданий. Научила их отставлять палец, чтобы можно было надеть на него датчик, отслеживающий температуру кожи. У нашего вида негативное возбуждение – когда мы видим что-то пугающее или огорчающее – вызывает снижение температуры тела. При реакции «бей или беги» у нас в буквальном смысле холодеют руки и ноги, поскольку кровь отливает от конечностей. В одном из выпусков телешоу «Разрушители легенд» испытуемые с прикрепленными к ступням тепловыми датчиками выдерживали нашествие ползающих по телу тарантулов или головокружительный полет на аэроплане с исполнением фигур высшего пилотажа. Падение температуры впечатляло. От страха у нас леденеют ступни – точно такая же реакция наблюдается у крыс, у которых от испуга холо-

деют лапы и хвост⁵⁵.

Лиза решила проверить, холодеют ли в аналогичных случаях конечности у шимпанзе. Сперва она показывала им один из двух коротких видеороликов – либо приятный, в котором навстречу идут служители зоопарка с полными ведрами фруктов, либо неприятный, где к зрителю подбирается ветеринар с ружьем, заряженным транквилизатором. Посмотрев видео, шимпанзе должны были выбрать на экране одно из двух обезьяньих лиц – либо с радостной усмешкой, либо с нервным оскалом. Задача заключалась в том, чтобы посмотреть, какое выражение у них спонтанно ассоциируется с каждым из видеороликов. Заранее их к изображениям этих лиц не приучали. В первый же заход испытуемые указывали на веселое лицо после просмотра приятного ролика и на встревоженное – после просмотра неприятного. Соответственно после просмотра неприятного видео температура кожи у них снижалась точно так же, как у человека и крыс в пугающей ситуации⁵⁶.

Почему так происходит, было бы сложно объяснить, не обращаясь к субъективным переживаниям. Здесь мы имеем дело уже не только с эмоциями, которые могут включаться автоматически, но и с чувствами. Чувства возникают, когда эмоции проникают в сознание, то есть когда мы их осознаем. Мы понимаем, что сердимся или что влюблены, по-

---

⁵⁵ Daniel Vianna and Pascal Carrive (2005).

⁵⁶ Lisa Parr (2001).

сколькx именно так мы себя ощущаем. Принято говорить, что чувствуем мы «нутром», однако на самом деле мы можем обнаружить перемены во всем своем организме. Чем еще, как не чувствами, руководствовались обезьяны, участвовавшие в эксперименте Лизы, когда выбирали то или иное изображение лица? Скорее всего, видео вызывало у них либо приятные, либо неприятные чувства, совпадающие с одним из выражений. Датчики температуры тела подтвердили, что решение принималось эмоциями, а не разумом. Эксперимент, проведенный Лизой, демонстрирует нам интригующую вероятность того, что человекообразные обезьяны осознают свои чувства примерно как и мы.

Однако в основном чувства, которые испытывают животные, остаются для нас загадкой, и мы можем лишь тестировать реакции. Эксперименты научили нас, что все обезьяны, а не только человекообразные в своих собственных мимических выражениях разбираются превосходно. Сходство и различия они улавливают с той же невероятной быстротой и точностью, с которой мы мгновенно отличаем улыбающееся лицо от сердитого. Когда мы показывали капуцинам набор из разных изображений на экране – цветы, животные, машины, фрукты, человеческие лица, обезьяньи лица, – быстрее всего испытуемые опознавали эмоциональные выражения своих собратьев по биологическому виду⁵⁷. Эти картинки воспринимались иначе, поскольку мимика не только

---

⁵⁷ Sarah Calcutt et al. (2017).

несет некий смысл, но и приглашает к взаимодействию. Поначалу обезьяны даже откликались на увиденные изображения соответствующим образом: до угрожающего лица откашивались дотрагиваться, на дружелюбно приподнятые брови чмокали губами. Эмоциональные выражения пробуждают эмоции – или эмпатию. Собственно, при отсутствии мимики, на которую можно откликнуться, эмпатию проявлять трудно.

В 1990-е гг. шведский психолог Ульф Димберг исследовал эмпатические связи у нашего собственного вида, прикрепляя к лицам испытуемых электроды, позволяющие отслеживать даже самые незначительные сокращения мышц. Он обнаружил, что люди автоматически имитируют выражение лица, предъявляемое им на экране. Самое примечательное, что при этом им даже необязательно осознавать увиденное. Даже если демонстрировать изображения лиц на подпороговом уровне восприятия (на долю секунды) в череде пейзажей, люди все равно будут их воспринимать и бессознательно копировать. Испытуемые думают, что просто любуются красотами природы, не подозревая о мелькающих между пейзажами лицах, но от просмотра у них остается либо приятное, либо неприятное ощущение, в зависимости от того, улыбающиеся лица им предъявлялись или сердитые. Улыбки вызывают у нас радость, хмурые лица – грусть или недовольство. Наши мимические мышцы непроизвольно копируют эти выражения, что в свою очередь влияет на наши

чувства⁵⁸.

Это значит, что и в реальной жизни мы невольно поддаемся эмоциональному воздействию со стороны окружающих. Наше с ними эмпатическое взаимодействие напоминает незримое рукопожатие, от которого у нас остается только впечатление – чего-то положительного, вдохновляющего или, наоборот, гнетущего, вытягивающего энергию. Мы понимаем это не сразу, поскольку все это происходит за пределами нашего сознания. Хотя исследование Димберга стало существенным вкладом в понимание механики человеческих взаимоотношений, его, увы, приняли в штыки и подняли на смех. Его революционная работа какое-то время оставалась неопубликованной, поскольку ведущая роль в ней отводилась телу, тогда как на Западе ее принято отдавать сознанию. Нам нравится считать себя в первую очередь существами рациональными – как Дарвина, когда он составлял свой список нелепых «за» и «против» женитьбы. Мы можем закамouflировать эмоциональные решения, подводя под них рациональную базу: скажем, спортивный автомобиль нужен нам, чтобы успевать проскочить до пробок, а шоколад требуется ради антиоксидантов. Ровно по тем же причинам наука старается возвысить эмпатию до когнитивного процесса. Оставлять ее в плоскости эмоций и физиологии было просто недопустимо, поэтому утверждалось, будто проявляя эмпатию, человек намеренно ставит себя на место другого. По-

---

⁵⁸ Ulf Dimberg et al. (2000, 2011).

нять постороннего мы, по этой теории, можем либо с помощью «воображения, которое переносит нас в чужое мысленное пространство»⁵⁹, либо сознательно воспроизводя чужую ситуацию. Тело в эти теории не вписывалось.

Однако в последние годы науке пришлось поменять установки. Теперь тело – стержень любых рассуждений об эмпатии. Новейшие исследования с применением метода нейроимиджинга (визуализации процессов работы мозга) подтверждают выдвинутую Димбергом гипотезу об эмпатии как произвольном физиологическом процессе. И по данным этих исследований, эмпатия нарушается, когда мимическому подстраиванию что-то препятствует – например, если испытуемый сжимает в зубах карандаш, чтобы мышцы щек не участвовали в мимике. Наше лицо гораздо более подвижно, чем мы думаем, – эта подвижность и позволяет нам настраиваться на окружающих за счет подражания их мимике. С этим начинаются сложности у получивших инъекции ботокса: расслабленные мышцы не позволяют копировать («отзеркаливать») выражение лиц окружающих, лишая своих обладателей возможности уловить их чувства. Красоту ботокс может быть, и дарит, но при этом затрудняет эмпатию – не только для самих «омолодившихся», но и для тех, кто с ними общается. После инъекций ботокса лицо выглядит застывшим, у него пропадают постоянные микродвижения – неотъемлемая составляющая нашего повседневного взаимо-

---

⁵⁹ Simon Baron-Cohen (2005), p. 170.

действия. Отсутствие привычного отклика вызывает у собеседника впечатление, что от него закрываются и даже отталкивают⁶⁰.

Сейчас нам кажется странным скепсис, с которым наука поначалу отнеслась к этим физиологическим процессам. Кто из нас не плакал, когда плачут другие, не смеялся за компанию, не прыгал от радости вместе с остальными? Мы проникаемся чувствами окружающих, примеряя на себя их позы, движения и мимику. Эмпатия передается от тела к телу.

---

⁶⁰ David Neal and Tanya Chartrand (2011).

Обезьяна видит, обезьяна делает

В 1904 г. Лев Николаевич Толстой начал детский рассказ немыслимой для сегодняшнего читателя фразой: «В Лондоне показывали диких зверей и за смотренье брали деньгами или собаками и кошками на корм диким зверям»⁶¹. Так в клетке свирепого льва оказывается перепуганная собачонка, брошенная ему на съедение.

Сегодня у ворот такого зверинца собралась бы разгневанная толпа. Отношение к животным за это время изменилось настолько, что многие из нас подобного зрелища бы просто не выдержали. И это показательно. Если я подробно опишу нападение льва, вы, возможно, прочтете, но видеть собственными глазами, как лев терзает щенка – это совсем другое. Вы бы содрогнулись. Телесный канал восприятия заставляет нас до такой степени проникнуться происходящим, что нам просто некуда деваться: ощущения почти такие же, как если бы лев терзал нас самих. Все, что мы можем, – закрыть глаза руками, чтобы заслониться от этого потока. И нам трудно представить, что предшествующим поколениям такое зрелище могло казаться занимательным. Значит ли это, что у нас, нынешних, сильнее развита эмпатия? Маловероятно. Вряд ли общечеловеческая способность к эмпатии могла измениться за такой короткий срок. Если что-то изменилось, то лишь ее

---

⁶¹ Толстой Л. Н. Лев и собачка (1904).

приоритеты. Мы открываем или закрываем двери эмпатии в зависимости от того, с кем мы себя идентифицируем и к кому испытываем близость. Мы распахиваем двери для друзей и родственников, а также для любимых животных, но закрываем для врагов – и для животных, которые нам безразличны.

За прошедшее столетие западный мир открыл дверь эмпатии для своих домашних любимцев намного шире. Они стали частью семьи. В 1964 г. американский президент Линдон Джонсон на пресс-конференции, проходившей на лужайке перед Белым домом, поднял своего бигля за уши. Возмущению тех, кто это видел, не было предела. На Белый дом обрушилась лавина гневных писем. Джонсон объяснял впоследствии, что таким образом он хотел заставить бигля тявкнуть. Пес тявкнул, но почему этого нужно было добиваться таким варварским методом, мир не понял. Негодование бурлило так долго и так сильно портило президенту имидж, что в конце концов Джонсон был вынужден принести публичные извинения. По некоторым оценкам, столько писем протеста Джонсон не получил за весь период войны во Вьетнаме. Значит ли это, что грубое обращение с одной-единственной собакой, которая в результате осталась жива и здорова, волнует нас больше, чем страшная гибель более миллиона военных и мирного населения? С рациональной точки зрения мне это представляется маловероятным, однако наши интуитивные реакции основаны на чувствах, а не на цифрах.

Письменные новости о страшной катастрофе в каких-нибудь дальних краях вряд ли тронут нас так же, как снимки с места событий или съемки интервью с рыдающими пострадавшими. В любой благотворительной организации прекрасно знают, как важен визуальный ряд при сборе пожертвований. Джонсону не повезло – инцидент с биглем попал на фотографии. Острее всего мы реагируем на лица и тела. Именно поэтому, по праву или нет, портрет Анны Франк стал символом миллионов евреев, погубленных во время холокоста. Одной-единственной трагической фотографии 3-летнего сирийского мальчика, лежащего ничком на средиземноморском берегу, хватило, чтобы повлиять на идущие не первый год дискуссии о масштабном миграционном кризисе, связанном с беженцами. Чтобы открыть двери к сердцу, нам необходим некий персонифицированный образ, конкретное лицо или тело. О воздействии языка тела знал еще Мишель де Монтень, французский философ XVI в. В горе и сочувствии, утверждал он, роль разума чрезвычайно преувеличена в сравнении с физической близостью. Не случайно, полагает он, мы говорим, что событие нас «тронуло» или «задело» – то есть ведем речь о телесном, физическом контакте, – ведь наше отношение к другим во многом опирается на то, как мы их видим, слышим, ощущаем.

О том, что общественность стали больше волновать чувства животных, свидетельствует реакция публики на грубое обращение президента Линдона Джонсона со своим биглем. На пресс-конференции

Канал телесного восприятия настолько древний, что обнаруживается и у других видов животных. Как-то раз я наблюдал за родами у шимпанзе по имени Мэй, которые начались среди бела дня прямо под окнами моего кабинета, выходящего на открытый вольер шимпанзе. Вокруг Мэй собралась толпа любопытствующих собратьев, и, пока они толкались локтями, устраиваясь так, чтобы лучше видеть, Мэй привстала на расставленных ногах и, запустила руку между ними, готовясь подхватить детеныша. Стоявшая рядом с ней самка постарше – лучшая подруга Мэй, Атланта, – к моему удивлению, приняла точно такую же позу. Атланта не была беременна – она просто скопировала Мэй, тоже просовывая руку между ног. Может, это был в некотором роде личный пример – «вот так нужно!» – примерно как у родителей, которые, кормя ребенка с ложки, делают вид, будто тоже прихлебывают и жуют. Человек и остальные приматы не только копируют окружающих, но и отождествляются с ними настолько, что воспринимают их дела как свои. Когда детеныш Мэй наконец появился на свет, в толпе начался переполох. Одна из шимпанзе завизжала, остальные кинулись обниматься – видно было, насколько все прониклись происходящим и были эмоционально вовлечены.

Иногда шимпанзе «влезает в чужую шкуру» забавы ради. Как-то раз наш молодняк пару недель развлекался тем, что ходил по пятам за покалеченным в драке взрослым самцом,

который, пока не зажили искусанные пальцы, опирался при ходьбе не на костяшки рук, как обычно, а на запястье. Подростки вереницей ковыляли за этим бедолагой, припадая на запястье, будто им тоже больно опираться на кисть. Схожую реакцию на необычные телодвижения своего собрата продемонстрировали дикие шимпанзе в Центральном лесном заповеднике Будонго в Уганде. У почти 50-летнего самца по кличке Тинка оказались сильно искалечены кисти и парализованы запястья, поэтому чесаться он не мог, но приспособился проделывать это примерно так же, как мы растираем спину растянутым полотенцем. Наступив ногой на свисающую лиану, чтобы натянуть ее как струну, Тинка терся о нее головой и боками. Процедура непривычная – здоровому шимпанзе с нормально действующими конечностями такое ни к чему. Тем не менее несколько подростков с тех пор, в точности как Тинка, регулярно терлись о лианы, специально спущенные ради этого с деревьев⁶².

Как говорил Плутарх, «живя с калекой, приучишься хромать». Аналогичное сочувственное подражание наблюдается и у наших домашних животных. Через несколько дней после того, как один мой хороший знакомый сломал ногу, его собака начала приволакивать лапу. Правую, как и у него. Собака хромала так несколько недель, но, как только знакомому сняли гипс, хромота прошла будто по волшебству. Такое возможно лишь потому, что собаки, как и многие млекопи-

---

⁶² Cat Hobaiter and Richard Byrne (2010).

тающие, очень чутки к телодвижениям окружающих. Они не просто виртуозно синхронизируются с ними, но и получают от синхронизации удовольствие. Одни собаки прекрасно прыгают с детьми через скакалку, другие ползают на брюхе по всему дому вместе с хозяйским малышом.

Синхронизация и имитирование встречаются в природе повсеместно: например, когда дельфины дружно выпрыгивают из воды или пеликаны держат в полете безупречный клин. То же самое наблюдается и у одомашненных животных. Когда двух лошадей только начинают запрягать парой, они толкаются и тянут каждая в своем ритме. Но проведя несколько лет в одной упряжке, они начинают работать абсолютно слаженно и на бешеной скорости бесстрашно форсируют водные препятствия во время скачек по пересеченной местности. У них вызывает протест даже кратчайшая разлука, словно они и вправду стали единым организмом. Тот же самый принцип действует и у ездовых собак. Самый, наверное, яркий пример – ослепшая хаски, которой потеря зрения не помешала бегать в упряжке, ориентируясь по запаху, слуху и умению чувствовать остальных.

Ключевой принцип здесь – телесное единение. Вот рассказ американского зоолога Кэти Пэйн, работавшей с африканскими слонами:

Я видела однажды, как слониха-мать пританцовывает на месте, выписывая кренделя ногами и хоботом: это она издали наблюдала за сыном,

который гнался за удирающим гну. Я и сама точно так же пританцовывала, когда смотрела выступления своих детей – а один из них, не могу не похвастаться, цирковой акробат⁶³.

Столетие назад Теодор Липпс, немецкий психолог, благодаря которому возник сам термин «эмпатия», объяснял феномен *Einfühlung* (с немецкого – «вчувствование») на простейшем примере с канатоходцем. Глядя, как он идет по проволоке, мы словно сливаемся с ним эмоционально, переносимся в его тело, разделяем его чувства и шагаем над пропастью вместе с ним. Липпс первым распознал этот особый канал взаимодействия с другими. Мы способны чувствовать лишь то, что переживаем сами, но за счет бессознательного единения с другими на телесном уровне мы получаем похожий опыт, прочувствовав происходящее с ними как свое.

Именно поэтому реакции у нас молниеносны. Представьте себе, что цирковой канатоходец летит вниз на глазах у зрителей, чья эмпатия основывается только на мысленном воспроизведении ситуации. Такое воспроизведение требует времени и отдельных усилий, поэтому, подозреваю, зрителиотреагируют, лишь когда тело разбившегося будет лежать на арене в луже крови. Но в жизни все происходит иначе. Реакция зрителей мгновенна: стоит канатоходцу чуть-чуть оступиться, и в *тот же миг* раздадутся сотни испуганных охов и ахов. Порой цирковые артисты оступаются намеренно, вовсе

---

⁶³ Katy Payne (1998), p. 63.

не собираясь падать, зато прекрасно зная, что зрители неотрывно следят за каждым шагом. Я иногда задаюсь вопросом, где сейчас был бы «Цирк дю Солей» без этой эмпатической связи.

Около четверти века назад в изучении телесного канала восприятия был сделан огромный шаг вперед – благодаря открытию зеркальных нейронов в лаборатории итальянского города Парма. Эти нейроны активизируются не только когда мы совершаем некое действие – например, тянемся за чашкой, – но и когда видим, как за чашкой тянется кто-то другой. Эти нейроны не различают наше собственное движение и чужое, поэтому дают человеку возможность «влезть в чужую шкуру». Мы можем прожить чужое действие как свое. Открытие это оказалось настолько ценным для исследования подражания и других видов «межтелесного» единения, что в психологии его приравнивали по значимости к открытию ДНК. Теперь понятно, почему зрителей фильма «Король говорит!» тянет невольно подсказывать слова заикающемуся Георгу VI и почему Атланта копировала позу и движения Мэй.

Однако, несмотря на весь этот ажиотаж, нельзя забывать, что зеркальные нейроны обнаружили не у человека, а у макака. У нас и на сегодняшний день имеется гораздо больше данных (и гораздо более подробных) об «обезьянничаящих» («обезьяна видит, обезьяна делает») нейронах у других приматов, чем об их аналоге в человеческом мозге. Судя по

всему, зеркальные нейроны помогают приматам перенимать чужие приемы – открывать ящик точно таким же способом, каким это делает обученная особь, синхронизироваться друг с другом при нажатии на кнопки или в дикой природе выскрести семена из плода точно так же, как их выскрестила мать⁶⁴. У каждой группы макак имеется свой способ разделки плодов, слегка отличающийся от остальных, и молодняк всегда старательно копирует движения старших⁶⁵. Приматы – прирожденные конформисты. При этом они не только с готовностью копируют других, но и сами любят оказываться объектом для подражания. В ходе эксперимента капуцину выдали пластиковый мячик, и один из исследователей копировал все, что испытываемый с этим мячиком проделывал – бросал, сидел на нем, швырял об стену, – а второй никак испытываемому не подражал. Под конец эксперимента капуцин явно предпочитал подражателя его напарнику⁶⁶. В другом похожем исследовании человеческим подросткам, идущим на свидание, было велено зеркально копировать каждое заметное движение своего спутника или спутницы – взять стакан, облокотиться на стол, почесать в затылке. Подражатели, по отзывам спутников, вызвали больше симпатии, чем те, кто подстраиваться и имитировать не пытался. Сами они не догадывались, откуда такая разница во впечатлениях, но,

---

⁶⁴ Yasuo Nagasaka et al. (2013).

⁶⁵ Susan Perry et al. (2003).

⁶⁶ Annika Paukner et al. (2009).

судя по всему, на каком-то глубинном уровне мы расцениваем подражание как комплимент.

Этот механизм легко пронаблюдать в действии, когда рядом кто-то зевает. Удержаться и не зевнуть самому почти невозможно. Я бывал на лекциях о зевоте (с мудренными терминами вроде «пандикуляции»), на которых слушатели зевали все время, почти не переставая. Заразительность зевания тесно связана с эмпатией, судя по тому, что у наиболее склонных зевать за компанию высокий уровень эмпатии отмечается и в других случаях, и по тому, что женщины, у которых показатели эмпатии в среднем выше, чем у мужчин, также более восприимчивы к чужой зевоте. И наоборот, на детей с дефицитом эмпатии – например, при расстройствах аутистического спектра – чужая зевота зачастую не действует совсем. Эти сведения послужили отправной точкой для многочисленных исследований, призванных выяснить, как и когда мы «заражаемся» зевотой и есть ли что-то подобное у других животных. Теперь мы знаем, что на человеческую зевоту могут откликаться собаки и лошади – причем собакам достаточно даже просто *услышать* зевок хозяина – и что у обезьян зевота часто захватывает всю группу.

Мы научили наших шимпанзе смотреть айпод одним глазом через отверстие в дне уложенного на бок ведра. Так мы получили возможность отслеживать индивидуальную реакцию на видеокadres с зевающими обезьянами. Едва увидев их, испытуемые сразу начинали зевать во весь рот – но толь-

ко в тех случаях, когда лично знали возникающих на экране. На незнакомцев они не реагировали. А значит, им недостаточно увидеть открывающуюся и закрывающуюся в зевке пасть – нужна самоидентификация с зевающей обезьяной на видео⁶⁷. Такая же важность единения отмечается и у людей. Как показали скрытые полевые исследования в ресторанах, на вокзалах и в приемных, если зевнет стоящая рядом с наблюдаемым жена, он тоже зевнет. Но если зевнет стоящий рядом посторонний человек, наблюдаемый останется безучастным. Чем больше у нас общего с другими и чем они нам ближе, тем сильнее эмпатическая реакция⁶⁸.

А теперь вернемся к рассказу Л. Н. Толстого про льва и собачку. Очутившись в клетке огромного гривастого кота, бедная собачонка тут же перевернулась на спину и стала отчаянно махать хвостом. Видимо, задобренный этой капитуляцией, лев передумал нападать. Более того, он подружился с собачкой. Такой поворот может показаться неправдоподобным, но мы знаем немало примеров необычной дружбы между животными – слоном и собакой, совой и кошкой, даже львом и таксой, – позволяющих не сбрасывать сюжет Толстого со счетов. Все так или иначе зависит от телесного взаимодействия – от того, насколько сыт был лев и насколько убедила его капитуляция собачки.

---

⁶⁷ Matthew Campbell and Frans de Waal (2011).

⁶⁸ Ivan Norscia and Elisabetta Palagi (2011).

Поцелуй, и все пройдет

Передача эмоций по телесному каналу от одного человека или животного к другому – это уже далеко не то же самое, что зевание или копирование чужих движений. Это возможность чувствовать то, что чувствуют другие. И, хотя она по-прежнему завязана на телесное взаимодействие, здесь мы уже приближаемся к подлинной эмпатии. *Способность поддаваться чужим эмоциям* проявляется с первых же дней жизни, когда один младенец начинает плакать, услышав плач другого. В самолетах и в роддомах младенцы иногда устраивают концерты почище лягушачьих. Может быть, они откликаются так на любой шум? Нет, как показывают исследования, такая реакция возникает у них именно на плач ровесников и выражена больше у девочек, чем у мальчиков. Появление этого социального связующего элемента в таком раннем возрасте выдает его биологическую природу. Эту способность мы разделяем со всеми млекопитающими.

В реальной жизни дикая самка орангутана виртуозно перемахивает, раскачиваясь на руках, с одного высокого дерева на другое. Детеныш, который следует за матерью сквозь лесной полог, резко останавливается: для него пропасть между деревьями слишком широка. Он хнычет и отчаянно просит помощи. Услышав его, мать (возможно, сама покусывающая) спешит обратно, чтобы сделать для детеныша мост.

Ухватившись одной рукой за ветку своего дерева, а другой рукой или ногой – за ветку соседнего, на котором находится детеныш, она подтягивает ветки друг к другу и сама повисает между ними, чтобы детеныш перебрался по ней как по живому мосту. В этой совершенно обыденной сцене мы видим совокупное действие вовлечения в чужие эмоции (мать страдает, слыша жалобное хныканье детеныша) и интеллекта, позволяющего матери понять проблему и найти решение.

Поразительна в таких случаях притягательность отрицательных эмоций. Казалось бы, сигналы страха и отчаяния должны обращать окружающих в бегство, но, как свидетельствуют недавние исследования, мыши, наоборот, спешат подобраться поближе к собратьям, испытывающим боль⁶⁹. Это явление хорошо знакомо мне по макакам-резусам. Как-то раз один детеныш случайно свалился на доминирующую самку, и та его укусила. На его несмолкающие вопли вскоре сбежались другие детеныши. Целых восемь малышей устроили кучу-мала, карабкаясь на пострадавшего, толкаясь, пихаясь и стаскивая друг друга вниз. Конечно, перепуганному детенышу от этого легче не становилось, но малыши действовали практически на автомате, как будто им самим досталось не меньше, чем укушенному, и точно так же хочется утешения.

Однако это еще не все. Если детеныши-резусы просто хотели, чтобы их кто-то приласкал и успокоил, почему они

---

⁶⁹ Jeffrey Mogil (2015).

кинулись к пострадавшему, а не к матери? Ведь, по сути, они устремились к непонятному источнику неприятностей, а не к гарантированному источнику ласки. Детеныши обезьян поступают так постоянно, и совершенно непохоже, чтобы они при этом осознавали происходящее. Кажется, их просто тянет на чужую истерику, как мотыльков на пламя.

Нам нравится усматривать в таком поведении заботу, но на самом деле детеныши, скорее всего, даже не поняли, что случилось с пострадавшим. Я называю подобное слепое стремление к попавшим в беду «предзаботой». Как будто у детей и многих животных усвоено от природы простое правило: «Если чувствуешь, что другому плохо, подойди и прижмись!» Тем не менее полезно понимать, что оно кардинально противоречит любой теории непрямого самосохранения. Если кто-то рядом вопит, скулит и хнычет, велика вероятность, что он в опасности, а значит, умнее всего будет обратиться подальше. То же самое относится и к самим «сигналам бедствия»: если пронзительный звук режет уши, логичнее всего – заткнуть их и бежать. Однако многие животные делают прямо противоположное – подбираются поближе к источнику звука, выясняя, что стряслось, даже если сигнал едва слышен. Весь смысл в том, чтобы уловить чужое эмоциональное состояние. Проявляющееся у мышей, низших обезьян и многих других животных активное стремление кинуться к попавшему в беду не укладывается в чисто эгоистические сценарии и указывает на принципиальную ошибку

ку социобиологических теорий, популярных в 1970–80-е гг.

В социобиологической картине мира как арене беспощадной борьбы за выживание любые действия и поступки списываются на эгоистичный ген, любое своекорыстие объясняется «законом сильнейшего». Об искренней доброте не может быть и речи, ведь ни одно живое существо не бывает настолько глупым, чтобы кидаться на помощь другому, невзирая на опасность. Если такое поведение и встречается, это либо иллюзия, либо результат генетического «сбоя». Навязшее в зубах высказывание, прекрасно резюмирующее эпоху, – «поскребите альтруиста и увидите кровоточащее лицемерие»⁷⁰ – цитировали с оттенком злорадства: сплошное притворство, дескать, этот ваш альтруизм. Изречением пользовались, чтобы охладить пыл восторженных романтиков и прекраснодушных мечтателей, наивно верящих в человеческую доброту. Не случайно это была как раз эпоха Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер, а также Гордона Гекко – вымышленного персонажа фильма 1987 г. «Уолл-стрит», считавшего, что миром движет жадность. Почти все носились с этой незамысловатой идеей, которая попросту не увязывалась с тем, как сформировались в результате естественного отбора все социальные животные, включая человека.

Сейчас об «эгоистичных генах» мы, к счастью, слышим все реже. Погребенная под лавиной новейших данных идея, согласно которой поведение неизменно диктуется шкурны-

---

⁷⁰ Michael Ghiselin (1974), p. 247.

ми интересами, погибла бесславной смертью. Наука подтверждает, что сотрудничество – по крайней мере, с представителями «своего» круга – главное и основное стремление нашего вида. Это отражено и в заглавии вышедшей в 2011 г. книги Мартина Новака о человеческом поведении – «Суперкооператоры: альтруизм, эволюция и почему мы нужны друг другу, чтобы преуспеть» (SuperCooperators: Altruism, Evolution, and Why We Need Each Other to Succeed). Когда в экспериментах с использованием методов нейроимиджинга испытуемым приходилось выбирать между эгоистичным решением и альтруистичным, большинство предпочитало альтруистичный. Эгоистичный выбор делался только в том случае, если имелись веские основания отказаться от сотрудничества⁷¹. В пользу этой гипотезы говорит немало исследований, показывающих, что мы склонны к доброте и открытости по отношению к другим, если только нам ничто не препятствует. Я иногда шучу, что именно поэтому Айн Рэнд (родившаяся в России американская писательница и будущий философ) вынуждена была, доказывая свою идею, сочинять многостраничные тяжеловесные талмуды, полные безжизненных анемичных персонажей. Идея заключалась в том, что все мы – индивидуалисты до мозга костей, но убеждать нас в этом писательнице приходилось долго и мучительно, ведь в глубине души каждый знает, что на самом деле мы не такие. Вместо портрета человечества Рэнд подсовы-

---

⁷¹ Alan Sanfey et al. (2003).

вает нам противоречащий здравому смыслу идеологический конструкт.

Стандартный режим существования вида приматов под названием «человек» – активно социальный, как нетрудно заметить и по нашим любимым занятиям, от спортивных зрелищ и состязаний до пения в хоре, вечеринок и разных форм общения. Абсолютно логичная тенденция, если вспомнить, что мы потомки длинной череды животных, ведущих групповой образ жизни, которые выживали, помогая друг другу. Принцип «каждый сам за себя» у нас не работает.

У Надежды Ладыгиной-Котс имеется типичный пример проявления у ее шимпанзе Йони общей для всех приматов просоциальной природы поведения, включающей и влекущее воздействие сигналов тревоги.

Если я притворяюсь плачущей, закрываю глаза и всхлипываю, Йони мгновенно бросает все свои игры и занятия и быстро прибегает ко мне, взволнованный, весь взлохмаченный, из самых удаленных мест своего пребывания, с крыши дома, по которой только что лазал, с потолка его клетки, откуда я не могла его сместить и согнать вниз, несмотря на самые усиленные свои просьбы и зовы. Подкатив ко мне, он торопливо обегает кругом меня, как бы ища обидчика, все время внимательно смотря мне в лицо, нежно охватывает меня рукой за подбородок, легко дотрагивается пальцем до моего лица, как бы пытаясь понять в чем дело, оглядывается кругом и при этом

*сжимает свои ноги в крепкие кулачки*⁷².

Есть ли более надежное доказательство существования сочувствия у человекообразных обезьян, чем это: шимпанзе, которого не сманишь с крыши никакими уговорами и лакомствами, моментально слезает на землю, увидев, что хозяйке плохо? Когда Надежда Котс притворялась плачущей, Йони заглядывал ей в глаза, и «чем более жалобен и неутешен становился плач, тем горячее было сочувствие». Если она закрывала лицо ладонями, Йони пытался их разжать, тянулся к лицу губами, волновался, постанывал и похныкивал.

Когда у животных и детей появляется способность разобратся, что случилось с пострадавшим, они демонстрируют уже не слепое стремление оказаться рядом, а *эмпатическую заботу*. Они пытаются облегчить страдания – как Йони у Надежды Котс. Точно так же реагируют человеческие родители, когда ребенок разобьет коленку, стукнется головой или когда его обидит другой ребенок. Самый быстрый способ прекратить плач – поцеловать больное место.

У нашего вида проявления подобной заботы на ранних этапах развития изучались по видеосъемке детей в родном доме. Исследователь просил кого-нибудь из взрослых членов семьи притвориться плачущим или сделать вид, будто ушибся, чтобы посмотреть, как отреагирует ребенок. На от-

---

⁷² Nadia Ladygina-Kohts (1935), p. 121; Ладыгина-Котс Н. Н. Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях. – М.: Государственный Дарвиновский музей, 1935.

снятых кадрах дети с обеспокоенным видом подходят к «пострадавшему» взрослому, чтобы дотронуться, погладить, обнять, поцеловать, причем у девочек такое отмечалось чаще, чем у мальчиков. Самое важное открытие: оказывается, эти реакции возникают довольно рано, когда детям не исполнилось и двух лет. Проявление сочувствия у таких маленьких детей говорит о его спонтанности, поскольку вряд ли их в этом возрасте кто-то специально учит реагировать именно так⁷³.

Для меня же настоящим откровением стало то, что дети в исследовании вели себя точь-в-точь как человекообразные обезьяны. Обезьяны не только подходят к страдающему, но и выполняют точно те же самые действия – трогают, обнимают, целуют. Посмотрев видеоматериалы исследования с участием человеческих детей, я сразу же понял, что все это время изучаю именно эмпатическую заботу. Так зачем мне придумывать для нее какие-то другие термины? Утешающее поведение отмечается у многих животных, от собак до грызунов, от слонов до дельфинов, хотя жесты у каждого вида при этом свои. Собственно, во время того же исследования со съемками детей в домашней обстановке психологи случайно обнаружили, что на страдающего ребенка реагируют и собаки – они подбегали к своему маленькому хозяину, клали голову на колени, лизали лицо. Впоследствии это поведение

---

⁷³ Carolyn Zahn-Waxler and Marian Radke-Yarrow (1990).

было подтверждено целенаправленными исследованиями⁷⁴.

Разумеется, не всем понравились разговоры об эмпатии применительно к собакам и обезьянам, но с годами неприятие ослабло. Идея существования эмпатии у животных утвердилась довольно прочно. В конце концов, никто ведь не утверждает, что у собаки имеются в полной мере все те умственные способности, которыми человек пользуется, чтобы понять другого. У эмпатии бывают разные уровни. Но мы определенно наблюдаем у собак и чуткость к чужим эмоциям, и способность их перенимать, и проявления заботы. Именно поэтому собака и считается лучшим другом человека. У приматов эмпатия очевидна и распространена настолько, что «утешению» – склонности ласкать и успокаивать переживших болезненный опыт – посвящен сейчас не один десяток исследований. Чтобы зафиксировать утешение у приматов, достаточно дожидаться спонтанного инцидента, приводящего к стрессу – драки, падения, неудачной попытки добиться своего, – и понаблюдать, как остальные утешают пострадавшего. Телесный контакт обладает успокаивающим воздействием и типичен при близких социальных отношениях. Помимо прочего, он очень эффективен. Вот обезьяна вопит во всю глотку и судорожно хлещет себя руками по бокам, впав в истерику от того, что не удалось выклянчить еду. Но, проведя буквально минуту в крепких объятиях подруги,

---

⁷⁴ Deborah Custance and Jennifer Mayer (2012).

она уже не вопит, а только едва слышно похныкивает⁷⁵.

Поскольку утешающее поведение имеется не только у бонобо и шимпанзе, я очень обрадовался, когда среди наших сотрудников появился студент, желающий изучать слонов. Наблюдать за крупнейшими сухопутными млекопитающими, известными своим высоким уровнем социального взаимодействия и взаимной поддержки, мы с Джошем Плотником отправились в заповедник на севере Таиланда, где в условиях, приближенных к свободным, живут спасенные от эксплуатации и жестокого обращения индийские слоны. Когда слепой слонихе Джокии требовалась помощь, на выручку неизменно спешила ее ближайшая подруга Мэй Перм, служившая Джокии поводырем. Перекликались они, издавая трубные и рокочущие звуки. Если Джокию что-то пугало или беспокоило – рев слона-самца или доносящийся издали шум машин, обе слонихи настороженно расправляли уши и задирали хвост. Иногда Мэй Перм успокаивающе «урчала» и гладила Джокию хоботом или клала его подруге в пасть, обозначая так свое безграничное доверие, ведь для слона нет ничего дороже, чем уязвимый и чувствительный кончик хобота. Джокия в ответ укладывала хобот в пасть Мэй Перм, подтверждая взаимность доверия.

Беспокойство Джокии передавалось и другим слонам, оказавшимся поблизости, – они задирали хвост, расправляли уши, иногда мочились и испражнялись, не переставая при

---

⁷⁵ Teresa Romero, Miguel Castellanos, and Frans de Waal (2010).

этом утробно урчать. Обступая слепую слониху со всех сторон, собратья окружали ее защитным кольцом.

Джош собрал обширный материал, подтверждающий наличие у этих толстокожих как способности заражаться чужими эмоциями, так и способности утешать⁷⁶. Однако многим это кажется настолько очевидным, что иногда Джошу приходится объяснять, зачем в принципе понадобилось специальное исследование. Ведь и без того всем известно, что слоны обладают эмпатией. Меня такое недоумение даже радует – оно означает, что идея существования эмпатии у животных прочно утвердилась в умах. Однако наука всегда сталкивается на своем пути с огромным недоверием, и любой, кто не хуже меня помнит, как эту идею принимали в штыки, осознает, что без веских доказательств она не укоренилась бы никогда. А она явно прижилась и перешла в разряд таких же общеизвестных истин, как то, что сердце перекачивает кровь, а Земля круглая. Теперь мы даже представить не можем, что когда-то считалось иначе.

Тем не менее и на этом этапе эмоциональную восприимчивость у животных по-прежнему требуется исследовать, чтобы понимать, как она функционирует и при каких обстоятельствах проявляется, поскольку далеко не всегда это бывает эмпатия. Та же Мэй Перм не стеснялась таскать у Джокии еду, пользуясь ее слепотой.

Осознание чужой слабости дает нам возможность играть

---

⁷⁶ Joshua Plotnik and Frans de Waal (2014).

на ней ради собственной выгоды.

Добро и зло

Как ни парадоксально, за непостижимой жестокостью, на которую подчас способен человек по отношению к себе подобным, тоже стоит эмпатия. В стандартном определении эмпатии – чуткость к чужим эмоциям, понимание чужого положения – нет ни слова о доброте. Сама по себе эмпатия нейтральна, как ум или физическая сила. Ее можно использовать как во благо, так и во зло, в зависимости от намерений. Искусный истязатель сумеет нащупать у жертвы самые уязвимые места. Продавец подержанных машин будет заливать соловьем и подстраиваться под вас сколько потребуется, лишь бы впарить развалюху втридорога. Мы привыкли окрашивать эмпатию в розовые тона, однако в действительности она бесцветна и может служить любым целям.

Тем не менее в большинстве случаев эмпатия и вправду выступает благодеянием. Она развивалась ради помощи другим и берет начало в родительской заботе – прототипической форме альтруизма и прообразу всех остальных ее видов. У млекопитающих забота о потомстве возложена на мать, участие отца факультативно. Детенышей требуется выкармливать, а у млекопитающих необходимое для этого оснащение имеется только у одного пола, поэтому неудивительно, что у женских особей забота и эмпатия развиты сильнее, чем у мужских. Утешающее поведение более характерно

для самок человекообразных обезьян, чем для самцов – точно так же, как и у людей. Недавний анализ записей магазинных камер безопасности, зафиксировавших ограбление, подтвердил, что утешать пострадавших в таких случаях чаще принимались женщины, чем мужчины⁷⁷. Эта гендерная разница проявляется у всех изученных на сегодня млекопитающих, причем у нашего вида она отражается даже в научных работах и заявках на грант. Нет числа авторам-мужчинам, которые задаются вопросом о «загадке» альтруизма, словно это такое непонятное явление, неизвестно откуда берущееся и требующее особого рассмотрения. Альтруизм для них – тайна за семью печатями, нечто совершенно неподвластное обычной логике, поэтому библиотеки наполнены высоконаучными изысканиями пытающихся разобраться, как же и зачем он мог развиваться. О материнской заботе в этих трудах не упоминается ни слова, ведь в ней ничего загадочного нет. Стремление обеспечить благополучие своего потомства дополнительных объяснений не требует, так зачем тратить на него время?

Среди женщин-авторов я, наоборот, не знаю ни одной рассуждающей об альтруизме как о загадке. Женщинам не свойственно упускать из виду материнскую заботу и сопряженные с ней постоянное беспокойство и внимание. Американский антрополог Сара Хрди в своих работах на тему сотрудничества выдвигает гипотезу, согласно которой раз-

---

⁷⁷ Marie Rosenkrantz Lindegaard et al. (2017).

виту духа товарищества способствовала характерная для общинного уклада коллективная забота о детях⁷⁸. Патриция Черчленд, американский философ с глубокими познаниями в нейробиологии, тоже считает, что человеческая этика выросла из склонности заботиться о потомстве. В женском организме нервные сети, обслуживающие его собственные нужды, подключаются к обслуживанию дополнительных нужд ребенка (как если бы тело отрастило дополнительную конечность). Поскольку дети – это наше продолжение, мы оберегаем и нянчим их, не задумываясь, как оберегаем и обслуживаем самих себя. Эти же нервные сети задействованы в проявлении и других видов заботы – в том числе о дальних родственниках, супругах и друзьях⁷⁹.

Материнским началом объясняется устойчивая гендерная разница в проявлениях эмпатии, наблюдаемая у человека с первых же дней жизни. Новорожденные девочки дольше смотрят на лица, чем мальчики, – у тех взгляд склонен задерживаться на механических игрушках. Подрастая, девочки остаются более ориентированными на других, лучше считывают выражение лиц, более чутки к интонациям, больше переживают, обидев кого-то, и им лучше удается ставить себя на место другого⁸⁰. Такую же разницу выявляют исследования самоотчетов и у взрослых. Кроме того, нам известно,

---

⁷⁸ Sarah Blaffer Hrdy (2009).

⁷⁹ Patricia Churchland (2011).

⁸⁰ Simon Baron-Cohen (2005).

что окситоцин (то есть гормон, связанный преимущественно с материнской привязанностью), введенный в виде спрея через нос, усиливает эмпатию и у мужчин, и у женщин. В результате мы почти не замечаем, сколько сил тратим ежедневно на заботу о потомстве, и шутим только о бесконечных финансовых расходах. Дальние родственники и друзья круглосуточной заботы не требуют, однако, помогая им, мы тоже ощущаем моральное удовлетворение. Шотландский философ XVIII в. Адам Смит как никто другой понимал, что преследование собственных интересов нужно разбавлять сочувствием к ближнему. Он говорит об этом в труде «Теория нравственных чувств» (The Theory of Moral Sentiments, 1759) – гораздо менее популярном, чем последующее «Исследование о природе и причинах богатства народов» (The Wealth of Nations, 1776), заложившее основы экономической теории. Свою первую книгу Адам Смит начинает так:

Какую бы степень эгоизма мы ни предположили в человеке, природе его, очевидно, свойственно сочувствие к тому, что случается с другими, участие, вследствие которого счастье их необходимо для него, даже если бы оно состояло только в удовольствии быть его свидетелем⁸¹.

Чтобы выжить, человеку необходимо есть, совокупляться и выкармливать потомство. Природа потрудилась сделать

---

⁸¹ Adam Smith (1759), p. 9.; Смит А. Теория нравственных чувств. – М.: Республика, 1997.

все эти занятия приятными, поэтому мы предаемся им охотно и легко. Точно так же природа поступила с эмпатией и взаимопомощью, позволив нам испытывать моральное удовлетворение от помощи другим – то самое «тепло на сердце» от альтруистичных поступков. Альтруизм активирует одну из древнейших и самых жизненно важных нервных сетей в головном мозге у млекопитающих, помогающую нам и заботиться о ближних, и выстраивать основы социальной взаимопомощи, от которой зависит наше выживание. Ища истоки человеческого альтруизма в самом древнем и самом убедительном его проявлении, мы срезаем всю «загадочность» на корню.

Нервные механизмы эмпатии у животных изучены меньше, поскольку провести аналогичные исследования с участием человекообразных обезьян, слонов, дельфинов и прочих не представляется возможным. Они либо не уместятся в обычном томографе, либо не смогут соблюдать неподвижность, необходимую для сканирования бодрствующего мозга. А вот к грызунам нейробиологи обращаются постоянно. Джеймс Бёркетт, мой коллега по Университету Эмори, обнаружил, что желтобрюхие полевки (*Microtus ochrogaster*) утешают друг друга при стрессе. Эти крошечные грызуны образуют моногамные пары, в которых самец с самкой вместе выращивают потомство. Если одному зверьку из супружеской пары плохо, его состояние скажется и на другом – причем даже в том случае, если второй не присутствовал при са-

мом травмирующем событии. В таких случаях уровень кортикостерона (гормона стресса) в крови самца полностью совпадает с уровнем самки, и наоборот, что свидетельствует о сильной эмоциональной связи. Как в дальнейшем выяснил Джеймс, при стрессе у одного из «супругов» взаимный груминг в паре усиливается, и это занятие действует на обоих успокаивающе. С другой стороны, если заблокировать у полевок восприимчивость к действию окситоцина, они перестают реагировать на чужой стресс, а значит, окситоцин играет здесь ключевую роль. Таким образом, эмпатия у моногамных полевок имеет фундаментальное сходство с человеческой, поскольку тоже коренится в мозге⁸².

Способность заражаться чужими эмоциями у людей тестируется точно так же, как и у полевок, – измерением уровня гормонов стресса. Поскольку среднестатистический человек пуще смерти боится выступать перед публикой, испытуемых просили произнести речь со сцены. После этого всем участникам (и оратору, и слушателям) предлагалось сплюнуть в стакан – из слюны исследователи выделяли гормон, связанный с тревожностью. Выяснилось, что во время выступления уверенных в себе ораторов слушатели внимали каждому слову и чувствовали себя спокойно, тогда как нервозность неуверенных передавалась и аудитории. Гормональный уровень у ораторов и слушателей совпадал – как в

---

⁸² James Burkett et al. (2016).

моногамных парах полевок⁸³. Это сходство указывает на *гомологию* – так в эволюционной биологии называется подобие, обусловленное происхождением от общего предка. Точно так же, как наша кисть руки гомологична кисти остальных приматов, эмпатия у млекопитающих гомологична ее проявлениям у других видов, то есть функционирует аналогичным образом и имеет общее эволюционное происхождение.

Во времена Адама Смита, до появления термина «эмпатия», все это подпадало под категорию *сочувствия*. Однако сегодня сочувствие означает нечто иное. Эмпатия направлена на получение данных о другой особи и ее состоянии, тогда как в сочувствии отражено непосредственное беспокойство за другого и желание улучшить его положение⁸⁴. Так, например, я в своих профессиональных наблюдениях за приматами постоянно опираюсь на эмпатию, но никак не на сочувствие. Было бы чрезвычайно скучно часами напролет наблюдать за животными, никак с ними не отождествляясь и не чувствуя ни радости, ни огорчения, связанных с их радостями и горестями. Внезапная смерть собрата, рождение здорового детеныша, добыча любимого лакомства – наблюдатель не может оставаться ко всему этому безучастным. Мы часто слышим, что ученый должен быть максимально объективен, однако я с этим не согласен: ничего, кроме холодного, механистического представления о животных, такой под-

---

⁸³ Tony Buchanan et al. (2012).

⁸⁴ Lauren Wispé (1991).

ход нам до сих пор не давал. Объективности наука, может, и добилась, но при этом полностью упустила из виду эмоции животных. Некоторым выдающимся первопроходцам в изучении поведения животных удавалось отказаться от подобного подхода, подчеркивая необходимость эмоционального сближения и самоидентификации с объектами исследования. И основоположник японской приматологии Киндзи Иманиси, и Конрад Лоренц провозглашали эмпатию пропуском в сознание животных. Лоренц утверждал даже, что владелец собаки, считающий, будто она лишена чувств, подобных нашим, ущербен в психологическом отношении и даже опасен⁸⁵.

Я считаю, что эмпатия меня кормит, поскольку многие открытия я совершал именно благодаря ей – «влезая в шкуру» изучаемых. Это отнюдь не то же самое, что сочувствие, которого у меня тоже хватает, однако оно менее спонтанно, чем эмпатия, более взвешенное, рассудочное. Есть люди, которые проявляют к животным именно сочувствие, причем почти безграничное, – например, спасающие и выхаживающие бездомных собак. Авраам Линкольн, судя по совершенному еще в бытность адвокатом поступку, мог пожертвовать и временем, и приличными брюками, чтобы вытащить увязшую в грязи свинью, которую увидел по дороге к клиенту. Сочувствие деятельно. Зачастую оно замешано на эмпатии, но простирается гораздо шире.

---

⁸⁵ Konrad Lorenz (1980).

Если сочувствие по определению положительно, то эмпатия – далеко не всегда, особенно когда способность чувствовать другого используется, чтобы нащупать его слабые места. Животные с маленьким мозгом – например, акулы и змеи, – вряд ли способны проделывать такое целенаправленно. Обладая отличной способностью ранить и калечить, они не представляют себе ощущения жертвы. «Жестокость» у природы в основном именно такая: жестоки последствия, но не намерения. Человекообразные обезьяны – совсем другое дело, у них для осознанного причинения боли мозг развит достаточно. Они вполне могут воспользоваться своей способностью понимать других, чтобы их помучить. Как мальчишки, швыряющие камни в уток на пруду, эти обезьяны подчас издеваются над окружающими просто ради потехи. В одной игре молодые лабораторные шимпанзе подманивали хлебными крошками кур к сетчатой ограде. Но, как только доверчивая курица подбиралась поближе, шимпанзе били ее палкой или тыкали острым куском проволоки. Эту игру в «танталовы муки», в которую курам не хватало интеллекта не играть (хотя для них в ней ничего забавного не было), обезьяны придумали от безделья. И даже успели отточить приемы: один игрок подманивал кур, второй – бил.

Нечто подобное, хоть и менее жестокое, мы наблюдали и в собственных исследованиях. Взявшись изучать уханье и похрюкиванье, которым шимпанзе обозначают обнаружение пищевого эльдорадо, мы придумали испытание, в ходе

которого несколько шимпанзе натываются на полный ящик яблок – в помещении с одним-единственным приоткрытым окошком. Через него все оставшиеся снаружи могут заглянуть внутрь и посмотреть, что происходит. Шимпанзе толпились у окошка, отталкивая друг друга, просовывая руки внутрь и выклянчивая яблоки. Взрослые обладатели сокровища в таких случаях вполне могли поделиться и выдать несколько яблок страждущим, хотя им ничто не мешало оставить добычу себе. Молодняк же видел сложившуюся ситуацию как великолепную возможность поиздеваться над толпящимися снаружи. Усевшись под окном, подростки выставляли напоказ блестящее красное яблоко – и тут же прятали, стоило кому-нибудь протянуть за ним руку. Богатенькие детки дразнили бедняков⁸⁶.

В дикой природе шимпанзе нередко изводят мелких зверьков вроде белок или даманов. Судя по тому, как они при этом смеются, забава доставляет им удовольствие. Японский полевой исследователь Коитиро Дзамма рассказывает, как в Национальном парке Махали-Маунтинс в Танзании взрослая самка шимпанзе Нкомбо минут шесть таскала по земле и раскачивала в воздухе пойманную белку, пока та не издала последний отчаянный визг и не умерла. «Это напоминало корриду, – пишет Дзамма. – Нкомбо, словно матадор красным плащом, размахивала рукой перед белкой, как перед быком, и “колола” (покусывала) ее. Судя по всему, ее

---

⁸⁶ Sarah Brosnan and Frans de Waal (2003a).

действия представляли собой социальную игру с уклоном в подначивание, поскольку Нкомбо позволяла белке нападать и демонстрировала игровое лицо»⁸⁷ – усмешку. Когда белка умерла, поведение Нкомбо резко изменилось. Шимпанзе прекратила провоцировать ее и ухватила за туловище, а не за хвост, из чего Дзамма заключает, что Нкомбо осознала перемены, происшедшие с жертвой. Тушку она бросила, даже не надкусив.

Вероятная способность других видов (помимо нашего) не только к эмпатии, но и к намеренным издевательствам может отягчать нападения, совершаемые в дикой природе. Как положено многим самцам в царстве животных, шимпанзе ведут борьбу за территорию, но также случается, что они намеренно стараются прикончить соперника. Например, несколько особей обходят дозором свои владения и, увидев жертву по ту сторону границы, крадутся за ней в полной тишине, чтобы застать врасплох на плодоносящем дереве, наброситься скопом, превратить в кровавое месиво и оставить умирать. Я наблюдал подобную жестокость в неволе, один раз даже с оскоплением, которое в то время расценили как случайность, возможно, вызванную условиями содержания. Но теперь доподлинно установлено, что дикие шимпанзе в природе поступают точно так же. Собственно, представившееся мне кошмарное зрелище – практически норма для этого вида. Так что я склонен рассматривать убийство и кастрацию

---

⁸⁷ Koichiro Zamma (2002), p. 11.

не как трагический побочный эффект выяснения отношений между самцами, а как намеренные действия. Раз эти приматы способны, оценив чужое состояние, проявить заботу, что мешает предположить у них и способность убивать ради самого убийства?

Когда критики приводят примеры такой жестокости с целью дискредитировать идею существования эмпатии у шимпанзе («Вы ведь знаете, что они друг друга убивают, да?»), я предлагаю им вспомнить наш собственный прекрасный вид. Никто ведь не отказывает *Homo sapiens* в эмпатии только на том основании, что при каких-то обстоятельствах люди способны на убийство. Наше отношение к убийству меняется в зависимости от ситуации, именно поэтому нам принадлежит звание самого доброго и одновременно самого жестокого животного на свете. Я же лично здесь никакого противоречия не вижу, поскольку забота и жестокость имеют гораздо больше общего, чем может показаться. Это две стороны одной медали.

В III в. раннехристианский богослов Тертуллиан из Карфагена нарисовал очень необычную картину рая. Если ад оставался геенной огненной, то рай представлял собой балкон, с которого спасенные души могли наблюдать за грешниками, то есть упиваться муками обреченных вечно корчиться в адском пламени. Что за нелепая мысль! Многим из нас смотреть на чужие мучения едва ли не тяжелее, чем мучиться самим. Тертуллианов рай кажется мне таким же наказа-

нием, как и ад.

А как тогда наши недруги? За них мы тоже переживаем? Немецкий нейрофизиолог Таня Зингер, изучая этот вопрос, обнаружила еще одно интригующее гендерное различие. Когда во время томографического сканирования испытуемые видели, как другого человека бьют в руку слабым электрическим разрядом, в их мозге вспыхивали области восприятия боли, то есть они чувствовали чужую боль как свою. Это типичная эмпатия. Но возникала она только в том случае, если испытуемый симпатизировал напарнику вследствие проводившейся перед сканированием игры. Если же во время этой игры напарник жульничал и испытуемый ощущал себя обманутым, восприятие чужой боли как своей слабело. Двери эмпатии захлопывались. У женщин, впрочем, они оставались приоткрытыми – некоторая эмпатия все же возникала. У мужчин они затворялись наглухо – более того, когда жульничавшего игрока били током, в их мозге вспыхивал центр удовольствия. Они переключались с эмпатии на жажду справедливости и приветствовали наказание мошенника. На первый план выходило злорадство⁸⁸.

Если Тертуллианов рай существует, он полон мужчин, глядящих на корчи своих врагов.

---

⁸⁸ Tania Singer et al. (2006).

Сочувствие у крыс

Моя любимая история о человеческом сочувствии – притча о добром самаритянине. Начинается она с того, что священник и левит по очереди проходят мимо лежащего у дороги раненого и не останавливаются, чтобы помочь ему. Они прекрасно знают и помнят все тексты, призывающие возлюбить ближнего, но руководствуются явно не ими. И только религиозный изгой самаритянин испытывает сострадание и помогает раненому. Мораль притчи – плоха та этика, которая выучена по книгам, а не идет от сердца. Об этом полезно помнить, когда ученые или политики иронизируют над нежными чувствами, выставляя их чем-то лишним и ненужным. Какой прок от сочувствия ближнему? Психолог Пол Блум написал книгу под названием «Против эмпатии» (*Against Empathy*, 2016), в которой доказывает, что мы существа рациональные, поэтому наши нравственные принципы должны опираться на логику и разум. Если все как следует обдумать (и желательно по науке), мы всегда сумеем сделать абсолютно взвешенный, идеально правильный выбор. Что может быть лучше объективной этики?

В свете событий новейшей истории его позиция попросту пугает. Науку и разум без опоры на человечность можно обратить на службу чему угодно и оправдать с их помощью любую гнусность. Именно они дали нам весомые эко-

номические доводы в пользу рабства и медицинское обоснование опытов над заключенными. Они побуждали нас улучшать человеческую породу с помощью насильственной стерилизации и геноцида. Еще совсем недавно евгеника считалась приличной и достойной наукой, ее преподавали в университетах по всему миру. Тем, кто причислил себя к высшей расе, казалось вполне разумным отбраковать низшие. Вот что получается, если руководствоваться чистой логикой, а сердцу слова не давать. Последствия этого рационального мышления мы уже видели во время Второй мировой войны – и тогда же убедились, что величайшими героями становятся не те, кто мыслит как большинство, а те, кого эмпатия заставляет действовать наперекор зверским приказам. Это они тайком подкармливают голодающих узников, это они укрывают в подвалах и на чердаках истребляемых и преследуемых. Польской медсестре Ирене Сендлер удалось поодиночке тайно вывезти из Варшавского гетто сотни еврейских детей. Ею двигали не какие-то отвлеченные высокие моральные принципы, а естественная эмпатия.

Между тем многие рационалисты расценивают эмпатию и сочувствие как слабость, находя в них слишком много импульсивного и неконтролируемого. Но ведь в этом и есть их сила! Эмпатия подпитывает наш интерес к окружающим. Удовольствие, которое доставляет нам общество других и их благополучие, заложено в нашей биологической природе. Это наша суть, не требующая никаких отдельных нравствен-

ных оправданий. Нам и к Библии за примерами обращаться незачем, поскольку о поступках, продиктованных любовью к ближнему, мы узнаем ежедневно. Люди кидаются в ледяную воду спасать утопающих, вытаскивают упавших на рельсы перед приближающимся поездом, закрывают кого-то своим телом в перестрелке. Они жертвуют собой не задумываясь – и поэтому зачастую так удивляются всеобщему вниманию к своей персоне. На их взгляд, они всего-навсего сделали то, что требовалось. Не проходит и дня, чтобы в интернете не появилось новое видео, где собака увлакивает раненого собрата с шоссе, слон спасает слоненка, которого вот-вот смое бурный поток, а горбатый кит отбивает тюленя у разбойничайущих косаток. В большинстве случаев спасателя побуждают к действию сигналы бедствия. Это в высшей степени типичная для млекопитающих реакция помощи попавшему в беду детенышу, распространяющаяся и на остальных, порой даже на представителей чужого вида.

Еще любопытнее, когда на помощь приходят при отсутствии четких сигналов бедствия. Здесь спасатели догадываются о том, что нужно сделать, просто оценивая ситуацию в целом. За иллюстрацией давайте вернемся к уже упоминавшемуся вольеру бонобо в зоопарке Сан-Диего – в те времена, когда огораживающий ров еще заполняли водой. Как-то раз служители осушили ров, чтобы почистить, а потом, собираясь залить его заново после уборки, отправились на кухню открывать вентиль. И тут за кухонным окном показал-

ся вожак стаи, альфа-самец Каковет, который дико верещал и размахивал руками. По рассказу служителей, получалось очень доходчиво – даже без слов.

Как выяснилось, несколько молодых бонобо прыгнули в осушенный ров, но не смогли выбраться. Если бы воду пустили, они бы захлебнулись, потому что плавать человекообразные обезьяны не умеют. Служители принесли лестницу, и с их помощью все бонобо выбрались – кроме самого маленького, которого Каковет вытащил сам. Лихорадочные попытки привлечь внимание служителей свидетельствуют, что альфа-самец понимал, где и кем перекрывается вода, и догадывался, какой катастрофой обернется заполнение рва. Он кинулся предотвращать беду.

Иногда обезьяны кормят и поят стареющих членов группы. У одной из шимпанзе в нашей колонии – старой самки по кличке Пеони – артрит иногда разыгрывался так, что она не могла доковылять даже до поилки. Тогда самки помоложе набирали воды в рот и приносили Пеони – той оставалось только подставить распахнутую пасть под струю. Когда Пеони все же передвигалась, молодые самки помогали ей присоединиться к группе груминга, собиравшейся на конструкции для лазанья, – упирались обеими руками в ее внушительный зад и подталкивали наверх. В дикой природе одной одряхлевшей самке, которая уже не могла сама лазить по деревьям, охापками доставляла фрукты ее дочь.

В луизианском заповеднике «Приют шимпанзе» (Chimp

Haven), с которым я сотрудничаю и который поддерживаю, шимпанзе обитают на больших лесистых островах. Туда их перемещают «на заслуженный отдых» из исследовательских лабораторий, поэтому они имеют слабое представление о траве, деревьях и открытой территории как таковой. И тогда мы наблюдаем, как уже освоившиеся шимпанзе передают опыт новоприбывшим. Однажды самка по кличке Сара спасла свою близкую подругу Шейлу от ядовитой змеи. Сара увидела змею первой и принялась издавать сигнал тревоги – громкий лай, состоящий из отрывистых «у-а-а», – оповещая всех вокруг об опасности. Но Шейла кинулась посмотреть поближе, так что Саре пришлось хватать ее за руку и энергично оттаскивать. Сама она тыкала в змею палкой для проверки, но Шейлу упорно не подпускала. Похоже, она догадывалась, что Шейла сграбастает змею голыми руками и окажется в смертельной опасности.

Я могу привести еще десятки примеров с приматами – и примерно столько же с дельфинами, псовыми, птицами и прочими. Особенно щедры на такие примеры слоны. Чего стоит, например, спасение слонят, увязающих в грязевых ямах. Взрослые слоны спускаются в эту смертельно опасную ловушку и хоботом выталкивают барахтающихся малышей вверх. На популярнейшем видео из южнокорейского зоопарка, когда слоненок соскальзывает в бассейн, стоящая рядом мать в панике топчется у бортика, пока мгновенно примчавшаяся тетушка упавшего не начинает бодать ее лбом в

бок, разворачивая в сторону лестничного спуска в воду. По нему они вдвоем вбегают в бассейн, подплывают к слоненку и выгоняют по той же лестнице на берег. Правда, судя по тому, что слоненок прекрасно плавает и умеет пользоваться хоботом как дыхательной трубкой, паника была излишней. «Слонам лишь бы драматизировать», – прокомментировала случившееся эксперт Джойс Пул. Для меня же самое любопытное здесь – поведение тетушки, которая понимала, как вытащить слоненка из бассейна, но возглавить спасательную операцию побуждала слониху-мать.

Судя по всему, животные очень многих видов способны мгновенно догадываться, что требуется окружающим, и спонтанно приходят на выручку. Но вместо того, чтобы рассказывать все новые и новые истории, я лучше перейду к результатам экспериментов, поскольку лишь они дают нам точные данные. При обычном наблюдении на ситуацию влияет слишком много разных факторов, чтобы можно было делать однозначные выводы. Эксперимент же позволяет задать контролируемые условия, в которых у животного сохранится выбор из вариантов поведения, но эгоистичные интересы будут исключены. Между тем до недавнего времени эксперименты по исследованию поведения помощи сородичам почти не проводились, поскольку ученые в массе своей полагали, что о благополучии окружающих способен заботиться только человек. Животных считали безразличными к судьбе собратьев. Иногда ученые заявляли об этом с

пафосом, подчеркивая благородство человеческой природы или утверждая, что наших предков сделал отличными в этом смысле от других животных относительно недавний эволюционный поворот. Почти как церковники, отказавшиеся заглядывать в телескоп Галилея, поскольку ничего достойного там увидеть невозможно, ученые ничего выдающегося от животных не ждали – отсюда и скудость соответствующих исследований поведения почти на всем протяжении прошлого века. Зачем проверять наличие у животных качеств, которых у них точно быть не может? Но перемены уже наметились. Поскольку все, что делает человек, – включая и оказание помощи – наверняка имеет прообраз или параллель у других видов, помощь стала достойным предметом для изучения.

Блестящую серию экспериментов с участием самого эмпатичного вида человекообразных обезьян – бонобо – провел американский антрополог Брайан Хэйр с коллегами⁸⁹. Бонобо так же близки к нам, как и шимпанзе, но значительно более чутки и ласковы. Из-за их склонности пользоваться сексом как средством погашения конфликтов я давно уже шушу, что лозунг этих приматов – «занимайтесь любовью, а не войной», и он даже успел приклеиться к ним в качестве ярлыка. В изобретательных экспериментах Хэйра они свою репутацию подтвердили. В одном из тестов молодым бонобо доставалась целая гора фруктов, которую испытуемый лег-

---

⁸⁹ Brian Hare and Suzy Kwetuenda (2010), Jinghzi Tan and Hare (2013).

ко мог слопать в одиночку. Так они и поступали, если оставались одни. Но в некоторых случаях они обнаруживали рядом собрата – за проволочной дверцей, отпереть которую со своей стороны им не составляло труда. И первое, что делали многие бонобо, прежде чем наброситься на фрукты, – отпирали дверцу и впускали соседа. Этот поступок лишал их половины неслыханного богатства, ведь с новоприбывшим приходилось делиться. Если же за дверцей никого не было, отпирать ее они обычно даже не пробовали.

Еще более впечатляющие результаты принесли тесты, в которых у обезьян возникала возможность добыть еду для других, не получая при этом ничего для себя. Они могли, дернув за веревку, открыть дверцу, чтобы другой бонобо добрался до фруктов, но им самим доступ к пиршеству был отрезан. Однако за веревку они все же дергали, хотя – как писал Адам Смит о сочувствии – сами ничего не получали, за исключением удовольствия видеть счастье других.

Это тест уже не на альтруизм как таковой, который может проявляться по-разному, а на *просоциальные* наклонности, определяемые как стремление улучшить чужую жизнь. Одна из участниц моей научно-исследовательской группы, Вики Хорнер, изучала просоциальный и эгоистичный выбор у шимпанзе в условиях контролируемого эксперимента. Заввав двух шимпанзе в лабораторное помещение, Вики размещала их по разные стороны проволочной сетки. Первыми проходить тест выпало Пеони и Рите, не родственной ей сам-

ке. Пеони получила полное ведро цветных пластиковых жетонов – половину зеленых, половину красных. Она уже умела брать по одному жетону и протягивать нам, но прежде ей не приходилось обращать внимание на цвет. Вознаграждение она получала в любом случае, независимо от окраски жетона. Так было и теперь – с одним-единственным отличием: получит ли вознаграждение Рита. Красные жетоны считались «эгоистичными» – за них награду давали только самой Пеони, тогда как за зеленые, «просоциальные», вознаграждались обе участницы. И вот, сделав выбор много раз подряд, Пеони начала в двух случаях из трех предпочитать зеленый жетон. В других парах испытуемых доходило до девяти из десяти в пользу просоциального выбора. Если же мы тестировали шимпанзе по одному, а не в парах, цвет жетонов терял значение. Просоциальный выбор преобладал, только если от него выигрывал напарник⁹⁰.

Но споры о том, наполовину стакан полон или наполовину пуст, не утихают: если нас сильно впечатлили выявленные у наших обезьян просоциальные наклонности, то критики подчеркивали в первую очередь, что просоциальный выбор делался не во всех случаях. Видимо, шимпанзе все же могут вредничать, заявляли они, иначе зачем намеренно лишать напарника вознаграждения? Однако эта попытка укрепить пошатнувшуюся веру в то, что заботиться о ближнем свойственно лишь человеку, провалилась. Шимпанзе – создания

---

⁹⁰ Victoria Horner et al. (2011).

сложные, их поведение постоянно варьирует. Я не знаю ни одного задания, которое они выполнили бы на сто процентов, даже прекрасно понимая, что там к чему. У людей то же самое: наши успехи тоже варьируют в зависимости от обстоятельств, настроения, сосредоточенности и взаимодействия с напарниками. Ознакомившись с результатами экспериментов на просоциальный выбор у людей, мы обнаружили не меньшую вариативность, чем у шимпанзе. В частности, 7–8-летние дети делают просоциальный выбор в трех случаях из четырех, то есть в четверти случаев выбор оказывается эгоистичным. Другие исследования эту тенденцию подтверждают. И у шимпанзе, и у человека просоциальные склонности никогда не бывают стопроцентными⁹¹.

В Японии Синья Ямамото провел эксперимент, в котором шимпанзе могли помогать друг другу – но только сумев посмотреть на ситуацию «чужими глазами». Результаты получились примерно такими же, как в описанных выше примерах из реальной жизни, когда шимпанзе догадывались, что другому нужна вода или пища или что с подруги станет схватить змею голой рукой. Ямамото сумел создать контролируемые экспериментальные условия для исследования этой интуитивной помощи. У самки шимпанзе имелось два способа добраться до апельсинового сока: подтянуть контейнер поближе с помощью граблей либо выпить сок через трубочку. Однако ни граблей, ни трубочки испытуемой не да-

---

⁹¹ Ernst Fehr et al. (2018).

вали, зато рядом, в отдельном отсеке, сидел самец шимпанзе, у которого имелся целый арсенал разных орудий. Заметив затруднения подруги, он мог выбрать нужное орудие и передать через небольшое окошко. Если же ему не удавалось проникнуться затруднением соседки, он выбирал орудие наугад, не понимая, что той требуется. Как видим, шимпанзе не просто готовы прийти на выручку друг другу, они способны учесть, что именно требуется соплеменнику в соответствующей ситуации⁹².

Эти способности по-прежнему изучены слабо, но уже ясно, что человекообразные обезьяны совсем не так эгоистичны, как предполагалось, а если сравнивать с человеческим поведением – дадут сто очков вперед среднестатистическому священнику или левиту. Однако по практическим и этическим причинам мы не проводим эксперименты на выявление тех форм альтруизма, которые могут дорого обойтись помощнику, например, если ему придется рисковать жизнью ради другого. Ни один ученый не будет намеренно сталкивать шимпанзе в реку, чтобы проверить, станут ли остальные его спасать, хотя реальные жизненные ситуации показывают, что станут. В зоопарках крупные обезьяны часто живут на острове, окруженном водяным рвом, и нам известны случаи, когда кто-то из обитателей пытался спасти упавшего в воду собрата – иногда в результате гибели оба. Один самец лишился жизни, когда зашел в воду, чтобы вытащить де-

---

⁹² Shinya Yamamoto, Tatyana Humle, and Masayuki Tanaka (2012).

теньша, которого уронила в ров неуклюжая мать. В другом зоопарке детеныш шимпанзе задел электрическое ограждение и в панике спрыгнул со спины матери в воду. Мать утонула вместе с ним, когда кинулась его вылавливать. Первая в мире «говорящая» шимпанзе Уошо, услышав вопль упавшей в воду самки, перемахнула через двойную электрическую ограду, чтобы добраться до отчаянно барахтающейся утопающей. Зайдя в скользкий ил у края рва, Уошо ухватила ее за молотящую по воде руку и вытащила. Пострадавшую она почти не знала, они познакомились за считанные часы до происшествия⁹³.

Чтобы заставить стойкого гидрофоба кинуться в воду, мотивация явно должна быть очень сильной. Рассудочных расчетов («Может, если я помогу ей сейчас, она тоже когда-нибудь меня выручит?») для этого не хватит: зачем рисковать жизнью и здоровьем ради такой призрачной перспективы? Только эмоции, вызванные происходящим, могут побудить нас презреть опасность – как побуждает эмпатия, позволяющая проникнуться чужим эмоциональным состоянием. Как выразился американский психолог Мартин Хоффман, эмпатия обладает уникальным свойством «вызывать у нас неприятные переживания из-за чужой беды»⁹⁴. Этот механизм протестировал – не на приматах и других крупных млекопитающих, а на грызунах – исследователь из Чикагского уни-

---

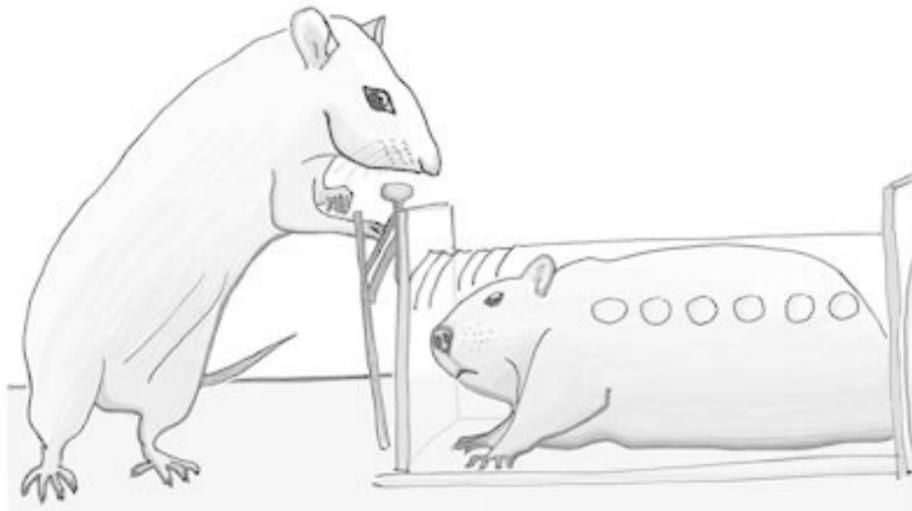
⁹³ Roger Fouts (1997).

⁹⁴ Martin Hoffman (1981), p. 133.

верситета Инбаль Бен-Ами Барталь. Барталь запускал крысу в вольер, где находился небольшой прозрачный контейнер – примерный аналог банки из-под варенья. Внутри отчаянно извивалась, пытаясь выбраться, другая крыса, но выход ей перегораживала дверца с защелкой. Свободная крыса не просто принималась разбираться, как открыть дверцу и вызвать узницу, она делала это с явным энтузиазмом. Заранее отпирать защелку крыс не обучали, они учились на месте. Затем Барталь подверг испытанию мотивацию крыс-спасительниц, предоставляя им на выбор два контейнера – один с шоколадной крошкой (любимым лакомством, легко различимым по запаху), второй с запертой товаркой. Во многих случаях крыса в первую очередь принималась освобождать узницу, то есть уменьшить ее страдания было для свободной крысы важнее, чем полакомиться шоколадом⁹⁵.

---

⁹⁵ Inbal Ben-Ami Bartal, Jean Decety, and Peggy Mason (2011).

При тестировании эмпатии у лабораторных крыс одну из испытуемых запирают в стеклянном контейнере. Реагируя на страдания узницы, свободная крыса целенаправленно принимается ее вызволять. Это поведение пропадает, если свободная крыса находится под действием релаксанта, притупляющего чувствительность к чужому эмоциональному состоянию

Может быть, испытуемые вызволяли узницу только потому, что жаждали общения? Если товарка томится взаперти, с ней не поиграешь, не спаришься, не займешься грумингом. Вдруг крысы просто хотели устранить препятствие для контакта? В изначальном исследовании такой вариант не рассматривался, но было проведено другое, в котором спасение не вело к взаимодействию⁹⁶. Однако крысы по-прежнему

⁹⁶ Nobuya Sato et al. (2015).

друг друга спасали, а значит, ими двигало вовсе не желание пообщаться. Барталь считает, что мотивацией служат овладевающие ими эмоции: стресс узницы передается свободной крысе и заставляет искать выход. Когда же Барталь с помощью успокоительного превращал крыс в безмятежных хиппи, они все так же успешно вскрывали контейнер с шоколадом, но не обращали никакого внимания на узницу. Им не было до нее дела, у них притуплялась эмоциональная реакция, примерно как у человека под прозаком или болеутоляющим. Крысы становились глухи к чужому страданию и переставали помогать узнице. Эти результаты гораздо больше согласуются с гипотезой деятельного сочувствия или помощи, основанной на эмпатии, чем с объяснениями, предполагающими в качестве мотива сиюминутный эгоистический интерес⁹⁷.

Ключевое слово здесь «сиюминутный», поскольку никто не утверждает, что в долгосрочной перспективе эмпатия бесцельна. В биологии четко различаются два аспекта преследования собственных интересов. Если смотреть с первой точки зрения, эволюционной, эмпатия никогда бы не развилась, если бы не давала преимущество: она способствует построению общества, основанного на сотрудничестве, где каждый может положиться на окружающих. Так что взаимной выгоды и ценности для выживания у эмпатии хоть отбавляй. Со второй точки зрения, психологической, собственные инте-

---

⁹⁷ Inbal Ben-Ami Bartal et al. (2016).

ресы – это цели, которые преследует конкретный индивид. Эволюционные цели индивидууму зачастую неведомы. Молодые птицы летят привычными для своего вида миграционными путями, не осознавая почему; животные совокупляются, не догадываясь, что тем самым обеспечивают продолжение рода, – в природе полным-полно эволюционных преимуществ, которые не включены в мотивацию. А значит, в психологическом отношении, своекорыстные интересы у животных в данном случае отсутствуют. Если поскрести шимпанзе Уошо, спасавшую тонущую самку, или слонику Мэй Перм, которая служила поводырем своей слепой подруге, мы увидим отнюдь не кровоточащее лицемерие, а доброту, чуткость и неравнодушие к чужой беде.

Тем не менее ученые по-прежнему одержимы поиском эгоистичных мотивов – по той простой причине, что из экономики и бихевиоризма они крепко-накрепко усвоили: к любым действиям и человека, и животное побуждает материальный стимул. Я же не верю этому ни на грош, а почему – поможет объяснить недавний хитроумный эксперимент с участием детей. Немецкий психолог Феликс Варнекен исследовал, как молодые шимпанзе и дети приходят на выручку взрослым людям. Экспериментатор в самый разгар работы роняет инструмент – подадут ли его испытуемые? У экспериментатора заняты руки – откроют ли ему шкафчик? Оба вида охотно оказывали помощь по собственной инициативе, то есть осознавали затруднение экспериментатора. А вот ко-

гда Варнекен начал вознаграждать детей за помощь, помогающих стало меньше. Судя по всему, вознаграждение отвлекло испытуемых, мешало посочувствовать неуклюжему бедолаге⁹⁸. Попытаюсь представить, как бы это выглядело в реальной жизни. Допустим, за какую-нибудь мелкую помощь (придержать дверь или забрать почту из ящика) сосед сунул бы мне пару долларов в карман рубашки. Я бы глубоко оскорбился – можно подумать, у меня только выгода на уме! И уж конечно, деньги не побудили бы меня помогать этому человеку в дальнейшем. Возможно, я даже стал бы его избегать, сочтя манипулятором и дельцом.

Странно думать, что в своем поведении человек руководствуется соображениями осязаемой выгоды, если в большинстве случаев никакой осязаемости в вознаграждении нет. Что служит наградой человеку, который заботится о супруге с болезнью Альцгеймера? Какую выгоду получает тот, кто жертвует деньги на благое дело? Здесь может действовать внутреннее вознаграждение (удовлетворение собой), но, чтобы оно появилось, необходимо сделать что-то хорошее для другого. Так природа гарантирует, что мы будем думать и о других, а не только о себе. Называть такую мотивацию эгоизмом – значит лишать это слово всякого смысла. То же самое касается и прочих видов: не находя у них иных интересов, кроме корыстных, мы оскорбляем саму их соци-

---

⁹⁸ Felix Warneken and Michael Tomasello (2014).4. ЭМОЦИИ, КОТОРЫЕ ДЕЛАЮТ НАС ЛЮДЬМИ

альную природу.

В ходе эволюции у человека выработалась способность откликаться на чужое эмоциональное состояние, доходящая до того, что мы воспринимаем их ощущения (в основном на телесном уровне) как свои. Это высшая степень социального взаимодействия, связующий раствор любого человеческого и животного общества, гарантия поддержки и утешения.

4. Эмоции, которые делают нас людьми

Отвращение, стыд

Королеве Виктории обезьяны в Лондонском зоопарке показались отвратительными – а что почувствовали сами обезьяны? Испытывают ли животные отвращение и если испытывают, то к чему? Глядя, как собаки лижут собственные половые органы, поедают фекалии, вываливаются в вонючей грязи, мы делаем вывод, что ни стыд, ни отвращение им неведомы. Но ведь с той же меркой можно подойти и к нам. Мы любим апельсины, выжимаем свежий сок из лимонов, однако стоит предложить цитрус собаке (хотя лучше не надо), и мы увидим ярко выраженную реакцию отвращения – оскал, слюна рекой, стремление отпрянуть от едкого запаха. То, что для нас – полезное сочное лакомство, для другого вида – редкая гадость. Задаются ли собаки вопросом, насколько человеку ведомо отвращение?

Реакция отвращения распространена и у человекообразных обезьян. Одна из шимпанзе в колонии при центре Йеркса – бесстрашная Кэти, – копаясь как-то раз в грязи под большой тракторной шиной, вытащила что-то шевелящееся. Издавая негромкие сигналы тревоги «ху-у», она подержала загадочную штуку на отлете, зажав между указательным и

средним пальцем, как люди держат сигарету, и осторожно понюхала. Затем Кэти повернулась к остальным, среди которых была и ее мать, и продемонстрировала им свою добычу в высоко поднятой руке, словно говоря: «А вот смотрите, что у меня!» Скорее всего, это была дохлая крыса, покрытая опарышами. Мать Кэти пролаяла несколько громких «у-а-у».

Осознав, каким драматическим эффектом обладают подобные находки, младшая двоюродная сестра Кэти, Тара, повадилась таскать за хвост дохлую крысу (держа ее при этом подальше от себя) и тайком подкладывать на спину или на голову спящим соплеменникам. Почувствовав (или унюхав) трупик, жертва коварной проделки вскакивала с громкими воплями и, судорожно отряхиваясь, сбрасывала с себя эту мерзость. Кто-то даже принимался тереть оскверненное место на теле пучком травы, чтобы наверняка избавиться от запаха. Тара же быстренько подхватывала трупик и шла искать новую жертву. Помимо вопроса о том, что веселого находила Тара в этой забаве и почему человек мгновенно понимает, смешно ли это, меня интересует здесь эмоция отвращения, имеющая несколько неоднозначную репутацию.

С одной стороны, отвращение принято считать эволюционно примитивной эмоцией. Поскольку зачастую оно основано на обонянии и служит для того, чтобы помешать употреблению опасной пищи (цитрусовые ядовиты для псовых), отвращение считается базовой эмоцией, иногда даже «первейшей» из эмоций. С другой стороны, в растущем массиве

литературы об отвращении оно рассматривается как исключительно человеческое свойство, культурно обусловленное, применяемое для морального осуждения и прочего в том же духе. Например, американский нейропсихолог Майкл Газзанига в своей книге «Человек. Что скрывается за нашей уникальностью» (Human: The Science Behind What Makes Us Unique, 2009) классифицирует отвращение как один из пяти эмоциональных модулей, отличающих нас от всех остальных животных.

Тара, видимо, эту книгу не читала.

Наморщенный нос в сочетании с прищуром и сведенными бровями (справа) — универсальная для человека гримаса отвращения. Так мы реагируем на дурно пахнущую пищу или другие неприятные для нас вещи, но можем аналогичным образом скривиться, осуждая чей-то поступок. У шимпанзе подобное выражение тоже имеется — например, так называемое дождевое лицо (в середине), которое возникает у расслабленной сначала (слева) самки после того, как начинается ливень

Что чувствует лошадь, испытывая жажду?

Раньше в ответ на вопрос о том, какие эмоции делают человека человеком, я называл требующие наибольшего самосознания – такие как стыд и чувство вины, хотя понимаю, что многие мои коллеги на этом перечне бы не остановились. Они сказали бы, что животные обладают лишь крохами эмоций, никогда их не смешивают и ощущают их совсем иначе, чем мы. Однако все эти заявления умозрительны – как у Хосе Ортеги-и-Гассета, который ни с того ни с сего брался утверждать, что шимпанзе, в отличие от человека, каждое утро просыпается с ощущением, будто он первый и единственный шимпанзе в мире и других до него не существовало. Испанский философ имел в виду, что каждый шимпанзе считает себя сотворенным не далее как минувшей ночью? Как можно в принципе такое заявлять? В своем стремлении отделить человека от остальных живых существ серьезные ученые выдвигают самые нелепые предположения – то откровенные домыслы, то нечто совершенно непроверяемое. Относиться к ним нужно критически, в том числе и к тем, которые касаются способности или неспособности животных что-то чувствовать.

Тем не менее стыд и чувство вины я готов был принести на алтарь веры в «свойственное только человеку», которая по-

прежнему царит в академических кругах. Я считал, что обе эмоции требуют определенного уровня самосознания, которого другие виды могли не достичь. Но теперь я уже не так в этом уверен. Я все больше и больше убеждаюсь, что все знакомые нам эмоции в том или ином виде обнаруживаются у всех млекопитающих, различаясь лишь особенностями, степенью развития, применением и интенсивностью. Отчасти проблема здесь кроется в человеческом языке. Казалось бы, возможность описать свои чувства – это огромное преимущество, но в действительности у него есть и обратная сторона, от которой сильно пострадало изучение эмоций.

Все началось с экмановской маркировки мимических выражений. В экспериментах испытуемым предъявлялись фотографии лиц, выражение которых требовалось обозначить как «гнев», «печаль» или «радость». Увидев фото смеющейся женщины, вы без колебаний выберете подпись «радость». Эксперименты проводились по всему миру, и ограниченный набор эмоций нигде не вызывал разногласий. Пока все вроде бы абсолютно логично и информативно. А что будет, если не выдавать испытуемым никаких готовых ярлыков – пусть просто опознают эмоцию и обозначают своими словами? Или дать им список ярлыков, в котором не будет самого очевидного, – выберут ли они что-то альтернативное? А как быть с фотографиями, сделанными при плохом освещении? Актеры изображают эмоции стереотипно, смех, например, у них не перепутаешь ни с чем, а «в жизни» эмоциональные

выражения лица гораздо менее шаблонны, более мимолетны и зачастую не особенно ярки. Мы проявляем едва уловимые эмоции в полуобороте, за едой, моргая, сидя в полумраке и так далее. После массы дополнительных исследований интерпретация мимических выражений видится уже не такой простой и однозначной. Когда испытуемым предоставили возможность описывать увиденное своими словами, оказалось, что истолкование не всегда укладывается в стандарты. Да, есть ряд выражений, которые большинство оценивает единодушно, однако общая картина вовсе не так однородна, как считалось когда-то⁹⁹.

Более того, лепить ярлыки на эмоции – занятие довольно бессмысленное, поскольку эмоции существуют помимо языка. Болтая с приятелем за чашкой кофе на солнечной террасе, я в тысячные доли секундыотреагирую на любую его мимику или телодвижение, не перелопачивая свой словарный запас в поисках подходящего обозначения. Человек откликается на язык тела окружающих его людей потоком, «танцем» координированных движений. Слушая приятеля, я поднимаю брови, закатываю глаза, цокаю языком, хмыкаю, а также обозначаю едва уловимым напряжением мышц вокруг глаз и рта согласие или несогласие со сказанным, сочувствие, одобрение, удивление, недоумение и так далее. Мои зрачки расширяются одновременно со зрачками приятеля, и поза в большинстве случаев совпадает с его позой. Но, ес-

---

⁹⁹ Kerstin Limbrecht-Ecklundt et al. (2013).

ли спросить меня потом, какие выражения лица появлялись у этого приятеля во время беседы, не факт, что я их назову или вообще вспомню, поскольку эмоциональная коммуникация обходится без вербальной маркировки. Язык нужен нам, чтобы обсуждать чувства, но в их возникновении, выражении, переживании он не играет никакой роли. Однако современные исследователи эмоций норовят поставить его во главу угла.

Кроме того, мимические выражения нужно рассматривать в контексте. Глядя на снятое крупным планом фото известной теннисистки Серены Уильямс, широко открывающей рот и обнажающей зубы, может показаться, что она вне себя от ярости на соперницу. Но соперница в данном матче – ее сестра Винус, которую Серена обожает и у которой только что выиграла, и значит она, скорее всего, не в ярости, а в экстазе, и рот у нее распахнут в победном крике. Различить эти две принципиально разные эмоции по одному только снимку крупным планом трудно. Вот перед вами женщина в слезах, но вы не знаете, плачет она от радости на свадьбе или от горя на похоронах. Или, например, ваш дядя на очередном домашнем фото – это он улыбается так напряженно или стискивает зубы, сражаясь с упрямой винной пробкой?

Американский психолог Лиза Фельдман Барретт доводит необходимость контекстуальной оценки мимических выражений до крайности, утверждая, что эмоции конструируются разумом. Мы не рождаемся с набором четко прописан-

ных эмоций, за которыми закреплены те или иные однозначно воспринимаемые телодвижения, доказывает она. Наши ощущения зависят от того, как мы оцениваем ситуацию, в которой оказались. Позиция Барретт расходится со взглядами ученых, которые считают основой всего шесть базовых эмоций, выделенных Экманом. Представители этой научной школы предпочитают пометить простыми ярлыками узнаваемые эмоции, тогда как Лизу Барретт увлекает вариативность наших суждений о чувствах, выражение которых не всегда позволяет их угадать.

Человек способен улыбаться печальной улыбкой, визжать от радости и даже смеяться от боли. В популярном эпизоде из комедийного «Шоу Мэри Тайлер Мур» 1970-х гг. главной героине никак не удается сдержать смех на похоронах, хотя она прекрасно понимает его неуместность. Но несовпадение внешнего выражения с внутренними переживаниями совсем не означает, что тому или другому не нужно доверять. Ничто не мешает пользоваться универсальными для всех людей мимическими выражениями, понятными всему миру, и в то же время признавать отсутствие прямой связи между чувством и его внешним выражением. В этом нет никакого противоречия. Чувства и их выражения не всегда соответствуют друг другу и соответствовать не обязаны.

По той же причине я не согласен с тем, что, не зная подлинных чувств животных, мы не имеем права рассуждать об их эмоциях. Этот аргумент так подействовал на одного вы-

дающегося исследователя страха (благодаря которому мир узнал, что за это ощущение отвечает миндалевидное тело головного мозга), что он вдруг наотрез отказался говорить о «страхе» у крыс, которых изучал всю свою жизнь. Американский нейробиолог Джозеф Леду неоднократно сравнивал испуг у крыс и человеческие фобии, беспрепятственно соединяя слова «крыса» и «страх» в одном предложении. Теперь же он призывает нас избегать любых отсылок к эмоциям животных, поскольку использование терминов, описывающих эмоции, будет подразумевать, что чувства крыс аналогичны нашим. Более того, если у нас имеются десятки обозначений страха (фобия, тревожность, паника, беспокойство, ужас и так далее), а у крыс такого (или хотя бы какого-нибудь) количества не наберется, эти животные, по мнению Леду, не способны испытывать столько же оттенков этой эмоции, сколько мы¹⁰⁰.

Этот довод, постулирующий языковую основу эмоций, напоминает мне об одной встрече на семинаре по сексуальному поведению, где антропологи – сторонники постмодернистского подхода предпочитали полагаться на язык, а не на научные методы. Утверждая, что невозможно чувствовать то, для чего нет слов, они доходили до того, что отказывали в возможности испытывать сексуальное наслаждение народу, не имеющему в своем языке слова, обозначающего «оргазм». Сраженные этим беспочвенным заявлением ученые, сидев-

---

¹⁰⁰ Joseph LeDoux (2014).

шие в зале, начали обмениваться записками с каверзными вопросами: «А если у них нет слова “кислород”, как они дышат?» Эмоции явно предшествуют языку и в ходе эволюции, и в развитии человеческого общества, поэтому язык не так уж важен. Это лишь дополнение. Он маркирует внутренние состояния, но кто сказал, что он помогает нам их различать? В немецком языке гнев и отвращение обозначаются двумя разными словами, а в юкатекском (одном из языков майя, распространенных в некоторых штатах Мексики) для обеих эмоций хватает одного, однако мимические выражения гнева и отвращения представители той и другой культуры различают с одинаковым успехом. Представления об эмоциях не ограничены языковыми рамками¹⁰¹.

Но Леду настолько испугался термина «страх», что теперь отказывает в этой эмоции крысам. Он считает, что в их мозге есть «нервные сети только для выживания», которые заставляют их реагировать на непосредственную угрозу своей жизни. Эти установки мне великолепно знакомы, поскольку аналогичные функциональные определения приветствовались в этологии (европейской школе науки о поведении животных, в рамках которой меня учили). Психические процессы преподаватели этологии старались обходить десятой дорогой. Они буквально кривились от отвращения (эмоции, роднящей нас с другими животными видами!), стоило кому-то заикнуться об эмоциях применительно к животным.

---

¹⁰¹ Disa Sauter, Oliver Le Guen, and Daniel Haun (2011).

Им было гораздо спокойнее с функциональными теориями о том, как то или иное поведение способствует выживанию.

Возвращаясь к эмоциям у крыс: все это время мы знали, что эмоции не тождественны чувствам. Эмоции имеют телесное выражение, поэтому их можно наблюдать, тогда как чувства скрыты внутри и никому не видны. Ничего нового здесь нет. Так почему же нам только теперь говорят о том, что, не имея возможности узнать, что чувствует крыса, лучше не заговаривать о ее эмоциях? Почему эти правила не распространяются на человеческое поведение? Да, у нас хватает слов для обозначения страха, но помогают ли они распознать это состояние у другого человека? Хорошо ли мы понимаем, что эти слова значат? Точно ли они передают наши чувства? Достаточно ли нашего словарного запаса чтобы справиться с этой задачей? Если я спрошу, что вы чувствовали, когда умер ваш отец, вы, допустим, ответите, что горевали, но разве получу я в таком случае полную картину ваших переживаний? Мне не дано проникнуть в ваши чувства. Кто сказал, что ваша скорбь аналогична моей и к ней не примешивается, скажем, облегчение или злость, или какое-то другое чувство, о котором вы предпочли бы не упоминать? Там могут быть такие эмоции, в которых вы и сами-то себе признаваться не захотите.

Эмоции часто остаются в глубинах подсознания. Когда я был студентом, мне предстояло первый раз лететь на самолете – наблюдать за орангутанами в дождевом лесу на Сумат-

ре. По идее, меня должны были бы пугать возможные встречи со змеями и тиграми или, может, миллионы разных кровососущих насекомых, которыми кишит лесная подстилка, но я действительно рвался в свою первую тропическую экспедицию. Или, по крайней мере, мне так казалось. Чем ближе был день отлета, тем сильнее меня мучили проблемы с желудком. Откуда они взялись, я не понимал, но желудок мой скручивало тугим узлом несколько недель – до самой посадки в самолет. Едва мы приземлились в Медане, все как рукой сняло. На следующий день я добрался до джунглей в самом радужном настроении, экспедиция удалась на славу. Переосмысливая эти события уже впоследствии, я пришел к выводу, что до смерти боялся перелета, но усиленно подавлял свой страх, ведь он мог разрушить мою мечту увидеть орангутанов в дикой природе. Не думаю, что я единственный напрягаю префронтальную кору головного мозга, блокируя осознание нежелательных эмоций. Описание собственных чувств зачастую бывает неполным, иногда попросту не соответствует действительности и всегда подредактировано для публики.

Кроме того – как будто и этих сложностей мало, – даже предельно точное описание не заставит меня почувствовать то же, что чувствуете вы. Чувства – это личные, внутренние переживания, и, сколько бы мы о них не рассказывали, они все равно будут скрыты от посторонних. Поэтому я сомневаюсь, что человеческие чувства знакомы мне лучше, чем

чувства животных, с которыми я работаю. Может быть, мне и вправду проще судить о ваших чувствах, чем о чувствах шимпанзе, но как я могу быть в этом уверен? Если только, конечно, не предположить, что животные никаких чувств не испытывают в принципе. Вот тогда можно соглашаться с Леду и избегать любых упоминаний о переживаемых животными эмоциях. Но это очень неразумная позиция, учитывая насколько схожи физические проявления эмоций у животных и у человека и насколько совпадает устройство мозга у всех млекопитающих – вплоть до мельчайших особенностей нейротрансмиттеров, нервной организации, кровоснабжения и так далее. Это все равно что рассказывать о том, как лошади и люди изнывают от жажды на жаре, но применительно к лошадям употреблять только термин «потребность в воде», поскольку неизвестно, чувствуют ли они что-нибудь. В таком случае возникает вопрос, как лошадь понимает, что ей нужно попить, если не по ощущаемым ею самой признакам обезвоживания. Организм регистрирует внутренние изменения и шлет сигналы в гипоталамус, отслеживающий концентрацию натрия в крови. Когда уровень натрия превышает определенный предел и кровь становится слишком соленой, в мозге у лошади формируется сильнейшее желание припасть к воде и напиться вдоволь. Желание – это всегда нечто осязаемое. Лошадь неодолимо потянет к водопою. Эта система отслеживания и оповещения – одна из старейших в живой природе и почти не отличается у разных биологических ви-

дов, включая и наш собственный. Неужели кто-то всерьез считает, что после долгого перехода по пустыне всадник и его лошадь будут жаждать воды по-разному?

Я за то, чтобы рассуждать о чувстве жажды у лошадей и чувстве страха у крыс на основании их поведения и обстоятельств, в которых эти чувства возникают, полностью отдавая себе при этом отчет, что я не могу в точности ощутить их, и мне остается о них только догадываться. На мой взгляд, ситуация эта принципиально не отличается от происходящего с человеческими эмоциями. Доподлинно я могу знать только собственные ощущения и чувства – да и то не всегда готов полагаться на свои впечатления, учитывая склонность принимать желаемое за действительное, отрицание очевидного, избирательность памяти, когнитивный диссонанс¹⁰² и прочие фокусы сознания.

В большинстве своем мы не похожи на французского писателя Марселя Пруста, который постоянно анализировал собственные переживания и потому «изучил их до тонкости». Но даже Пруст вынужден был признать (говоря о возлюбленной, к которой его герой как будто бы давно остыл, но, узнав о ее смерти, понял, что любовь его все еще жива): «Я ошибочно полагал, что вижу себя насквозь»¹⁰³. Он и

---

¹⁰² Когнитивный диссонанс – состояние психического дискомфорта индивида, вызванное столкновением в его сознании конфликтующих представлений: идей, верований, ценностей или эмоциональных реакций. – *Прим. науч. ред.*

¹⁰³ Marcel Proust (1982), p. 425. Пруст М. В поисках утраченного времени: В 7 кн. Кн. 6. Беглянка / Пер. Н. М. Любимова. – СПб.: Амфора, 2013.

не мог видеть себя насквозь, потому что сердце порой знает о наших чувствах гораздо больше разума. Я понимаю, эта отсылка к сердцу совсем ненаучна и, может быть, правильнее говорить здесь об организме в целом, но все же нельзя отрицать, что постичь собственную эмоциональную жизнь нам трудно. Что, впрочем, нисколько не мешает нам без конца препарировать ее и в разглагольствованиях на эту невероятно скользкую тему сотрясать воздух тоннами неточных определений. На этом фоне попытки науки осторожничать там, где речь заходит об эмоциях животных, кажутся и вовсе нелепыми.

Око за око

Ученые часто сравнивают взрослых человекообразных обезьян с детьми, заявляя, что «у шимпанзе разум четырехлетнего ребенка» и тому подобное. Как относиться к таким заявлениям, я не понимаю, поскольку мне кажется невозможным приравнять взрослого шимпанзе к ребенку. Самца интересует власть и секс, ради них он готов даже убить. Если у него высокий статус, он может взять на себя роль вожака, предполагающую поддержание порядка в группе и защиту слабых. Самцы, участвующие в борьбе за власть, могут постоянно ходить с наморщенным лбом, что говорит о внутреннем смятении, а кроме того, у них выявляется высокий уровень стресса. Самку же волнуют в первую очередь детеныши и обязанности, связанные с материнством, – ей нужно кормить, искать пищу, отбиваться от хищников и агрессивных собратьев. Помимо этого, она ежедневно укрепляет свои связи – вычесывает приятельниц, утешает после разных передраг, присматривает за их детенышами, если понадобится. Жизнь взрослых обезьян полна взрослых хлопот и мало имеет общего с детской беззаботностью.

Молодые обезьяны дерутся из-за еды и с воплями бьют друг друга по голове, тогда как взрослые выпрашивают почтительно и делятся, иногда соблюдая очередность и предлагая пищу за полученные ранее услуги. Так что здесь тоже

лучше сравнивать молодняк с детьми, а взрослых со взрослыми. Это важно и в отношении эмоций, поскольку некоторые из них типичны именно для взрослых, особенно требующие осознания времени лучше, чем это получается у детей. В отличие от взрослых, дети живут здесь и сейчас. Среди эмоций есть ориентированные на будущее – например, надежда и беспокойство, и есть связанные с прошлым – чувство мести, прощение, благодарность. Все эти «хронологические» эмоции наблюдаются именно у взрослых человекообразных обезьян, а также у некоторых других животных.

Дележ пищи – это одна из составляющих экономики взаимных услуг у шимпанзе наряду с грумингом, сексом, поддержкой в стычках и другими видами помощи. Все эти услуги складываются в одну большую корзину взаимобмена, скрепленную эмоцией благодарности (признательности). Благодарность приводит к балансу взаимобмена: побуждает искать общества тех, кто сделал вам что-то хорошее, и при случае оказать им ответную услугу. На основании тысяч наблюдений мы пришли к выводу, что шимпанзе делятся едой именно с теми, кто когда-то обошелся с ними по-доброму. Каждое утро, когда обезьяны собираются на конструкции для лазания и методично занимаются грумингом, мы отмечаем, кто кого вычесывает. Днем шимпанзе получают еду, которой можно делиться, – например, несколько больших арбузов. Обладатели арбуза позволяют тем, кто вычесывал их утром, брать куски из своих рук или изо рта, а

не вошедшим в число партнеров по грумингу отказывают в лакомстве – не дают ничего взять и даже могут припугнуть. Таким образом, порядок дележа меняется день ото дня в зависимости от утреннего груминга. Поскольку от одного события до другого проходит несколько часов, дележ требует удерживать в памяти предшествующее взаимодействие и положительные ощущения от оказанной услуги. Нам это сочетание знакомо как благодарность¹⁰⁴.

Как однажды иронически заметил Марк Твен: «Если подобрать голодную собаку и устроить ей роскошную жизнь, она вас не укусит; в этом ее принципиальное отличие от человека». Все бездомные животные, которых я брал к себе, были бесконечно благодарны за обретенное тепло и сытость. Худосочный блохастый котенок, подобранный в Сан-Диего, вырос в роскошного кота. За пятнадцать лет, что Диего прожил с нами, не было случая, чтобы он не мурлыкал, когда его кормили, – даже если он почти не притрагивался к еде. Мы видели в этом мурлыканье благодарность, хотя, конечно, нельзя исключить и просто удовольствие. Диего явно ценил еду гораздо сильнее, чем обычный избалованный домашний кот.

У человекообразных обезьян благодарность принимает более понятные формы. Две шимпанзе, не успев во время ливня вовремя спрятаться в помещении, оказались перед закрытой дверью. Насквозь промокших, дрожащих от холо-

---

¹⁰⁴ Frans de Waal (1997a).

да обезьян обнаружил проходивший мимо Вольфганг Кёлер, немецкий основоположник исследований в области решения задач с помощью употребления орудий. Он открыл им дверь. Обрадованные обезьяны кинулись – вовсе не греться и сушиться, а обнимать профессора в порыве признательности¹⁰⁵.

Их реакция напоминает реакцию Вунды – шимпанзе, спасенной от браконьеров и в предсмертном состоянии доставленной в реабилитационный центр Чимпунга в Конго-Бразавиле¹⁰⁶. В 2013 г. ее выпустили обратно в лес. Видео, запечатлевшее этот момент, мгновенно разошлось по всему миру – таким трогательным было эмоциональное взаимодействие между Вундой и Джейн Гудолл, которая присутствовала при этом событии. Направившись было в чащу, Вунда поспешно вернулась, чтобы обнять тех, кто о ней заботился. Прежде чем уйти навсегда, Вунда прижалась к Гудолл, и они долго стояли, не размыкая объятий. Примечательна последовательность ее действий – сперва устремиться прочь, а потом опомниться и вернуться, словно осознав, что будет нехорошо просто так покинуть тех, кто спас ее и вернул к жизни.

Аналогичные истории происходят с пойманными в сети или выбросившимися на берег дельфинами и китами, кото-

---

¹⁰⁵ James Henry Leuba (1928), p. 102.

¹⁰⁶ Ibid.; <http://news.janegoodall.org/2017/11/21/tchimpounga-chimpanzee-of-the-month-wounda/>.

рых дайверы вывозят из ловушек или оттаскивают обратно в океан. Прежде чем уплыть, китообразные возвращаются к своим спасителям и тычутся в них носом или выталкивают вверх, по пояс вздымая над водой. Во всех подобных случаях присутствующие при этом люди, тронутые до глубины души, расценивают это поведение как благодарность.

Я уже упоминал, как повлияли на лучшую подругу Мамы, Кёйф, мои уроки искусственного вскармливания. С того самого момента, как мы разрешили ей взять на руки лежащую в соломенном гнезде в спальничей клетке малышку Розье, которую она вынянчит как собственную дочь, Кёйф стала относиться ко мне как к родному, чего раньше за ней никогда не наблюдалось. Я считал это знаком признательности за изменение ее жизни к лучшему: мать, раз за разом терявшая детенышей из-за нехватки грудного молока, сумела благополучно выкормить из бутылочки Розье, а затем применять полученные навыки и к собственным новорожденным.

У благодарности имеется злая сестра по имени месть – эмоция, точно так же связанная с воздаянием, но уже в виде расплаты, сведения счетов. Финский антрополог Эдвард Вестермарк, подаривший нам первые представления об эволюции человеческой нравственности, подчеркивал важность расплаты как дисциплинирующего и сдерживающего фактора. Он не утверждал, что расплата существует только у людей, однако в его времена поведение животных почти не исследовали. Поэтому он мог полагаться только на случаи из

жизни – например, услышанную в Марокко историю о верблюде, которого жестоко избил 14-летний погонщик за то, что тот свернул не туда. Верблюд безропотно принял наказание, но через несколько дней, когда тот же погонщик в одиночку вел его ненавьюченным, «ухватил несчастного за голову своей чудовищной пастью, взметнул ввысь, а потом шмякнул оземь, так что крышку черепа снесло начисто и мозги разлетелись вокруг»¹⁰⁷.

О мстительности животных часто рассказывают сотрудники зоопарков – особенно о слонах (с их вошедшей в поговорку долгой памятью) и человекообразных обезьянах. Любому служителю или студенту, пришедшему работать с обезьянами, необходимо усвоить, что никакие попытки помыкать ими или дразнить ему с рук не сойдут. Обиду обезьяны помнят и готовы ждать хоть до скончания веков, пока не подвернется случай поквитаться. Иногда, впрочем, расплата бывает мгновенной. Как-то раз в администрацию зоопарка, где я работал, обратилась женщина с жалобой на шимпанзе, которые кинули в ее сына камень. Мальчик при этом выглядел подозрительно смущенным и притихшим. Как позже засвидетельствовали другие посетители, он же этот камень первым в обезьян и бросил.

Между собой шимпанзе тоже сводят счеты. Они поддерживают друг друга в стычках, соблюдая правило «ты мне – я тебе», и эксперименты эту тенденцию подтверждают. Имея

---

¹⁰⁷ Edvard Westermarck (1908), p. 38.

соответствующую возможность, многие животные с готовностью оказывают напарнику услугу – там, где нужно дернуть рычаг или предъявить жетон, обеспечивающий лакомство другому. Пока напарник остается пассивным получателем, альтруизм испытуемых проявляется умеренно, однако стоит позволить ему оказывать ответную услугу, и щедрость испытуемых резко возрастает. Когда обе стороны остаются в выигрыше, они переходят на новый уровень. Те же принципы, разумеется, действуют и в реальной жизни¹⁰⁸. А вот в чем шимпанзе, возможно, уникальны – это в склонности применять правило «ты мне – я тебе» и к нежелательным действиям. Они стремятся поквитаться с теми, кто в чем-то их ущемил. Например, если доминирующая самка то и дело нападает на свою соплеменницу, та не может ответить ей в открытую, но будет ждать подходящего момента. Как только ее мучительница ввяжется в схватку с другими, обиженная не упустит шанса потрепать ее в общей потасовке.

К стратегическим ответным мерам регулярно прибегал Никки, когда возвысился в колонии зоопарка Бюргерса до положения альфа-самца. Его доминантный статус признавали не полностью, поэтому подчиненные самцы часто гоняли его, сбиваясь в стаи, пока он не принимался, обессиленный,лизывать раны. Но сдаваться он и не думал. За каких-нибудь несколько часов восстановив силы, Никки до самого вечера бродил по всему большому острову, выискивая членов

---

¹⁰⁸ Malini Suchak and Frans de Waal (2012).

«оппозиции». Подкравшись к ним, пока те в одиночестве занимались своими делами, он их запугивал или устраивал выволочку – чтобы в следующий раз крепко подумали, прежде чем идти против него. Этот принцип «око за око» выражен у шимпанзе очень сильно, что статистически подтверждается тысячами примеров наблюдений из нашей базы данных.

Ответные меры – это «воспитательная» реакция, позволяющая предъявить счет сородичам за нежелательное поведение, но осознают ли это ее свойство сами обезьяны, неизвестно¹⁰⁹. Возможно, ими просто движет желание отомстить, и это желание нам тоже знакомо. Не зря мы зовем месть «сладкой» – словно нечто лакомое. В ходе одного эксперимента людям-участникам выдавали кукол вуду¹¹⁰, символизирующих их обидчиков, и когда в кукол разрешали воткнуть иглы, то у испытуемых значительно улучшалось настроение¹¹¹. На более высокую ступень нашу жажду возмездия поднимает система правосудия: жертвами финансового мошенничества или родными убитого, которые добиваются наказания для преступника, безусловно, движет глубокое желание отравить жизнь тем, кто отравил жизнь им.

---

¹⁰⁹ Frans de Waal and Lesleigh Luttrell (1988).

¹¹⁰ Кукла вуду в результате специального обряда получает особую связь с определенным человеком. Согласно учению вуду, после установления этой связи благодаря принципам симпатической магии у обладателя куклы появляется возможность воздействовать через нее на человека, которого она символизирует (обычно для нанесения вреда). – *Прим. науч. ред.*

¹¹¹ David Chester and Nathan DeWall (2017).

Шимпанзе делают то же самое – эту возможность дает им гибкая иерархия, оставляющая простор для сведения счетов. У макак-резусов и павианов иерархия, наоборот, настолько жесткая, что покуситься на того, кто выше рангом, – поступок почти самоубийственный. Там запугивание и наказание почти всегда направлены сверху вниз, поэтому месть практически исключена. Но даже эти обезьяны умеют наносить ответный удар, пользуясь узами родства, связывающими их всех воедино. Бабки, матери, сестры, проводя вместе уйму времени, образуют сплоченные кланы, так называемые материнские линии, и жертва агрессии, вероятнее всего, будет отыгрываться на родне обидчика. Будучи не в силах отомстить непосредственно вышестоящему, жертва нацелится на младшего представителя материнской линии агрессора, поскольку на нем проще выместить обиду. Иногда сведение счетов откладывается довольно надолго, а это значит, что на память обезьяны не жалуются¹¹². Подобная тактика, несомненно, требует от жертвы досконально разбираться в родственных узлах соплеменников, и, как показывает практика, им это удается. Если бы мы сводили счета по такому же принципу, мне после вызова на ковер к начальнику полагалось бы кинуться дергать за волосы его младшую дочь. Так я смог бы воздать обидчику по заслугам, не нарушая субординации.

И наконец, последняя в списке эмоций, связанных с про-

---

¹¹² Filippo Aureli et al. (1992).

шлым. Прощение. Всю свою жизнь изучая примирение у приматов, я много раз видел, как шимпанзе целуют и обнимают бывших противников, как низшие обезьяны принимаются вычесывать недавнего недруга, а бонобо занимаются сексом для разрядки социального напряжения. Примирение свойственно не только приматам: существуют сотни примеров существования его у других общественных млекопитающих и у птиц, так что мы бы сильно озадачились, если бы кто-то вдруг стал утверждать, будто у того или иного вида оно отсутствует.

Разрешение конфликтов – неотъемлемая составляющая социальной жизни. Участвующие в нем эмоции сложно вычленишь, но как минимум должны смягчиться типичные для любого противоборства злость и страх, чтобы уступить место более благосклонному отношению. Такая трансформация не поддается никакой логике. Проигравшему в недавней схватке необходимо набраться храбрости и подойти к доминирующему обидчику или обидчице с намерением помириться, а агрессор должен ни с того ни с сего унять гнев. Однако у многих животных эта смена эмоций происходит на удивление быстро – словно щелкает в сознании переключатель с вражды на дружбу.

Виртуозно обращаться с этим переключателем человека может научить потенциально склонная к конфликтам среда – например, большая семья или рабочий коллектив. В такой обстановке компромиссы и прощение приходится искать

ежедневно. Однако прощение никогда не бывает полным, и, хотя мы часто слышим выражение «простить и забыть», забыть обычно оказывается трудновато. Мы не стираем обиду из памяти, мы просто решаем двигаться дальше. То же самое происходит и у многих общественных животных, поскольку для них точно так же жизненно важно мирное сосуществование и сотрудничество. Но если примирение – процесс наблюдаемый, то прощение – это внутреннее его переживание. Учитывая эволюционную древность этого механизма, слабо верится, что участвующие в нем эмоции у человека и других животных будут радикально отличаться.

Все три эмоции – благодарность, месть и прощение – способствуют поддержанию социальных взаимоотношений, складывающихся за годы взаимодействия между отдельными особями и иногда начинавшихся еще «в песочнице». Эти эмоции подпитывают дружбу и соперничество, укрепляют или подрывают доверие и позволяют обществу функционировать всем на пользу. Животным необыкновенно хорошо удается удерживать баланс, требующий платить услугой за услугу и разряжать напряжение. Теперь нам известно, что в мозге низших обезьян (а возможно, и других животных) имеются особые нейронные сети, помогающие обрабатывать социальную информацию. Эти нейронные сети тестировали в ходе экспериментов: они активировались, когда обезьянам демонстрировали видеозаписи примеров социального взаимодействия между их собратьями, но никак не проявляли се-

бя во время демонстрации видов природы или простого физического контакта между двумя объектами. Исследователи поведения животных долго требовали выделить социальный интеллект в отдельную категорию – и вот теперь нейробиология дает нам для этого дополнительные основания¹¹³.

А как насчет эмоций, связанных с будущим? Уже установлено, что и человекообразные обезьяны, и некоторые виды птиц с крупным мозгом живут не только настоящим. Дикие шимпанзе способны планировать – подбирая необходимые орудия за несколько часов до прибытия к термитнику или пчелиному гнезду, где они этими орудиями воспользуются. То есть, запасаясь орудиями, обезьяны уже знают, куда направляются. Аналогичное планирование, свидетельствующее о способности пренебречь немедленным вознаграждением ради будущей выгоды, отмечено у приматов и у врановых¹¹⁴. При наличии выбора высшая обезьяна не возьмет сочную виноградину, положенную рядом с орудием, дающим возможность через несколько часов добыть более ценную награду. Это требует самодисциплины. Существование планирования в социальных отношениях доказать труднее, хотя на это активно указывают политические баталии между самцами шимпанзе. Подросший самец, пытающийся свергнуть признанного вожака, проигрывает схватку за схваткой, не успевая зализывать раны. И тем не менее он будет день

---

¹¹³ Julia Sliwa and Winrich Freiwald (2017).

¹¹⁴ Mathias Osvath and Helena Osvath (2008).

за днем упорно бросать вызов альфе, не получая немедленного вознаграждения. Пройдет, наверное, несколько месяцев, прежде чем он наконец переломит ситуацию и получит поддержку остальных соплеменников, которые помогут ему скинуть противника. И даже тогда – как было с Никки – молодому самцу придется еще долго бороться за свой статус, прежде чем его признают безоговорочно. Возможно, его позиция окончательно укрепитя лишь годы спустя. Неужели он именно на это с самого начала и рассчитывает? А если нет, зачем тогда столько мучиться? Наблюдая за всеми этими стратегами, – а мне на протяжении моего научного пути не раз доводилось их видеть, – трудно не прийти к выводу, что ими движет надежда.

Надежду как таковую у животных подразумевают редко, однако связанная с ней идея ожидания упоминалась применительно к животным еще столетие назад. В экспериментах, которые проводил американский психолог Отто Тинкльпо, на глазах у макаки под колпак прятали банан, и как только ее впускали в комнату, она бежала к колпаку с лакомством. Если там оказывался банан, все шло хорошо. Но если банан тайком подменяли листом салата, обезьяна смотрела на этот лист в недоумении, а потом принималась снова и снова лихорадочно обыскивать все вокруг, возмущенно вопя на жулика-экспериментатора. Лишь после продолжительных поисков она соглашалась удовольствоваться менее ценным лакомством. Тинкльпо показал, что обезьяна не просто увязы-

вает награду и местоположение, она помнит, какую именно награду прятали под колпак. У нее имеются ожидания, нарушение которых сильно ее расстраивает¹¹⁵.

Приматы и собаки почти одинаково удивляются, когда экспериментатор, словно фокусник, заставляет что-то исчезнуть как по волшебству или, наоборот, появиться будто из ниоткуда. Высшие обезьяны могут засмеяться или озадачиться, тогда как собаки начинают отчаянные поиски исчезнувшего лакомства, а это значит, что до этого момента действительность представлялась им иначе.

На ожиданиях строится и бартерный обмен, который у животных в большом ходу, несмотря на утверждение Адама Смита, будто «никому никогда не приходилось видеть, чтобы собака сознательно менялась костью с другой собакой»¹¹⁶. Насчет собак Смит, возможно, был прав, а вот дикие шимпанзе в Гвинее наострились обчищать плантации ради «платного секса». Взрослые самцы обычно срывают пару крупных плодов – один для себя, другой для самки с набухшими гениталиями. Самка дожидается где-нибудь в тихом месте, пока самец, рискуя нарваться на разгневанных фермеров, добудет восхитительный фрукт, который будет отдан ей во время или сразу после соития¹¹⁷.

---

¹¹⁵ Otto Tinklepaugh (1928).

¹¹⁶ Adam Smith (1776), Chapter II, p. 14.; Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / Пер. П. Н. Клюкина. – М.: Эксмо, 2016.

¹¹⁷ Kimberley Hockings et al. (2007).

Бартерный обмен у приматов — обычное дело. Вот самка-подросток бонобо заметила в руках у взрослого самца два грейпфрута. Она спешит предложить себя в качестве партнерши и демонстрирует мимику, сопровождающую оргазм во время совокупления, после которого самец отдает ей один из грейпфрутов

Еще один пример бартерного обмена нам подкидывают

длиннохвостые макаки в некоторых балийских храмах, повадившиеся красть ценные вещи у туристов. Хотя объявление у входа в храм предупреждает, что очки и драгоценности необходимо снимать, многие туристы этого не делают, не подозревая, насколько проворна орудующая в таких местах обезьянья мафия. Прыгнув туристу на плечо, макака одним движением срывает очки или выхватывает из рук дорогой смартфон. Шлепанцы пропадают с ног посетителей прямо на ходу. Однако играть с трофеями или уноситься с ними прочь макаки даже не думают – усевшись неподалеку, но вне досягаемости, они вымогают у туристов выкуп. Несколькими орехами отделаться не получится. Меньше, чем за целый пакет крекеров, обезьяна похищенное из лап не выпустит. Приматологи, изучающие это вымогательство, обнаружили, что обезьяны довольно хорошо представляют, какие именно вещи людям наиболее дороги¹¹⁸.

Признавая наличие у животных поведения, ориентированного на будущее, собак недавно стали делить на «пессимистов» и «оптимистов» в зависимости от отношения к предстоящим событиям. Собак, которые начинают сильно нервничать, если хозяева запирают их дома одних, – громят квартиру, оставляют повсюду лужи и кучи или заходятся лаем от беспокойства, – причисляют к пессимистам. Когда перед ними ставят миску с неизвестным содержимым, они не спешат к ней, возможно, предполагая, что она пуста. Соба-

---

¹¹⁸ Fany Brotcorne et al. (2017).

ки, которых разлука с хозяином расстраивает меньше, считаются более оптимистичными – и к миске они бегут радостно, ожидая, что она окажется полной. Эта разновидность так называемой *когнитивной предвзятости* свойственна и людям. Веселые и беспечные настраиваются на хорошее, тогда как пессимисты полагают, что там, где тонко, порвется обязательно¹¹⁹.

Когнитивная предвзятость дает нам редкую возможность выяснить, как относятся к условиям своего обитания сельскохозяйственные животные. Наверное, свиньи, влачащие унылое и беспросветное существование в тесном загончике, ничего хорошего от действительности не ждут. А те, кому живется повеселее, кого не лишают возможности спать вповалку, прижиматься к собратьям, наслаждаться их теплом, зарываться в кучи соломы, наверное, более благодушны? В одном исследовании одну группу свиней содержали в крохотных загонах с бетонным полом, а другую – в загонах побольше, где каждый день меняли солому и выдавали картонные коробки для игры. Всех свиней приучили к двум разным звукам – позитивному, возвещающему выдачу дольки яблока, и негативному, после которого перед носом свиньи просто махали пустым полиэтиленовым пакетом. Свиньи, умные создания, быстро научились идти только на позитивный звук.

Затем прошедшим подготовку свиньям стали включать

---

¹¹⁹ Michael Mendl, Oliver Burman, and Elizabeth Paul (2010).

неоднозначный звук, нечто среднее между изученными двумя. Как они поступят? Все зависело от условий содержания. Свиньи, которым достались условия получше, ожидали хорошего и охотно шли на непонятный звук, а вот те, кто обитали в тесноте и обиде, смотрели на жизнь иначе. Они оставались на месте, явно полагая, что им подсунут очередной дурацкий пустой пакет. После смены условий содержания – на лучшие или худшие соответственно – менялась и реакция свиней на неоднозначный сигнал, свидетельствуя, что восприятие окружающей действительности во многом зависит от быта. Данный тест на предвзятость наводит на размышления: не лукавят ли компании, заявляющие, что их продукция происходит от счастливых животных – как, например, известный французский плавленый сыр *La vache qui rit* («Веселая буренка»). Тест может показать, так ли весело живет этим животным на самом деле¹²⁰.

Настрой на что-то желанное мы называем надеждой. Мартышка настроена на выгодный обмен, шимпанзе пытается повысить статус, самка дельфина без устали ищет потерявшегося детеныша, волки собираются на охоту, стадо слонов идет за старой самкой-матриархом, знающей, где в этой пустыне еще остался водопой, – не исключено, что все они ощущают надежду. Надежда может присутствовать или отсутствовать и у сельскохозяйственных животных. Как и мы, многие животные все происходящее с ними оценивают в

---

¹²⁰ Catherine Douglas et al. (2012).

контексте прошедшего и предстоящего. Существование эмоций, связанных с восприятием времени, не ограниченных текущим моментом, уже нельзя отрицать, учитывая растущий массив данных, свидетельствующих, что животные удерживают в памяти определенные события, настраиваются на что-то, обмениваются услугами и воздают по принципу «око за око».

Гордость и предубеждение

Ямайский спринтер Усейн Болт в знак триумфа изображал молнию – сгибая одну руку в локте, а вторую устремляя вдаль. Эту фирменную победную позу успели перенять многие знаменитости. Известные европейские футболисты, забив гол, задирают форменную футболку, демонстрируя пресс, и прокатываются на коленях по траве раскинув руки, как будто хотят вобрать всем телом восторг ревущей толпы болельщиков. Обычно победитель старается казаться как можно крупнее и внушительнее, захватить побольше пространства, принимая знакомую всем триумфальную позу – подбородок поднят, грудь выпячена, плечи расправлены, руки широко раскрыты, и все это довершается непременно сияющей улыбкой. Так выражается эмоция гордости. У животных ее обычно называют выражением доминирования, но принцип тот же: победитель пытается выглядеть крупнее – взъерошивает перья или шерсть, широко расставляет ноги, высоко поднимает голову, вытягивает торс и так далее. Он раздувается, создавая иллюзию увеличения в размерах, поэтому иногда кажется, будто побеждает всегда тот, кто крупнее.

Спортсмены в знак триумфа стараются занять как можно больше пространства и широко раскидывают воздетые к небу руки, сообщая тем самым, что они победили. Это выражение гордости универсально для всех людей. Аналогичные победные сигналы отмечаются и у животных, одержавших верх над соперником, — напри-

Кейтлин О’Коннелл, американский эксперт по слонам, пишет о Грее, высокоранговом самце из Национального парка Этоша в Намибии:

Его отличает нечто более глубинное, обозначающее его характер и выделяющее этого слона даже на большом расстоянии. У него поистине королевская стать – достаточно посмотреть, как он держит голову, как непринужденно шествует: сразу видно, что это истинный монарх. Остальные, безусловно, признают его королевский статус, и его позиции укрепляются, даже когда он просто шагает к водопою¹²¹.

Властные сигналы от доминирующих особей уходят корнями далеко в эволюционное прошлое. Рыбы, принимая угрожающие позы, расправляют плавники, а некоторые ящерицы широко раздувают кожные складки на шее. Право кукарекать первому всегда принадлежит главному петуху в курятнике. Наверное, самый известный из победных кличей – *Triumphgeschrei* (в переводе с немецкого – «триумфальный крик») у серых гусей, описанный К. Лоренцом. Прогнав неприятеля, гусак бежит обратно к своей гусыне с распростертыми крыльями, издавая трубные звуки. После этого пара возвещает о победе над недругом ритуальным супружеским кличем – оба вытягивают шеи в одном направлении и

---

¹²¹ Caitlin O’Connell (2015), p. 3.

громко гогочут. Их пара выдержала очередное испытание на прочность.

Американский психолог Джессика Трейси документирует выражение триумфа у людей в своей книге «Гордость. Почему в смертном грехе содержится ключ к успеху» (Take Pride: Why the Deadliest Sin Holds the Secret to Human Success, 2016). Она проанализировала сотни фотографий спортсменов мирового уровня, отмечая их реакцию на победу и поражение. Победители соревнований по дзюдо на Олимпиаде 2004 г. на снимках, сделанных сразу после поединка, демонстрируют совершенно одинаковое выражение гордости: кажущееся увеличенным тело, поднятые, широко раскинутые руки со сжатыми кулаками. Часто считается, что подчеркивать собственные достижения и ценные качества больше принято на Западе, где приветствуется личный успех, но культурная принадлежность спортсменов здесь никакой роли не играла. Все победители вели себя одинаково независимо от национальности. Конечно, может возникнуть вопрос – не потому ли это происходит, что мир стал слишком однородным? Возможно, спортсмены просто перенимают способы выражения триумфа друг у друга? Трейси изучила эту вероятность, проанализировав еще одну подборку фотографий, сделанных во время Паралимпийских игр, где участвовали слепые от рождения спортсмены. Слепые победители выражали триумф точно так же, как зрячие, поэтому заимствование можно было исключить. Дальнейшим подтвер-

ждением биологической основы проявлений гордости служит их сходство у человека и прочих видов¹²².

Однако у животных Джессика Трейси эмоцию гордости не признает, предлагая взамен функциональное описание, которое порадовало бы моих преподавателей-этологов. С ее точки зрения, стараться выглядеть крупнее животное может только с одной целью – напугать, пригрозить, пустить пыль в глаза. Исключительно утилитарное действие. Животные демонстрируют такое поведение перед схваткой или в процессе, а люди – уже после победы над соперником, и значит, по совершенно иным причинам. Трейси приходит к выводу, что лишь человеку знакомо чувство удовлетворения от достижения цели, «требующее осознания, что “я” – это нечто устойчиво существующее во времени, и то, кто я такой и что делаю сейчас, связано с тем, кем я был вчера и что буду делать завтра»¹²³.

Кажется, я слышу отголоски высказанной Ортегой-и-Гассетом идеи, будто шимпанзе, просыпаясь поутру, не представляет, кто он и что он. Я в недоумении, поскольку для большинства животных сегодняшние поступки – прямое продолжение вчерашних и предтеча завтрашних. Каково бы им было каждый день заново выстраивать иерархию и социальные связи? В действительности у любого члена животного сообщества имеется та или иная устойчивая социаль-

---

¹²² Jessica Tracy (2016); Tracy and David Matsumoto (2008).

¹²³ Jessica Tracy (2016), p. 91.

ная роль. Как и мы, животные точно знают, кто они и где их место. Их дружба часто длится всю жизнь. Что же касается обозначения статуса, оно, вопреки предположению Трейси, нужно не только для того, чтобы показать противнику свое превосходство до схватки. Иногда оно относится к уже свершившемуся – как триумфальный ритуал у гусей, который обычно исполняется после победы, например, когда гусак прогоняет соперника. Если у человека соответствующий ритуал расценивается как проявление гордости, то не свидетельствует ли аналогичное поведение гусака о том, что и он испытывает гордость?

Койот, успешно припечатавший противника к земле, может пройтись вприпрыжку вокруг распластавшегося перед ним поверженного соперника. Победитель в схватке между домашними кошками нередко демонстративно катается по полу на спине в поле зрения побежденного. Триумфальное поведение характерно и для мангровых крабов: одержавший верх в поединке самец энергично трет одну клешню о другую, исполняя торжественный гимн¹²⁴. У других животных – от волков до лошадей и обезьян – порой с первого взгляда видно, кто принадлежит к победителям, а кто – к вечно уступающим. Отпечаток поражений и побед заметен во всем их облике, и слон Грег своим величием и статью наверняка обязан долгой чередой успехов.

Альфа-самца шимпанзе нетрудно отличить от других сам-

---

¹²⁴ Paul Chen, Roman Carrasco, and Peter Ng (2017).

цов: у него практически постоянно вздыблена шерсть. Он может ходить «вразвалку» – на двух ногах, держа руки слегка на отлете, покачиваясь из стороны в сторону, будто тяжеловес, да еще прихватив для пущей убедительности какой-нибудь камень или палку. Вызывающая поза настолько узнаваема, что я нередко показываю в подходящей аудитории фотографию вышагивающего так самца шимпанзе в паре со снимком, запечатлевшим почти идентичную «ковбойскую» походку одного из бывших президентов США, уроженца Техаса.

Мне импонирует, как рассматривал разницу в манере держаться у высокоранговых и низкоранговых приматов Абрахам Маслоу. Мало кто знает, что задолго до того, как разработать свою знаменитую пирамиду потребностей (без которой не обходится сейчас ни один учебник психологии и курс менеджмента), американский психолог еще в магистратуре занимался исследованием социального доминирования у приматов. С этим исследованием я хорошо знаком, поскольку Маслоу работал в Зоопарке Генри Виласа (Мэдисон, штат Висконсин), где я через несколько десятилетий наблюдал за макаками. Маслоу описывал дерзость и самодовольство доминирующих обезьян и «жалкую трусость», как он это называл, подчиненных. Альфа-самец у резусов весь день ходит задрав хвост, и больше никому так ходить не позволено (правда, когда вожака в поле зрения нет, остальные самцы приподнять хвост все же осмеливаются). Вожак регулярно

прыгает вверх-вниз в кроне дерева, энергично тряся ветки, чтобы все знали, кто тут главный. Идея «самоуважения» по теории Маслоу напрямую вырастает из того, что для приматов он определяет как «ощущение доминирования». Изначально он использовал оба термина как взаимозаменяемые, подчеркивая тем самым, что истоки человеческой психологии нужно искать в поведении обезьян. Маслоу признавал уверенность высокоранговых приматов в себе, включающую и ощущение превосходства¹²⁵.

Разница между взглядами Джессики Трейси и Маслоу сводится к тому, каким уровнем самосознания мы готовы наделить животных. Но мне категорически не нравится такой подход, поскольку если и существует понятие, упорно не поддающееся точному определению, то это именно сознание. А значит, нам приходится действовать, опираясь на предположения, хотя и не во всем, ведь отправной точкой остается наблюдаемое нами поведение.

И в том, что касается наблюдаемого поведения, мы отмечаем потрясающее сходство между человеком и другими животными в манере держаться. Дарвин противопоставляет позу угрозы у собак (голова поднята, лапы выпрямлены, шерсть топорщится) позе подчинения (согнутые лапы, хвост поджат, шерсть приглажена). Если подобные статусные сигналы универсальны, не означает ли это, что одинаковы и стоящие за ними эмоции? С эволюционной точки зрения имен-

---

¹²⁵ Abraham Maslow (1936).

но такой вариант наиболее вероятен при сходстве поведения у разных видов. Нам незачем отягощать гордость предубеждением, постулируя существование серьезных эмоциональных различий, не подкрепленное никакими свидетельствами, поэтому я склонен здесь согласиться с точкой зрения Маслоу, что систематическое торжество над другими кардинально меняет самооценку – будь то у человека или прочих животных. Такие особи уверены в себе и не стесняются показывать это всем своим поведением. А значит, давней эволюционной историей обладают не только способы выражения гордости, но и связанные с ней эмоции.

Как нашкодивший щенок

На снимках, которые исследовала Джессика Трейси, проигравшие дзюдоисты сжимались, опускали плечи и голову, демонстрируя все признаки стыда и неудачи. Точно такая же реакция типична для человека, который не оправдал надежд или ждет неприятностей, нарушив некие нормы. Считается, что в английском и некоторых других языках германской группы слово «стыд» произошло от более древнего слова, означающего «закрывать». Мы опускаем голову и веки, отводим глаза, подгибаем колени и в целом словно съеживаемся, приобретая несчастный и понурый вид. Уголки губ ползут вниз, а брови выгибаются вверх, создавая выражение полнейшей беззлобности и безобидности. Мы прикусываем или надуваем губы, закрываем руками лицо, словно и вправду хотим провалиться сквозь землю. Мы говорим, что нам стыдно, и при этом знаем, что на нас сердятся, раздражаются или по меньшей мере в нас разочарованы.

Желание испытывающего стыд спортсмена съежиться и скрыться с глаз имеет очевидные параллели в подчиненном поведении приматов. Шимпанзе распластываются на земле перед вожаком, пригибаются и смотрят на него снизу вверх или поворачиваются к нему задом, то есть занимают уязвимую позицию. Доминантные шимпанзе могут подчеркнуть контраст, буквально вытерев ноги о подчиненного, то есть

наступив на него, или пронестись мимо, вытянув руку над его головой и вынуждая резко пригнуться.

Найдя по возвращении домой следы погрома — растерзанную подушку или погрызенную обувь, хозяин без труда определит, кто из животных это натворил. Когда хозяин отчитывает виновника (справа), тот опускает голову, отводит глаза и принимает подчиненную позу. Однако, несмотря на пристыженный вид, неизвестно, чувствует ли он вину. Скорее всего, он просто понимает, что дела его плохи

И снова обратите внимание на разницу в терминологии, применяемой к человеку и животным: выше мы видели это на примере того, как гордость (у людей) противопоставлялась доминированию (у остальных видов). Если о человеке, проигравшем в состязании или вызвавшем чье-то недоволь-

ство, говорят «пристыженный», то шимпанзе в аналогичной ситуации будет «выражать подчинение» или «вести себя как низкоранговая особь». Мы описываем поведение животных в функциональных терминах, но, говоря о себе, предпочитаем сосредоточиться на скрытых за поведением чувствах. Мы не желаем даже подразумевать, что у животных могут быть точно такие же чувства (или вообще какие бы то ни было). Но ведь какие-то эмоции за этим поведением точно кроются, так почему они должны отличаться от наших? Будь стыд действительно эмоцией сугубо человеческой, не имеющей эволюционных прообразов, разве не было бы его выражение у человека таким же уникальным, не имеющим аналогов в животном мире? Почему проявление человеческого стыда выглядит точно так же, как поведение, которое биологи называют подчиненным? И не только биологи: американский антрополог Дэниел Фесслер, специализирующийся на изучении стыда, сравнивает универсальное для человека в таком состоянии стремление съжаться с поведением подчиненного в присутствии разгневанного доминанта. Стыд отражает осознание, что вами недовольны или что вы сваляли дурака, и поэтому уместно оправдываться и смягчать недовольство. Иерархические шаблоны здесь очевидны¹²⁶.

Это не значит, что человеческий стыд абсолютно идентичен подчинению. У человека диапазон поводов для стыда, несомненно, шире, чем у других приматов. Я никогда не ви-

---

¹²⁶ Daniel Fessler (2004).

дел, чтобы шимпанзе-подростки стеснялись своей матери, а упитанная слониха переживала из-за лишнего веса. Мы, люди, живем культурными традициями и нормами и оглядываемся на вечно меняющуюся моду, создавая сугубо человеческую почву для стыда, в том числе из-за разницы между поколениями. Подростки стесняются родителей, поскольку те абсолютно ничего не понимают в моде и разговаривают на каком-то устаревшем (20-летней давности) языке. Дома, когда никого из посторонних рядом нет, эти же самые подростки общаются с родителями совершенно нормально, но стоит им оказаться в поле зрения друзей – и начинается: «Что про меня подумают, если увидят с этими динозаврами?» На первый взгляд кажется, что стыд за родителей обусловлен, скорее, конформностью¹²⁷, чем иерархическими взаимоотношениями, но в конечном итоге все сводится к заботе подростка о репутации и его месте в группе сверстников.

Только одно проявление стыда отличает наш вид от других, указывая тем самым на более глубокую или новую эмоцию, – это способность краснеть, или изменение цвета лица и шеи, вызываемое приливом крови к подкожным капиллярам. О том, что подобное свойственно лишь человеку, я уже упоминал. Чарльз Дарвин, увлеченный этой загадкой, рассылал письма управляющим колониями и миссиями во всех

---

¹²⁷ Конформность – изменение в поведении или мнении человека под влиянием реального или воображаемого давления со стороны другого человека или группы людей. – *Прим. науч. ред.*

концах мира, выясняя, повсюду ли люди умеют краснеть. Рассуждая о внешнем эффекте покраснения (у бледнокожих румянец заметнее) и о роли стыда и нравственных принципов, он приходил к выводу, что способность краснеть – это врожденная, универсальная для нашего вида реакция, развившаяся для выражения стыда или смущения.

При всей своей выразительности румянец всегда непрозрачен. Даже фальшивые слезы нам вызвать проще. Мы не можем ни покраснеть по желанию, ни согнать краску с лица, когда она совсем некстати, – наоборот, чем больше мы осознаем, что краснеем, тем труднее вернуться в нормальное состояние. Зачем же нашему виду сигнал стыда, которого нет у других приматов, и почему природа отказала нам в возможности его контролировать?

Все дело в доверии. Мы больше доверяем людям, у которых эмоции написаны на лице, чем тем, у которых не видно ни намека на стыд или осознание вины. У человека имеется еще одна черта, укладывающаяся в ту же схему, – белки глаз. Из-за белков движения человеческих глаз отслеживаются более отчетливо, чем, например, у шимпанзе, чьи темные, глубоко посаженные глаза скрыты под козырьком надбровных дуг. Если по глазам обезьяны невозможно понять, куда она смотрит, то человеку трудно скрыть направление взгляда или беспокойно бегающие глаза, выдающие нервозность. Это усложняет нам манипуляцию окружающими. Судя по всему, в ходе человеческой эволюции доверие стало

такой роскошью, что пришлось ограничивать возможности для обмана. Это повысило нашу привлекательность в половом отборе. Способность краснеть может входить в тот же эволюционный набор, который обеспечил нам высокий уровень сотрудничества и нравственные принципы.

Стыдливость сопровождает все, что связано с интимными отношениями, – отсюда и желание уединяться, и необходимость прикрывать на публике определенные части тела. Бывает, что запреты эти продиктованы культурными особенностями. Я, например, до сих пор никак не привыкну к зацикленности американцев на женской груди. Первым культурным шоком по прибытии в Штаты для меня стала заметка в утренней газете о том, что какую-то женщину арестовали за кормление грудью в общественном месте. В Нидерландах на нее бы никто внимания не обратил, а уж для меня, приматолога, и вовсе нет зрелища более естественного, чем причмокивающий у груди младенец. Однако во всем мире принято убирать все, что связано с половой жизнью и размножением, с глаз долой. Крайняя форма подобной стыдливости – когда люди не могут заниматься сексом при свете.

Некоторые из этих табу кажутся непостижимыми, но, скорее всего, все началось с необходимости укрепить брачные отношения. Для человеческого общества характерно образование семейных ячеек, в которых оба партнера кровно заинтересованы в сохранении своего брака. В отличие от птиц и многих других животных, у которых проблема решается

за счет обитания на определенной территории, с которой изгоняются все непрошенные гости, человек живет бок о бок с множеством потенциальных соперников и половых партнеров. Разумеется, внебрачные связи по-прежнему в избытке, но это не отменяет необходимость контролировать их или, по крайней мере, отслеживать. Это значительное различие между нами и другими гоминидами, у которых нуклеарных (супружеских или партнерских) семей нет. Самки человекообразных обезьян выращивают потомство сами. Даже если какой-то самец и самка отдают предпочтение друг другу, их связь не предполагает отказа от связей с остальными. Заставить шимпанзе скрыться ради секса в укромном месте может только ревность соперников. В таком случае самец с самкой будут встречаться за кустами или уходить подальше от соплеменников. Возможно, именно здесь нужно искать корни нашего желания уединяться. «Тайное спаривание», как его называют биологи, у животных распространено довольно широко. Секс дает богатую почву для соперничества и насилия, поэтому единственный способ сохранить мир – пореже совокупляться на публике. Человек идет дальше, скрывая не только сам репродуктивный акт, но и любые возбуждающие или возбуждаемые части тела, по крайней мере на публике.

Все это совершенно отсутствует у бонобо – не зря этих обезьян часто считают сексуально «распущенными». Но, поскольку в их высокотолерантном обществе в принципе нет необходимости под страхом наказания скрываться и уеди-

няться, к ним неприменимо и само понятие распушенности. У них просто нет стыдливости и сдерживающих факторов – кроме желания избежать стычек с соперниками. Когда два бонобо совокупаются, детеныши иногда запрыгивают одному из них на спину, чтобы получше рассмотреть процесс. Кто-то из взрослых может подойти и, прижавшись гениталиями к одному из партнеров, присоединиться к действию. У этого вида секс – повод для общения, а не конкуренции. Если лежащая на спине самка мастурбирует у всех на глазах, никто даже бровью не поведет. Она быстро-быстро двигает вверх-вниз пальцами во влагалище, но это могут быть и пальцы ноги, потому что руками она при этом вычесывает детеныша или держит фрукт, которым закусывает. Бонобо – мастера делать несколько дел одновременно.

Близкая к стыду эмоция – чувство вины. Но оно относится к поступку, действию, тогда как стыд направлен, скорее, на самого деятеля. Если провинившийся думает: «Не надо было этого делать!», то испытывающий стыд как бы говорит: «Не смотрите на меня, я ничтожество!» Стыд связан с оценкой, которую дает общество, а чувство вины – с собственной оценкой своих же действий. Однако по внешним признакам эти две эмоции различить трудно, и в животном мире прослеживаются одинаково четкие параллели для обеих. Именно поэтому многие хозяева животных уверены, что их питомцы чувствуют вину. В интернете полно видеороликов про двух собак, одна из которых полакомилась кошачьим кор-

мом, а вторая – совершенно ни при чем. Мне больше всего нравится «Виноватый Денвер» (Denver, the Guilty Dog), там пес демонстрирует все признаки понимания, что его ждет нагоняй¹²⁸. Никто не сомневается, что собаки чувствуют, когда им несдобровать, но ощущают ли они при этом себя виноватыми – вопрос открытый.

Американка Александра Горовиц, специалист по поведению собак, попыталась прояснить этот вопрос с помощью эксперимента. Хозяева должны были сердиться на собаку, не сделавшую ничего плохого, и наоборот, никак не реагировать на разгромленную кухню или погрызенную ценную обувь (а сама Горовиц – на поедание печенья, которое веле-но было не трогать). После ряда подобных проверок Горовиц пришла к выводу, что виноватый вид – потупленный взгляд, прижатые уши, съеживание, отворачивание, бьющийся между задними лапами хвост – никак не связан с наличием или отсутствием проступка. Все зависит не от содеянного, а от реакции хозяина. Если хозяин ругает собаку, она принимает бесконечно виноватый вид. Если нет, значит все чинно-благородно. На самом деле многие проступки совершаются задолго до того, как хозяин вернется домой, так что наказание увязывается в сознании собаки с хозяином, а не с проступком. Именно поэтому собаке ничего не стоит радостно продефилировать перед вами с уликой – измочаленной кроссов-

---

¹²⁸ «Виноватый пес Денвер»: www.youtube.com/watch?v=B8ISzf2pryI.

кой или растерзанным плюшевым медведем¹²⁹.

Таким образом, поведение собаки после проступка следует расценивать не как выражение чувства вины, а как действия, типичные для представителя вида животных, для которых характерны иерархические отношения, в присутствии потенциально недовольной доминантной особи – смесь подчинения и попытки умиловить, направленные на уменьшение вероятности взбучки. У меня дома только кошки, собак нет, поэтому ни малейших признаков чувства вины у своих питомцев я не наблюдаю – это связано с меньшей иерархичностью у кошачьих. Собаки лучше понимают установленный порядок и острее чувствуют его нарушение. Матрицей для формирования чувства вины была и остается социальная иерархия, пусть даже человек до такой степени загоняет внутрь страх наказания, что начинает винить себя. Мы наказываем себя сами, терзаясь угрызениями совести из-за поступка, который совершать не следовало, или из-за того, что, наоборот, не сумели совершить требуемое. Мы готовы искупить вину – компенсировать ущерб или принять наказание.

У других видов такое внутреннее отношение к чувству вины встречается редко или отсутствует, но все же исключать ее вероятность нельзя. Проблема в том, что о наличии или отсутствии чувства вины у домашних животных мы судим по чрезмерно ориентированным на человека требова-

---

¹²⁹ Alexandra Horowitz (2009).

ниям, которые понятны нам самим, но для наших питомцев, возможно, остаются загадкой. «Не валяйся на этом диване!» или «Не царапай мое кожаное кресло!» – поди разберись, что этим людям надо. Для животного эти запреты, наверное, так же непостижимы, как для меня необходимость отказаться от жевания жвачки в Сингапуре.

Может быть, стоит тестировать животных на совершение проступков, которые будут считаться нарушениями по любым меркам, включая их собственные? Идеальный пример такого проступка – описанный у Конрада Лоренца случай с его псом Булли, который нарушил основополагающее правило «никогда не кусать вышестоящего». Этому правилу собак специально обучать не надо, и, как отмечает Лоренц, до упоминаемого случая поводов наказывать Булли за это просто не возникало. Но однажды, когда Лоренц попытался разнять одну из самых жестоких собачьих драк на его памяти, пес случайно укусил хозяина за руку. И хотя тот не стал его ругать, а наоборот, принялся обнимать и гладить, пес переживал так сильно, что у него случился самый настоящий нервный срыв. Несколько дней после этого происшествия он не притрагивался к пище и словно впал в ступор. Он лежал на своей подстилке и мелко дышал, лишь иногда периодически издавая протяжный вздох, как бы идущий из самой глубины его измученной души. Он выглядел так, будто его сразила смертельная болезнь. Не одну неделю Булли ходил словно в воду опущенный. Он нарушил естественное табу, а это

влекло за собой – для представителей его вида или их предков – самые суровые последствия вроде изгнания из стаи. Вот здесь мы явно нащупываем внутреннее, усвоенное всем существом правило, нарушение которого вызывает ощутимые эмоциональные и физические страдания, возможно, сопоставимые с чувством вины¹³⁰.

А что насчет наших ближайших родичей, приматов? Доходит ли у них когда-нибудь до такого? Один из наиболее известных внешних регуляторов их сообщества – влияние высокоранговых самцов на половую жизнь низкоранговых. Работая в студенческие годы с длиннохвостыми макаками, я наблюдал за их занятиями в открытой части общего вольера, которую с внутренним помещением соединял тоннельный переход. В этом переходе часто усаживался альфа-самец, чтобы держать в поле зрения обе части вольера. Но когда он удалялся внутрь, оставшиеся снаружи самцы начинали подкатываться к самкам. В присутствии вожака ухода ухода могли выйти им боком, поэтому они пользовались случаем спариться без помех, пока тот далеко. Однако страх перед наказанием оставался. Самцы то и дело подбегали к входу в тоннель и заглядывали внутрь, проверяя, не собирается ли вожак неожиданно вернуться. Сталкиваясь с ним сразу после своего тайного совокупления, низкоранговые самцы скалили зубы в широченной усмешке, выдающей нервозность, хотя узнать об их самоуправстве вожаку было совер-

---

¹³⁰ Konrad Lorenz (1960).

шенно неоткуда. Когда подобную ситуацию смоделировали в ходе эксперимента, у испытуемых отмечались те же реакции, на основании которых исследователи сухо заключили, что «животные способны усваивать поведенческие правила, связанные с их социальной ролью, и демонстрировать реакцию, свидетельствующую об осознании нарушения социальных норм»¹³¹.

Действие социальных правил не сводится к тому, чтобы повиноваться им в присутствии доминирующих особей и забывать о них, едва вышестоящий отвернется. Будь это так, низкоранговым самцам не приходилось бы проверять, где находится скрывшийся с глаз вожак, и усиленно демонстрировать подчинение, совершив нечто запретное. Значит, в какой-то мере правила усваиваются на глубинном уровне. Более сложный случай мы наблюдали в колонии шимпанзе в Арнеме после стычки, в которой бета-самец Лёйт впервые одержал верх над вожаком Йеруном. Они подрались ночью, когда находились одни в спальном помещении. На следующее утро колонию выпустили на остров – тогда-то и обнаружили ужасающие физические последствия поединка:

Когда Мама обнаружила у Йеруна раны, она принялась ухаживать и оглядываться по сторонам. Йерун не выдержал, начал кричать и визжать, и тут сбегались все обитатели колонии, чтобы посмотреть, что же происходит. Когда обезьяны

---

¹³¹ Christopher Coe and Leonard Rosenblum (1984), p. 51.

*собрались, ухая, вокруг раненого, «виновник» Лейт также начал кричать. Он нервно бегал от одной самки к другой, обнимал их и подставлял им зад. Затем он потратил добрую часть дня на зализывание ран Йеруна. У того была глубокая рана на ноге и две раны на боку – все от мощных клыков Лейта*¹³².

Положение Лейта было примерно таким же, как у несчастного пса Булли: он тоже нарушил иерархическое табу. Впервые за несколько лет Йеруна кто-то ранил. «Как же так можно?!» – говорила возмущенная реакция колонии. Лейт постарался загладить проступок, однако попыток одолеть Йеруна не оставил и неотступно преследовал его еще несколько недель, пока в конце концов не свергнул с вершины иерархии. Что же заставило Лейта так отреагировать на раны соперника? Чувство вины из-за нарушения прочно усвоенного правила? Или он просто опасался реакции остальных?

Еще дальше в этом отношении заходят бонобо. Поскольку насилие для их вида – редкость, переживают они по его поводу гораздо сильнее. У обидчика сожаление о содеянном, вероятно, смешивается с эмпатией, поскольку он сразу кидается мириться и заглаживать вину. Для других же приматов, наоборот, более типична ситуация, когда примирение инициирует низкоранговая особь. Бонобо отличаются тем, что обычно раскаивающимся выглядит доминирующий, особен-

---

¹³² Из Chimpanzee Politics (de Waal, 1982), p. 92.; Де Вааль Ф. Политика у шимпанзе: Власть и секс у приматов / Пер. Д. Кралечкина. – М.: Издательский дом ВШЭ, 2018.

но если он ранил соперника. Помню, как один такой доминант вернулся к пострадавшему и принялся рассматривать укушенный им палец ноги, выясняя насколько все серьезно. Судя по его поведению, он точно понимал, как и в каком месте навредил другому. Если существует бесспорное указание на способность животных испытывать сожаление, для меня это именно такие ситуации у бонобо, когда доминант битых полчаса или больше зализывает чужие, им же самим нанесенные раны.

Трудно сказать наверняка, что чувствуют при этом бонобо, но, признаюсь откровенно, в минуты цинизма я задаюсь ровно тем же вопросом насчет чувства вины у человека. Не переоцениваем ли мы силу интернализации¹³³? Смотрите, с какой легкостью люди отбрасывают все установки, когда кардинально меняются условия жизни – во время войны, голода, политических волнений. Сколько порядочных граждан готовы без всякого раскаяния мародерствовать, воровать, убивать, если ресурсов на всех не хватает, а вероятность поимки и наказания невелика. Даже при менее драматичной смене обстоятельств – например, на отдыхе за границей, – люди уходят в отрыв (напиваются в общественном месте, пристаю́т к незнакомцам с непристойными намерениями), совер-

---

¹³³ Интернализация (от лат. interior, внутренний) – процесс освоения индивидом норм, ценностей, установок, представлений, выработанных обществом до такой степени, когда эти нормы и правила становятся для него привычными. Они выполняют функции глубоких «внутренних» регуляторов социального поведения индивида. – *Прим. ред.*

шенно немыслимый для них дома.

Не всегда убеждают меня и громкие покаяния или извинения. Я предпочитаю молчаливое раскаяние. Извинения публичных лиц слишком фальшивы и наиграны, не зря в английском их называют *nonpology* или *fauxpology* («не-извинения» или псевдоизвинения). Они только выглядят извинениями, но никакого признания ответственности за совершенное в них нет. Часто вина в них перекладывается на пострадавшего: «Мне жаль, что вас так задел мой твит». В 1988 г. знаменитого американского евангелиста-телепроповедника Джимми Сваггерта застали в обществе проститутки. После скандала он рыдал перед телезрителями, лил целые реки слез, умолял Господа и паству простить ему прегрешение. Через несколько лет он снова попался в такой же ситуации. То, что у людей сходит за признание вины, зачастую, как и у собак, представляет собой лишь способ избежать нежелательных последствий, а не свидетельство глубокого усвоения разницы между правильным и неправильным.

Я вовсе не отказываю человеку в умении отличать одно от другого, как и в способности искренне раскаиваться, но граница между чувством вины и демонстрацией подчинения / умиротворения не такая резкая, как нам хотелось бы думать¹³⁴. Зачастую чувство вины либо представляют как продукт религии и культуры, либо подают как эмоцию, которая побуждает нас заглаживать проступки и возмещать при-

---

¹³⁴ June Tangney and Ronda Dearing (2002), Petra Michl et al. (2014).

чиненный ущерб. Все это очень хорошо и, безусловно, соответствует истине, однако не стоит недооценивать фактор страха. Чувство вины и тревожность нередко идут рука об руку, подпитываясь друг от друга. И в основе всего этого лежит нечто гораздо более фундаментальное, чем культура или религия. И чувство вины, и стыд произрастают из конформности – глубинного желания стать «своим», быть принятым, для любого социального животного это вопрос жизни и смерти. Наш величайший подспудный страх – оказаться отвергнутыми обществом или группой. Именно он погружает Булли в депрессию, заставляет Лейта обниматься с самками, обступившими раненого им соперника, вынуждает подростков стесняться родителей, а Сваггерта – лить крокодиловы слезы. Боязнь вызвать недовольство окружающих и потерять их любовь и уважение – вот что в конечном счете стоит за чувством вины и стыдом у человека.

Поскольку на этом же страхе замешано схожее поведение и у других видов, подытожу этот раздел примером типичной реакции молодой шимпанзе Гуа на упреки от своих «приемных родителей», Уинтропа и Луэллы Келлогг, в семье которых она воспитывалась в 1930-е гг. Я не склонен непременно рассматривать эту реакцию как признак стыда или чувства вины, а вот глубинное желание быть принятой и прощенной, которое, как я думаю, лежит в основе обеих вышеупомянутых эмоций, Гуа действительно демонстрирует. Если все заканчивалось хорошо, пишут Келлоги, Гуа неизменно изда-

вала протяжный вздох облегчения:

Когда Гуа наказывали или чаще просто ругали за попытки грызть стену, за туалетные «аварии» и прочие конфузы, она бежала к нам на руки с криком «у-у». (Если мы ее отталкивали), она неизбежно начинала причитать и верещать еще сильнее и унималась, только если мы выказывали готовность ее принять. Тогда вокализация менялась на учащенные «у-у», с которыми она мчалась к нам, распахнув объятия. Подтягиваясь, она вскарабкивалась чуть ли не до наших плеч – всеми силами стараясь оказаться с нами лицом к лицу. И тогда следовал поцелуй примирения. Если мы, смягчившись, откликались, она выпускала тот самый протяжный вздох, слышимый за метр или дальше¹³⁵.

---

¹³⁵ Winthrop and Luella Kellogg (1933), p. 171.

Фактор «Фу!»

В дождливый день повсюду видны наморщенные от отвращения носы. Я называю это «дождевым лицом» шимпанзе. Стоит начаться ливню, и все шимпанзе, от мала до велика, корчат эту физиономию, подтягивая верхнюю губу к носу и слегка выпячивая нижнюю. Глаза полуприкрыты, зубы видны. Шимпанзе терпеть не могут мочить руки, поэтому такая гримаса у них появляется, когда они с совершенно несчастным видом идут на двух ногах по мокрой траве, плотно скрестив руки на груди. Это выражение лица хорошо мне знакомо и у людей, поскольку Нидерланды – страна велосипедистов. Они тысячами колесят по городам и в жару, и в непогоду, добираясь на работу или учебу. И когда льет дождь, под капюшонами дождевиков мелькают именно такие гримасы – выражение недовольства погодой и перспективой провести полдня в сырой одежде.

Отвращение и неприязнь входят в число древнейших эмоций и тех немногих, которые связаны с определенной областью мозга – островковой долей (или островком). Активация этой области вызывает сильное отвращение к тому, что оказалось у вас во рту. Поэтому обезьяна, с аппетитом уплетающая вкуснейшие орехи, непременно выплюнет их, если простимулировать ее островок. Одновременно изменится и выражение ее лица: верхняя губа вздернется к носу, а язык

будет выталкивать пищу изо рта¹³⁶. У людей в соответствующих экспериментах островок вспыхивает при предъявлении изображений, вызывающих рвотные позывы, – экскрементов, гниющего мусора или кишасей червями пищи. В таких случаях мы тоже вздергиваем верхнюю губу к носу, сощуривая глаза и сводя к переносице брови. Характерно наморщенный нос – это ритуализация сокращения мышц, которое защищает глаза и ноздри от воздействия опасных субстанций, например ядовитых испарений. Мы буквально «воротим нос» от того, что нам неприятно.

Сходство мимических выражений и активизация одной и той же области мозга у всех обезьян и людей указывает на то, что эмоция отвращения у них тоже одинакова. На самом деле отвращение возникло задолго до появления на свете приматов, поскольку отторгать опасные вещества и паразитов необходимо всем организмам. Крысы широко раскрывают рот (так называемая зевота, возможно, представляющая собой рвотные позывы), когда нюхают пищу, вызывающую у них тошноту. Кошки отшатываются от запаха духов или судорожно отряхивают лапу, коснувшись чего-то липкого. Собаки скулят и щерятся, когда им в нос ударяет резкий запах цитрусовых. Кошки, наткнувшись на что-то противно пахнущее, например дохлого таракана, трогательно скребут вокруг него лапой, словно пытаясь зарыть, даже если он лежит не на земле, а на кухонном полу. В конечном счете все эти

---

¹³⁶ Fausto Caruana et al. (2011).

реакции направлены на самозащиту от вредных веществ. Так называемое инстинктивное отвращение – это отраженное в поведении продолжение действия иммунной системы, идущее из глубин организма и почти не поддающееся контролю.

По иронии судьбы отвращение фактически попало из грязи в князи. Несмотря на свое «низкое» происхождение, ни одно другое чувство в наши дни не окружено таким вниманием и любовью психологов – поскольку связано с нравственностью. Нам отвратительны определенные виды поведения – не только такие, как инцест или зоофилия, но и коррупция, измена, мошенничество, лицемерие. Возмущаясь людьми, которые, притворяясь онкологическими больными, собирают в интернете деньги на лечение несуществующей болезни или паркуются в неполюженном для них месте, мы употребляем слова «отвратительно», «противно», «мерзко», «гадко», «тошнотворно». Политики разыгрывают эту карту, стремясь настроить нас против той или иной части общества – например, определенной этнической группы. Они намекают на сходство (внешнее, в манерах или запахе) этих людей с неприятными нам животными. И даже изображают при этом гримасу отвращения. Чистота же, наоборот, ассоциируется у нас с добродетелью и правильностью. «Умывая руки» от сомнительных дел, мы вслед за Понтием Пилатом приравниваем чистоту к невинности¹³⁷. В новейшей

---

¹³⁷ Paul Rozin, Jonathan Haidt, and Clark McCauley (2000); Joshua Tybur, Debra Lieberman, and Vladas Griskevicius (2009).

литературе на тему «морального отвращения» порой чрезмерно принижают изначальную эмоцию, относясь к ней почти как к ненужному придатку. Отвращение возвеличивается до культурного феномена, благоприобретенной привычки, не имеющей ничего общего с банальным избеганием патогенов.

Еду, которая кажется нам неаппетитной, мы называем гадостью. Пищевые пристрастия мы перенимаем от других представителей своей культуры, поэтому у нас могут вызывать сильнейшее неприятие продукты и блюда, которые в другой культуре считаются деликатесом. В одном баре в Саппоро я удостоился бурных аплодисментов как первый человек с Запада (по крайней мере, мне так сказали), который спокойно съел половину плоски натто – забродивших соевых бобов с резким запахом. Я был польщен, но потом кто-то поинтересовался, понравилось ли мне эта еда. Выражение лица выдало меня раньше, чем я успел придумать дипломатичный ответ. Все расхохотались. Сами же японцы терпеть не могут кожуру яблок и груш и, к моему недоумению, всегда их чистят. Так что, конечно, у нас, людей, имеются приобретенные пристрастия и приобретенное отвращение. У животных, как утверждается, подобных культурных различий нет, потому что они инстинктивно различают, что есть можно, а что нельзя.

Еще одна популярная идея заключается в том, что с помощью отвращения мы стремимся отделить себя от живот-

ных, воспринимая их останки и продукты жизнедеятельности как отталкивающие. Гниющие растения и плоды вызывают у нас гораздо меньшее омерзение, чем разлагающиеся трупы животных, их экскременты, кровь, сперма, внутренности и тому подобное. Согласно этой теории, у нас вызывает отторжение не столько вид и запах мертвого животного, сколько напоминание о нашей собственной смертности. Мы так боимся смерти, что не выносим указаний на свое родство с созданиями, чья жизнь так хрупка. Отвращение к мертвым животным позволяет нам справляться с экзистенциальными проблемами, и именно поэтому некоторые ученые усматривают в нем – ни много ни мало – признак цивилизованности!

У меня голова кругом идет от всех этих попыток возвысить незамысловатую эмоцию, развившуюся, чтобы оградить организм от опасных веществ. Ученые, с их вечной склонностью увлекаться своими фантастическими теориями, так ловко замели следы, выдающие скромное происхождение этой эмоции, что ее действительно легко принять за новую и неизведанную. Причем даже не за эмоцию – ее рассматривают как мыслительное действие, определяющее нас и объясняющее наши самые благородные достижения. Впрочем, не все психологи разделяют эти взгляды. Некоторые, как и я, считают, что, копнув чувство отвращения (даже его моральную ипостась) поглубже, мы обнаружим в его основе ту же самую эмоцию, которая базируется в островковой доле и выражается сморщиванием носа.

Что меня особенно задевает как человека, любящего животных и ежедневно с ними работающего, это идея, будто неприязнь к ним каким-то образом повышает нашу цивилизованность. Если так, зачем же мы в таком количестве тащим их к себе в дом, балуем, холим, лелеем, относимся как к членам семьи и готовы убирать за ними сколько потребуются? Хозяева кошек безропотно меняют наполнитель в лотке, владельцы собак ловко орудуют совком для фекалий на прогулке, а уж про любителей лошадей и говорить нечего. Человек жить не может без животных. Помимо того, что они дают нам пищу, животные трудились на нас – тянули плуг, несли на спине войско, доставляли корреспонденцию (почтовые голуби) и продолжают трудиться по сей день – ищут наркотики, участвуют в охоте, пасут отары, облегчают страдания больным, ловят грызунов, опыляют цветы и так далее. Если животные человеку и в самом деле отвратительны, откуда в зоопарках 175 млн посетителей за год в одних только США? А все эти ролики с животными, которые мы смотрим в «Фейсбуке»? Детские мультфильмы с говорящими животными? Магазины игрушек, заваленные плюшевыми медведями, слонами, динозаврами, в обнимку с которыми засыпают наши дети? В действительности люди испытывают к животным огромную симпатию и уважение, отражающиеся в том числе в языке: «смелый как лев», «грациозная словно лань», «могучий как бык». И хотя мы на Западе стремимся обособить человека от царства животных, наши предки,

жившие ближе к природе, вряд ли обманывались подобным образом. Скорее всего, они возводили животных в ранг богов и поклонялись им, как поклоняются и в наше время народы, не знающие письменности. Поэтому я не думаю, что отвращение у человека связано с отрицанием нашего животного начала.

Попытки считать эту эмоцию порождением культуры любопытны в свете того, что мы знаем о культуре других видов. Вполне вероятно, что и у животных имеется отвращение, обусловленное культурными особенностями. Возможно, кому-то достаточно положиться в выборе пищи на инстинкт – особенно соблюдающим «монодиету», как большой панде, которая весь день жуёт бамбук, или коале, питающейся лишь эвкалиптовыми листьями, – но такие случаи редки. В тропическом дождевом лесу встречаются тысячи разных растений, плоды и листья которых доступны приматам. Большинство этих растений несъедобны, часть из них ядовиты, другие вызывают недомогания – как же приматам отличить подходящие для употребления в пищу? Поневоле станешь разборчивым в том, что можно есть и на какой стадии созревания. Считается, что цветное зрение у приматов развилось в ходе эволюции как раз ради этого – чтобы упростить отбраковку. В рационе шимпанзе, кроме того, присутствует достаточное количество мяса, которое они добывают на охоте. И скорее всего, к разлагающимся останкам они относятся так же, как мы, поскольку подбирать чужую добычу они не

станут и падалью брезгуют. Вот почему подложенный Тарой крысиный труп вызывал именно такую реакцию.

Из огромной массы исследований мы знаем, что молодые шимпанзе учатся у старших не только тому, что употреблять в пищу и чего избегать, но и как добывать труднодоступное – выуживать термитов, колоть орехи, собирать мед из пчелиных гнезд. Наши собственные эксперименты подтверждают, что обезьяны – превосходные подражатели¹³⁸. В естественной среде это свойство формирует культурно обусловленные пищевые предпочтения. Современные исследования культурных особенностей охватывают множество видов животных – от птиц и рыб до дельфинов и обезьян. Как это соотносится с отвращением, показывает один изящный полевой эксперимент, проведенный в южноафриканском заповеднике.

Голландский приматолог Эрика ван де Вааль (не родственница) выдавала диким верветкам открытые пластиковые контейнеры с кукурузным зерном, которое эти карликовые мартышки, серые с темной мордочкой, просто обожают. Но подарки были с подвохом: часть зерен окрашена в синий, часть – в розовый. Для одной группы в синий красили зерна с привычным вкусом, а в розовый – пропитанные отвратительным для верветок соком алоэ. Для другой группы, наоборот, в синий красили пропитанные алоэ, а в розовый – обычные. Соответственно одна группа в результате ассоци-

---

¹³⁸ Victoria Horner and Frans de Waal (2009).

ативного научения привыкла выбирать только синие зерна, а другая – только розовые. Затем исследователи перестали пропитывать зерна соком алоэ и дождалась появления у верветок детенышей. Теперь в каждой группе съедобными были все зерна независимо от цвета, но мартышки уже не изменяли приобретенным предпочтениям, так и не узнав, что зерна «отталкивающего» цвета тоже стали вкусными. Из двадцати семи новорожденных только один научился есть зерна обоих цветов. Остальные, как и их матери, не притрагивались к зернам «неправильного» цвета, несмотря на полную их доступность и точно такой же вкус, как у «правильных». Кто-то из детенышей мог даже усесться на край контейнера с отвергаемыми зернами, поедая предпочитаемые. Единственным исключением оказался детеныш обладательницы крайне низкого статуса, которая жила впроголодь и не брезговала даже «запретными» зернами. То есть и этот детеныш тоже перенимал пищевые привычки у матери¹³⁹.

Подчинение традициям играет чрезвычайно большую роль. Тут нет ничего необычного, напротив, это широко распространенная практика. Подражая матери в выборе пригодного в пищу, детеныш имеет больше шансов выжить, чем когда самостоятельно разбирается с тем, что съедобно, а что нет, рискуя отравиться. А значит, и у животных отвращение может оказаться приобретенным. Взрослые обезьяны, научившись отвергать невкусные кукурузные зерна, переда-

---

¹³⁹ Erica van de Waal, Christèle Borgeaud, and Andrew Whiten (2013).

ли свои предпочтения потомству. Действительно ли детеныши испытывали отвращение к зернам, которые отказывались брать в рот их матери, сказать трудно, но с поведенческой точки зрения они демонстрировали четкое предпочтение одного «сорта» и отторжение другого. Говоря о человеке, мы, не колеблясь, описали бы происходящее, используя термины из эмоциональной сферы.

Французский приматолог Сесиль Сарабьян изучала реакцию «фу!» у диких макак на субтропическом японском острове Кодзима. Она раскладывала неподалеку друг от друга на берегу три разных предмета – обезьяньи экскременты, пластиковые фекалии (выглядевшие очень реалистично) и коричневую пластиковую обложку от блокнота. На каждый из этих предметов она помещала пшеничные зерна (которые макаки едят, но не очень охотно) и половинку арахиса (лакомство, которое они обожают). Обнаружившие угощение обезьяны арахис собирали и съедали весь и всегда (хотя иногда энергично терли ладони после прикосновения к экскрементам), а пшеничные зерна – с пластиковой обложки всегда, а с настоящих и искусственных экскрементов примерно в половине случаев. То есть преодолеть отвращение к фекалиям ради зерна они не были готовы, но перед арахисом все же не устояли. Употребление потенциально загрязненной пищи – это всегда выяснение, что перевесит, отвращение или питательная ценность (которая у арахиса выше). Сейчас Сарабьян проводит аналогичные эксперименты

с шимпанзе и бонобо и уже убедилась, что отвращение к некоторым загрязняющим веществам они не могут перебороть даже ради самой прекрасной пищи¹⁴⁰.

Грязь и посторонние субстанции могут вызывать отвращение, даже когда дело не касается еды. Дождь, например, совсем не грязный, но мы, как и наши обезьяньи сородичи, недовольно морщим нос, когда на лицо падают первые капли. Нам неприятен загаженный салон такси или неприбранная ванная комната в чужом доме. Точно так же, как мы, когда принимаем поутру душ и чистим зубы, поскольку заботимся о гигиене (функциональная сторона) и не любим ощущение грязи на теле (эмоциональная сторона), животные выполняют гигиенические процедуры не только ради здоровья, но и из стремления к чистоте и глубокого отвращения к грязи. Посмотрите, как тщательно птицы чистят перья – особенно длинные и жесткие контурные – на крыльях и хвосте. Чистоплотностью пернатых нельзя не восхититься.

Более того, гигиенические процедуры приносят им радость. В студенческие годы я раз в неделю ставил посреди комнаты в общежитии большой таз с водой и давал своим ручным галкам вволю поплескаться, забрызгивая все вокруг. Остаток утра они чистились, приглаживая каждое перышко, а потом, закончив прихорашиваться, принимались «петь» (в кавычках, потому что голоса у галок не особенно мелодич-

---

¹⁴⁰ Cécile Sarabian and Andrew MacIntosh (2015); Sarabian et al. (2018), and Valerie Curtis (2014).

ные), испытывая явное блаженство от того, что отмылись до скрипа. Такая же скрупулезность наблюдается и у кошек, которые тщательно умывают и морду, и все остальные части тела. Хищникам, которые подкрадываются к жертве, чистота нужна, чтобы не выдавать себя запахом. Домашние кошки, по некоторым подсчетам, проводят около четверти времени бодрствования за умыванием, добиваясь безупречной чистоты.

Стремление к аккуратности и опрятности, направленное на что бы то ни было помимо собственного тела, встречается у многих видов. Гнездовые и норные животные обычно любят порядок и незахламленное пространство. Самцы шалашников для привлечения самок выстилают площадку вокруг своего «шалаша» сотнями крошечных драгоценностей (цветами, надкрыльями жуков, раковинами) – и постоянно перебирают их и перекладывают. Певчие птицы исправно убирают за своими нелетающими птенцами – подхватив клювом белый фекальный мешочек (помет в тонкой слизистой оболочке), они сбрасывают его где-нибудь подальше от гнезда. В системе тоннелей голых землекопов, мелких роющих грызунов, всегда имеется камера, отведенная под уборную – когда заполняется одна, ее закупоривают и роют другую. Выгода чистоплотности очевидна: чем чище перья, тем стремительнее полет и плотнее покров тела; чем чище гнездо, тем меньше оно притягивает паразитов и хищников. Но нам следовало бы обратить более пристальное внимание на эмоци-

ональную подоплеку, в которой, скорее всего, присутствует сильное отвращение ко всему неуместному и чуждому. Отвращение к загрязнению посторонними элементами характерно для тысяч разных видов.

И наконец, отвращение у животных может иметь социальную природу, о которой предпочитают рассуждать психологи применительно к людям. Другим приматам действительно могут быть противны те или иные социальные поступки или определенные особи. Первый же пример, который приходит мне на ум, – анекдотический случай из жизни шимпанзе Уошо, обученной американскому языку жестов. В ее лексиконе имелся знак «грязный», употребляемый по отношению к испачканной мебели и одежде, но однажды, не в силах отделаться от пристающей к ней макаки, Уошо принялась показывать знаками: «Грязная обезьяна! Грязная обезьяна!» В таком значении она использовала это слово впервые, и никто ее этому не учил. Следовательно, социальную разновидность отвращения Уошо ощущала так же, как физическую, то есть как взаимодействие с грязью.

Отвращение к отдельным особям проявляется в контексте сексуальных домогательств со стороны старших самцов. Я не раз видел, как самки-подростки шимпанзе с воплями улепетывали, в буквальном смысле слова сверкая пятками, от старого самца, который пытался с ними спариться. То же самое происходит во время брачного сезона и у макак-резусов: самки уносят ноги, едва завидев направляющегося к ним по-

жилого самца. Скорее всего, юные самки пытаются избежать зачатия от того, кто им в отцы годится (то есть препятствуют таким образом вероятному инцесту), но ведут себя так, будто перспектива и вправду приводит их в ужас. Когда самец действительно состоит с ними в родстве, отторжение выражается еще отчетливее. Одна дикая самка долго противилась домогательствам своего сына, но в конце концов вынуждена была уступить, не выдержав угроз и запугивания. Однако, даже подчинившись, она не перестала возмущаться, «громко вопила на протяжении всего акта и отпрыгнула в сторону перед самым семяизвержением»¹⁴¹.

В 1960-е гг. в национальном парке Гомбе-Стрим вспыхнула эпидемия полиомиелита, который вызывал у шимпанзе паралич конечностей, лишая возможности перемещаться по лесу и лазить по деревьям. Как описывает Джейн Гудолл, обезьяны вынуждены были изобретать самые невероятные способы передвижения. Здоровых шимпанзе вид этих калек приводил в крайнее замешательство. Двинувшись вроде бы навстречу, они замирали на безопасном расстоянии, иногда издавая негромкие сигналы тревоги «ху-у». Они крайне редко прикасались к парализованным сородичам и никогда их не вычесывали, что для шимпанзе совершенно нехарактерно. Один самец с парализованными ногами отчаянно пытался присоединиться к двум вычесывающим друг друга самцам на дереве, но те упорно отодвигались, оставляя его в

---

¹⁴¹ Jane Goodall (1986a), p. 466.

одинокости¹⁴².

Даже в отвращении к экскрементам у животных имеется социальная составляющая. Для матерей, которые весь день таскают на себе детенышей, испачканная шерсть – обычное дело. Они относятся к этому спокойно, как к неизбежности. Как правило, они замечают по движениям детеныша, что момент близится, и вовремя отстраняют его от себя. Если момент подловить все же не удастся, самка спокойно оттирает испачканное место парой-тройкой листьев. И наоборот, если один шимпанзе нападет на другого и тот перепачкает его в приступе панической диареи, первый будет чиститься судорожно и отчаянно, явно выбитый из колеи этой неожиданностью. То есть обезьян раздражают не только сами экскременты, но и их происхождение.

Реакции отвращения на чужаков – не принадлежащих к группе – проявляются еще сильнее и могут распространяться даже на связанные с ними неодушевленные предметы. Если при патрулировании границ самцы обнаружат на своей территории ночную лежку соседей, они, разумеется, этого так просто не оставят. Несколько самцов, забравшись на дерево, осторожно обнюхают и проинспектируют гнездо, а потом разворошат и разметут все до последней веточки. Подозреваю, что такое же отвращение испытывает кобель, унюхавший на своей территории неприятельскую метку и прицельно поливающий ее собственной мочой, чтобы перебить

---

¹⁴² Jane Goodall (1986b).

запах. На эту тему у меня есть забавная история: как-то раз один полевой исследователь в африканской саванне оставил на ночь обувь за пологом палатки, а поутру, вставляя ногу в ботинок, влип во что-то мягкое. Это оказались фекалии леопарда. Видимо, таким способом большой кот пытался уничтожить оскорбившее его нюх амбре.

Примеров отвращения, вызванного поступками других (то есть эквивалентного так называемому моральному отвращению), применительно к животным найдется не так много. Однако это не значит, что оно не встречается во все. Просто никто не пробовал его поискать – косвенные попытки прослеживаются разве что в горстке исследований на тему оценки приматами «характера» окружающих. Ученые Киотского университета тестировали реакцию капуцинов в ситуации, когда человек притворялся, будто не может открыть пластиковый контейнер, и обращался к другому экспериментатору за помощью. Тот любезно помогал. Чуть погодя человек обращался за помощью к еще одному экспериментатору, который отворачивался и ни на какие просьбы не реагировал. Кто вызовет больше симпатии у капуцинов – отзывчивый или равнодушный? Заметьте, что обезьяны должны были отреагировать на обращение не с ними самими, а с кем-то другим. И они реагировали. После разыгранных перед ними сцен капуцины отказывались иметь дело с равнодушным эгоистом, возмущенные его нерасположенностью к

сотрудничеству¹⁴³.

Подобные эксперименты, связанные с эволюцией морали, проводятся все чаще и чаще. Эта тема мне очень близка, я обращался к ней и в предыдущих своих книгах, так что примеров, ее иллюстрирующих, могу предложить множество, но выберу один, связанный с нарушением социальных норм у шимпанзе. Произошло это, когда Джимо, вожак колонии на полевой станции Йеркса, заподозрил, что с одной из его фавориток тайно спаривается некий самец-подросток.

Я наблюдал за развитием событий из окна своего кабинета, откуда хорошо просматривается вся территория. У шимпанзе на земле такого обзора не было, всегда можно было где-то укрыться от посторонних глаз, чем и воспользовались молодой самец с самкой, ускользнув от Джимо. Но вожак почувал неладное и отправился на поиски. В обычной ситуации он просто спугнул бы нарушителя и успокоился, однако на этот раз – может быть, потому что самка уже успела отказать ему с утра, – он преследовал молодого соперника, не собираясь отступать. Должен сказать, что, хотя взрослым самцам нередко случается отлупить подростка или хорошенько намять ему бока, пускать в ход клыки им в таких стычках не позволяют самки – в этой колонии такое абсолютно неприемлемо. Но рассвирепевший Джимо гонял молодого самца по всему вольеру, и тот в панике уже не знал куда деваться. Джимо явно жаждал крови.

---

¹⁴³ James Anderson et al. (2017).

Однако едва он настиг свою жертву, оказавшиеся поблизости самки начали издавать отрывистый лай. Обычно эти возмущенные «уау» служат предупреждением агрессорам и нарушителям границ. Поначалу сигналившие оглядывались, проверяя, как отреагируют остальные. Но, когда подтянулись и другие во главе с альфа-самкой, хор протеста загремел, вбирая в себя все голоса до единого. Это напоминало народное собрание. Как только вопли стали совсем оглушительными, Джимо оскалился в широкой нервной ухмылке и прекратил погоню. Он понял намек.

А я, похоже, увидел моральное осуждение в действии.

Эмоции как органы тела

Позвольте мне начать с радикального заявления: эмоции подобны органам тела. Все они необходимы и все они роднят нас с другими млекопитающими.

Применительно к органам тела вышесказанное очевидно. Никому не придет в голову доказывать, будто есть органы главные – сердце, мозг, легкие, а есть второстепенные, менее значимые, например печень и почки. Любой, у кого возникали проблемы с печенью или почками, знает, насколько незаменимы и значимы все внутренние органы до единого. Кроме того, у нас они существенно не отличаются от аналогичных органов у крыс, обезьян, собак и других млекопитающих. И не только млекопитающих. За исключением визитной карточки *Mammalia*, молочных желез, все остальные органы в основном одинаковы у всех позвоночных, включая лягушек и птиц. Будучи студентом, я препарировал множество лягушек – у них имеется все, в том числе и репродуктивные органы, и почки, и печень, и сердце и так далее. Тело позвоночного животного должно быть определенным образом оснащено, и, если хотя бы одной составляющей не хватает или она выходит из строя, тело гибнет.

Но в отношении эмоций эта логика почему-то не работает. Считается, что у людей имеется лишь несколько «базовых» или «первобытных» эмоций, необходимых для вы-

живания. Их число в разных научных работах варьирует от двух до восемнадцати, обычно называют с полдюжины. Самые очевидные базовые эмоции – это страх и гнев, но к этой же категории относят высокомерие, храбрость и презрение. Сама идея, что существуют основные и неосновные эмоции, принадлежит Аристотелю, однако впоследствии на ее основе развили целую теорию, известную как «теория базовых эмоций» (ТБЭ). Базовой может считаться лишь такая эмоция, которую люди выражают и распознают в любом уголке мира, а кроме того, она должна быть заложена в психике изначально – иными словами, быть врожденной. Базовые эмоции биологически примитивны и едины для человека и других видов¹⁴⁴.

Остальные человеческие эмоции, не имеющие стереотипного выражения, именуют «второстепенными» или даже «третьестепенными». Они обогащают нашу жизнь, но без них вполне можно обойтись – ничего страшного не случится. Они целиком и полностью наши, их нет у животных, и в разных культурах они проявляются по-разному. Список предполагаемых второстепенных эмоций выходит довольно длинным, но, как вы уже догадываетесь, я в принципе против того, чтобы делить эмоции на главные и второстепенные. Этот подход в корне ошибочен, как было бы ошибочно заявление, что не все органы нашего тела жизненно важны. Даже аппендикс (червеобразный отросток слепой кишки) больше

---

¹⁴⁴ Andrew Ortony and Terence Turner (1990); Liah Greenfeld (2013).

не называют рудиментом, поскольку он столько раз появлялся в ходе эволюции независимо, что его ценность для выживания уже не вызывает сомнений. Возможно, его функция – служить инкубатором полезных бактерий, которые помогают запустить работу кишечника после, скажем, перенесенной холеры или тяжелого приступа дизентерии. Как и части тела, каждая из которых имеет свое предназначение, эмоции тоже развивались каждая в соответствии со своей задачей.

Во-первых, как мы уже убедились в отношении гордости, стыда, чувства вины, мести, благодарности, прощения, надежды, нельзя исключать наличие таких эмоций у других видов. Возможно, у нас они более развиты или применяются в более разнообразных ситуациях, но принципиально новыми их назвать нельзя. И то, что в некоторых культурах каким-то из них придается большее значение, вряд ли опровергает их биологическую природу.

Во-вторых, крайне маловероятно, что какая бы то ни было распространенная эмоция может оказаться нефункциональной. Учитывая, сколько энергии требуют глубокие переживания и страстная увлеченность и как сильно подобные состояния влияют на принятие решений, тратить все это впустую было бы слишком обременительно. Вряд ли естественный отбор позволил бы нам тащить бесполезный груз, который к тому же сбивает нас с толку. Отсюда я делаю вывод, что все эмоции важны и все имеют биологическую природу. Среди них нет главных и второстепенных, как нет и исклю-

чительно человеческих. Полагаю, такая точка зрения весьма логична, учитывая, насколько тесно эмоции связаны с телом и насколько идентичны в основе своей тела всех млекопитающих. Более того, когда в ходе экспериментов людей просили угадать эмоциональное состояние самых разных существ – рептилий, млекопитающих, амфибий и прочих сухопутных животных – по их звуковым сигналам, испытываемые прекрасно с этим справлялись. Судя по всему, существуют некие «акустические универсалии», позволяющие всем позвоночным передавать свои эмоции схожим образом¹⁴⁵.

Обратите внимание, что я сейчас говорю не о чувствах, которые труднее распознать, чем эмоции, и которые, возможно, более изменчивы. Чувства, то есть субъективная оценка собственных эмоций, вполне могут отличаться в разных культурах. Что чувствуют животные, выяснить трудно, однако нужно сознавать, что у этой медали две стороны: мы можем лишь догадываться, что именно они чувствуют, но при этом исключить вероятность наличия того или иного чувства мы тоже не вправе. Поскольку об этой второй стороне часто забывают, покажу еще раз, как обычно отмахиваются ученые от любых упоминаний чувств у животных, сводя все к поведенческим функциям и задачам. Стоит предположить, что двое животных любят друг друга, и вам расскажут, что им это ни к чему, для них важно только продолжение рода. Заикнитесь насчет гордости и услышите, что это про-

---

¹⁴⁵ Piera Filippi et al. (2017).

сто попытки казаться крупнее и продемонстрировать свою мощь. Скажете, что животное напугано, получите в ответ, что им нет смысла испытывать страх, для них главное – спастись от опасности. Везде и всюду во главу угла ставится конечный результат.

Однако это несколько нечестный маневр, так как благоприятный конечный результат совершенно не исключает участия эмоций. В биологии это называется смешением уровней анализа – ошибка, против которой мы изо дня в день предостерегаем студентов. Эмоции относятся к мотивации, стоящей за поведением, а результаты действий – к его функциям. Они идут рука об руку, любое поведение характеризуется и мотивацией, и функциями. Мы, люди, способны и любить, и размножаться; и гордиться, и угрожать; и испытывать жажду, и пить воду; и бояться, и защищаться; и испытывать отвращение, и смывать грязь. Так что, упирая на функциональную сторону поведения животных, мы никак не проясняем вопросы, касающиеся эмоций, – мы их попросту обходим.

Подумайте об этом, когда в очередной раз услышите, что животные занимаются сексом только ради размножения. Это ведь не все. Представителям противоположного пола все равно нужно сойтись, испытать влечение друг к другу, довериться, возбудиться. У каждого поведения свои механизмы, и в них есть место для эмоций. Для совокупления требуется соответствующий гормональный фон, сексуальное влечение,

выбор партнера, совместимость – и даже любовь. Все это относится к животным в той же мере, что и к нам.

Как ни странно, любовь и привязанность редко включают в список базовых человеческих эмоций, но они кажутся мне жизненно важными для всех общественных животных, и не только в контексте секса. Многие птицы и некоторые млекопитающие создают крепкие супружеские пары на всю жизнь, и эти пары сохраняют устойчивость вне зависимости от спаривания (в котором бывают долгие сезонные перерывы). Типичная для млекопитающих связь между матерью и потомством обуславливает глубокое горе участников этой связи в случае гибели кого-то из них. Наблюдая, как обезьяна развлекает детеныша – поднимает в воздух и осторожно поворачивает по кругу (это называется «играть в самолетик»), – или как заботятся о слонятах их матери и тетушки, невозможно не заметить любви. Единственная причина, по которой любовь не относят к числу базовых эмоций, – она не отражается в мимике. У нас нет отдельного мимического выражения для любви, такого, как для гнева или отвращения. На мой взгляд, это свидетельство несостоятельности традиционного возведения мимики в абсолют, и на примере животных, зачастую мимической подвижностью не обладающих, эта несостоятельность видна особенно отчетливо.

Нескончаемые споры о том, как классифицировать эмоции, и даже о том, что они, собственно, собой представляют, напоминают мне о той стадии развития биологии, когда

ее основной заботой была классификация растений и животных. Расцвет этой дисциплины, которая называется *систематикой*, пришелся на XVIII–XIX столетия. В истории не так много найдется споров более яростных (и более бесплодных), чем выяснения, заслуживает ли такой-то вид полноценного статуса или все же тянет только на подвид. Уладить многие из этих споров помогло открытие ДНК, а в классификации эмоций мы, вероятно, сможем положиться на нейробиологию. Если две эмоции, например чувство вины и стыд, активируются в одной и той же области мозга и выражаются схожим образом, они явно составляют одно целое. Они вполне могут быть подвидами одной и той же самооценочной эмоции, хотя нам – да и любому хорошему натуралисту – нравится изучать их различия. А такие эмоции, как радость и злость, почти не совпадающие ни в зонах активации, ни во внешнем выражении, наоборот, окажутся на разных ветвях дерева эмоций. И хотя далеко не все убеждены, что у каждой эмоции имеется собственный профиль нейронной активности, размежевать все причастные области мозга и нейронные сети – это самый верный ход, если мы хотим выстроить объективную таксономию эмоций, опирающуюся на объективные научные знания, как в таксономии семейств животных и растений мы опираемся на сравнение ДНК.

Кроме того, нейробиология способна помочь нам выявить гомологичные эмоции у разных видов. О сходстве нейронного отклика у собаки и бизнесмена в предвкушении возна-

граждения нам уже известно, так что, возможно, пора поместить в аппарат МРТ «виноватую» собаку и посмотреть, не активируются ли у нее те же участки мозга, которые вспыхивают при сканировании у людей, которых просят представить себя виноватыми.

Самое время вернуться к островковой доле и ее роли в возникновении отвращения к несъедобной пище, неприемлемому поведению и, как в случае с шимпанзе в национальном парке Гомбе-Стрим, к калекам. Стоит ли классифицировать все эти виды отвращения как разные эмоции? Не могут ли они все составлять одну и ту же? Триггеры отвращения варьируют в зависимости от биологического вида, обстоятельств и даже культурных особенностей, но сама эмоция и, возможно, связанные с ней чувства подразумевают общий нейронный субстрат. Американский приматолог и нейробиолог Роберт Сапольски, с присущим ему юмором описывая, как могло развиваться моральное отвращение в ходе эволюции, тоже связывает его с существующей эмоцией:

Так, что тут у нас? Ага, резкий негативный эмоциональный ответ на нарушения общепринятых поведенческих норм. Ладно... У кого-нибудь есть опыт в этой области? Точно, островковая доля! Она занимается негативными сенсорными стимулами, собственно, она только этим и занимается; ну что же, расширим ее портфолио, пусть она еще и всякой моралью займется. Дайте-ка мне рожок для обуви и

*клеякую ленту*¹⁴⁶.

Не исключено, что именно так обстоит дело со всеми человеческими эмоциями и все они – видоизмененные аналоги древних, общих для класса млекопитающих. Дарвин определял эволюцию как наследование видоизменений, то есть, иными словами, она редко создает что-то совершенно новое. Она лишь модернизирует уже имеющиеся свойства, приспособляя к обслуживанию возникающих нужд. Поэтому ни одна из наших эмоций не может быть абсолютно новой, и все они жизненно важны.

---

¹⁴⁶ Robert Sapolsky (2017), p. 569.; Сапольски Р. Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки / Пер. Е. Наймарк, Ю. Аболиной. – М.: Альпина нон-фикшн, 2019.5. СТРЕМЛЕНИЕ К ВЛАСТИ

5. Стремление к власти

Политика, убийство, война

Услышав в июле 2017 г., что пресс-секретарь Белого дома Шон Спайсер прячется от репортеров по кустам, я понял: вашингтонские политики берут пример с приматов. За несколько недель до того Джеймс Коми намеренно облачился в синий костюм, чтобы слиться со шторами Голубого зала: директор ФБР надеялся остаться незамеченным и избежать президентских объятий. Стратегия не сработала.

Умение творчески воспользоваться окружающей обстановкой – самая что ни на есть характерная для приматов политика. Равно как и способность учитывать роль поз и телодвижений – восседать на троне над павшей ниц толпой, спуститься к народу на эскалаторе, воздеть руку, подставляя подданным подмышку для поцелуя (приветственный «феромонный» ритуал, введенный Саддамом Хусейном). Хорошо известна корреляция между оценкой выступления на дебатах и ростом кандидатов – один оказывается в буквальном смысле «на голову выше» другого. Именно поэтому невысокие государственные руководители встают ради групповых снимков на подставку. Французский президент Николя Саркози позаботился о том, чтобы во время визита на завод в Нормандии его окружали исключительно невысокие люди,

чтобы он возвышался над ними в кадре. Подобных примеров не счесть, но во время последних президентских выборов в США в 2016 г. список их начал расти в геометрической прогрессии – на сцену вышел Дональд Трамп.

Как альфа-самец

Применяемая Трампом тактика устрашения соперников войдет в легенды. Во время предварительных выборов в Республиканской партии Трамп задавил всех остальных кандидатов, горделиво раздуваясь, разговаривая густым басом и припечатывая противников оскорбительными прозвищами вроде Вялый Джеб и Малыш Марко. Пыжась, словно гигантский самец шимпанзе, он превратил предварительные выборы в выяснение, кто круче, ведущееся на подчеркнуто маскулинном языке телодвижений. Политические вопросы отошли на задний план. Дошло даже до попыток мериться частями тела – в данном случае ладонями, подразумевая, что по ним можно судить о прочих достоинствах. Америка дождалась до того немислимого момента, когда главный претендент на президентский пост продемонстрировал публике ладони, спрашивая: «Что, неужто маленькие?» Вот и остальное не меньше, гарантировал он.

Один из самых блестящих своих ходов Трамп сделал, отвечая на критику Митта Ромни, кандидата от республиканцев на выборах 2012 г. Трамп сразил Ромни, напомнив аудитории, как тот пресмыкался перед ним четыремя годами ранее: «Как он тогда стелился, как вымаливал мою поддержку. Скажи я: “На колени!” – он бы и в ноги мне бухнулся»¹⁴⁷.

¹⁴⁷ Mother Jones, March 3, 2016.

Легким взмахом руки Трамп подрывает доверие к Ромни, изображая его ползающим на коленях, как ползают перед вожаком низкоранговые шимпанзе.

Зато на всеобщих выборах, когда соперницей Трампа оказалась женщина, виртуозное владение самцовыми приемами запугивания помогало ему далеко не всегда. У разнополых противников все иначе. В природе поединки регламентированы, животные, способные прикончить друг друга – хищники, ядовитые змеи, полорогие, – вступают в схватку по определенным правилам. Это не кровавая бойня, это ритуальное испытание мощи и проворства, не требующее непременно лишать соперника жизни. При этом правила единоборства между самцами и потасовки между самцом и самкой принципиально отличаются: расправиться с соперником – это еще куда ни шло, а вот убить самку – это уже попросту глупо. Ведь по эволюционной логике, одержать верх над соперниками самцу нужно как раз для того, чтобы добиться расположения самок для продолжения рода. Хотя наше государственное устройство дает женщине право голоса и возможность занимать высочайшие посты, и этим радикально отличается от социального устройства у многих других видов, правила борьбы в основе своей остаются прежними. Они формировались миллионы лет и слишком впитались в нашу плоть и кровь, чтобы их можно было с легкостью отбросить. В стычке с самкой самец обычно сдерживает физическую силу. Это верно как для лошадей и львов, так и для

обезьян и человека. Эти ограничения прочно укоренились в нашей психологии, поэтому на нарушение их мы реагируем резко. Например, если в фильме женщина даст мужчине пощечину, это нас не особенно смутит, а вот обратная ситуация заставит содрогнуться.

Трампа столкнулся с дилеммой: против новой соперницы не годились отработанные приемы, которыми он привык выбивать из колеи других самцов. Я просмотрел все президентские дебаты начиная со времен Рональда Рейгана – такого цирка, как во вторых теледебатах между Трампом и Хиллари Клинтон 9 октября 2016 г., в их истории еще не было. Грубость и враждебность настолько бросались в глаза, что зрелище становилось невыносимым. Телодвижения Трампа выдавали бурлящие в нем противоречивые чувства: он готов был размазать соперницу, но понимал, что, если тронет ее хоть пальцем, на предвыборной кампании можно ставить крест. Он нависал над Клинтон, словно надутый шар, нетерпеливо мерил сцену шагами или вцеплялся в спинку своего кресла. Обеспокоенные телезрители слали в твиттер прямого эфира сообщения для Клинтон: «Осторожно! Он сзади!» Сама Клинтон прокомментировала позже, что у нее «мороз шел по коже», когда Трамп в буквальном смысле дышал ей в затылок.

Клокотавший от злости Трамп не удержался все-таки от прямой угрозы: пообещал, что после избрания его президентом спецпрокурор посадит Клинтон за решетку. Будь Трамп

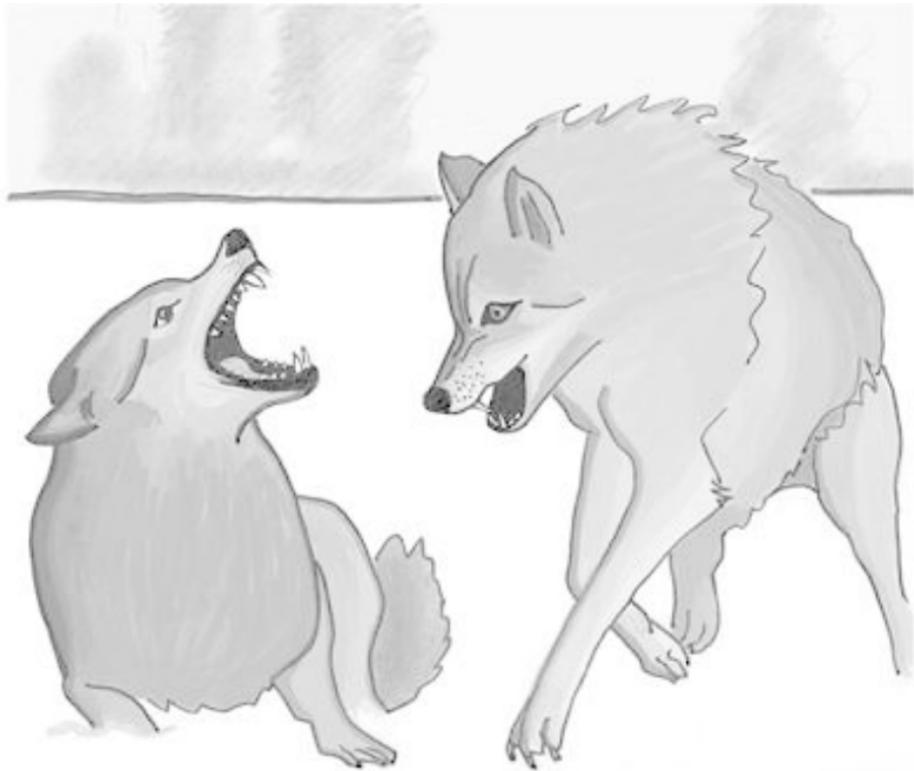
самцом шимпанзе, он швырнул бы студийное кресло в зал или вызверился на мирного стороннего наблюдателя, чтобы продемонстрировать силовое превосходство. Трамп же довольствовался чем смог: подставил идущего с ним в связке кандидата на пост вице-президента (бросил отдуваться одного при ответе на вопрос о внешней политике), раскритиковал президента Обаму, а заодно и мужа Клинтон. Нападать на мужчин ему явно было проще. Собственно, еще до начала дебатов он провел пресс-конференцию, на которую вытащил нескольких женщин с обвинениями против Билла Клинтона. Однако это все равно не разрешало его дилемму – как справиться с политическим соперником противоположного пола.

Сразу после дебатов, которые Трамп, по мнению большинства комментаторов, проиграл, британский политик Найджел Фараж, изобразив, будто бьет себя кулаками в грудь, прямо заявил, что кандидат вел себя «как альфа-самец гориллы». Параллели с приматами замелькали и в комментариях специалистов по языку телодвижений. Строились эти параллели на том, что вожак должен быть обязательно большим, сильным и готовым стереть противника в порошок. Никогда прежде не слышал, чтобы об альфа-самцах разглагольствовали так часто, как во время этой предвыборной кампании: например, сын Трампа Эрик, оправдывая сальные шуточки отца в адрес женщин, говорил, что для альфа это в порядке вещей. Учитывая, что термин «аль-

фа-самец» ушел в массы после того, как спикер палаты представителей Ньют Гингрич порекомендовал новоиспеченным конгрессменам мою книгу 1982 г. «Политика у шимпанзе. Власть и секс у приматов» (Chimpanzee Politics: Power and Sex Among Apes)¹⁴⁸, полагаю, самое время объяснить, что на самом деле значит быть альфой.

---

¹⁴⁸ Де Вааль Ф. Политика у шимпанзе. Власть и секс у приматов. – М.: Издательский дом ВШЭ, 2019.

Термин «альфа-самец» происходит из исследований, посвященных волкам, где он означает просто вожака стаи. В полном соответствии с дарвиновским принципом антитезы доминирующий (справа) и подчиняющийся (слева) волки принимают противоположные позы. У доминанта шерсть вздыблена, уши стоят торчком и направлены вперед, ноги выпрямлены, он рычит на подчиняющегося, который уже готов перекатиться на спину, прижимает уши и тонко повизгивает

В научных работах, посвященных животным, альфа-са-

мец – это просто обладатель самого высокого статуса в группе. Термин восходит к исследованиям волков, проводившихся в 1940-е гг. швейцарским этологом Рудольфом Шенкелем, и употребляется до сих пор. Однако в политическом жаргоне он постепенно стал обозначать определенный тип личности. На бизнес-тренингах все чаще инструктируют, как стать «альфой», имея в виду демонстрацию уверенности в себе, целеустремленность и внешнюю крутизну. Альфы не просто победители, заявляют нам, они давят окружающих одним пальцем и ежедневно напоминают им, кто тут главный. Они никому не дают спуска. Настоящий альфа всегда один, конкуренты перед ним, будто овцы перед львом. Однако на самом деле эти тренинги дают весьма схематичную версию подлинной картины, причем не только применительно к человеческому обществу, но и к волкам и шимпанзе. Альфа-самцами не рождаются, и своего положения они достигают не только благодаря темпераменту и размерам. Статус альфы у приматов подразумевает нечто более сложное и ответственное, чем просто держать всех в страхе.

Да, на вершине иерархии у шимпанзе случалось утверждаться и безжалостным тиранам, но в основном известные мне альфы были прямой противоположностью. Обладатель этого статуса далеко не всегда будет самым крупным, сильным и злым в группе, поскольку на вершину он зачастую пробивается при поддержке остальных. То есть при наличии нужных сторонников альфой может оказаться даже

самый мелкий самец. Большинство альфа-самцов защищают слабых, поддерживают мир в стае и утешают пострадавших. Анализируя случаи, в которых один шимпанзе обнимает другого, проигравшего в стычке, мы обнаружили, что, как правило, самки берут на себя роль утешительниц чаще, чем самцы, – за одним ошеломляющим исключением в лице альфы. Он выступает главным «целителем» и чаще кого бы то ни было приходит на помощь тем, кому плохо, кто мучается и страдает. Когда вспыхивает потасовка, все оглядываются на альфу – как он поступит. Он последняя инстанция, третейский судья, который стремится восстановить мир и порядок. И поэтому он встанет между вопящими противоборствующими сторонами и будет стоять, величественно воздев руки, пока все не успокоится.

Вот в этом и заключается принципиальное различие между Трампом и настоящим альфа-самцом. Трампу явно недостает эмпатии. Вместо того чтобы сплотить и стабилизировать народ или выразить сочувствие страдающим и притесняемым, он разжигает вражду – начиная с передразнивания журналиста-инвалида и продолжая негласной поддержкой сторонников превосходства белой расы. Так что, с точки зрения приматолога, сравнивать поведение Трампа с поведением альфа-самцов у приматов можно далеко не во всем: сходство наблюдается только в том, как он пробивался на вершину власти, а не в стиле руководства.

Между тем Трамп продолжал привычную для него поли-

тику физического устрашения – отдавливал ладони при рукопожатии различным мировым лидерам, включая и тех, кто помоложе (например, французского президента Эммануэля Макрона), явно обладающих более крепкой хваткой, чем пожилой Трамп. Наблюдая эти неловкие поединки, я иногда жалел, что в президентской гонке не участвует бывший бодибилдер Арнольд Шварценеггер. Он единственный мог бы сразить Трампа наповал своей физической мощью, а пусти он в ход свое любимое оскорбление – «баба», – политическая арена окончательно перенеслась бы в пещерные времена.

Истерики политиков

Называя человеческий вид *zoon politikon* – «политическим животным», Аристотель подразумевал умственные способности. В самой нашей принадлежности к общественным животным ничего особенного нет, говорил он (приводя в пример пчел и журавлей), однако наш социальный уклад отличается благодаря наличию у нас разума и способности понимать, что такое хорошо и что такое плохо. Хотя греческий философ был отчасти прав, он, возможно, не учел сильный крен человеческой политики в эмоциональную область. Рационального там как раз не так много, и факты значат гораздо меньше, чем нам кажется. Политикой правят страхи и надежды, характеры руководителей и чувства, которые все это пробуждают. Нагнетание страха – отличный способ отвлечь публику от насущных вопросов. Даже самые судьбоносные демократические решения подчас опираются на эмоции, а не на тщательно выверенные данные – как, например, выход Британии из Европейского союза по итогам проведенного в 2016 г. референдума. Несмотря на предостережения экономистов, объяснявших, что выход из Евросоюза может подорвать британскую экономику, антииммигрантские настроения и национальная гордость перевесили. На следующий же день британский фунт пережил самое резкое падение за всю свою историю.

Поразительны эвфемизмы, которыми мы окружаем двусоставную движущую силу человеческой политики – жажду власти у лидеров и стремление к руководящим постам у их сторонников. Мы иерархический вид, как и большинство приматов, так зачем же делать вид, будто мы другие? Доказательства повсюду – это и стремление даже в самом нежном возрасте разбираться, кто главнее (новая группа детского сада в первый день напоминает поле боя), и одержимость уровнем дохода и статусом, и высокопарные названия должностей и титулов в мелких организациях, и совершенно инфантильная истерика взрослых мужчин, рухнувших с карьерных высот. Однако эта тема была и остается табу. В силу профессии мне часто доводится листать учебники социальной психологии, и в каждом новом я ищу в алфавитном указателе термины «власть» и «доминирование». Нахожу редко. И действительно, зачем о них упоминать. Когда на одной конференции по психологии я подчеркнул роль жажды власти у людей, то оторопел от посыпавшихся в ответ возмущенных комментариев. Такое впечатление, что я им порноролики показал! Попытки завуалировать мотив стремления к власти прослеживаются и в голландском опросе-исследовании среди руководителей, выяснявшем их потребность держать все под контролем. Все они признавали существование жажды власти – у кого угодно, только не у себя. Свою роль в компании они описывали совсем в иных выражениях – через понятия ответственности, престижа, авторитета. Рвался к вла-

сти всегда *кто-то другой*, только не они¹⁴⁹.

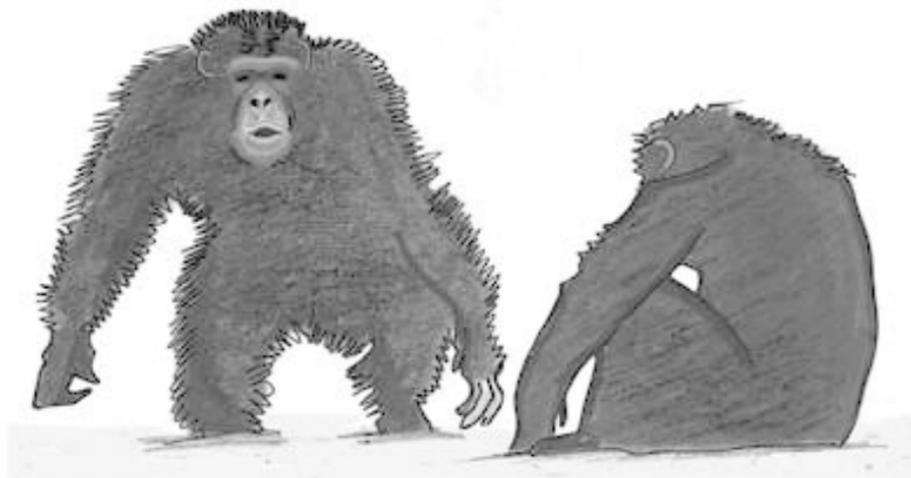
Точно так же не спешат признаваться в тяге к власти политические лица. Они предпочитают образы слуг народа, скромных чиновников, которые участвуют в современной демократической политике лишь для того, чтобы наладить экономику и улучшить систему образования. Слово «слуга» здесь – очевидное лицемерие. Неужели кто-то и вправду верит, что они лезут в эту клоаку ради нашего блага? Поэтому мне так приятно работать с шимпанзе – они и есть самые честные политики, которых нам всем не хватает. В их борьбе за статус бесполезно искать скрытые мотивы и ожидать ложных обещаний. Их цели ясны и прозрачны.

Единственные, кто не стесняется открыто говорить о стремлении нашего вида к власти, – это философы. Первым на ум приходит Никколо Макиавелли. Неукротимую тягу к власти постулировал Томас Гоббс, о присущей человечеству «воле к власти» говорил Фридрих Ницше. Еще студентом, осознав, что учебники по биологии не особенно помогают разобраться в поведении шимпанзе, я взялся читать трактат «Государь» Макиавелли. Он рисовал обстоятельную неприукрашенную картину человеческого поведения, основанную на наблюдениях за действиями Борджиа, Медичи и римских пап. Эта книга помогла мне понять, в каком ключе рассматривать политику у человекообразных обезьян, обитающих в зоопарке. Однако по сей день, говоря об этом флорентий-

---

¹⁴⁹ Mauk Mulder (1977).

ском философе, многие презрительно фыркают, поскольку его имя ассоциируется с политической беспринципностью и коварством. Мы не такие, мы лучше, словно говорят эти люди, игнорируя все подтверждения обратного.

Самцов шимпанзе неодолимо тянет к вершинам власти. Альфа-самец (слева) кажется в два раза крупнее соперника (справа), хотя на самом деле они не отличаются размерами. Вздрыбнув всю шерсть, он ходит «вразвалку» на двух ногах, чтобы казаться сопернику внушительнее

Нагляднее всего масштабы человеческого стремления к власти иллюстрирует реакция на ее утрату. Взрослые мужчины бьются в припадках неконтролируемой ярости, больше напоминающих истерику ребенка, не получившего жела-

емое. Впервые столкнувшись с тем, что не всегда все будет так, как ему хочется, детеныш примата или человеческий ребенок устраивает бурный скандал. Что же это делается, что это за жизнь такая?! Он орет во все горло, оповещая о всеобщей несправедливости всю округу, катается по земле с воплями, бьется головой, не в силах подняться на ноги – иногда его может даже вырвать (после того, как мать столько сил потратила, чтобы его накормить). Истерики характерны для возраста отлучения от груди – у человекообразных обезьян это около четырех лет, у детей около двух. Реакция политических руководителей на утрату власти очень схожа – не зря от власти тоже можно «отлучить». Ричард Никсон, осознав, что на следующий день ему придется уйти в отставку, с рыданиями повалился на колени и, молотя кулаками по ковру, кричал: «Что я сделал? Как такое случилось?» Как пишут Боб Вудворд и Карл Бернстайн в книге «Последние дни» (The Final Days, 1976), госсекретарь Никсона Генри Киссинджер утешал низвергнутого руководителя, словно ребенка – обнимал, снова и снова перечисляя все его многочисленные заслуги, пока тот не успокоился.

Когда глава *Microsoft* Стив Балмер узнал, что главный инженер компании уходит к конкурентам, он – по рассказам очевидцев – швырнул через всю комнату стул. А после разразился тирадой о том, как он уродет всех этих козлов из *Google*¹⁵⁰. Чем мощнее буря эмоций, тем сильнее потрясе-

---

¹⁵⁰ Ina Fried (September 5, 2005), CNET News.

ние для организма. По некоторым данным, причиной смерти «любимого руководителя» КНДР Ким Чен Ира во время инспекционного визита на гидроэлектростанцию стал приступ ярости. Поскольку, вопреки его распоряжениям, течь в плотине так и не удалось устранить, Ким Чен Ир не сдержал гнев. Сочетание тяжелого характера со слабым сердцем оказалось для него роковым.

Юные приматы, как хорошо известно любому родителю, умеют закатить невообразимую истерику, не получив желаемого. Взрослые же приматы так себя не ведут — за исключением тех случаев, когда самца шимпанзе или политика-человека отлучают от власти

Как однажды сказал Генри Киссинджер, власть – величайший афродизиак для мужчины. Они ревностно ее охраняют, и, когда она оказывается под угрозой, у них рушатся все барьеры. То же самое происходит и у шимпанзе. Впервые наблюдая, как вожак теряет авторитет, я никак не ожидал реак-

ции настолько бурной и громогласной. Обычно державшийся с достоинством альфа-самец стал сам на себя не похож, когда осмелевший соперник, проскакав мимо, хлопнул его по спине, а потом принялся швырять в него камни. Да еще и с места не сдвинулся, когда альфа попытался атаковать в ответ. И что делать? В самый разгар стычки вожак плюхнулся с дерева, будто гнилое яблоко, и принялся с жалобными воплями корчиться и извиваться, дожидаясь, когда все кинутся его утешать. Он вел себя совсем как детеныш, которого мать оттолкнула от груди. И как детеныш в истерике поглядывает на маму (может, подобрела?), альфа тоже примечал, кто собирается рядом. Как только образовалась достаточно большая группа поддержки, он резко воспрянул духом и, окруженный сторонниками, возобновил поединок.

Когда его все же сместили, бывший вожак после каждой потасовки надолго застывал, уставившись в пространство. Не привыкнув проигрывать, он сидел с отсутствующим видом, ничего не замечая вокруг. Он неделями отказывался от пищи – в результате от внушительного и солидного самца осталась только тень. Растоптанный и отвергнутый альфа как будто потух.

Институты, предполагающие максимальную степень координации усилий, в частности крупные корпорации и армия, обладают четко структурированной иерархией. В тех случаях, когда необходимо принять любые ответственные решения, демократия отступает перед субординацией. Мы

автоматически переключаемся в иерархический режим, когда того требуют обстоятельства. В одном из давних исследований 11-летних мальчишек в летнем лагере поделили на две группы, между которыми устроили соревнование. В группах повысилась сплоченность, установились более жесткие внутригрупповые правила и отношения «лидер – сторонники». Эксперимент продемонстрировал, что иерархия обладает объединяющим свойством, которое усиливается, как только требуется согласованность действий. В этом состоит парадокс властных структур – они связывают людей воедино¹⁵¹.

Однажды выстроенная иерархическая система отменяет необходимость драться за власть. Даже если у нижестоящих и остается подспудное желание подняться повыше, они утешаются тем, что зато теперь никто их не донимает и не задирает. При этом у них самих всегда найдется на ком из тех, кто стоит еще ниже, сорвать злость. Многократный обмен статусными сигналами подтверждает вышестоящим, что им не нужно утверждать свой авторитет силой, поэтому остальные могут вздохнуть спокойно. Даже тем, кто считает человеческое общество более эгалитарным, чем у шимпанзе, придется признать, что без установленного иерархического порядка оно функционировать не сможет. Мы жаждем иерархической прозрачности. Представьте, сколько возникло бы недоумений, если бы никто ни малейшим намеком не обо-

---

¹⁵¹ Muzafer Sherif et al. (1954).

значал свою позицию относительно вашей. Представьте себе собрание священнослужителей, которых созвали для принятия важного решения, но попросили облачиться в абсолютно одинаковые сутаны. Поскольку приходского священника теперь невозможно отличить от папы, начнется полная неразбериха, так как вышестоящие «приматы» вынуждены будут в отсутствие «цветовой дифференциации» утверждать свой авторитет путем запугивания (возможно, раскачиваясь на люстре).

Убийство

В 1980 г. мне позвонили из зоопарка Бюргерса, где я тогда работал, с известием, что мой любимец Лейт сильно пострадал в схватке с другими шимпанзе. Я беспокоился за него еще накануне, когда уходил домой, но, примчавшись в зоопарк после телефонного звонка, я никак не ожидал увидеть такое. Обычно гордому и не особенно ласковому с людьми Лейту сейчас явно хотелось к кому-то прижаться. Он сидел в луже крови, склонившись головой к прутьям спальной клетки. Когда я осторожно погладил его по макушке, он издал протяжный вздох. Между нами, наконец, протянулась ниточка, жаль только, что при таких печальных обстоятельствах. Было ясно, что жизнь Лейта под угрозой: он еще мог двигаться, но потерял огромное количество крови из-за глубоких укусов по всему телу. Кроме того, у него отсутствовало несколько пальцев на руках и ногах. И, как выяснилось, еще пара жизненно важных органов.

Как только прибыл ветеринар, Лейта усыпили с помощью транквилизатора, перенесли в операционную и наложили в буквальном смысле сотню швов. Вот тогда-то, во время этой почти безнадежной операции, мы обнаружили, что у него отсутствуют яички. Они пропали из мошонки, хотя разрывы в ней были гораздо меньше, чем сами семенники, обнаруженные служителями в соломе на полу клетки.

«Выдавили», – заключил ветеринар сухо.

Лейт скончался на операционном столе. Такой ценой обошлось ему выступление против двух других самцов, не потерпевших его резкого иерархического взлета. Он занял их место на вершине власти за каких-нибудь пару месяцев до трагедии, воспользовавшись распадом их коалиции. Драка в спальной клетке свидетельствовала о том, что коалиция неожиданно восстановилась – с такими вот роковыми последствиями.

Накануне вечером мы со служителями задержались допоздна, безуспешно пытаясь изолировать этих трех самцов друг от друга. Они упорно старались остаться на ночь втроем и при любых наших попытках перекрыть лаз, чтобы запереть их в разных отсеках, удерживали опускающуюся дверцу руками или сбивались в кучу. В конце концов мы отступились и просто открыли все переходы, предоставляя им несколько соединенных между собой спальных клеток.

Таким образом, драка между тремя самцами, в результате которой погиб Лейт, произошла в отсутствие остальных членов колонии. Как развивались события, мы уже не узнаем. Иногда остановить разбушевавшихся самцов удается самкам (совместными усилиями), но в этот раз они ночевали в отдельном вольере в том же здании. Возможно, они слышали шум потасовки, но вмешаться никак не могли.

Насколько позволяло судить страшное зрелище, представшее перед служителями поутру, двое обидчиков дей-

ствовавали заодно, причем очень слаженно и четко. Оба почти не пострадали. Младший из двоих, который впоследствии станет альфой, отделался парой царапин и незначительных укусов, а у старшего и царапин не обнаружилось, то есть он, скорее всего, только удерживал Лёйта, предоставляя партнеру по коалиции разделяться с недругом самому.

Помимо того, что я, конечно, горевал из-за потери замечательного вожака, который мне по-настоящему нравился, нельзя было не задуматься о том, в какой степени этот инцидент мог быть спровоцирован искусственными условиями содержания. «А что вы хотите от животных в неволе? – удивлялись некоторые. – Конечно, они будут драться насмерть!» Как будто жизнь на свободе предполагает заодно и освобождение от стресса и раздоров. Теперь мы знаем, что точно такие же кровавые битвы случаются и в дикой природе, но в 1980 г. спрогнозировать эту зверскую расправу мы не могли. В немногочисленных известных примерах стычек со смертельным исходом у шимпанзе фигурировали самцы из разных сообществ, поэтому обычно агрессию объясняли территориальными конфликтами. Так что за оставшихся втроем самцов мы все-таки не особенно опасались, ведь они знали друг друга. Если не захотят сидеть вместе, им ничто не мешает разбежаться по разным клеткам.

Только потом нам стало ясно, что они так настойчиво стремились держаться вместе именно из-за своих напряженных отношений, а не вопреки им. На первый взгляд,

нелогично, однако на самом деле, когда существует вероятность образования коалиций, самец, ночующий в одиночестве, сильно рискует. Оставшиеся двое будут вычесывать друг друга, играть вместе и в итоге скооперируются, а этого как раз допустить нельзя. У шимпанзе сильное чутье на коалиции – как свои, так и чужие, – и они пойдут на все, чтобы не допустить формирования вражеской группировки. Поэтому ни один из трех самцов не собирался оставлять двух других без присмотра. А Лёйт, хоть и скинул какое-то время назад этих двоих с вершины, наверное, осознавал, что в качестве союзников они будут полезнее, и поэтому нужно как-то налаживать отношения.

Это страшное событие сильно повлияло на мою дальнейшую жизнь. Еще много ночей мне снилось жуткое зрелище, увиденное поутру. Как раз в это время я планировал переезд в США, и эти два события каким-то образом соединились в моем сознании – Лёйт как будто подал мне идею на будущее. Я продумывал программу исследований на ближайшие годы, присматриваясь к самым разным темам. Что мне выбрать? Агрессивное поведение, которое изучает практически каждый второй? Выбор партнера, материнскую заботу, интеллект, коммуникации и так далее?

Я как раз начал интересоваться примирением и теперь осознавал, что это вовсе не излишество, без которого животные вполне могут обходиться, и не «случайность», как считали некоторые коллеги, а жизненно важный механизм.

Гибель Лейта показала: когда обычные методы разрешения конфликта не срабатывают, может случиться непоправимое. Я решил, что именно механизмы примирения и станут темой моих будущих исследований. Так или иначе я посвятил им всю свою научную карьеру – сначала занимаясь наблюдением за поведением животных, затем перейдя к экспериментам по просоциальному поведению, сотрудничеству и чувству справедливости. Мое решение, принятое под воздействием пережитого, – наглядный пример того, как далеко простирается влияние эмоций. Смерть Лейта побудила меня углубиться в тему, которая, на мой взгляд, могла многое прояснить, но в то время считалась в глазах большинства недостаточно научной и не заслуживающей внимания.

И только годы спустя стало ясно, что произошедшее в зоопарке Бюргерса вовсе не такая уж аномалия, как мы считали. Даже если условия содержания в неволе определили в той или иной степени характер нападения, они вряд ли стали его причиной. Первый документированный пример схожего поведения в дикой природе связан с Гоблином из Национального парка Гомбе-Стрим в Танзании. Гоблин был незаурядным альфа-самцом, поскольку вел себя как настоящий мерзавец. В своей книге «Через окно» (Through a Window, 1990) Джейн Гудолл рассказывает о том, какие гадости он творил с ранних лет – например, выкидывал других шимпанзе из спальных гнезд поутру без всяких на то причин. Друзей он не заводил, только терроризировал всех вокруг. В конце концов

его настигло возмездие: после того как он проиграл в схватке с бросившим ему вызов соперником, на него накинута разъяренная толпа. Само нападение трудно было разглядеть в густом подлеске, но Гоблин выскочил с паническими воплями, весь израненный – у него были повреждены запястья, ступни, руки и, самое главное, мошонка. Раны были на удивление схожи с ранами Лёйта.

Скорее всего, Гоблин бы не выжил, поскольку мошонка у него воспалилась и раздулась, у него началась лихорадка. На протяжении нескольких дней он передвигался медленно и с трудом, часто отдыхал и почти не ел. Но ветеринар обездвигил его с помощью ружья-транквилизатора и сделал инъекцию антибиотиков. Выздоровливая, Гоблин старался не показываться на глаза остальным, а потом попытался отвоевать утраченные позиции, устраивая блеф-атаки на нового вожака. Этого ему делать не стоило, поскольку тем самым он только спровоцировал остальных самцов, и на него набросились снова. И опять он был серьезно ранен и спасен полевым ветеринаром¹⁵².

Другое сообщение об аналогичной расправе пришло из национального парка Махали-Маунтинс, где группа японских приматологов наблюдала за шимпанзе, жившими там десятилетиями. Я побывал в Махали-Маунтинс на озере Танганьика в Танзании со своим другом и основателем центра изучения шимпанзе Тосисадой Нисидой, чтобы полу-

---

¹⁵² Jane Goodall (1990).

читать собственное впечатление о политике в сообществах шимпанзе в дикой природе. Нисида был горячим поклонником выдающегося альфа-самца Нтологи, который продержался в статусе вожака беспрецедентные двенадцать лет. Нтологи виртуозно умел разделять и властвовать – а еще был мастером подкупа. Не охотясь на мартышек сам, он реквизировал добычу у остальных и распределял между своими сторонниками, обделяя соперников. Контроль над распределением мяса был мощным политическим рычагом. В итоге этого легендарного вожака жестоко свергли, и ему оставалось лишь еле-еле ковылять в одиночестве по задворкам территории, зализывая раны.

Учитывая враждебный настрой соседей и беспомощное состояние оказавшегося в изоляции самца, можно сказать, что положение Нтологи было критическим. Он не показывался в сообществе, пока не смог более или менее сносно передвигаться. Вот тогда он начал периодически появляться перед сородичами и разыгрывать спектакль с целью продемонстрировать, что по-прежнему бодр и силен, но едва скрывшись из виду, снова начинал хромать. Эти краткие появления на публике нужны были для того, чтобы у соперников даже мысли не возникало воспользоваться его слабостью, – примерно как в советские времена тяжелобольных кремлевских вождей демонстрировали народу по телевизору в добром здравии, внушая всем, что слухи об их приближающейся кончине сильно преувеличены.

После нескольких таких спектаклей с последующими уходами обратно на окраины территории Нтологи все же вернулся окончательно – сломленный, искалеченный и вынужденный примоститься на самой нижней ступени иерархии. Бывший кумир Нисиды превратился в мальчика для битья и улепетывал с воплями, когда на него кидался кто-нибудь из молодых самцов. От былого величия не осталось и следа. А потом Нтологи прикончили прямо посреди территории сообщества, то есть наверняка это были его собственные собратья, сколотившие коалицию. Он лежал в коме, покрытый глубокими рваными ранами, и его по-прежнему периодически атаковали толпящиеся вокруг шимпанзе. На следующий день он скончался¹⁵³.

В отчетах есть еще несколько подобных примеров, и можно было бы на этом закончить (ненавижу рассказывать о таком поведении), но не могу обойти вниманием крайне тревожный инцидент, отмеченный несколько лет назад американским приматологом Джилл Пруэтц. Она изучает шимпанзе в редких условиях сенегальской саванны. Воспользовавшись тем, что союзник альфа-самца Фудуко сломал бедро, остальные устроили мятеж и, свергнув вожака, изгнали его на окраины территории. Там он скитался пять долгих лет почти в полном одиночестве. Каждый раз, когда он пробовал вернуться, молодые самцы, видимо, не забывшие его тиранию, прогоняли Фудуко обратно. А потом настал день, ко-

---

¹⁵³ Toshisada Nishida (1996).

гда Пруэтц услышала какой-то шум примерно в полумиле от своего лагеря. Придя на звуки, она увидела распростертого на земле истерзанного мертвого Фудуко. Остальные шимпанзе были почти невредимы, а значит, расправа была четко скоординированной. Тело Фудуко продолжали терзать даже после гибели, доходя до каннибализма – откусив половые органы и понемногу объедая горло. Когда Пруэтц с сотрудниками похоронила Фудуко, остальные обезьяны принялись утешать друг друга и всю ночь издавали тревожные нервные крики где-то рядом с могилой, явно боясь захороненного тела¹⁵⁴.

После трагического происшествия в зоопарке Бюргерса я стал воспринимать старого самца Йеруна как убийцу. Это был самый расчетливый из всех знакомых мне шимпанзе, отличавшийся поистине макиавеллиевским коварством. Вожаком из него был отличный, но только пока под ним не начал шататься трон. Стоило кому-то посягнуть на его власть, и Йерун становился безжалостным. Я уверен, что именно он был инициатором нападения на Лёйта, а младшего использовал как пешку. Тем не менее животных, как правило, убийцами не зовут, поскольку убийство предполагает умысел.

Многие животные могут погибнуть в пылу схватки – например, олени, намертво сцепившиеся рогами, или самец павиана, умирающий от кровопотери и воспалившихся ран, нанесенных длинными острыми клыками соперника. В боль-

---

¹⁵⁴ Jill Pruetz (2017).

шинстве случаев невозможно установить, намеревался ли противник лишать их жизни. А вот что касается шимпанзе, то в рассказах свидетелей их нападений на собратьев мне доводится слышать чаще всего слово «намеренно». Потрясенные их крайней жестокостью, свидетели упоминают о том, как шимпанзе пьют кровь жертв и целенаправленно выкручивают конечности. Шимпанзе явно задаются целью прикончить жертву и пока не добьются этого, не отступятся. По свидетельствам, они нередко возвращаются на место кровавого «преступления» спустя несколько дней – видимо, чтобы проверить результаты своих трудов и убедиться, что соперник уничтожен. Находя на месте расправы труп, шимпанзе не выказывают ни удивления, ни тревоги, то есть такой исход не является для них неожиданностью.

В намеренном лишении жизни как таковом ничего необычного нет, хищники занимаются этим сплошь и рядом, но по отношению к представителям других видов, поэтому мы не расцениваем это как преступление. Зачастую хищник не отступает от жертвы, пока та не испустит последний вздох. Когда тигр душит огромного быка гаура, сжимая челюсти у него на горле, орел сбрасывает горного козла с обрыва, а крокодил топит зебру в реке мощным «смертельным переворотом», все они действуют намеренно. Если жертва подаст признаки жизни, хищник примется ее добивать. Шимпанзе также целенаправленно расправляются с представителем собственного вида, так что я не считаю термин «убий-

ство» в этом случае таким уж неуместным.

Насколько я успел убедиться, чем лучше вожак, тем дольше он пробудет у власти и тем меньше вероятность, что причиной его смерти станет кровавая расправа. Обширной статистики у нас нет, и я прекрасно понимаю, что существуют исключения, однако, в общем и целом, если самец сохраняет позиции только за счет террора, его «правление» продлится не больше пары лет и кончит он так же плохо, как Бенито Муссолини. Когда вожак – тиран, остальные только и ждут, когда найдется кто-то, способный бросить ему вызов, и охотно поддерживают этого соперника, если он кажется перспективным. Если в дикой природе самцов-агрессоров либо изгоняют, либо убивают, как Гоблина и Фудуку, то в неволе их можно ради их собственной безопасности удалить из колонии. Вожаки, которые пользуются общей симпатией, наоборот, остаются у власти необыкновенно долго. Если даже молодой самец попробует бросить такому альфе вызов, то поддержки не получит – все встанут на сторону последнего. Для самок нет ничего лучше, чем стабильная власть альфы, который защищает их и гарантирует мир и покой в сообществе. Это самая благоприятная обстановка для выращивания потомства, поэтому самкам обычно не хочется, чтобы такого вожака сместили.

Даже если хороший вожак теряет позиции, его редко изгоняют. Он может опуститься всего на пару ступеней иерархической лестницы и достойно стариться в кругу собратьев.

И даже пользоваться некоторым закулисным влиянием. Одного такого самца по имени Финеас я знал много лет. Когда у него отобрали власть, он закрепился на третьем месте, превратившись в любимца всей детворы, с которой возился как добрый дедушка, а также став популярным партнером по грумингу у всех самок. Новый вожак предоставлял Финеасу право улаживать вспыхивающие скандалы, сам даже не утруждаясь вмешательством, поскольку старику в разрешении конфликтов не было равных. Таким спокойным и умиротворенным, как «в отставке», я не видел Финеаса за все предшествующие годы ни разу, и это вполне объяснимо: статус альфы, хоть и кажется завидным, на самом деле требует большого напряжения сил и нервов.

Физиологические доказательства того, что жизнь альфа-самца вовсе не сахар, были получены из экскрементов павианов с кенийских равнин. Анализ фекалий на гормоны стресса показал, что низкоранговые самцы испытывают гораздо больший стресс, чем высокоранговые. Тут все логично, ведь подчиненных постоянно гоняют и не подпускают к самкам. Неожиданностью стало то, что такой же сильный стресс испытывает и альфа-самец. Это относится именно к самому главному самцу группы, находящемуся в статусе вожака, поскольку он вынужден постоянно отслеживать, не проявляет ли кто неуважения и не сколачивает ли коалицию с целью его сместить¹⁵⁵. «Но нет покоя голове в венце»¹⁵⁶ –

---

¹⁵⁵ Laurence Gesquiere et al. (2011).

писал Шекспир о короле Генрихе IV, однако ровно то же самое можно сказать об альфа-самцах павианов и шимпанзе.

Бой тамтамов

Хотя эмоций, роднящих человека с другими животными, найдется предостаточно, мы неизменно предпочитаем говорить только о «хорошей» их разновидности, особенно если эмоции призваны пробудить к животным симпатию. Призывая заботиться о животных, никто не будет расписывать, как они жестоко расправляются с врагами или пожирают добычу. Пропагандисты всегда упирают на привязанность, взаимопомощь, самопожертвование, родительскую заботу, способность горевать и тому подобное. Одной из первых современных книг, подчеркивающих эти качества, была книга Джеффри Муссайеффа Массона «Когда плачут слоны. Эмоциональная жизнь животных» (When Elephants Weep: The Emotional Lives of Animals, 1994). О них же нам напоминают прекрасные работы Элизабет Маршалл Томас, Темпл Грандин, Барбары Кинг, Марка Бекоффа, Карла Сафины и других. В эту же категорию укладываются и мои собственные книги о примирении и эмпатии у приматов. Однако среди эмоций у животных, безусловно, есть и такие, которые побуждают их нападать на соперника из сексуальной ревности, сражаться за статус, расширять территорию за счет чужих владений, убивать детенышей и так далее. Эмоциональная жизнь животных может быть весьма неприглядной.

Поэтому, чтобы наше обсуждение было более приближе-

но к реальности, нужно рассматривать весь поведенческий спектр. Самой первой эмоцией, которая удостоилась отдельных исследований (и единственной интересовавшей биологов в 1960–70-е гг.), была агрессия. В те времена все дискуссии об эволюции человека сводились к инстинкту агрессии. Не упоминая эмоции как таковые, биологи определяли «агрессивное поведение» как причиняющее вред или имеющее целью принести вред представителям того же вида, что и агрессор. Как всегда, внимание обращали главным образом на результаты. Но за агрессией явно стоит эмоция, у человека известная как гнев или ярость, которая движет и враждебностью животных. Ее внешние физические проявления одинаковы у разных видов – например, низкие угрожающие звуки (ворчание, рык, рычание). Эти звуки связаны с размером тела: чем длиннее гортань, тем басовитее звук. Мы без труда отличим ротвейлера от чихуа-хуа по лаю, даже не видя саму собаку. Когда самец гориллы бьет себя в грудь, по ударам можно догадаться о мощи его торса. Угрожая, животные стараются казаться больше – расправляют плечи, выгибают спину, распахивают крылья, взъерошивают шерсть или перья. Демонстрируют свое оружие – когти, рога, зубы.

Самцы нашего собственного вида выставляют кулаки и выпячивают грудь, чтобы обозначились грудные мышцы. В пубертатном периоде у мальчиков (но не у девочек) опускается гортань и удлиняются голосовые связки, поэтому мужской голос звучит ниже, грубее, солиднее. Все это средства

устрашения и запугивания, позволяющие агрессору добиться своего. В большинстве случаев они работают, а если нет, ждите эскалации конфликта. Гнев обычно возникает, когда что-то препятствует достижению целей или под угрозой оказываются статус или территория. Проявление гнева – распространенный способ добиться желаемого и защитить имеющееся.

Порой ярость и агрессию подают как антисоциальные эмоции, однако на самом деле они более чем социальны. Если нанести на карту города все случаи крика, оскорблений, визга, хлопанья дверьми и разбивания посуды, они сосредоточатся в основном в семейных домах – не на улице, не на стадионах, не на школьных дворах, не в торговых центрах. Именно в домах. Когда полиция расследует убийство, в первую очередь всегда подозревают членов семьи, любовников, сослуживцев. Поскольку агрессия служит средством формирования социальных взаимоотношений, на этом поле она и произрастает.

В то же время близкие социальные связи обычно и самые прочные. Человеческие семьи держатся на механизме примирения, который представлен в них не менее широко, чем агрессия. Супруги, братья, сестры и друзья выстраивают свои взаимоотношения, проходя через снова и снова повторяющиеся циклы конфликта и примирения. Мы демонстрируем гнев, чтобы обозначить свои позиции, затем зарываем топор войны – миримся, целуясь и ласкаясь. Другие приматы

делают то же самое, защищая свои союзы от разрушительного воздействия конфликтов: после стычек они целуются и вычесывают друг друга. Им тоже проще всего дается примирение с самыми близкими.

Однако есть одна область, в которой агрессия – обычное дело, а примирения – редкость, и поэтому там все складывается принципиально иначе. Повышенного внимания эта область удостоилась после выхода в 1966 г. книги Конрада Лоренца¹⁵⁷ «Агрессия» (On Aggression, 1966)¹⁵⁸, в которой он доказывал, что у нас имеется импульс агрессии, ведущий к разжиганию войн, и поэтому война имеет биологическое начало. Принять эту точку зрения многим мешало то, что она исходила от австрийца, во время Второй мировой войны служившего в немецкой армии. Жаркие и во многом идеологизированные споры не утихают до сих пор. По мнению одних, нам суждено воевать до скончания веков, тогда как другие видят в войне лишь культурный феномен, находящийся во взаимосвязи с конкретной политической ситуацией.

Однако современная война, безусловно, в значительной степени дистанцирована от агрессивных инстинктов, присущих нашему виду. Это уже совсем иные материи. Решение о войне обычно принимают столичные «старейшины», ру-

---

¹⁵⁷ Книга К. Лоренца вышла впервые в 1963 г. на немецком языке (Das sogenannte Böse zur Naturgeschichte der Aggression) и в 1966 г. была переведена на английский. – *Прим. ред.*

¹⁵⁸ Лоренц К. Агрессия, или так называемое «зло». – М.: Прогресс; Универс, 1994.

ководствуясь политическими, экономическими и эгоистическими соображениями, а выполнять грязную работу приходится молодым. Поэтому, глядя на марширующие войска, я совсем не обязательно вижу агрессивный инстинкт в действии. Скорее, я вижу тут стадный инстинкт: тысячи людей, идущих в ногу и готовых повиноваться приказам. Сложно себе представить, чтобы солдаты Наполеона испытывали ярость, замерзая в русских лесах. И от ветеранов войны во Вьетнаме я тоже ни разу не слышал, чтобы их вела туда злость на противника. Но, увы, невероятно сложную проблему людских войн зачастую по-прежнему сводят к инстинкту агрессии.

Глядя на реки крови, которые были пролиты в войнах только за последние столетия, вполне закономерно будет предположить, что тяга к войне заложена у нас в генах. Именно так, судя по всему, считал и британский премьер-министр Уинстон Черчилль, писавший: «История человеческого рода – это война. Если не считать периодов недолгого и беспокойного затишья, мира на земле не было никогда; бесконечная кровавая распря царила повсюду еще до начала времен»¹⁵⁹. К сожалению – а может, и к счастью, – подтверждений для нарисованной Черчиллем милитаристской картины найдется немного. Если частные убийства случались и сотни тысяч лет назад, как подтверждают археологические находки, то среди аналогичных свидетельств веде-

---

¹⁵⁹ Winston Churchill (1924).

ния массовых войн (например, захоронений, в которых оружие отыскивается в толще скопления скелетов) нет ни одного старше 12 000 лет. У нас нет ни единого доказательства того, что войны происходили до неолитической революции, с начала которой выживание людей стало зависеть от перехода к оседлой жизни и разведению скота. Даже стены Иерихона – считающиеся одним из самых первых свидетельств ведения военных действий в древности и благодаря Ветхому Завету прославившиеся тем, что рухнули, – возможно, были выстроены для защиты от селевых потоков.

Задолго до этих библейских времен наши предки обитали на редконаселенной планете – пара миллионов человек на всю Землю. Как показывают исследования митохондриальной ДНК, около 70 000 лет назад наш род находился на грани вымирания и жил мелкими разрозненными общинами. Не самые подходящие условия для продолжительных войн. Кочующие охотники-собиратели (именно такой образ жизни многие считают наиболее характерным для наших предков) занимались дружественным обменом – в том числе и охотничьей добычей, вступали в межплеменные браки, устраивали общие пиры. В одном из самых потрясающих новейших аналитических исследований в результате нанесения на карту дружеских связей танзанийского народа хадза выяснилось, что народ этот располагает обширной сетью контактов, далеко выходящих за пределы общины и рода¹⁶⁰. Даже если

---

¹⁶⁰ Coren Apicella et al. (2012).

война и не исключалась для наших предков полностью, скорее всего, они жили по модели хадза – диаметрально противоположной той, которую предполагал Черчилль. Скорее всего, долгие периоды мира и покоя прерывались короткими вооруженными конфликтами.

Человекообразных обезьян на всем протяжении этих дебатов упоминали много и часто. Сначала в них видели идеализированное воплощение наших незлобивых предков, поскольку считалось, что у обезьян не существует других занятий, кроме как перемахивать с дерева на дерево в поисках еды. Что-то вроде благородного дикаря у Руссо, только вегетарианца. Однако в 1970-е гг. начали поступать первые шокирующие полевые отчеты о том, как шимпанзе убивают друг друга, охотятся на мелких обезьян, поедают мясо и так далее. Хотя убийство представителей другого вида никакого отношения к делу не имело, на эти отчеты стали ссылаться, доказывая, что наши предки наверняка были кровожадными чудовищами. Описанные выше случаи убийства вожаков сородичами все же исключение, в отличие от того, как они обычно поступают с представителями других групп, для которых и приберегается вся жестокость. В результате поведение человекообразных обезьян из довода против позиции Лоренца превратилось в главный довод, ее подкрепляющий. Британский специалист по приматам Ричард Рэнгем в своей книге «Демонические самцы: человекообразные обезьяны и происхождение насилия у человека» (*Demonic Males: Apes*

and the Origins of Human Violence, 1996) приходит к выводу: «Насилие, подобное наблюдаемому у шимпанзе, предшествовало человеческим войнам и подготовило для них почву, и современные люди – это те, кто уцелел в продолжающейся вот уже 5 млн лет бесконечной кровавой распри и еще не оправился от потрясений»¹⁶¹. Рэнгем прямо и открыто возвращает нас к идее врожденной предрасположенности к войне, хотя и старается изобразить эту предрасположенность как гибкую, оставляющую нам возможность выбора. Но насколько гибким может быть свойство природы, которое побуждает нас вести «бесконечную» войну на протяжении всей человеческой истории и доисторической эпохи?

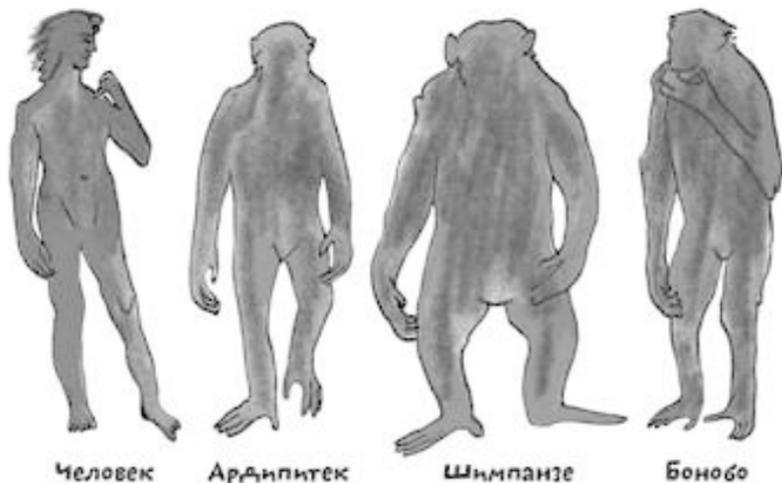
Хотя кажется, что это утверждение подкреплено фактами, опора на археологические данные у него отсутствует. Мы не знаем, действительно ли история войн уходит корнями во времена самых древних наших предков. И похожи ли были эти предки на шимпанзе. Поскольку в дождевых лесах останки плохо фоссилизируются¹⁶², размеры и внешний вид этих предков нам неизвестны. Скорее всего, они были человекообразными обезьянами, но с тех пор сильные изменения претерпел не только наш род, но и все человекообразные обезьяны. Ни по одному из ныне существующих видов невозмож-

---

¹⁶¹ Richard Wrangham and Dale Peterson (1996), p. 63.

¹⁶² Фоссилизация (от лат. fossilis – ископаемый) – длительный процесс превращения органических остатков в окаменелости путем замещения тканей живых организмов минералами. – *Прим. ред.*

но определить наше происхождение. Последний общий предок людей и человекообразных обезьян – именно его обычно называют «недостающим звеном» – мог напоминать шимпанзе, бонобо, гориллу, орангутана или кого-то еще. Некоторые специалисты ставят на гиббона – тоже человекообразную обезьяну, но не из «больших», которые ходят, опираясь на костяшки пальцев. Гиббоны – брахиаторы, то есть передвигаются по ветвям деревьев за счет брахиации – раскачивания на руках.

Из всех человекообразных обезьян бонобо ближе всех к человеку по соотношению длины рук и ног. Оно поразительно схоже с аналогичным соотношением у нашего предка ардипитека, как свидетельствуют эти четыре силуэта гоминид (пропорции даны без соблюдения масштаба). Если мы действительно происходим от бонобоподобной обезьяны, человеческую предысторию придется переписать, смещая акценты с агрессии на секс и женскую власть

Самая, пожалуй, интригующая из этих кандидатур – бонобо, учитывая его миролюбивую натуру. Хотя существует много подтвержденных сообщений о том, что шимпанзе убивают себе подобных, применительно к бонобо на данный момент нет ни одного подобного свидетельства – ни в дикой природе, ни в неволе¹⁶³. Полевые исследователи, на-

¹⁶³ Michael Wilson et al. (2014).

оборот, рассказывают об исключительно мирном взаимодействии между сообществами бонобо. При встрече эти обезьяны окликают друг друга и могут поначалу продемонстрировать агрессию, но вскоре сближаются, занимаются сексом, а затем переходят к грумингу. Матери разрешают детенышам играть с молодняком из другой группы – и даже с взрослыми самцами. Судя по всему, социальные связи бонобо тянутся далеко за пределы их собственных сообществ. Представители разных групп явно рады видеть друг друга и держатся абсолютно без напряжения. В одном из недавних полевых отчетов описывалось даже, как бонобо делятся мясом с соседями¹⁶⁴. Для шимпанзе, способных проявлять по отношению к чужакам лишь враждебность в той или иной степени, такое попросту невысказуемо. В отличие от бонобо, никакого дружелюбия и доверия они чужакам не демонстрируют, и при встречах с другими группами любая мать постарается убраться как можно дальше вместе с детенышами, оберегая их от серьезной опасности. В этом состоит разительный контраст между двумя ближайшими сородичами-приматами: шимпанзе в диких лесах устраивают кровавые битвы, а бонобо – веселые пикники.

В заповеднике «Лола-йя-бонобо» в окрестностях Киншасы (Демократическая Республика Конго) недавно решили слить воедино две группы бонобо, живших до того отдельно, просто для того чтобы стимулировать социальную актив-

---

¹⁶⁴ Barbara Fruth and Gottfried Hohmann (2018).

ность. Провернуть подобное с шимпанзе ни у кого бы даже мысли не возникло, потому что результатом стало бы кровавое побоище. А бонобо устроили оргию. За склонность охотно помогать незнакомцам в решении задач исследователи зовут бонобо *ксенофилами* (симпатизирующими чужакам), тогда как шимпанзе считают *ксенофобами* (не любящими или боящимися чужих)¹⁶⁵. Эта разница находит отражение и в устройстве мозга бонобо. Области, участвующие в восприятии чужого стресса – миндалевидное тело и передняя островковая доля, – у бонобо крупнее, чем у шимпанзе. Кроме того, в мозге бонобо сильнее развиты нервные механизмы сдерживания агрессивных порывов. Возможно, бонобо обладают мозгом, наиболее настроенным на эмпатию среди всех гоминид, включая и человека¹⁶⁶.

«Как интересно!» – подумаете вы. Однако наука отказывается принимать бонобо всерьез. Слишком мирные, слишком матриархальные, слишком мягкие, они никак не вписываются в популярную историю человеческой эволюции, которая строится на завоеваниях, мужском господстве, охоте и войнах. У нас есть теория «человека-охотника» и теория «обезьяны-убийцы»; есть идея, что сотрудничеству способствовала межгрупповая конкуренция, и есть предположение, что наш мозг приобрел такие большие размеры, поскольку женщины предпочитали умных мужчин. Деваться

---

¹⁶⁵ Jingzhi Tan, Dan Ariely, and Brian Hare (2017).

¹⁶⁶ James Rilling (2011).

некуда, все наши теории антропогенеза вертятся вокруг самцов и того, что делает их успешными. Если шимпанзе прекрасно подходят для большинства этих сценариев, то что делать с бонобо, никто не знает. наших сородичей-«хиппи» неизменно превозносят за их замечательные качества, а потом попросту игнорируют. «Милейшие создания, слов нет, но мы все-таки займемся шимпанзе» – вот общий тон таких высказываний.

Из опубликованного в 2009 г. описания окаменелых остатков самки древнего гоминида *Ardipithecus ramidus* возрастом 4,4 млн лет следует, что строение ее зубного ряда не укладывается в стандартные концепции. Мелкие клыки Арди указывают на принадлежность к относительно мирному виду. Казалось бы, вот он тот самый момент, когда нужно обратиться к бонобо, таким же мирным обладателям затупленных некрупных зубов. Из всех человекообразных обезьян бонобо имеют наибольшее сходство с Арди – вплоть до общих пропорций тела, длинных ног, хватательной стопы и даже размеров мозга. Но вместо того, чтобы предложить новую гипотезу – с основным акцентом на потенциальное миролюбие и эмпатию, свойственные человеку, коль скоро именно такими качествами обладает один из ближайших наших сородичей, – антропологи лишь сокрушаются о нетипичности Арди. Ну да, разумеется, откуда у нас возьмется миролюбивый предок? Выставляя Арди аномалией и загадкой, можно не отказываться от привычных теорий о предке мачо.

Таким образом, согласно этим теориям, в «естественном состоянии» (если такое когда-либо вообще существовало) человек ведет непрерывную войну. Наша единственная надежда – цивилизация, как пишет Стивен Пинкер в своей книге «Лучшее в нас: почему насилия становится меньше» (The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined, 2011), в которой он преподносит шимпанзе как наиболее перспективную модель для выяснения нашего происхождения. Пинкер считает решением всех наших проблем культурный прогресс. Нам нужно обуздать инстинкты – иначе мы будем вести себя как шимпанзе. Этот безоговорочно фрейдистский посыл (Зигмунд Фрейд рассматривал цивилизацию как механизм подавления наших основных инстинктов) глубоко укоренился на Западе и не теряет популярности. Между тем организации, защищающие права человека, и специалисты по культурной антропологии не приемлют неизбежно следующий из этих теорий вывод, будто у дописьменных народов не утихают кровопролитные распри. Этот миф очень удобно использовать для оправдания нарушения прав этих народов. Возможно, отдельные немногочисленные племена и ведут себя подобным образом, но, как утверждают оппоненты, чтобы подтвердить кровожадную пинкеровскую версию нашего происхождения, нужен крайне избирательный подход к антропологическим данным. «Ди-карь», вопреки стереотипному образу, совершенно не обя-

зательно означает «свирепый»¹⁶⁷.

В заявлении, что «цивилизация нам поможет», самое странное то, что при столкновении покорителей новых земель с дописьменными народами кровожадную жестокость проявляли как раз первые. И когда британцы открыли Австралию, и когда пилигримы высадились в Новой Англии, и когда Христофор Колумб прибыл в Новый Свет. Даже если коренное население выходило к чужестранцам с дарами и предложением дружбы, завоеватели все равно знали только одно – местных нужно истребить. Колумб, встретив людей, которые и шпаги-то в глаза не видели, способен был лишь подивиться тому, как легко его пятьдесят солдат уничтожили целое племя. Вот и все облагораживающее воздействие цивилизации¹⁶⁸.

Я же предпочитаю отталкиваться в своих гипотезах не от истории человечества, а от естественных способностей приматов к улаживанию конфликтов. В основном им прекрасно удается поддерживать мир. Поверить не могу, что, полемизируя о своем эволюционном прошлом, мы до сих пор оглядываемся на Фрейда и Лоренца, не говоря уже о Гоббсе. Идея, заключающаяся в том, что достичь оптимального уровня социальности человек может, лишь подавляя свою биологическую природу, давно себя изжила. Она не согласуется с тем, что нам известно об охотниках-собираателях и

---

¹⁶⁷ Douglas Fry (2013).

¹⁶⁸ John Horgan (2014).

о других приматах, а также с данными современной нейрофизиологии. Кроме того, она предполагает поэтапный процесс – будто бы сначала у нас преобладало биологическое начало, а затем появилась цивилизация, тогда как на самом деле биологическое и социальное в человеке всегда шли рука об руку.

Цивилизация – это не некая внешняя сила, это и есть мы. Человек никогда не был ни «абиологичным», ни «акультурным». И потом, почему мы всегда рисуем свою биологическую природу в самом черном цвете? Мы выставаем природу «злодейкой», чтобы самим на ее фоне выглядеть героями? Социальная жизнь приматов – значительная составляющая нашего прошлого, как и сотрудничество, дружба, эмпатия. Главная наша стратегия выживания – общинность. Социализация, забота друг о друге, умение ладить с окружающими у приматов в крови, и то же самое относится к человеку. Цивилизация дарит нам много хорошего, но воспользоваться она при этом может лишь имеющимися способностями и склонностями, ничего нового она не изобретает. Она работает с тем, что мы готовы ей предложить, в том числе и многовековую способность к мирному сосуществованию.

Арди может о многом нам поведать, и, даже если мы пока расходимся во мнениях насчет рассказанного ею, пора начать обсуждать эволюцию человека без непременно боя тамтамов за кадром. Да, у нас бывают темные периоды, когда мы не уступаем шимпанзе в жестокости и стремлении

доминировать, но в светлые периоды мы чутки и дружелюбны, как бонобо.

Женская власть

Мама была главной самкой в колонии шимпанзе в Арнеме. Хотя доминировать над взрослыми самцами физически она не могла, властью и влиянием она превосходила большинство из них. Я знал и других выдающихся самок шимпанзе, которые умели постоять за себя, вертели самцами как хотели (вырывали еду у них из рук, отталкивали с удобного места) и играли настолько важную роль в жизни группы, что каждый старался заручиться их поддержкой.

Однако шимпанзе далеко в этом плане до бонобо. В дикой природе альфа-самке бонобо ничего не стоит выйти гордой поступью на поляну, волоча за собой огромную ветку, – и все расступаются, предпочитая наблюдать это зрелище со стороны. У самок бонобо в порядке вещей прогонять самцов и прибирать к рукам крупные фрукты, чтобы поделить их между товарками. Плоды анонидиума весят до 10 кг, а плоды трекулии, хлебного дерева, – до 30 кг, почти столько же, сколько взрослый бонобо. Как только такой гигантский плод обрушивается на землю, его тут же присваивают самки и редко считают нужным поделиться с самцами, выпрашивающими у них лакомство. Отдельные самцы могут оттеснять отдельных самок, особенно тех, что помоложе, но в общем и целом самки доминируют над самцами¹⁶⁹.

¹⁶⁹ Takeshi Furuichi (1997, 2011).

Такое происходит не только в дикой природе, аналогичную картину я наблюдал в каждом зоопарке, где мне довелось побывать. Во главе колонии бонобо неизменно стоит самка. Единственное исключение – если в зоопарке содержится только один самец и одна самка. Самцы бонобо крупнее и сильнее самок, и клыки у них длиннее, так что в паре верх будет одерживать самец. Но стоит колонии разрастись и появиться второй самке – мужскому господству приходит конец. Самки всегда объединяются, если самец пытается угрожать одной из них. Появление других самцов уже мало что изменит, поскольку в отличие от шимпанзе, которые легко сколачивают коалиции, самцы бонобо к объединению не склонны.

Бонобо, разумеется, очень симпатичны феминисткам, которые превозносят их в посвящениях к своим книгам, – как Элис Уокер, которая благодарила Жизнь за их существование. Если шимпанзе решают сексуальные проблемы силой и властью, то бонобо решают проблемы власти с помощью секса. Сексом они занимаются в любых возможных комбинациях, в том числе с представителями своего пола. Однако ученые и журналисты усиленно сопротивляются возведению бонобо на пьедестал, поскольку уж слишком идиллическая получается картина. Что если эти «хиппи» из животного мира – просто «политкорректная» выдумка на потребу левых либералов? Один журналист даже добрался до Демократической Республики Конго в попытке доказать, что бонобо

совсем не так миролюбивы, как их изображают. Из своей поездки он привез один-единственный очерк о том, как бонобо охотился на дукера. Хотя карликовая антилопа благополучно ускользнула, журналист не преминул расписать в красках, как бонобо мог бы задрать ее и съесть. Между тем никакого отношения к обсуждаемой теме этот эпизод не имел, поскольку хищничество – это не агрессия. Охотиться побуждает голод, а не конкуренция.

Незнакомые с этим видом ученые критикуют тех, кто осмеливается называть самцов бонобо подчиненными. Лучше считать их «галантными», утверждают они, поскольку своим влиянием слабый пол определенно обязан снисходительности сильного. Кроме того, доминирование самок вряд ли так уж важно, поскольку проявляется только при дележе пищи. Очень странный аргумент, поскольку, если и существует критерий, применимый ко всем животным планеты без исключения, он именно в этом и состоит: если особи А позволено отгонять особь В от еды, особь А называют доминирующей. Основоположник изучения бонобо, японский полевой исследователь Такаёси Кано, двадцать пять лет наблюдавший за ними в заболоченном лесу, отмечал, что как раз на распределении пищи и строится доминирование самок. Если это важно для них, значит, должно быть важно и для исследователей. Как подчеркивает Кано, даже если никакой пищи поблизости нет, взрослые самцы все равно демонстрируют подчинение при виде приближающейся высо-

коранговой самки¹⁷⁰.

Эта коллективная женская власть тем более удивительна, что самки бонобо не состоят между собой в родстве. Они лишь подруги, не родня. В период полового созревания самка покидает свое сообщество и уходит к соседям, где ее берет под опеку кто-нибудь из самок постарше. То есть на новой территории у нее обычно никого из родных нет. Я называю складывающееся в результате ядро женской власти «вторичным сестричеством», поскольку состоящих в нем самок побуждают к сестринской солидарности общие интересы, а не кровные узы. За последние годы нам удалось пополнить свои знания об этих связях между самками благодаря возобновившемуся изучению диких бонобо, которое из-за войны пришлось надолго прервать. Проводить полевые исследования в одном из самых труднодоступных лесов мира крайне тяжело, однако японский ученый Наоко Токуяма сумел собрать ценнейшие данные о сотрудничестве самок. В основном они объединяются в ответ на посягательства самцов. Если самкам шимпанзе приходится страдать от самцов и даже иногда переживать гибель детеныша от их рук, самки бонобо ничего подобного не потерпят. Высокоранговые старшие самки всегда вступятся за младших, если тех начнут донимать самцы. Благодаря этому «сестринскому» товариществу, позволяющему обуздать самцов, самки бонобо ведут отно-

---

¹⁷⁰ Takayoshi Kano (1992).

сительно беззаботное существование¹⁷¹.

Гораздо меньше нам известно об отношениях доминирования среди самок. Обычно у них имеется выраженная альфа – в случае бонобо она будет еще и всеобщей альфой, главенствующей над всеми, не только над самками. Однако борьба за этот статус ведется совсем не такая напряженная, как у самцов шимпанзе. Все потому, что самкам почти нечего проигрывать, у них не так много поставлено на кон. С точки зрения эволюции главное для животного – распространить свои гены. У самцов в этом плане преимущество, поскольку главенствующая позиция позволяет оплодотворить множество самок. Для самок же эволюцией прописаны принципиально иные правила игры: независимо от статуса и количества партнеров для спаривания детеныш в результате беременности все равно появится только один. Из-за того, что продолжение рода устроено именно так, самцу высокий статус приносит больше бонусов.

Однако самки бонобо и тут находят выход. В иерархических состязаниях они всеми силами поддерживают своих сыновей. Самые яростные стычки между бонобо возникают, когда самки включаются в борьбу своих отпрысков за статус. Самцы бонобо рвутся к вершинам иерархии, держась за материнскую юбку, и в результате высокоранговые матери получают возможность увеличить число внуков. Возьмем, например, дикую альфа-самку Каме, имевшую не менее трех

---

¹⁷¹ Nahoko Tokuyama and Takeshi Furuichi (2017).

взрослых сыновей, старший из которых был вожаком. Когда Каме начала дряхлеть, она уже не так рвалась защищать своих детей, и сын бета-самки, должно быть, почувствовав это, принялся задирать сыновей Каме. Его собственная мать стояла за него горой, не боясь нападать ради него на альфа-самца. Выяснения отношений продолжались, пока две матери, обменявшись оплеухами, не сцепились в драке, и бета-самка не пригвоздила Каме к земле. Оправиться от такого позора Каме уже не смогла, и вскоре ее сыновья опустились на средние ступени иерархической лестницы. После смерти Каме их оттеснили окончательно, а на вершине воцарился сын новой альфа-самки¹⁷².

Ближайшая параллель, которую мы находим в человеческом обществе, – жестокая конкуренция и интриги среди рабынь-наложниц в гареме султанов Османской империи. Некоторым из этих рабынь удавалось сравняться в статусе с законными женами султана, и сыновей они растили для султанского трона. Взойдя на престол, победитель неизменно приказывал казнить всех своих братьев, чтобы дальнейший род шел только от него. Просто мы, люди, всегда действуем более радикально, чем бонобо.

Хотя самцы были и будут одержимы властью сильнее, чем самки, тяга к ней свойственна не только мужскому полу. И все же нельзя отрицать, что в человеческом обществе женщинам с политическими амбициями приходится преодолеть

---

¹⁷² Takeshi Furuichi (1997).

вать особые препятствия. Одно из них заключается в том, что, если для мужчины привлекательная внешность – это плюс (вспомним Джона Кеннеди или Джастина Трюдо), для женщин все несколько сложнее. Это связано с сексуальным соперничеством, которое включается у избирателей, половину которых составляют женщины, а половину – мужчины. Привлекательных женщин, особенно детородного возраста, другие женщины воспринимают как соперниц, поэтому их голоса кандидатке завоевать труднее. Джон Маккейн, борясь в 2008 г. за президентский пост с Бараком Обамой, выбрал в качестве будущего вице-президента относительно молодую Сару Пэйлин. Мужчины, судя по отзывам в СМИ, сочли этот ход блестящим – Пэйлин называли «красоткой» и «секс-бомбой», но никто, кажется, не подумал, что их вождение отнимет у нее голоса женской части избирателей. Обама же не особенно впечатлил мужскую аудиторию (49 % голосов против 48 % у Маккейна), но отыгрался за счет значительного перевеса у женской (56 % против 43 %).

Женщины обретают потенциал в большой политике только после выхода из детородного возраста, когда перестают притягивать оценивающие мужские взгляды. Все современные государственные руководительницы – Голда Меир, Индира Ганди, Маргарет Тэтчер – уже пережили менопаузу. Самая влиятельная женщина наших дней, канцлер Германии Ангела Меркель, старается в принципе не подчеркивать свой пол, одеваясь как можно нейтральнее. Меркель – опытный и

проницательный политик, мужчинам ее не запугать. Принимая Меркель в 2007 г. у себя на «даче», Путин привел своего лабрадора, прекрасно зная, что гостя боится собак. Однако уловка не удалась, Меркель, хоть и занервничала при виде собаки, не дрогнула перед ее хозяином. «Я понимаю, почему он вынужден так поступать: он доказывает, что он мужчина. Он боится собственной слабости», – сообщила она журналистам¹⁷³. Маневр Путина в очередной раз подтвердил, что мужчины всегда пытаются добиться превосходства путем запугивания.

Судя по тому, что на отлучение от власти мужчина реагирует точно так же, как младенец, у которого отобрали погремушку, тяга к господству укоренена в нас очень глубоко. Хотя мы и недооцениваем эмоции, которые управляют нашей жизнью и общественными институтами, они стоят за всем, что мы делаем и чем являемся. Желание контролировать других движет многими социальными процессами и структурирует сообщество у приматов. Этот мотив прослеживается повсюду – от сражений Трампа и Клинтон за должность главы страны до драк между матерями бонобо за статус сыночек. Стремлению к власти мы обязаны грандиозным достижениям под руководством вдохновляющих лидеров, и по его же вине мы оставляем за собой кровавый след – в том числе и политических убийств, которые для нашего вида не

---

¹⁷³ . www.cnn.com/2016/01/12/europe/putin-merkel-scared-dog.6. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

редкость.

Эмоции могут быть и «хорошими», и «плохими», и «отвратительными» – как у животных, так и у нас.

6. Эмоциональный интеллект *О справедливости и свободе воли*

На фотографии безмятежная саванна, на переднем плане зебра, стоящая задом к зрителю, всматривается в даль. Там, ближе к горизонту, угадывается совокупляющаяся пара: лев и львица. Френды в «Фейсбуке» принялись придумывать подписи, самой смешной из которых оказалась такая: «Артур, закругляйся! Я вижу наш ужин!»

Однако на самом деле этой парочке не до ужина. И зебра это знает, поэтому и не спешит убежать. Ей нечего бояться, по крайней мере в данный момент. Страх – эмоция самозащиты и потому занимает верхние строки рейтинга ценности для выживания. Но даже страх пробуждается только после тщательной оценки обстановки. Для этого недостаточно просто заметить льва. Антилопы, зебры и гну ведут себя довольно спокойно в поле зрения больших кошек, которые просто отдыхают, играют или занимаются сексом. Копытные хорошо разбираются в поведении хищников и прекрасно различают, когда те настроены на охоту. Вот тогда они пугаются – если успеют вовремя этот настрой заметить.

Вся слава мозгу

Эмоциональные реакции имеют огромное преимущество перед рефлекторными действиями: они пропущены через фильтр опыта и научения, именуемый оценкой (*appraisal*). Жаль, что в этом направлении не думали первые этологи, предпочитая цепляться за устаревшую к нынешнему времени концепцию инстинктов. Инстинкт – это произвольный автоматический отклик, который в постоянно меняющемся мире почти бесполезен. Эмоции гораздо более адаптивны, поскольку функционируют как осмысленные инстинкты. Они тоже обеспечивают желаемую смену поведения, но только после тщательной оценки ситуации. Иногда для этой оценки достаточно доли секунды, за которую мы сопоставляем текущее положение дел с прошлым опытом – как та зебра в саванне. Если я собираюсь на пикник, набежавшие тучи меня огорчат, но если я сижу дома, то с удовольствием полюбуюсь на дождь из окна – уроженцу насквозь промокших Нидерландов к непогоде не привыкать. Оглушительная «пальба» автомобильной выхлопной трубы заставит встрепенуться человека, побывавшего в зоне военных действий, другой же просто не обратит внимания. Собачий лай пугает нас ровно до тех пор, пока мы не увидим, что пес на привязи. Эмоции всегда прогоняются через оценочный фильтр, поэтому разные люди и реагируют на одну и ту же ситуацию

по-разному.

Пусть у нас нет безраздельной власти над эмоциями, однако их рабами нас тоже нельзя назвать. Поэтому не стоит оправдывать свои дурацкие поступки тем, что вы «поддались эмоциям» или «пошли у них на поводу»: ведь это вы подчинились, вы позволили им одержать верх. В подчинении эмоциям всегда остается элемент добровольности. Вы сами позволяете себе влюбиться не в того или ненавидеть некоторых людей. Вы позволяете жадности затуманить вам разум, а воображению – подпитывать вашу ревность. Эмоции – это не «всего лишь эмоции», они не бывают полностью автоматизированными. Величайшее, пожалуй, заблуждение относительно эмоций – считать их противоположностью мыслительному процессу. Мы перенесли противопоставление тела и сознания на восприятие интеллекта и эмоций, хотя в действительности они неразлучны и друг без друга функционировать не могут.

Американский нейробиолог португальского происхождения Антонио Дамасио описывал случай своего пациента, Эллиотта, у которого была повреждена вентромедиальная префронтальная кора. Он сохранил членораздельную речь и интеллект – и даже остроумие, – но абсолютно утратил эмоциональность. На всем протяжении долгих бесед Эллиотт оставался абсолютно бесстрастным, никогда не расстраивался, не проявлял нетерпения, не сердился, не досадовал. Однако отсутствие эмоций мешало ему принимать решения. Он мог

целый вечер выбирать, в каком кафе ему поесть и что заказать, по полчаса раздумывал, на какой день записаться к врачу или какой ручкой заполнять бланк. Дамасио с сотрудниками всесторонне обследовали Эллиотта. Хотя логические способности у него остались прежними, он явно не мог довести задачу до конца и, главное, прийти к какому-то окончательному выводу. Как подытожил Дамасио: «Судя по всему, дефект проявлялся на поздних стадиях рассуждения, ближе к моменту (или в сам момент) выбора действия или реакции». Сам же Эллиотт после сеанса, на котором он тщательно просчитал все доступные варианты, сказал: «И все равно я не знаю, как мне поступить!»¹⁷⁴

Благодаря результатам, полученным Дамасио, и дальнейшим исследованиям других ученых современная нейронаука перестала противопоставлять эмоции и рациональное мышление и рассматривать их как нечто несовместимое, вроде воды и масла, которые никогда не смешиваются. Эмоции составляют существенную часть нашего интеллекта. Но представление о том, что они существуют отдельно, укоренилось настолько глубоко, что во многих научных кругах по-прежнему в ходу. Люди все так же отзываются о них пренебрежительно и полагают, будто для обоснованного решения необходима холодная голова и полнейшая беспристрастность, – вспомним Чарльза Дарвина с его «аргументами» в пользу и против женитьбы. В плену этой иллюзии

---

¹⁷⁴ Antonio Damasio (1994), p. 49–50.

мы пребываем со времен древнегреческих философов, которые преклонялись перед рациональными суждениями себе подобных, но гораздо меньше рационализма находили у женщин и еще меньше у животных. Считалось, что женщины сентиментальны, полагаются на интуицию, больше слушаются своего тела и потому в интеллектуальном отношении заведомо слабее мужчин. Мужчины не только не подвержены ежесекундным перепадам настроения, но и, в отличие от всех прочих, способны обуздать свои страсти.

Единственное, что смущало философов и, видимо, смущает многих из них до сих пор: человеческому разуму требуется материальное вместилище. Он не может существовать без тела. Эта приземленность сильно ему мешает, поскольку вдобавок к тому, что тело без конца терзает нас неконтролируемыми порывами и побуждениями, вынуждая думать о том, о чем мы думать не хотим, оно еще и брэнно. Как сказано в Евангелии от Фомы: «Но я, я удивляюсь тому, как такое великое богатство поместилось в такой нищете!»¹⁷⁵

Презрение к телу объясняет, почему средневековые отшельники – преимущественно мужчины – пытались свести его влияние на нет. Они удалялись в пустыню или ближайшую пещеру, чтобы отрешиться от всех соблазнов плоти, а в итоге мучились бесконечными видениями обильных яств и пышнотелых прелестниц. Это же презрение объясняет, почему богачи – тоже в подавляющем большинстве мужчи-

---

¹⁷⁵ . www.sacred-texts.com/chr/thomas.htm.

ны – выстраиваются в очередь на посмертное криосохранение мозга. Их мозг будет ждать того дня, когда научно-технологическое развитие позволит «загрузить» его содержимое в компьютер. Уверенные, что тело мозгу не нужно, они платят целое состояние за цифровое бессмертие – за будущее, в котором все, что сейчас содержится у них в голове, можно будет перенести в программу. В конце концов, сознание – это и есть некая программа, работающая на платформе плоти. Значит, с таким же успехом сможет работать и в компьютере. И неважно, что наука слабо представляет себе, как должно выглядеть сознание без тела. Компьютерная метафора здорово сбивает нас с толку, ведь на самом деле мозг соединен с остальным организмом миллионом разных связей и составляет неотъемлемую его часть. Человеческое сознание не разделяет тело и мозг, в нем они представлены как единое целое. Поэтому я совсем не уверен, что очнуться однажды в цифровом воплощении – это действительно счастье. Счастье мы ощущаем внутри, «всем сердцем», это физиологическое чувство, которое отсеченный от всей физиологии мозг ощутить, скорее всего, не сможет¹⁷⁶.

Со всеми этими заблуждениями мы сталкиваемся в любой дискуссии об эмоциях у животных. В привычном представлении свободный человеческий дух почти не имеет биологической основы, сильнее развит у одного пола и кардинально отличается от всего, что возникало прежде. Мы превоз-

---

¹⁷⁶ Mark O'Connell (2015), Alan Jasanoff (2018).

носим мозг и верим в «чистый разум», а эмоции, тело и все биологические виды, помимо своего, считаем низменными и примитивными. Эти культурно-религиозные предрассудки прорастали в нас не одну тысячу лет, поэтому искоренить их не так-то просто. И все же нам придется от них дистанцироваться, если мы собираемся всерьез рассматривать эмоции животных как признак интеллекта, а именно к этому я сейчас и перейду.

Животные, как и человек, обладают *эмоциональным интеллектом*. Под этим популярным психологическим термином в его обычном толковании понимается способность распознавать чужие эмоции, пользоваться эмоциональной информацией и контролировать собственные эмоции для достижения той или иной цели¹⁷⁷. Я же употребляю его в более широком смысле, подразумевающим взаимодействие эмоций и познавательных способностей. У людей эмоциональный интеллект обычно изучают как индивидуальную особенность. Одним из нас лучше удастся справиться с эмоциональными потрясениями или обращать чувства себе на пользу, другим хуже. Здесь все зависит от воспитания, навыков, психического склада. Когда же дело касается животных, мы рассматриваем, как совместная работа эмоций и познавательных способностей обеспечивает наблюдаемые нами результаты – от социальной иерархии до семейной жизни, от противостояния хищникам до разрешения конфликтов.

---

¹⁷⁷ Daniel Goleman (1995), Peter Salovey et al. (2003).

Хорошей иллюстрацией здесь служит чувство справедливости. Его часто считают продуктом разума и логики, а также исключительно человеческой нравственной ценностью, однако оно никогда не смогло бы развиваться без той базовой эмоции, которая роднит нас с другими приматами, псовыми и птицами. Наше чувство справедливости – это результат интеллектуального преобразования этой общей эмоции.

Обезьяны, огурцы и виноград

Более двадцати лет я занимался колонией капуцинов в Национальном центре изучения приматов им. Р. Йеркса. Около тридцати этих шоколадно-коричневых обезьян обитали на открытой территории, примыкающей к нашему лабораторному корпусу, где мы каждый день проводили с ними тесты на социальный интеллект. Мы придумывали ситуации, в которых им приходилось сотрудничать, делиться едой, обмениваться жетонами, распознавать лица и так далее. Все это обезьяны проделывали с огромным энтузиазмом. Капуцины радуются, когда для них находится интересное дело. Они никогда не сдаются – в дикой природе будут колотить по устричной раковине, пока устрица не расслабит мускул, не дающий разжать створки, а в лаборатории точно так же, до победного, будут тыкать пальцем в изображения на сенсорном экране, пока не научатся различать собратьев и незнакомцев. Они проявляют упорство в каждом задании. Мы никогда не загоняли капуцинов в лабораторию силой, зато сеансы всегда старались подсластить (в буквальном смысле слова) и не затягивать, чтобы поддерживать у них интерес.

Что мне, пожалуй, больше всего нравилось в этих экспериментах, так это фоновые звуки, которые издавали капуцины. Выполняя задание, они постоянно «переговаривались» с остальными. В дикой природе капуцины живут в чаще, то

есть обычно скрыты друг от друга ветвями и листвой, поэтому вокализация – это единственный способ поддерживать связь с группой. В лаборатории мы тестировали их поодиночке, отдельно от остальных, но всегда в пределах слышимости. Испытуемые непрерывно окликали родных и друзей, а те им отвечали.

Очарованный капуцинами – и всеми вместе как видом, и отдельными особями, которых я знал по именам, – я съездил в Бразилию и Коста-Рику, посмотреть, как они ведут себя в природе. Хотя это всего-навсего низшие обезьяны, почти во всех проявлениях их умственных способностей мы узнаем что-то свое, человеческое. «Всего-навсего» – это я, разумеется, не всерьез, это шпилька в адрес специалистов по поведению человекообразных обезьян, которые иногда отзываются в подобном снисходительном тоне о других приматах. Примерно как палеонтологи, не желающие признавать, что свеженайденные ископаемые остатки могут принадлежать «всего-навсего» обезьяне, и пытающиеся правдами и неправдами втиснуть их в искусственный конструкт, который представляет собой род *Номо*.

Капуцины же действительно создания незаурядные, это стало особенно ясно, когда обнаружилось, как они используют камни для того, чтобы расколоть орехи в лесу. Отыскав подходящий плоский каменный выступ, они издалека приносят к нему орехи и булыжник-молоток. До тех пор применение каменных орудий перевозносилось как присущее лишь

гоминидам – точнее, только человеку и шимпанзе. Теперь же в клуб «укротителей камней» пришлось принять и этих маленьких цепкохвостых обезьянок, которые, сами будучи не крупнее кошки, не уступают в относительном размере мозга шимпанзе и невероятно долго живут. Манго, старейшая самка в моей колонии, здравствует по сей день, а ей по всем признакам уже около пятидесяти.

В ходе экспериментов с капуцинами нам с моей бывшей студенткой Сарой Броснан удалось совершить неожиданное открытие, которое перевернуло традиционные представления о человеческой справедливости, до тех пор считавшейся феноменом культурным, а не биологическим. В том, что нам трудно вообразить себе чувство справедливости как продукт эволюционного развития, отчасти виноват существующий в нашем сознании образ природы. Привыкнув слышать на каждом шагу про «выживание сильнейших» и «закон джунглей», или, говоря словами Альфреда Теннисона, о «природе с окровавленными клыками и когтями», мы воспринимаем природу как жестокую и безжалостную среду, в которой нет места справедливости, есть только право сильнейшего. Однако мы забываем, что животные часто зависят от взаимодействия друг с другом и выживают, в том числе за счет сотрудничества. Собственно, они гораздо больше борются с окружающими условиями, голодом, болезнями, чем друг с другом. Именно поэтому естествоиспытатель и анархист Петр Алексеевич Кропоткин задавался в 1902 г. вопросом:

«Кто же оказывается более приспособленным: те ли, кто постоянно ведет войну друг с другом, или же, напротив, те, кто поддерживает друг друга?»¹⁷⁸ Видевший, как в Сибири лошади и овцебыки сбиваются в плотные группы, чтобы спастись от снежных буранов, или берут в защитное кольцо молодняк, оберегая его от волков, русский князь счел взаимопомощь самой перспективной стратегией выживания. В этом он намного опередил свое время¹⁷⁹.

А мы с Сарой между тем ломали голову над поведением тестируемых капуцинов. Они не могли спокойно съесть полученное в награду лакомство, им непременно требовалось знать, что выдали соседу. Прежде ничего подобного не отмечалось, потому что эксперименты традиционно организовывались иначе. Крыса сидит одна в своем вольере и нажимает рычаг, чтобы получить награду. Единственное, что ее интересует – трудность задания, привлекательность награды и условия их выдачи. У меня же в лаборатории – поскольку я занимался изучением социального поведения – все было устроено иначе. Обезьяны почти никогда не выполняли задания в одиночку. Только поэтому мы и заметили, что они пристально следят за каждым куском, который получают остальные. Они как будто сравнивали свою награду с тем, что досталось другим. Ну не абсурд ли? Ведь их должны интере-

---

¹⁷⁸ Pyotr Kropotkin (1902), p. 6.; Кропоткин П. А. Взаимная помощь как фактор эволюции [язык оригинала – англ., пер. В. Батурицкого, 1907].

¹⁷⁹ Lee Dugatkin (2011).

совать только собственные результаты и собственное вознаграждение?

Однако в свете того, что нам известно о человеческом поведении, интерес к другим совершенно логичен. Так называемый парадокс Истерлина был назван в честь американского экономиста Ричарда Истерлина, заметившего, что в каждом сообществе богачи счастливее бедняков. Тут пока ничего нового. Но Истерлин обнаружил и другое: если богатеет все сообщество в целом, средний уровень благополучия при этом не повышается. Иными словами, богатый народ радуется жизни совсем не больше бедного. Как же так, ведь богатство делает нас счастливыми? Дело в том, что ощущение благополучия связано не с абсолютным достатком, а с относительным. Наше восприятие зависит от того, насколько высокими наши доходы выглядят на фоне доходов остальных ¹⁸⁰.

Однако в то время мы с Сарой ничего о парадоксе Истерлина не знали. Заметив, что наши обезьяны волнуются, когда награда не оправдывает их ожиданий, мы решили приглядеться к этому поведению повнимательнее. И поставили сравнительно простой эксперимент, основанный на пристрастии капуцинов к обмену, на который они идут без всяких раздумий. Если вы забыли в клетке капуцина отвертку, достаточно показать на нее и протянуть арахис, инструмент вам охотно просунут сквозь сетку. Этот процесс они обожают настолько, что готовы даже сухую апельсиновую корку

---

¹⁸⁰ Richard Easterlin (1974).

принести в обмен на мелкий камешек (и то и другое для них предметы совершенно бесполезные). Мало того, иногда они не просто вручают вам предмет обмена, а кладут на ладонь и своей крохотной лапкой зажимают ваши пальцы в кулак, словно говоря: «Вот так, держи крепче!»

Этими природными склонностями, наверняка имеющими самое непосредственное отношение к дележу пищи, мы и воспользовались. Мы заметили, что реакция на неравенство трофеев возникает только тогда, когда они добыты трудом. Если просто выдать двум капуцинам разное лакомство, разница останется практически незамеченной, а вот если за награду приходится потрудиться, сразу начинаются сравнения. Чтобы неравенство было воспринято остро, еда должна превратиться в заработную плату.

В нашем эксперименте мы поместили двух капуцинов в два смежных лабораторных вольера, имеющих общую сетчатую стенку¹⁸¹. Закинув в вольер небольшой камешек, мы протягивали руку, прося вернуть нам пропажу. Мы проделывали это упражнение с обеими обезьянами по очереди двадцать пять раз подряд. Если в качестве награды обоим выдавалось по кусочку огурца, камешки возвращали без зами-

---

¹⁸¹ Мы записали эксперимент на видео спустя десять лет, и ролик сразу же стал хитом в интернете, собрав сотню миллионов просмотров. Однако наши лабораторные вольеры вызвали негодование некоторых комментаторов, решивших, что мы держим обезьян в таких условиях постоянно. В действительности же в таком вольере капуцины проводят не более получаса, а затем возвращаются в стаю: www.youtube.com/watch?v=meiU6TxysCg.

нок и огурцы поедались с удовольствием. Но, если одной начинали выдавать виноград, а вторую по-прежнему держали на огурцах, разыгрывалась самая настоящая драма. Пищевые предпочтения обычно коррелируют с ценами в супермаркетах, то есть виноград ценится намного выше огурцов. Заметив, что соседу «дали прибавку», капуцины, которые до этого совершенно не возражали работать за огурцы, вдруг устраивали забастовку. Они не только с меньшей охотой шли на обмен, но и, впав в истерику, могли вышвырнуть за ограду вольера не только камешек, но иногда и кусочки огурца. Лакомство, от которого они обычно не отказывались, вдруг становилось не просто неудобным, а попросту отвратительным!¹⁸²

Досада была настолько глубокой, что мы решили перед возвращением испытуемых в группу выдавать им побольше лакомств, чтобы эксперименты не вызывали негативных ассоциаций. Разумеется, прежде чем прийти к каким-то определенным выводам, мы протестировали не одну пару капуцинов, а гораздо больше, выдавая награды в разных сочетаниях.

Экономисты назвали бы выкидывание совершенно нормальной еды «иррациональным поведением». По идее, рациональный деятель не должен отказываться от того, что дают, поскольку он стремится к максимальной выгоде. Если я дам вам один доллар, а вашему другу – тысячу, вы, может, и воз-

---

¹⁸² Sarah Brosnan and Frans de Waal (2003b, 2014).

мутитесь, но свой доллар все-таки заберете, поскольку это лучше, чем ничего. Однако в действительности люди далеки от рациональной максимизации. На это указывает, помимо прочего, и совершающееся сейчас драматическое ниспровержение *Homo economicus* – персонажа из учебников экономики, согласно которым человек руководствуется исключительно рациональными соображениями, стремясь удовлетворить свою страсть к наживе. Исследования развенчивают этот популярный образ, показывая, что под воздействием эмоций мы зачастую действуем совершенно не по учебнику. Мы вовсе не так рациональны и эгоистичны, как принято было считать, и не все наши желания лежат в материальной плоскости.

Изучая чувство справедливости, мы провели с бурыми капуцинами эксперимент «огурец и виноград». Двух капуцинов поместили в смежные отсеки лабораторного вольера с передней стенкой из органического стекла, в которой имелись широкие круглые отверстия. Если оба капуцина получали в качестве награды огурец, они выполняли простое задание почти со стопроцентным результатом. Однако затем мы вводили элемент неравенства: одному капуцину выдавали более ценное лакомство — виноград, а другой по-прежнему получал только огурцы. Хотя его собственная награда осталась прежней, такая несправедливость его сильно огорчила. Он отказывался выполнять задание и швырялся кусочками огурцов в экспериментаторов

Однако применительно к другим биологическим видам это осознается не всегда. Американский антрополог Джо-

зеф Хенрих, подводя итог своим долгим поискам *Homo economicus*, сострил: «В конце концов, мы его нашли. Он оказался шимпанзе»¹⁸³. Забавно, конечно, но о шимпанзе Хенрих судил по исследованиям 15-летней давности, которые действительно не выявили у них ни малейших проявлений заботы об окружающих. Хотя у нас не было никаких оснований признавать этот отрицательный результат окончательным (мантра ученого: «отсутствие доказательств – это еще не доказательство отсутствия»), определенную популярность те ранние исследования все же получили. Тем не менее за прошедшие годы было проведено достаточно много других исследований, убедительно демонстрирующих наличие у шимпанзе и эмпатии, и просоциальных склонностей. Собственно, для большинства приматов изначальной склонностью является именно сотрудничество, а не эгоцентризм, поэтому мы можем с уверенностью утверждать, что *Homo economicus* развиться так нигде и не сумел – ни в нашем собственном человеческом роду, ни в других семействах отряда приматов. Он попросту не подает признаков жизни.

Сначала мы с Сарой уклонялись от любых разговоров о «справедливости» у капуцинов и осторожно рассуждали о «неприятии неравенства». Но, когда о наших исследованиях стало известно – в тот самый день 2003 г., когда председатель Нью-Йоркской фондовой биржи Ричард Грассо был вынужден уйти в отставку из-за своего неоправданно высоко-

---

¹⁸³ economics.com/scientists-discover-what-economists-never-foundhumans.

го денежного вознаграждения, возмутившего всю страну, – средства массовой информации заинтересовались эволюционными корнями чувства справедливости и заявили, что это, должно быть, полезная черта, раз имеется даже у низших обезьян.

Однако многих эти новости обескуражили, и мы получили немало гневных писем: одни подозревали, что мы марксисты, раз пытаемся убедить всех, будто стремление к справедливости заложено в нас природой, а другие заявляли, что обезьяны никак не могут обладать чувством, присущим человеку, поскольку понятие справедливости появилось лишь во времена Великой французской революции. Обвинения совершенно абсурдные: наших капуцинов я сравнивал бы, скорее, с мелкими капиталистами (работают за прибыль и меряются доходом), а в нравственные принципы, придуманные горсткой парижских бунтарей два с половиной века назад, я и вовсе не верю. Истоки нашей нравственности таятся гораздо глубже.

Чувство справедливости – это наглядная иллюстрация перехода от «нравственных чувств», как называл их шотландский философ Дэвид Юм, к полноценным моральным принципам. Отправной точкой всегда служит эмоция. В данном случае – зависть. Капуцины возмущались преимуществом напарника. Их негодование вызывала не сама недоступность более ценного лакомства – в некоторых наших экспериментах мы не выдавали виноград одному из испытуемых, а про-

сто оставляли на виду в миске или закидывали в пустой отсек вольера. В таких случаях капуцины реагировали гораздо спокойнее, а значит, недовольство огурцом как наградой было связано именно с *социальным* сопоставлением. То есть с тем, что другому достается нечто лучше.

Вы скажете, что на чувство справедливости это все равно не очень похоже, поскольку возмущается только один из капуцинов, а «счастливчику» на неравенство наплевать. Все правильно, и тем не менее реакция зависти, которую демонстрирует обделенная виноградом обезьяна, действительно составляет основу чувства справедливости, и сейчас я объясню почему. Только добавлю сначала, что аналогичная реакция отмечена и у других видов. Заодно вспомните, что мы обычно слышим от маленького ребенка, которому достался меньший кусок пиццы, чем брату. «Так нечестно!» – вопит он. Ко мне не раз подходили владельцы собак с рассказами о том, как реагирует один из питомцев, когда другому перепадает что-то повкуснее. Как показали эксперименты, проводившиеся лабораторией «Умный пес» при Венском университете, собака готова давать лапу много раз подряд, даже если за это не будет никакой награды. Но если другой собаке за выполнение той же команды скормят лакомство, первая собака потеряет интерес и давать лапу перестанет. Точно так же вели себя волки, выращенные в человеческом доме¹⁸⁴.

Зависть к чужому успеху может показаться мелочностью,

---

¹⁸⁴ Friederike Range et al. (2008), Jennifer Essler et al. (2017).

однако в долгосрочной перспективе она оберегает нас от надувательства. Так что называть эту реакцию «иррациональной» неправомерно. Если мы с вами часто охотимся вместе и вы всегда забираете лучшие куски добычи себе, я должен либо высказать свои претензии вслух, либо искать себе кого-нибудь другого в напарники. Но оставаться в дураках я точно не должен. Внимание к тому, как распределяется вознаграждение, позволяет гарантировать выгоду для обеих сторон, а для продолжительного сотрудничества это жизненно важно. Поэтому, может быть, не случайно наиболее остро реагируют на неравенство именно те животные – шимпанзе, капуцины, псовые, – которым свойственно охотиться сообща и делиться добычей.

В венской лаборатории «Умный пес» протестировали реакцию собак на неравенство при выполнении команды «Дай лапу!». Не получая ничего в награду, обе собаки давали лапу сколько угодно раз подряд. Но если в какой-то момент одной из них за выполнение скармливали кусок хлеба, оставшаяся без вознаграждения вторая (слева) больше лапу давать не хотела

Однако возмущение неравенством характерно не только для этих видов. Американский психолог Айрин Пепперберг описывает типичную застольную перебранку двух жако (африканских серых попугаев) – ныне покойного пернатого гения Алекса и его более молодого коллеги Гриффина:

Я ужинала с Алексом и Гриффином. Они

действительно составляли мне компанию, то есть угощались из моих тарелок. Им нравилась стручковая фасоль и брокколи. Главное было следить, чтобы им всего доставалось поровну, иначе начинались громкие жалобы. «Фасоль!» – пронзительно кричал Алекс, если ему казалось, что Гриффин съел на одну больше. Ну и Гриффин не отставал¹⁸⁵.

Ни в одном из этих примеров мы пока не наблюдаем ничего выходящего за рамки эгоцентрической реакции, которую мы называли «чувством справедливости первого порядка» и которая характеризуется тем, что тот, кто чувствует себя обделенным, испытывает раздражение. Только начав работать с человекообразными обезьянами, мы стали обнаруживать признаки «чувства справедливости второго порядка», связанного с равенством вообще. Человек способен расстраиваться не только когда получает меньше другого, но иногда и в тех случаях, когда получает больше. Нас может смущать собственная привилегированность. Не сказать, впрочем, чтобы она сильно смущала Ричарда Грассо (все-таки у нашего вида вторая разновидность этого чувства развита довольно слабо), однако в принципе справедливости ищут не только бедные, но и богатые.

Чувство справедливости второго порядка проявляется в естественном поведении человекообразных обезьян, когда они, например, улаживают чужие конфликты из-за еды. Од-

---

¹⁸⁵ Irene Pepperberg (2008), p. 153.

нажды я наблюдал, как двое детенышей ссорились из-за ветки с пышной листвой, пока не вмешалась самка-подросток. Она забрала у них ветку, сломала пополам и вручила каждому ее часть. Чем она руководствовалась? Просто хотела прекратить ссору или что-то понимала в дележе? Высокоранговым самцам тоже нередко приходится гасить ссоры из-за еды, от которой они не берут себе ни куска. Они просто распределяют ее между остальными. Бонобо по имени Панбаниша, участвовавшая в экспериментах по выявлению познавательных способностей, заработала за выполнение заданий уйму изюма и молока. Но, чувствуя завистливые взгляды подруг и родных, следивших за ней со стороны, начала отказываться от вознаграждения, словно тяготясь своей привилегированностью. Глядя на экспериментатора, она упорно показывала на остальных, пока и тем наконец не перепало от ее щедрот. Только после этого Панбаниша принялась за еду¹⁸⁶.

Человекообразные обезьяны умеют просчитывать последствия. Если бы Панбаниша съела все сама на глазах у остальных, по возвращении к ним ее ждали бы серьезные неприятности.

---

¹⁸⁶ Sue Savage- Rumbaugh, interview by de Waal (1997), p. 41.

Игра «Ультиматум»

Известно, что многие богатые люди стараются не афишировать стоимость мебели, кухонной техники и прочих дорогих предметов обихода и снимают с них ценники, чтобы не расстраивать домработниц, нянь и помощников по хозяйству. Не хотят кичиться достатком. Беседуя с состоятельными ньюйоркцами, социолог Рейчел Шерман обнаружила, что подчеркивание разницы в доходах доставляет им дискомфорт и они пытаются приглушить различия. Они избегают таких характеристик, как «богатые», «представители высших слоев», предпочитая именоваться «обеспеченными». Понимая, что им могут позавидовать, они пытаются не давать для этого лишних поводов¹⁸⁷.

Мотив понятный, но отклеивать ценники бесполезно, такими фокусами уже никого не обманешь. Единственный действенный способ избежать зависти – тот, к которому прибегла Панбаниша, то есть поделиться своим богатством. Это распространенная практика в компактных человеческих общинах – у охотников-собирателей этика обобществления чрезвычайно сурова вплоть до того, что удачливым охотникам даже хвастаться своим мастерством не позволяет. Аналогичными принципами руководствуются и шимпанзе. Впервые это выяснилось в ходе организованного Сарой

---

¹⁸⁷ Rachel Sherman (2017).

Бросан крупномасштабного исследования, в котором за выполнение простого задания шимпанзе получали кусок моркови, однако время от времени Сара выдавала кому-нибудь из испытуемых виноградину, любимое их лакомство.

Обделенные виноградом шимпанзе, как и капуцины, отказывались выполнять дальнейшие задания и вышвыривали морковку за ограду. Однако никто не предполагал, что и получатели винограда могут занервничать. Если они отказывались от виноградины, то лишь в тех случаях, когда партнеру доставалась морковка, но не в тех, когда виноград получали оба. Обнаружив у шимпанзе эту реакцию, гораздо более близкую к человеческому чувству справедливости, мы отважились сыграть с ними в игру «Ультиматум». Эта игра считается эталоном оценки чувства справедливости у людей и проводится антропологами по всему миру.

Условия ее таковы: изначально человеку дается, скажем, сто долларов, которыми он должен поделиться с другим. Соотношение он определяет сам – хоть пятьдесят на пятьдесят, хоть десять на девяносто. Партнер имеет право как принять предложенную долю, так и отказаться. Если он принимает, оба остаются при деньгах. Если же партнер отказывается, оба не получают ничего. Право отказа означает, что делить изначально сумму нужно осмотрительно, поскольку недостаточную с его точки зрения долю партнер может отвергнуть.

Если бы люди руководствовались исключительно принципами рациональной максимизации выгоды, партнер, несо-

мненно, принимал бы любую долю. Но даже те, кто отродясь не слышал ни про какую Французскую революцию, от чрезмерно урезанной доли отказывались. Китобои индонезийской деревни Ламалера, например, выходят в открытый океан на больших каноэ, вмещающих около дюжины охотников. Они загарпунивают кита, запрыгивая ему на спину из каноэ. От успеха этого крайне рискованного предприятия зависят целые семьи, поэтому, возвращаясь с добычей, китобои очень ответственно подходят к ее дележу. Неудивительно, что жители Ламалеры более остро воспринимают справедливость, чем представители других культур, например земледельческих, в которых каждая семья собирает урожай с собственного участка. Чувство справедливости у человека тесно связано с сотрудничеством¹⁸⁸.

Шимпанзе тоже сотрудничают – и на охоте, и при защите территории, не говоря уже о политических коалициях. Но как нам играть в «Ультиматум» с другими видами, если мы не можем объяснить им правила? Мы придумали использовать жетоны двух цветов, которые обменивались на соответствующее каждому цвету количество еды. Наш сотрудник Дарби Проктор приглашал двух испытуемых сесть друг напротив друга по разные стороны решетки и предлагал одному на выбор два жетона разных цветов. За один цвет Дарби выдавал выбравшему пять кусков банана, а партнеру – только один. За другой цвет Дарби выдавал по три куска обоим.

---

¹⁸⁸ Michael Alvard (2004).

Таким образом, выбирающему оставалось принять простое решение – выбрать вариант, лучший только для себя самого или для обоих. Самое важное, что, как и в «Ультиматуме», его партнеру нужно было принять или отвергнуть этот выбор. Сам выбирающий не мог вернуть жетон Дарби, это должен был сделать партнер. Поэтому выбирающий протягивал жетон через прутья решетки партнеру, который возвращал его Дарби, тем самым показывая, что принимает этот выбор.

Шимпанзе быстро усвоили значение каждого из цветов – это было видно по реакции партнера на вручаемый ему «эгоистичный» жетон, по которому выбирающий получал в пять раз больше. Партнер колотил по прутьям клетки или плевался в выбирающего водой, выражая негодование.

Когда Дарби играл в ту же самую игру с дошкольниками (им в награду вместо кусочков банана выдавались наклейки), они реагировали так же, только выражали возмущение словесно. Получив «жетон неравенства», они говорили: «У тебя больше, чем у меня» или «Я хочу больше наклеек!» Если вынести за скобки форму выражения, обезьяны и дети возмущались совершенно одинаково. В большинстве попыток выбирающие предпочитали жетон, который давал равную награду. На первый взгляд решение кажется экономически неэффективным, но только если мы упускаем из вида ценность социальных взаимоотношений. Чрезмерное себялюбие может положить конец дружбе¹⁸⁹.

---

¹⁸⁹ Darby Proctor et al. (2013).

Если вы теперь спросите меня, отличается ли чувство справедливости у человека и у шимпанзе, я скажу, что на самом деле уже не знаю. Наверное, некоторые различия все же остаются, но в общем и целом оба вида активно стремятся уравнивать результаты. Большой шаг вперед по сравнению с чувством справедливости первого порядка у низших обезьян, собак, ворон, попугаев и некоторых других состоит в том, что мы, гоминиды, лучше умеем прогнозировать будущее. Люди и человекообразные обезьяны сознают, что, оставляя все себе, могут вызвать недоброжелательные чувства. Поэтому чувство справедливости второго порядка несложно объяснить с чисто утилитарной точки зрения. Мы проявляем справедливость не потому, что любим друг друга или просто такие хорошие, а потому что нам нужно поддерживать сотрудничество. Так мы не позволяем команде распасться.

Вот это я и подразумеваю под эмоциональным интеллектом. У человека и высших обезьян чувство справедливости зарождается как негативная эмоция, но затем, дополненное осознанием ее пагубных последствий, меняет минус на плюс. «Не желай ничего, что есть у ближнего твоего» – хорошая заповедь, но еще лучше устранить саму почву для подобных желаний. Здесь я диаметрально расхожусь во взглядах с американским философом, специалистом в области философии морали Джоном Ролзом, изложившим свою позицию в знаменитой монографии «Теория справедливости» (А

Theory of Justice, 1971). И хотя я восхищаюсь изяществом логических построений Ролза, рассуждающего о том, почему справедливость лучше несправедливости, он упускает из вида эмоциональную природу нашего вида. Он рассматривает только те эмоции, которые одобряет, заявляя ближе к концу своей книги, что «исходя из требований простоты и теории морали, допускал отсутствие зависти»¹⁹⁰.

У меня нет слов. С каких пор можно вот так просто взять и исключить эмоцию из анализа человеческого поведения? Какому здравомыслящему человеку такое в принципе придет в голову, особенно когда речь идет об эмоции настолько вездесущей, представленной в любом языке? Ролз считает, что принципы справедливости должны целенаправленно устанавливаться те, кому зависть неведома. Но где же таких найдешь? Даже если зависть – это «порок», как ее называет Ролз, парадокс в том, что, живи мы в мире, где отсутствует зависть, у нас в принципе не было бы оснований заботиться о справедливости. Ее отсутствие просто не вызывало бы никакой реакции, так зачем суетиться? Принципы справедливости Ролза выглядят чрезвычайно логичными и действительно могли бы способствовать уменьшению зависти в этом мире, но, возможно, в ней есть определенный смысл? В 1987 г. немецкий социолог Гельмут Шёк написал о зависти целую книгу, в которой назвал наш вид «человеком завидующим».

---

¹⁹⁰ John Rawls (1972), p. 530.; Ролз Дж. Теория справедливости / Пер. В. В. Целищева. – Новосибирск, 1995.

Без зависти и попыток ее предотвратить, утверждает он, мы не смогли бы построить свое общество. Нам следует не отрицать эту эмоцию и не считать ее угрозой высокоорганизованному обществу, а принять ее и направить в нужное русло. Шёк призывал «рассекретить» роль зависти в нашей жизни – как психоанализ рассекретил роль секса¹⁹¹.

Рациональные доводы – катастрофически слабый фундамент для нравственных принципов, которые всю свою силу черпают из эмоций. Судя по резким формам, которые принимает наша борьба с несправедливостью – вопли и марши протеста, погромы, готовность подставляться под полицейские дубинки и водометы, троллинг и травля в «Фейсбуке», – мы имеем дело отнюдь не с безобидным умозрительным конструктом. Отсутствие справедливости потрясает нас до глубины души – никакие абстрактные рассуждения, пусть даже бесконечно элегантные, на это не способны.

Если с шимпанзе обходятся не так, как он ожидает, то он устроит бурную истерику, оглушительно вопя и катаясь по земле в отчаянии. Чрезмерно драматичный, но все же действенный способ напомнить другим, что с ним нужно считаться. В результате в Национальном парке Таи в Кот-д'Ивуаре шимпанзе при дележе добычи учитывают вклад друг друга в охоту. Даже альфа-самец будет вынужден выпрашивать и терпеливо дожидаться раздачи, если на охоту он опоздал. В первую очередь владелец добычи оделяет мясом обступив-

---

¹⁹¹ Helmut Schoeck (1987), see also George Walsh (1992).

ших его охотников¹⁹². Это логично: кому захочется в следующий раз помогать и участвовать, если вложенные усилия никак не связаны с наградой? Было бы вопиющей несправедливостью не поделиться с охотниками, помогавшими поймать добычу. Высокий эмоциональный накал реакции на несправедливость хорошо известен и у нашего собственного вида – именно из-за него в сплоченных компактных сообществах не приживается принцип «победитель забирает все». Охотники-собиратели активно его искореняют, в отличие от современного общества, создающего слишком много возможностей для того, чтобы некоторые люди этим принципом злоупотребляли. Однако склонность отхватывать кусок не по заслугам настолько пагубна, что отражается даже на физическом здоровье.

Как свидетельствуют эпидемиологические данные, чем сильнее расслоение в обществе, тем короче продолжительность жизни у его представителей. Значительная разница в доходах разрывает ткань социального взаимодействия, снижая доверие друг к другу, усиливая социальное напряжение и порождая тревоги и страхи, которые подрывают иммунную систему и у богатых, и у бедных¹⁹³. Богатые могут укрыться в охраняемых резиденциях, но и там они не спасутся от растущей напряженности. Если неравенство достигнет критического уровня, может возникнуть взрывоопасная ситуация,

---

¹⁹² Christophe Boesch (1994).

¹⁹³ Richard Wilkinson (2001).

и тут важным уроком нам может послужить Великая французская революция. Люди стараются уравнять условия игры, и, если направленные на это усилия слишком долго подавляются, дело может дойти до гильотины.

Мне и самому до сих пор не верится, что простой эксперимент с капуцинами вывел меня на размышления о справедливости, входящей в число самых идеализируемых нравственных принципов человечества. Я ничего подобного не планировал, но, как видим, никогда нельзя терять бдительности, чтобы не упустить неожиданные проявления в поведении животных. Одноминутный видеоролик с записью нашего с Сарой эксперимента с огурцами и виноградом собрал множество просмотров, поскольку в бурно протестующем капуцине, трясущем клетку и швыряющемся огурцами, зрители узнавали себя. Кто-то писал мне, что переслал видео начальству, чтобы оно прониклось чувствами сотрудников по поводу зарплаты. Другие сообщали, что такую же реакцию наблюдали у абонентов кабельного телевидения, узнавших, что соседу, подключившемуся позже, предоставили более выгодные условия. Сами же капуцины к своей славе остались равнодушны.

Несколько лет назад мне пришлось распустить лабораторию. Мне было грустно расставаться со своими друзьями-капуцинами и в то же время несказанно радостно, что всем им удалось найти хороший новый дом. Половина колонии отправилась в зоопарк Сан-Диего и собирает толпы посетите-

лей вокруг своего фантастического, словно созданного для птиц вольера с высокими деревьями для лазания. Недавно я навещал туда, и у меня потеплело на сердце, когда я увидел их здоровыми и довольными жизнью: любящие служители знают каждого по имени, балуют и не дают скучать, грамотно распределяя пищу по вольеру и подкидывая задачки на использование орудий. По словам служителей, Ланс, тот самый, который швырялся огурцами на видео, по-прежнему такой же темпераментный.

Вторая половина колонии осталась служить науке – их перевели на лесистую площадку в районе Атланты, где Сара, получившая должность преподавателя в Университете штата Джорджия, продолжает доказывать несостоятельность модели *Ното економіс* не только для нашего вида, но и для приматов в целом. Когда я в последний свой приезд туда подошел к открытому вольеру, никто из капуцинов не кинулся на деревья, все остались на земле. Это примечательно, поскольку капуцину для того, чтобы чувствовать себя в безопасности, нужно забраться повыше. «Они вас узнали!» – воскликнула Сара. И это еще до того, как моя любимица Байас принялась заигрывать со мной, подергивая бровями и кивком указывая куда-то себе за спину, то есть намекая, что знает укромное местечко.

Свобода воли и брехня

Английский поэт XVII в. Джон Мильтон в своей поэме «Потерянный рай», сочтя, что у падших ангелов слишком много свободного времени, решил подыскать им тему для дискуссии. Этой темой стала свобода воли. Всем нам кажется, что мы ею обладаем, однако четкого определения у нее нет, и поэтому, возможно, все мы глубоко заблуждаемся. Как однажды выразился Исаак Башевис-Зингер: «Мы вынуждены верить в свободу воли, у нас нет выбора». Так что тема для вечного спора более чем подходящая.

К эмоциям этот спор имеет самое прямое отношение, поскольку свобода воли часто считается их противоположностью. Предполагается, что свободный рациональный выбор требует отменить или подавить первое побуждение. Собственно, идея эта берет начало в более широкой дискуссии о том, насколько наше сознание формируется телом. Адепты свободы воли доказывают, что тело можно вынести за скобки вместе со всеми его произвольными желаниями и эмоциями и возвыситься над ними, ведь человек – и только человек – способен быть полновластным хозяином своего выбора и судьбы. Противоположность – человек, который не может себя контролировать, «распущенный», как его называют философы. Распущенный всегда следует первому порыву, идет на поводу у самого горячего и соблазнительного желания и

действует без оглядки. Сожаление – это не про него. К этой категории принято причислять детей и всех животных.

Мы можем сколько угодно писать Свободу Воли с большой буквы, обозначая свой пиетет перед этим ключевым для ответственности, нравственности и юридического закона понятием, но, если у нас нет способа ее измерить, как нам дать ей единое определение? Кто-то сводит свободу воли к выбору, но выбор делает даже бактерия, и уж конечно, любое животное, обладающее мозгом, способно решить, приблизиться ему или держаться подальше, кого уволочь из стада, на север двинуться или на юг и так далее. Белки в моем районе то и дело решают, перебежать им дорогу или нет. Причем иногда передумывают чуть ли не под колесами, заставляя меня изрядно понервничать. Допрыгивают до середины – и кидаются обратно, так и не определившись. Пара сиалий (лазурных птиц) на моем заднем дворе, собравшись свить гнездо, заглядывает во все пустые скворечники – самец с самкой по очереди ныряют в леток снова и снова, много-много раз. Из них вышли бы идеальные герои телешоу «Охотники за недвижимостью». После нескольких недель поисков самец кладет в выбранный скворечник несколько веточек или стеблей травы, затем запускает самку вить гнездо, а сам охраняет территорию. Затянувшийся процесс принятия решения достиг логического конца. Есть ли у сиалий свобода воли?

Один из первооткрывателей ДНК – британец Фрэнсис Крик в своей книге «Поразительная гипотеза» (The

Astonishing Hypothesis, 1994) высказал предположение, что свобода воли у человека базируется в совершенно определенной области мозга – передней части поясной извилины. Но человек не единственный обладатель такой области, у нас есть все данные, что и у крыс за принятие решений тоже отвечает она. Однако, несмотря на свидетельства того, что животные принимают решения каждый день, свободу воли мы у них признавать отказываемся. Мы утверждаем, что они скованы прошлым опытом, врожденными склонностями и предпочтениями и у них нет возможности рассмотреть все открывающиеся перед ними перспективы.

И неважно, что тот же самый довод с успехом приводился в доказательство отсутствия свободы воли у нашего собственного вида, и именно поэтому величайшие умы в истории – Платон, Спиноза, Дарвин – сомневались в ее существовании. Свобода воли просто не укладывается в рамки господствующего материалистического мировоззрения, как отметил в 1884 г. выдающийся немецкий эволюционист Эрнст Геккель:

Воля животных, как и человека, никогда не бывает свободной. Широко распространенное учение о свободе воли с научной точки зрения совершенно несостоятельно. Любой физиолог, исследующий научными методами изъяснение воли у человека и животных, непременно придет к убеждению, что в действительности воля никогда не бывает свободной, но всегда обусловлена внешними или внутренними

И все-таки есть среди бесчисленного множества определений одно, которое, на мой взгляд, оставляет простор для дальнейших исследований. Американский философ Гарри Франкфурт именуется «личностью» того, кто не просто покоряется своим желаниям, но полностью их осознает и способен хотеть их изменить. Как только индивид задумывается о «целесообразности своих желаний», можно сказать, что он обладает свободой воли, уверяет Г. Франкфурт¹⁹⁵. И это замечательно, поскольку это значит, что для проверки нам всего-то и нужно поставить животных в такие ситуации, когда у них возникало бы некое желание, но при этом имелась возможность отказаться от его удовлетворения ради другого желания. Способны ли они отказаться от первого соблазна?

Судя по всему, способны, поскольку, поддаваясь каждому возникающему порыву, ни одно животное долго не протянет. Распущенность не имеет ценности для выживания. Мигрирующие гну в заповеднике Масаи-Мара подолгу стоят на берегу реки, которую им предстоит перейти, прежде чем решаются, наконец, прыгнуть в воду. Детеныши обезьян, прежде чем затеять потасовку с товарищем по играм, дожидаются, пока его мать удалится из поля зрения. Кошка стащит кусок мяса с разделочной доски, только когда вы отвернетесь. Животные прекрасно осознают последствия своего поведения,

---

¹⁹⁴ Ernst Haeckel (1884), p. 238.

¹⁹⁵ Harry Frankfurt (1971).

поэтому часто колеблются или передумывают – как белки перед колесами моей машины.

Они могут даже совсем отказаться от достижения цели, особенно это заметно в иерархических сообществах. Молодому самцу шимпанзе хочется спариться с самкой, и он увиливается вокруг нее, надеясь улучшить подходящий момент, но, едва наткнувшись на взгляд альфа-самца, украдкой отступает, понимая, что у него ничего не выйдет. Еще отчетливее это проявляется, когда высокоранговый самец, появившись из-за угла, застаёт молодого за демонстрацией самке своей эрекции – у шимпанзе в ходу «толстые намеки». Увидев доминанта, молодой самец поспешно прикрывает пенис руками, понимая, как сильно ему не поздоровится, если высокоранговый самец просечет его намерения. Все это требует и способности догадываться о том, что видят и понимают другие, и умения подавлять свои порывы. Так ли это далеко от определения свободы воли, которое дал Франкфурт?

Однако сам Г. Франкфурт не предполагает свободы воли ни у одного живого существа, кроме взрослого человека, заявляя буквально следующее: «Моя теория свободы воли легко объясняет наше нежелание признавать ее наличие у каких бы то ни было низших по отношению к нам биологических видов»¹⁹⁶.

Это брехня собачья!

Поймите меня правильно, я сам не любитель подобной

---

¹⁹⁶ Harry Frankfurt (1971), p. 17.

лексики, но, поскольку Гарри Франкфурт известен, в частности, как автор вышедшей в 2005 г. книги «О брехне» (On Bullshit), я имею полное право это выражение употребить. В своей вдумчивой, высокоинтеллектуальной работе – с отсылками к Витгенштейну и святому Августину – Франкфурт подробно объясняет, чем брехня отличается от вздора, искажения или надувательства и блефа. Брехня – это творческая натяжка, сближающаяся с ложью и, по словам Франкфурта, «неизбежная в тех случаях, когда по воле обстоятельств человек вынужден рассуждать о том, в чем не разбирается»¹⁹⁷. Заявляя, что «низшие по отношению к нам» виды не отслеживают собственные желания, Франкфурт явно не представляет, о чем говорит, а значит, его заявление подпадает под определение брехни. Впрочем, возможно, это даже не брехня, а просто полная ахиня. Как-никак этому заявлению уже пятьдесят лет, и в свое время оно могло считаться резонным, однако с тех пор появились новые данные, его опровергающие. Теперь мы гораздо больше знаем об ориентации на будущее и контроле эмоций у животных и детей, и там все совсем не так примитивно, как мы когда-то считали.

Начнем с того, что популярное представление о животных как о пленниках настоящего, живущих исключительно «здесь и сейчас», развенчивают недавние исследования на тему «путешествий во времени». Человекообразные обезьяны, птицы с крупным мозгом и, возможно, другие живот-

---

¹⁹⁷ Harry Frankfurt (2005), p. 63.

ные способны как возвращаться к прошлым событиям своей жизни, так и строить планы на будущее. Их сознание путешествует во времени. Шимпанзе могут набрать охапку длинной жесткой травы и несколько миль нести ее во рту из одной части леса в другую, чтобы там использовать для выживания термитов из термитников. Надо полагать, они всю дорогу помнят о том, куда и зачем несут эту траву. Самцы орангутанов издают громкие горловые крики (иногда сидя высоко в кроне), которые далеко разносятся по суматранскому дождевому лесу. Мне как-то довелось стоять под деревом, на котором ухал орангутан, – пробирает до дрожи, скажу я вам. Все окрестные орангутаны обращаются в слух, поскольку с доминантным самцом (обладателем самых выдающихся щечных валиков среди всех своих половозрелых собратьев) нельзя не считаться. Устраивая себе гнездо на ночь, он всегда обращает сигналы в определенном направлении, меняющемся от раза к разу в зависимости от того, куда он намерен направиться наутро. То есть он еще накануне вечером знает, куда двинется на следующий день, и оповещает о своих намерениях остальных¹⁹⁸.

Еще одно доказательство ориентации животных на будущее было получено благодаря серии контролируемых экспериментов, в которых приматам и птицам выдавали орудие или пищу, которые они могли использовать или съесть только на следующий день. Эти исследования послужили даль-

---

¹⁹⁸ Carel van Schaik et al. (2013).

нейшему распространению представлений о том, что некоторые животные способны к когнитивной деятельности, ориентированной на будущее. Не менее показательны и исследования чувства справедливости. Если шимпанзе в игре «Ультиматум», понимая, какой жетон принесет больше вкусной еды им лично, все-таки выбирают «уравнительный», нам нужно найти этому объяснение. Я предпочитаю считать, что они жертвуют немедленной выгодой, чтобы сохранить хорошие отношения. Если это так, то они не просто ориентируются на будущее, но и обладают отменным самоконтролем.

Для целенаправленной проверки самоконтроля проводился эксперимент с зефиром. Большинство из вас наверняка видели уморительные видеозаписи, в которых дети, оставшись один на один с кусочком зефира, отчаянно борются с желанием его съесть – кто-то лизнет тайком, кто-то отщипнет крошку, кто-то усиленно отворачивается, чтобы не поддаться искушению. Ребенку обещана вторая зефиринка, но получит он ее лишь в том случае, если не съест первую, пока экспериментатора нет. Этот эксперимент позволяет установить значимость отсроченного вознаграждения по сравнению с немедленным. Как же поведут себя обезьяны, если смоделировать для них аналогичную ситуацию? Вот шимпанзе терпеливо смотрит на контейнер, в который каждые полминуты падает конфета. Испытуемый знает, что может отсоединить лоток в любой момент и слопать все содержимое сразу, но знает и другое: после этого конфеты сыпаться

перестанут. Чем дольше ждешь, тем больше конфет наберется. Человекообразные обезьяны справляются с экспериментом на отсроченное вознаграждение не хуже детей – время выжидания доходило у шимпанзе до восемнадцати минут¹⁹⁹.

А как с этим обстоит дело, скажем, у птиц? Им-то уж наверняка никакой самоконтроль не нужен? Однако многим из них приходится носить голодным птенцам пищу в клюве, стараясь не проглотить ее по дороге. У некоторых видов самцы кормят самок, за которыми ухаживают, а сами при этом остаются голодными. Так что и тут самоконтроль необходим. Серый африканский попугай Гриффин, с которым Айрин Пепперберг проводила эксперимент на отсроченное вознаграждение, мог выжидать довольно долго. Его усаживали на жердочку, ставили перед ним плоску с обычной едой, например смесью злаков, и просили подождать. Гриффин знал, что за терпение получит что-нибудь повкуснее – кешью или даже конфету. В 90 % случаев он благополучно выдерживал испытание, иногда выжидая до пятнадцати минут²⁰⁰.

---

¹⁹⁹ Michael Beran (2002).

²⁰⁰ Adrienne Koeperke, Suzanne Gray, and Irene Pepperberg (2015).

Некоторые животные способны контролировать свои эмоции не хуже, чем люди. В классическом эксперименте детям обещают выдать второй зефир, если они вытерпят и не съедят первый. Они борются с искушением, прячутся, чтобы не смотреть на сладость, пытаются отвлечься. Принявшие участие в аналогичном эксперименте человекообразные обезьяны и попугай Гриффин продержались не меньше, чем дети. Перед Гриффином ставили миску с едой, но за ожидание выдавали более вкусное лакомство. Попугай тоже часто закрывал глаза и придумывал себе способы скоротать ожидание

Принципиальный вопрос, вытекающий из определения свободы воли, предложенного Г. Франкфуртом: понимают ли животные, что борются с искушением? Осознают ли они свое желание? Когда ребенок отворачивается от зефира или закрывает глаза ладонями, мы делаем вывод, что он испытывает искушение. Дети в таких экспериментах отвлекают себя разговорами, поют, играют с собственными руками и нога-

ми, могут даже задремать – лишь бы чем-то скрасить бесконечное ожидание. Основоположник американской психологии Уильям Джеймс еще в позапрошлом веке утверждал, что в основе самоконтроля лежит «воля» и «сила эго». Именно в этом ключе и рассматривается поведение детей в подобных экспериментах. Считается, что дети осознанно прибегают к тем или иным способам отвлечься.

С той же меркой можно подойти и к человекообразным обезьянам. В эксперименте с сыплющимися конфетами, например, обезьянам удастся продержаться значительно дольше, если у них есть с чем играть. Сосредоточение на игрушке помогает им отвлечься от конфетного автомата. Судя по тому, что во время таких экспериментов они возятся с игрушками гораздо чаще, чем в обычной обстановке, они это делают намеренно²⁰¹. Попугай Гриффин тоже активно пытался избавиться от маячившей перед глазами еды. В одном из самых долгих периодов выжидания он, выдержав примерно треть времени, просто запустил плоску с зерном через всю комнату. В других случаях он отодвигал плоску подальше, разговаривал сам с собой, чистил перья, встряхивался, протяжно зевал или дремал. Иногда он лизал зерно, не склевывая, и кричал: «Хочу орех!»

Столь разительное сходство между поведением детей, человекообразных обезьян и попугая Гриффина позволяет предположить общность стоящих за ним психических про-

---

²⁰¹ Ted Evans and Michael Beran (2007).

цессов, в число которых входит осознание собственных желаний и намеренные попытки их подавить. А значит, ответ на извечный вопрос о свободе воли звучит так: если мы допускаем свободу воли у себя, то не должны отказываться в ней и другим видам. Иначе непонятно, как трактовать все самоограничения, которые животные демонстрируют как в лабораторных условиях, так и в дикой природе.

Рассмотрим такой пример: детеныша взрослой шимпанзе берет на руки самка-подросток. Это нормально, это происходит сплошь и рядом, юные самки постоянно тянутся к малышам и обожают с ними возиться. Но при этом они, к сожалению, бывают весьма неуклюжи. Мать это знает, поэтому будет ходить за младшей самкой по пятам, жалобно поскуливая и пытаясь забрать у нее детеныша, а та будет лавировать и уворачиваться. Мать старается не особенно наседать и не гнаться за похитительницей, чтобы та, чего доброго, не полезла на дерево, подвергая драгоценного малютку еще большей опасности. Отнять ребенка силой она не может по той же причине. Представьте себе двух самок, которые тянут вопящего детеныша в разные стороны за руки и за ноги! Мне доводилось видеть и такое – картина жуткая, прямо скажем. Чтобы до этого не дошло, матери приходится сохранять спокойствие и выдержку. Она может даже сделать вид, будто ей все равно – присесть где-нибудь в сторонке, беззаботно пожевать листья или траву, стараясь усыпить бдительность похитительницы. Но стоит ей получить дете-

ныша обратно и стиснуть в объятиях, как все меняется. Я видел, как мать после этого довольно долго гоняла хулиганку, выплескивая в возмущенном реве и воплях всю накопившуюся ярость. Последовательность событий позволяет предположить, что мать заставляет себя сдерживать отчаянное беспокойство и раздражение, чтобы не навредить детенышу.

Как я уже упоминал, подчиненным приматам приходится подавлять или скрывать свои желания в присутствии доминантов, однако и доминантам приходится делать то же самое. Проверить это удалось благодаря полевому эксперименту в ЮАР, в ходе которого одну низкоранговую самку из стаи диких верветок сделали «добытчицей», научив открывать контейнер с пищей. Больше никто открывать этот контейнер не умел, и самке хватало хитрости применять свой навык только тогда, когда поблизости не было доминантов, которые могли отнять у нее еду. Поэтому она дожидалась, пока все вышестоящие уберутся подальше. Доминанты же, в свою очередь, усвоили, на каком расстоянии им нужно держаться от контейнера, чтобы добытчица решилась его открыть.

Многokrатно повторив этот эксперимент в трех разных обезьяньих группах, исследователи сообщили, что доминанты проявляют невероятное терпение и осторожность. За контейнером они зачастую подсматривают с какого-нибудь дерева, расположенного за пределами воображаемого «запретного круга» радиусом около десяти метров, но границу этого круга не пересекают. Открыв контейнер, добытчица загиба-

ет еду обеими руками и лихорадочно запихивает в защечные мешки – незаменимое приспособление для живущих на земле карликовых мартышек. Только битком набив их персиками, абрикосами и сушеным инжиром, добытчица уступает место остальным, которые спешат последовать ее примеру. Сама она тем временем усаживается в каком-нибудь тихом уголке, где можно спокойно и без помех уплетать утащенное. Если бы не самоконтроль вышестоящих и готовность соблюдать очередность, операция провалилась бы, не послужив взаимной выгоде²⁰².

Примеров подобного самоконтроля наберется предостаточно. Именно его ежедневно наблюдает любой хозяин двух собак со значительной разницей в размере, когда они играют друг с другом. Еще одно из самых заметных проявлений самоконтроля – приучение к туалету. У псовых имеется естественная склонность испражняться за пределами логова, кошачьи зарывают отходы своей жизнедеятельности в мягкую землю. Конечно, и щенков, и котят все равно приходится приучать к лотку и к улице, но изначально заложенные у них стремления сильно облегчают задачу. Для человеческих детей проситься в туалет – первый шаг к управлению своими физиологическими потребностями и к самоконтролю в целом. Важнейшим смыслом эту область наделял Фрейд, который видел в ней отчаянную битву между Ид²⁰³, стремящимся

---

²⁰² Cécile Fruteau, Eric van Damme, and Ronald Noë (2013).

²⁰³ Оно́, иногда Ид (лат. id, англ. it, нем. Es – оно́) – в психоанализе одна из

испытать блаженство облегчения, и Супер-эго, усвоившим нормы общественного порядка.

Обезьяну же, несмотря на все сходство с человеком, на первый взгляд кажется невозможным приучить к туалету. Дикие обезьяны передвигаются по деревьям и каждый вечер сооружают новое гнездо для сна, поэтому их совершенно не заботит, где испражняться – все равно все сыплется и льется вниз, на землю. Тем не менее, если таких обезьян выращивали в человеческом доме, их пытались приучить к туалету.

Уинтроп и Луэлла Келлогг, в 1930-е гг. растившие молодую шимпанзе Гуа вместе с собственным ребенком, оставили в общем и целом около 6000 записей о приучении ее к горшку. Этот же процесс они документировали, наблюдая за своим сыном Дональдом, чтобы впоследствии можно было сравнить выработку контроля над мочеиспусканием и дефекацией у обоих «организмов», как они их называли. Поначалу шимпанзе училась медленнее, но примерно через сотню дней обезьяна и ребенок сравнялись по количеству «аварий», которое тоже постепенно снижалось. Примерно в возрасте одного года Гуа и Дональд дозрели до финального этапа, на котором оба уже могли вовремя сигнализировать о приближающемся позыве. Сигнализовали они, крепко зажимая область паха, только Дональд делал это рукой, а Гуа могла воспользоваться и ступней. Комично ковыляя на двух

структур, описанных З. Фрейдом. Являет собой бессознательную часть психики, совокупность инстинктивных влечений. – *Прим. ред.*

руках и свободной ногое, она подбиралась к своим «приемным родителям» и издавала звук, означающий, что ей надо в туалет. Впоследствии она стала оповещать «родителей» одним только звуком, без подходов. Я вижу здесь потрясающий пример применения силы воли в той области, в которой представителю данного биологического вида обычно себя сдерживать не приходится²⁰⁴.

Животные просто не могут позволить себе слепо поддаваться порыву. Их эмоциональная реакция всегда пропущена через фильтр оценки ситуации и взвешивания доступных вариантов поведения. А значит, все они обладают самоконтролем. Кроме того, чтобы избежать наказания и конфликтов, членам группы приходится подстраиваться в своих желаниях или, по крайней мере, поступках под волю окружающих. Это называется компромисс. Учитывая, как долго существует социальная жизнь на Земле, склонность к такому подстраиванию укоренилась в нас очень глубоко и в равной степени относится и к человеку, и к другим общественным животным. Поэтому, хотя сам я не особенно верю в свободу воли, нам нужно внимательнее присматриваться к тому, как когнитивные процессы торжествуют над внутренними порывами. Поборовший жгучее желание поступить неким образом и поступающий иначе, а именно так, как будет лучше в данной ситуации, демонстрирует признаки осмысленности своих действий. Это жизненно важно для любого структу-

---

²⁰⁴ Winthrop and Luella Kellogg (1933).

рированного сообщества, не зря американский психолог Рой Баумайстер отмечал: «Как ни парадоксально, свобода воли необходима, чтобы люди подчинялись правилам»²⁰⁵.

В связи с этим я предлагаю в продолжение извечного спора задаться вопросом, почему принято считать, будто именно свобода воли делает нас людьми. Что есть в нас такого, что дает нам право утверждать, будто у нас она есть, а у других видов нет? Почему мы полагаем себя единственными, кому дано определять свое будущее? Как свидетельствуют приведенные выше примеры, ни власть над эмоциями и порывами, ни даже осознание собственных желаний не дают человеку повода считать себя особенным. Я бы хотел получить ответ, который можно проверить экспериментально, поскольку на предубеждениях, преобладавших в этих дебатах до сих пор, мы далеко не уедем. А пока я ограничусь таким осторожным выводом: если мы и выработали у себя свободу воли, далеко не факт, что мы сделали это первыми.

---

²⁰⁵ Roy Baumeister (2008), p. 16.

Будь со мной

Теперь, когда нам, наконец, позволено говорить об эмоциях применительно к животным, мы радостно этой возможностью пользуемся, но постоянно забываем, как мало нам о них известно. Мы на целые световые годы отстаем от психологов, занимающихся человеческими эмоциями. Мы можем назвать парочку эмоций, описать их выражение, зафиксировать обстоятельства, при которых они возникают, но у нас нет концепции, в рамках которой им можно дать определение и разобраться, зачем они нужны. Хотя, возможно, не так уж мы и отстаем, поскольку для человеческих эмоций такой концепции тоже не существует. Поскольку биологи мыслят категориями выживания и эволюционного развития, вполне резонно задаваться вопросом, как эмоции влияют на поведение. Нас больше интересует действие, чем чувство, поскольку ценность эмоций заключается в поведении, которое они порождают, – от плача голодного младенца до атаки разъяренного слона. Эмоции развивались не просто так, и, хотя чувств естественный отбор «не замечает», на действия, влекущие за собой те или иные последствия, он откликается. И тем не менее, как именно развивались эмоции в процессе эволюции, остается загадкой.

Еще большая загадка – как происходит управление эмоциями для гарантированного достижения оптимального ре-

зультата. Эмоции не всегда «понимают», что лучше для организма. В большинстве случаев все-таки «понимают», но иногда правильнее не обращать на них внимания или постараться действовать им вопреки. Эту принципиально важную для планирования и организации нашей жизни способность описывают разными мудреными терминами – «исполнительные функции», «произвольный контроль» и «регуляция эмоций». Однако к животным данную терминологию не применяют почти никогда в силу предубеждения, что эмоций у них мало и действовать наперекор своим порывам они не способны. Между тем животные не только проявляют самоконтроль в экспериментах на отсроченное вознаграждение, но и часто испытывают противоречивые, разнонаправленные эмоции. Животные выбирают – сражаться или бежать, отлучать детеныша от груди или уступить его истерикам, избегать обидчика или примириться, спариваться или отгонять соперника.

Одного из моих студентов молодой самец шимпанзе по имени Клаус воспринимал как соперника и каждый раз, когда тот проходил мимо клетки, швырялся в него грязью или экскрементами, выражая глубочайшую неприязнь. Больше Клаус так ни к кому из людей, в том числе и ко мне, не относился. Мы, наоборот, считали его милым и дружелюбным. Однажды Клаус ухаживал за самкой на открытой территории, и ровно в тот момент, когда старания увенчались успехом и дама уже готова была ответить ему взаимностью,

на арене появился заклятый враг. Клаус бросил самку и перешел к демонстрации угрозы. Сексуальное влечение оказалось слабее, чем желание запугать соперника, вздыбив всю шерсть. Судя по всему, на данном жизненном этапе ему позарез нужно было отвоевать место в иерархии, а у кого же это место отвоевывать, как не у соперника схожего возраста и пола, пусть и другого вида? Видимо, Клаус счел, что амурные дела в таком случае могут и подождать.

К таким расчетам, которые человек ведет на каждом шагу, нам пора бы начать присматриваться и у животных. Мы ловко лавируем между эмоциями и желаниями, одним следуем, другим сопротивляемся. Мы расставляем приоритеты, чтобы прийти к оптимальному решению, – предполагается, что этой незаменимой способностью мы обязаны коре больших полушарий. Нам говорят, что высокий лоб у человека – следствие исключительных размеров этой части мозга, где базируются высшие когнитивные функции и самоконтроль. Мы считаем свой лоб благородным и даже имеем печальный и позорный опыт сравнения его у разных рас («истинный арийский» и так далее). Однако в действительности по высоте лба почти невозможно судить о содержимом черепа, и структурно человеческий мозг не особенно отличается от мозга обезьян.

В коре больших полушарий нет ничего примечательного по сравнению с другими частями мозга. И новейшие технологии подсчета нейронов это подтверждают. В коре челове-

ческого мозга содержится 19 % всех его нейронов – столько же, сколько у остальных приматов. У эмбрионов человека и человекообразной обезьяны размеры мозга поначалу равны, но человеческий затем продолжает увеличиваться на всем протяжении развития плода, а у обезьяньего рост замедляется примерно в середине этого срока²⁰⁶. В конечном итоге у взрослого человека мозг оказывается в три раза больше и насчитывает больше нейронов (86 млрд), чем мозг любой человекообразной обезьяны. Так что компьютер у нас, может, и той же марки, но более мощный. Никто не утверждает, будто в человеческих когнитивных функциях нет ничего особенного, но пора признать, что взаимодействие между разумом и эмоциями, отраженное в относительных размерах лобных долей, вполне может быть одинаковым у всех приматов²⁰⁷.

Регуляция эмоций в значительной мере происходит неосознанно и составляет часть социальных отношений. Именно поэтому мне кажется неоправданным тот способ, которым психологи обычно тестируют эмоции у человека: испытуемого либо сажают в одиночестве за компьютер, либо одного помещают в аппарат МРТ, хотя эмоции наши в большинстве своем развивались в социальной среде. Эмоции не обособлены, они межличностны. Американский нейрофизиолог Джим Коуан выбрал другой подход: он тестировал испытуемых в аппарате МРТ, измеряя отклик нервной

---

²⁰⁶ Tomoko Sakai et al. (2012).

²⁰⁷ Suzana Herculano-Houzel (2009); Robert Barton and Chris Venditti (2013).

системы на сигнал, предваряющий легкий удар электрическим током. Как и следовало ожидать, на МРТ-сканах отразилась тревога перед неминуемой болью. Но когда Коуан пригласил к участию в эксперименте жен испытуемых, которым разрешалось держать мужа за руку, – выяснилось, что страх в этом случае исчезает, и предстоящий удар током кажется лишь незначительным раздражителем. Более того, чем теплее были отношения между супругами, тем лучше жене удавалось смягчить страх. Менять испытуемых местами в таком эксперименте не пытались, но, скорее всего, результаты были бы аналогичными. Еще одно исследование выявило, что у супругов, держащихся за руку во время испытания, синхронизируются мозговые волны. Эти эксперименты наглядно демонстрируют, как преобразуется эмоциональная реакция под воздействием телесного контакта и привязанности²⁰⁸.

Побывав на лекции у Коуана, я выразил восхищение замыслом его эксперимента. Он рассказал, что, по мнению большинства психологов, человек проявляет типичные для своего вида реакции, когда находится в одиночестве. Они считают стандартным именно изолированное состояние. Коуан же придерживается прямо противоположной точки зрения: норма – это то, как мы ощущаем себя в контакте с другими. Мало кому из нас приходится справляться с жизнен-

---

²⁰⁸ Jim Coan, Hillary Schaefer, and Richard Davidson (2006); Pavel Goldstein et al. (2018).

ными невзгодами в полной изоляции – обычно мы ищем поддержки у окружающих. В ходе одного из экспериментов женщины легче противостояли стрессу, когда могли понюхать футболку своего мужа или романтического партнера. Возможно, именно этим успокоительным воздействием знакомого запаха объясняется, почему, оставаясь дома одни во время разлуки с близким человеком, люди часто надевают его рубашку или спят на его стороне кровати²⁰⁹. Западная культура превозносит независимость, но на самом деле в сердце и мыслях мы никогда не бываем одиноки. Как известно биологам, социальность у человека носит обязательный характер (мы не можем выжить вне общества, принудительная изоляция вызывает у нас психические расстройства), поэтому нормальные условия нашего функционирования – социальная среда со всеми присущими ей эмоциональными «подушками безопасности». Примерно в таком же постоянном контакте между собой находятся мои капуцины. Даже не видя друг друга, они считают себя частью группы и постоянно ищут подтверждения, что остальные по-прежнему с ними. Постоянная переключка – это их способ держаться за руку.

Сильнее всего страдает эмоциональная сфера, когда нас лишают доброжелательной среды во время взросления. Мы не можем позаботиться о себе в полной мере, так же как и любой примат. Первый раз я исследовал воздействие на эмоции условий, в которых растут детеныши, во время наблюде-

---

²⁰⁹ Marlise Hofer et al. (2018).

ния за бонобо в заповеднике «Лола-йа-бонобо» близ Киншасы. Все содержащиеся там бонобо, увы, сироты, пережившие психологическую травму. Браконьеры и охотники то и дело убивают диких бонобо (в числе прочих) ради мяса, а детенышей, найденных рядом с телом матери, «спасают» и продают живыми. Но, поскольку это противозаконно, малышей конфискуют у продавцов и привозят в заповедник, где их нянчат «маман» – местные женщины, которые кормят их из бутылочки, присматривают за ними, носят по территории. Через пару лет подросших бонобо переводят в колонию в оголенном лесу, где они живут годами, пока не настанет пора выпустить их в дикую среду.

Моя коллега Занна Клей взялась исследовать уровень эмпатии у осиротевших бонобо. Один из показателей эмпатии – реакция сторонних наблюдателей на потрясение, вызванное дракой: они могут обнять визжащего пострадавшего обеими руками и утешать, нежно прижимая к себе и поглаживая, могут даже увести его в сторону, обнимая за плечи. Тогда пострадавший успокаивается и резко, словно его выключили, перестает визжать.

Каждую потасовку, которая вспыхивала в большой колонии бонобо, Занна записывала на видео, и мы подробно ее анализировали. У сирот отмечался умеренный уровень эмпатии. Но, к нашему изумлению, настоящими чемпионами сострадания оказались полдесятка бонобо, которые родились в колонии и были выращены собственными матерями.

У этой категории обнаружилась гораздо бóльшая склонность утешать тех, кому больно или плохо. Приняв их поведение за норму, мы пришли к выводу, что сиротство сильно бьет по способностям особи к эмпатии²¹⁰.

Мы знаем, насколько важна регуляция эмоций для человеческих детей. Чтобы проявить эмпатию, им нужно снизить собственный стресс. Маленький ребенок при виде другого плачущего ребенка может разреваться сам, и тогда рыдать будут уже двое. Однако у второго стресс все же слабее, поэтому зачастую он самостоятельно прекращает плакать – тогда у него появляется возможность «пожалеть» первого. А вот детей, которые не способны справиться с собственными эмоциями, переживания захлестывают с головой, и до заботы о других дело не доходит²¹¹.

Вероятно, так же работает эмпатия и у бонобо. Сиротам трудно контролировать себя – в отличие от обезьян, выращенных матерью и научившихся укрощать свои эмоциональные бури. Занна протестировала эту гипотезу, наблюдая за тем, как отдельные особи справляются с собственным стрессом. Оказалось, сироты медленнее переключаются из одного эмоционального состояния в другое и дольше не могут успокоиться, чем выращенные матерью. Вопят, не умолкая, когда их ударят или укусят, обычно те же, кто редко утешает других. Такое впечатление, что, не наведя порядок в собствен-

---

²¹⁰ Zanna Clay and Frans de Waal (2013).

²¹¹ Nim Tottenham et al. (2010).

ном эмоциональном «доме», никто из нас не готов «ходить по гостям». Дефицит эмпатии у сирот вполне объясним, ведь они сильно пострадали от человеческих рук – и не только когда в самом нежном возрасте остались без матери, погибшей в ловушке или от пули, но и потом, когда браконьеры несколько месяцев держали их на цепи у дерева. Удивительно, что они после этого вообще остаются способны на какую-то эмпатию.

Благодаря этому проекту я осознал, что у животных нужно изучать не только эмоции как таковые, но и способы управления ими. Тогда, возможно, обозначатся ключевые различия, как между видами, так и между отдельными их представителями, определяющие их личностные качества. Управление своим поведением – богатейшая тема для исследования, в том числе применительно к человеческим детям-сиротам, в частности румынским, о жестоком обращении с которыми стало известно после свержения режима Николае Чаушеску в 1989 г. Условия, в которых жили эти дети, потрясли весь мир. Вот как описывает их британская журналистка Тесса Данлоп: «Когда я вошла в большое серое здание в самом центре Сирета, мне захотелось тут же выскочить обратно. Кинувшиеся ко мне со всех сторон полуголые дети дергали меня за одежду, все вокруг было пропитано запахом мочи и пота, от которого меня начало тошнить»²¹². Эти сироты росли без любви и заботы, под надзором воспитателей,

---

²¹² . www.bbc.com/news/magazine-22987447.

которые издевались над ними и приучали к жестокости и насилию, – например, поручая старшим лупить младших. По данным нейроимиджинга (визуализации процессов работы мозга), у детей, выросших в воспитательных учреждениях, увеличено и отличается повышенной активностью миндалевидное тело (область мозга, участвующая в обработке эмоций), а кроме того, они чрезмерно чувствительны к негативной информации. Они легко пугаются. Регуляция эмоций и психическое здоровье у них основательно подорваны – не зря румынские детские дома называли «душегубкой».

Здесь можно провести немало параллелей с животными, которых выращивают в неволе, – например, с принятой в скотоводстве пагубной практикой отлучения теленка от матери сразу после рождения. В результате глубокая эмоциональная травма наносится обоим. Такие телята хуже социализируются и больше подвержены стрессам, чем те, которых оставляют с матерью: у них сбита эмоциональная оценка и их легко вывести из равновесия²¹³. Об этих процессах нам известно слишком мало – отчасти из-за давнего табу на все касающееся эмоций у животных в принципе, но свою роль сыграло и распространенное представление о животных как о «распущенных», лишенных эмоционального контроля. В действительности же для коров, бонобо и многих других видов эмоциональный интеллект имеет жизненно важное значение. Они не бумажные кораблики, которые несет бурная

---

²¹³ Kathrin Wagner et al. (2015).7. ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ

река чувств, – у них есть и руль, и весла, позволяющие лавировать в потоке. Однако растущие без любви и привязанности лишаются этих средств, именно поэтому сироты испытывают трудности с достижением эмоционального равновесия.

7. Чувствительность

Что чувствуют животные

Разумеется, мои тогдашние обезьяны переживания я могу передать сейчас только человеческим языком и, значит, не совсем точно.

ФРАНЦ КАФКА (1917)²¹⁴

На вопрос, обладает ли слон сознанием, я иногда отвечаю встречным вопросом: «А что такое сознание? Объясните мне, и я скажу, есть ли оно у слона». На этом все замолкают. Никто не знает точно, что имеется в виду.

Вообще-то я поступаю не совсем честно, даже слегка жульничаю, как по отношению к собеседнику, так и по отношению к слонам, потому что на самом деле я все-таки считаю, что сознание у этих исполинов имеется. Работая с индийскими слонами, мы с моей научной группой первыми установили, что они узнают себя в зеркале – эта способность обычно расценивается как признак самосознания²¹⁵. Мы тестировали их умение и склонность к сотрудничеству: хорошо ли, например, они понимают, когда требуется протянуть хобот помощи. Слоны справлялись не хуже человекообразных обезьян и лучше большинства остальных животных. Я

---

²¹⁴ Кафка Ф. Отчет для академии / Пер. Л. Черновой (1917).

²¹⁵ Joshua Plotnik, Diana Reiss, and Frans de Waal (2006).

вижу целенаправленность и ум во всем, что они делают. Скажем, когда молодым слонам в тайской или индийской деревне вешают на шею колокольчик, мешающий им тайком пробраться в огород или на кухонный двор, они догадываются заткнуть его пучком травы и расхаживают по окрестностям незамеченными. Для такой уловки требуется воображение, ведь никто этому слонам не учил, и трава сама по себе в колокольчиках не растет, так что скопировать случайно получившуюся «заглушку» им тоже было неоткуда. Мы, люди, ища решение, сознательно сопоставляем причину и следствие, и если у нас этот процесс происходит именно так, то почему у слонов решения должны приниматься иначе, без участия сознания?

На одном симпозиуме выдающийся философ объявлял человеческое сознание закономерным следствием наличия у нас огромного числа нейронов. Чем больше нейронов связываются между собой, говорил он, тем более сознательной становится наша деятельность. Он даже показал на видео, как растет дендрит, – изумительное зрелище, которое все равно не прояснило, откуда берется сознание. Докладчик, между тем, сделал из всего этого неожиданный вывод, что человеческое сознание даст сто очков вперед любому другому. То, что мы обладаем самым развитым сознанием среди всех живых существ нашей планеты, он подавал как аксиому. Но мне непонятно, как этот вывод вытекает из теории о нейронах и синапсах, учитывая, что большим количеством

нейронов можем похвастаться не только мы. Как быть с животными, чей мозг весит больше 1,4 кг? У кашалота, например, его вес достигает 8 кг.

Ладно, подумал я, допустим, нейронов у человека действительно больше, так что, может, теория и верна. Мы всегда полагали само собой разумеющимся, что человеческий мозг превосходит любой другой по числу нейронов – пока не начали их считать. После подсчетов выяснилось, что четырехкилограммовый мозг слона содержит в три раза больше нейронов, чем наш²¹⁶. Тогда все принялись чесать в затылке. Что же нам теперь, переписывать теорию человеческого сознания? Чем мы, собственно, можем доказать, что оно более развито, чем у слонов? Только тем, что слоны не разговаривают? Или тем, что большинство нейронов у них находится в той части мозга, которая не связана с высшими мозговыми функциями? Вполне веский довод – если забыть о том, что мы не знаем точно, какая именно часть мозга участвует в работе сознания. Тело слона весит 3 т, у него 40 000 мышц в одном только хоботе (что уж говорить о цепком и гибком пенисе), ему приходится следить за каждым своим шагом (особенно матерям и тетушкам, под брюхом у которых семят крошечные слонята во время общих переходов), у него насчитывается больше генов, отвечающих за обоняние, чем у любого другого вида животных на Земле. Мы готовы утверждать, что слон осознает свое собственное

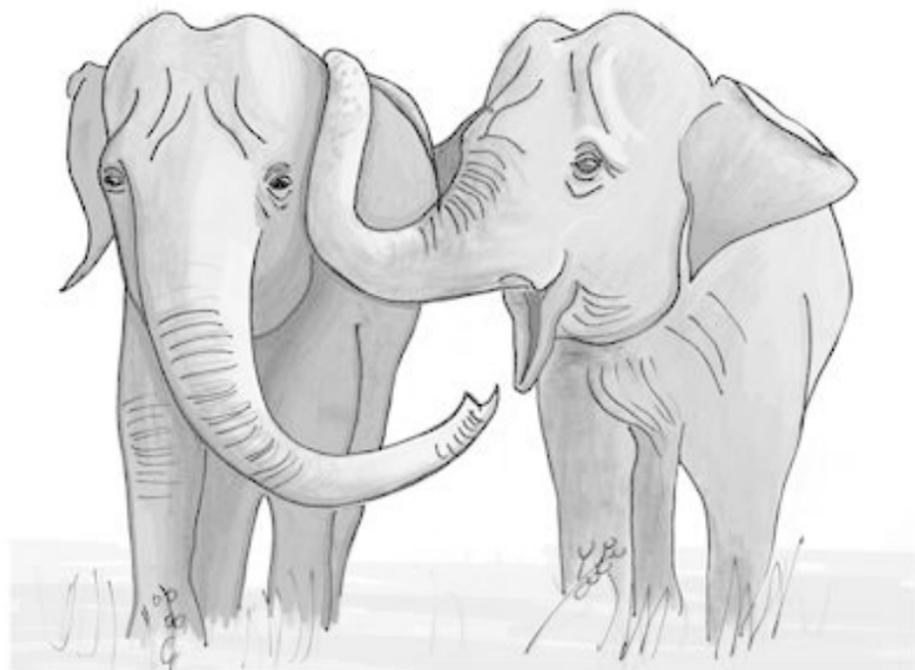
²¹⁶ Suzana Herculano-Houzel et al. (2014).

физическое состояние и окружающую обстановку хуже, чем человек? Сложное устройство организма, его движущихся конечностей и притока данных от органов чувств – самая вероятная почва для возникновения сознания. И в этой сложности слону нет равных.

Не все философы готовы согласиться с тем, что для возникновения сознания необходим большой мозг. С развитием исследований, посвященных животным, и антрозоологии (исследования взаимодействий между человеком и животными), многие непредубежденные философы начали думать о чувствительности животных в таком ключе, который открывает путь к дальнейшему изучению. Эти философы признают: даже если мы никогда не выясним, что именно чувствует слон, мы все еще способны установить, что чувства у него имеются²¹⁷. Как можно исключить эту вероятность, если мы толком не представляем, что такое сознание? Любой, кто попытается разрешить эту дилемму, заявив, что сознание бывает разное (самосознание, экзистенциальное сознание, осознание своего тела, рефлексивное сознание и так далее), только усугубит ее, дробя и без того размытое понятие на множество таких же размытых.

---

²¹⁷ Martha Nussbaum (2001); Mark Rowlands (2009); Peter Godfrey-Smith (2016); Kristin Andrews and Jacob Beck (2018).

Слониха утешает товарку, обнимая ее хоботом и успокаивающе рокоча. Однако, несмотря на сильную эмоциональность и развитую эмпатию слонов, наука по-прежнему не может ответить на вопрос, что они чувствуют. Поскольку наличие чувств и сознания пытаются увязывать с количеством нейронов в мозге, то после того, как у слонов насчитали в три раза больше нейронов, чем у человека, все прежние представления пришлось пересмотреть

Поэтому в дебри сознания и чувствительности у животных я углубляюсь с закономерной опаской.

Кого мы едим

За спорами о сознании у животных кроется проблема, которой многие ученые предпочитают не касаться: что человечество делает с животными. Мы, безусловно, обращаемся с ними нехорошо – по крайней мере, с большинством из них. И чтобы не испытывать угрызений совести, нам проще считать животных бесчувственными механизмами, не осознающими себя, что наука долгое время и делала. Если животные не чувствительнее камня, нет ничего страшного в том, чтобы сваливать их в кучу и топтать. А вот если это не так, перед нами встает серьезная нравственная дилемма. В нашу эпоху промышленного животноводства вопрос о чувствительности животных – тема очень щекотливая, которую принято игнорировать. Мы держим тысячи животных в зоопарках, миллионы в лабораториях и еще миллионы в домах, но это ничто по сравнению с миллиардами их на животноводческих предприятиях. Из всей сухопутной биомассы позвоночных на нашей планете дикие животные составляют всего около 3 %, люди – около 25 %, и почти три четверти всей биомассы приходится на сельскохозяйственных животных!

В прежние времена в крестьянских и фермерских хозяйствах каждому животному давали имя, гоняли на вольный выпас, не мешали валяться в грязи и купаться в песке сколько влезет. Им, конечно, жилось не как в раю, но определенно

но лучше, чем сейчас, когда телятам и свиньям негде повернуться в узких загонах из нержавеющей стали, куры теснятся тысячами в огромных закрытых птичниках, куда не заглядывает солнце, и даже коров уже не выводят на пастбище. Они просто с утра до ночи топчутся в собственном навозе. Поскольку все это происходит где-то там, вдали от посторонних глаз, о жутких условиях содержания потребитель обычно не подозревает. Мы видим лишь конечный продукт – аккуратные куски мяса, без копыт, голов и хвостов, не заставляющие никого задумываться о том, как существовало это мясо до того, как его упаковали и нам продали. И я сейчас говорю даже не о том, что мы в принципе едим животных, меня в данный момент заботит только наше обращение с ними.

Разумеется, как биолог я не собираюсь отрицать естественный круговорот жизни, в котором каждое животное играет свою роль, либо съедая кого-то, либо становясь пищей. Человеку знакомы обе эти роли. Наши предки были включены в обширную экосистему, состоящую из хищников, травоядных и всеядных, они питались одними и шли на корм другим. Хотя окончить свои дни в желудке хищника современному человеку почти не грозит, наш труп в сырой могиле все равно пожирают несметные полчища разных созданий. Прах к праху.

Наши ближайшие родичи человекообразные обезьяны не жалеют сил, чтобы добыть мелкую мартышку или карликовую антилопу, демонстрируя при этом недюжинный охот-

ниций талант и высочайший уровень сотрудничества. Добычу они пожирают с упоением, радостно урча. Они могут несколько часов просидеть у муравейника или термитника, лакомясь насекомыми, которых выуживают с помощью специального прутика. Одни популяции шимпанзе потребляют животный белок в больших количествах (в одном лесу они почти подчистую извели красных колобусов), другие довольствуются меньшим²¹⁸. У самца шимпанзе, который привлекает самок мясом, число спариваний может увеличиться вдвое.

У людей мясо тоже в большом почете, они готовы есть его при любой удобной возможности. И хотя мы не вооружены клыками и когтями, положенными узкоспециализированным плотоядным, у нас за плечами долгая эволюционная история, на протяжении которой мы стремились дополнить рацион из плодов, овощей и орехов белковой пищей – мясом позвоночных, насекомыми, моллюсками, яйцами и так далее. И не только дополнить: по данным новейших антропологических исследований, у 73 % ныне существующих народов, живущих охотой и собирательством, более половины объема пропитания составляет животная пища²¹⁹. О том, что мы развивались как всеядный вид, можно судить по многофункциональности нашей зубочелюстной системы, относительно небольшой длине пищеварительного тракта и крупным размерам мозга.

---

²¹⁸ Craig Stanford (2001).

²¹⁹ Loren Cordain et al. (2000).

Тяга к мясу обусловила нашу социальную эволюцию. Если сбором мелких плодов можно в основном заниматься в одиночку, то охота на крупную дичь требует командной работы. Один человек ни жирафа, ни мамонта не завалит. Наши предки отделились от человекообразных обезьян, охотясь на животных крупнее себя. Это требовало товарищеских отношений, возможности положиться друг на друга, что является основой любого сложного сообщества. Своей склонностью к сотрудничеству и дележу пищи, чувством справедливости и даже нравственностью мы обязаны тому, что наши предки добывали себе пропитание совместной охотой. Более того, поскольку мозг у хищников в среднем крупнее, чем у травоядных, и поскольку для роста и функционирования ему требуется очень много энергии, потребление животного белка наряду с эффективной обработкой пищи (приготовление на огне и сбраживание) входит в число непосредственных причин, способствовавших развитию мозга у наших предков²²⁰. Животный белок обеспечивал оптимальное сочетание калорий, жиров, белка и жизненно важного витамина В12 для формирования крупного мозга. Без мяса мы бы, может, и не стали такими интеллектуальными гигантами, как сейчас.

Однако из этого вовсе не следует, что наш рацион должен оставаться неизменным или что в нем непременно должно быть мясо. Возможно, ценность животного белка преувеличена. Мы живем в совсем иную эпоху, с другими возможно-

---

²²⁰ Richard Wrangham (2009); Suzana Herculano-Houzel (2016).

стями, сейчас разрабатываются многообещающие альтернативы – искусственно культивируемое мясо, мясо на растительной основе, – которые можно насытить любыми необходимыми нам витаминами.

Тем не менее я не выступаю против потребления мяса как такового, меня беспокоит обращение с животными – как мы их выращиваем, транспортируем, забиваем. Условия, в которых они содержатся, зачастую унижительны, а иногда попросту ужасны. Узнавая об этом, многие молодые люди в промышленных странах ударяются в вегетарианство, хотя придерживаться такого рациона пока еще по-прежнему сложно. Согласно результатам исследования, проведенного в 2014 г. американским Советом по изучению человека, лишь каждому седьмому из самопровозглашенных вегетарианцев удалось выдержать в таком режиме больше года²²¹. И все-таки я снимаю перед ними шляпу. Сам я тоже стараюсь внести свой вклад – по мере сил и без фанатизма, – постановив, что в нашем доме почти не готовят и не едят мясо млекопитающих.

Постепенно набирают силу такие движения, как флекси-тарианство («гибкое» вегетарианство, допускающее периодическое употребление мяса) и умеренное мясоедение (сокращение мяса в рационе). Недалек тот день, когда будет налажено производство пищи на растительной основе, и эта революция, хотелось бы надеяться, заставит производителей

мяса поменять свои методы. Будет превосходно, если человечеству удастся наполовину сократить потребление мяса и при этом радикально улучшить жизнь животных, которые нам это мясо обеспечивают. Может, у нас получится сделать и следующий шаг – исключить животных из этой схемы совсем и выращивать в пробирке мясо, изначально лишённое центральной нервной системы. Я считаю обе эти задачи нашим моральным долгом, но, исполняя его, нам все же лучше честно признать свою природу, чем рассказывать популярные в наше время сказки, будто мы изначально созданы веганами. Это не так.

Непрекращающаяся полемика привела к тому, что термин «чувствительность» проник в массы и обрел определенный подтекст. У человека имеются три причины (не считая злободневных экологических) уважать все формы жизни – это врожденное *достоинство* всего живого, *заинтересованность* каждого из живых существ в собственном существовании и выживании и, наконец, *чувствительность* и способность к страданию. Давайте рассмотрим эти три причины подробнее – они касаются всех живых существ, независимо от того, к животным мы их относим, к растениям или чему-то еще.

Формально ничто не обязывает нас, людей, признавать достоинство какого бы то ни было живого организма, здесь все зависит от нас самих. Может, это неправильное положение дел, но так уж мы устроены. Пусть я не испытываю уваже-

ния к комару, жужжащему в спальне, или к сорняку в саду, но я понимаю, что это мое эгоистическое восприятие. Я куда больше уважаю красавицу бабочку или садовую розу. Так что достоинство живого существа – характеристика субъективная. Единственные хоть сколько-то объективные критерии – разум и возраст организма. Мы привыкли ставить животных с крупным мозгом выше обладателей мелкого, хотя и это тоже явное предубеждение, связанное с размерами нашего собственного мозга. Это же предубеждение побуждает нас превозносить своих собратьев-млекопитающих. Дельфина мы ставим выше крокодила, а мартышку – выше акулы. Я всегда с подозрением отношусь к подобным оценкам, слишком уж хорошо они укладываются в древнюю *scala naturae* («лестницу природы»), не имеющую никакой научной основы. Что касается возраста, здесь мы привыкли почитать долголетие. Среди многочисленных белых дубов, растущих в окрестностях моего дома в Джорджии, есть такие, которым больше двухсот лет. Эти гиганты вызывают у меня немалое уважение – как и любые особи, достигшие преклонного возраста, будь то старый слон, черепаха или омар. В некоторых европейских городах рыночная площадь носит название *Lindenplatz* – Липовая, в честь растущей на ней тысячелетней липы. Ни у одного человека, уважающего природу, не поднимется рука на это великолепное дерево. Срубить его все равно, что сровнять с землей старинный собор.

Заинтересованность в выживании – самая понятная из

трех названных выше причин почитать жизнь на этой планете, поскольку эта заинтересованность свойственна всем организмам до единого. Любое живое существо старается спасти свою шкуру от чужих зубов и обеспечить себе достаточно энергии для того, чтобы жить и размножаться. Не факт, что они делают это сознательно, но цепляться за жизнь – это непереносимое условие выживания, и исключений здесь нет. Даже одноклеточные организмы торопятся отплыть подальше от ядовитого вещества. Растения выделяют токсины, отпугивающие врагов, и подают друг другу химические сигналы (распространяемые по воздуху или в почве через корневую систему) о внешней угрозе – например, о стаде пасущихся коров или о прожорливых насекомых. Зачастую интересы организмов сталкиваются, то есть, чтобы выжить, один должен ущемить интересы другого. Это относится ко всем животным, поскольку, в отличие от растений, перерабатывать солнечный свет в энергию химических связей они не умеют. Поэтому необходимые для выживания калории им приходится добывать, поглощая органическую материю. Все животные калечат или убивают другие живые организмы. Даже самое «органическое» овощеводческое хозяйство неизбежно посягает на интересы других форм жизни, сокращая среду обитания диких животных, уничтожая насекомых натуральными пестицидами и принося выращенные овощи в жертву человеческой утробе. Выступая частью живой природы, мы постоянно выбираем между своими интересами и

чужими – как правило, в пользу своих.

И наконец, самая сложная тема из трех – чувствительность. Ее определяют как способность переживать, чувствовать, воспринимать. В наиболее широком смысле она имеется у каждого организма, начиная с эукариотической клетки, которая стремится сохранить химическое равновесие внутри себя. Для поддержания гомеостаза она должна «чувствовать» внутренний уровень кислорода, углекислого газа, pH и так далее, а также «знать», за счет чего (например, осмоса) восстановить пошатнувшийся баланс. Американский микробиолог Джеймс Шапиро утверждает даже, что «живые клетки и организмы – это способные к познавательной деятельности (чувствующие) существа, целенаправленно подчиняющие свои действия и взаимодействие задачам выживания, роста и размножения»²²². В аналогичном ключе пишет о клетке нейробиолог Антонио Дамасио в своей книге о внутренних переживаниях, озаглавленной «Ощущение происходящего» (The Feeling of What Happens, 1999):

Чтобы почувствовать нарушение равновесия, требуется нечто близкое к восприятию. Чтобы пользоваться техническими наработками, требуется нечто близкое к скрытой памяти, представленной в форме предрасположенности к действию. Чтобы предотвратить или скорректировать нарушение, требуется что-то близкое к навыку. Если в этих

---

²²² James Shapiro (2011), p. 143.

*описаниях вы узнали важнейшие функции нашего мозга, вы не ошиблись. Вот только о мозге я сейчас не скажу ни слова, потому что нервной системы крошечная клетка не имеет*²²³.

О чувствительности в широком смысле можно говорить и применительно к растениям. Хотя движутся они очень медленно, и потому отследить их «поведение» крайне трудно, они ощущают смену внешних условий (свет, дождь, шум) и принимают меры, когда что-то угрожает их существованию. Например, резуховидка Таля (небольшой цветущий сорняк, родственник брокколи) защищается от насекомых, выделяя на листьях ядовитое для вредителей горчичное масло. Причем, когда в лабораторных условиях исследователи включали запись звуковых колебаний, вызываемых жующими гусеницами, этого масла выделялось больше, чем под запись птичьего пения²²⁴. «Поведение» растений бывает довольно сложным – как в случае гелиотропизма подсолнечников, которые днем поворачиваются вслед за солнцем, а за ночь вновь обращаются к востоку, чтобы встретить восход. Однако «поведение» я ставлю в кавычки, поскольку в действительности оно большей частью сводится к выделению химических веществ и направленному росту, пусть даже некоторым растениям удастся реагировать на внешнее воздействие быстрее других – например, насекомоядной венериной му-

---

²²³ Antonio Damasio (1999), p. 138.

²²⁴ Heidi Appel and Rex Cocroft (2014).

холовке, захлопывающей лист, когда на него садится насекомое, или мимозе стыдливой, опускающей листья в ответ на прикосновение. У таких растений наблюдается любопытная параллель с потерей сознания у млекопитающих: они теряют чувствительность к прикосновению и подвижность под воздействием тех же анестетических препаратов, которые применяются в больничных операционных²²⁵.

Наука только начинает разбираться в хитроумных защитных механизмах растений, сигналах тревоги и системах взаимоподдержки, четко свидетельствующих о нежелании «быть съеденными», как это иногда называют. И все же несколько опрометчиво утверждать, что выделяемый пострадавшим растением газ – это «крик боли». Можно сколько угодно рассуждать об активном сопротивлении угрозе и стремлении выжить, но, чтобы чувствовать боль, растение должно ощущать собственное состояние. Хотя у них имеются пути, проводящие электрические импульсы и отдаленно напоминающие нервную систему у животных, никто не знает, возникает ли в результате стимуляции этих путей субъективное состояние, тем более что мозга, способного эти состояния регистрировать и осмысливать, у растений нет. Большинство ученых откажутся даже разговаривать о сознании при отсутствии мозга. Здесь-то и выявляется несостоятельность термина «чувствительность» применительно к растениям. Они вполне могут реагировать на внешние усло-

---

²²⁵ Ken Yokawa et al. (2017).

вия, поддерживать внутреннее равновесие жидкостей, питательных и химических веществ, но ничего при этом не чувствовать. Реагировать на перемены в окружающей среде и ощущать их – это две совершенно разные вещи.

Чувствительность в узком смысле подразумевает возникновение субъективных чувственных состояний, таких как боль и удовольствие. Если мы сомневаемся в способности растений ощущать и отказываем им в чувствительности, значит, мы должны отрицать ее и у животных, не имеющих центральной нервной системы. Мы не знаем, есть ли, например, ощущение внутреннего состояния у устриц и мидий, располагающих лишь нервными тяжами и ганглиями (скоплениями нервных клеток) при отсутствии мозга. Как и растения, они либо вообще не способны (устрицы), либо ограничены в возможности (мидии) избежать опасности, убравшись от нее подальше. У них нет поведенческих механизмов (за исключением захлопывания раковины), для которых имело бы значение ощущение боли. Поэтому признавать у двустворчатых моллюсков наличие чувствительности в узком смысле я бы не торопился.

Однако, в каком бы смысле мы ни рассматривали чувствительность, нужно быть последовательными и либо признавать ее и у растений, и у двустворчатых моллюсков, либо отказывать в ней обоим, а вместе с ними и всем прочим организмам, не имеющим мозга – таким как грибы (очень любопытное царство, не относящееся ни к растениям, ни к жи-

вотным), микробы, губки, медузы и так далее. Принадлежность их к разным биологическим царствам в данном случае не важна, поскольку вся органическая жизнь построена по одним и тем же принципам. И здесь самое время вспомнить, как долго наука недооценивала животных. Не исключено, что сейчас мы точно так же заблуждаемся в отношении растений.

И все же у биологических видов, отличающихся развитым головным мозгом, наличие чувствительности гораздо более вероятно. Мы вполне готовы допустить, что она есть у слонов, высших обезьян, собак, кошек, птиц, но не стоит сбрасывать со счетов и обладателей менее крупного мозга. В эксперименте, который провели Барри Маги и Роберт Элвуд в лаборатории Королевского университета в Белфасте, для береговых крабов оборудовали затемненные укрытия, где можно было спрятаться от палящего солнца. Однако в некоторых укрытиях крабы получали удар электрическим током. Вскоре все подопытные выучили, в какие из укрытий лучше не соваться. Это было не просто рефлекторное избегание – как у растений, которые отпугивают хищных насекомых химическими средствами, – поскольку крабам приходилось припоминать точную обстановку, в которой их ударило током. Что, кроме болезненного опыта, отпечатавшегося в памяти, могло бы заставить их изменить поведение? А значит, боль они, скорее всего, *почувствовали*. На самом деле все еще сложнее, поскольку в ходе других эксперимен-

тов с раками-отшельниками выяснилось: чтобы заставить их покинуть хорошую прочную раковину, она должна бить своего обитателя током гораздо сильнее, чем хрупкая и ненадежная. Судя по всему, раки-отшельники оценивают, что им важнее – преимущества подходящего жилища или негативные ощущения²²⁶.

Если членистоногие и вправду ощущают боль, как позволяют предположить результаты экспериментов, их следует считать чувствующими, то есть переживающими субъективные чувственные состояния. К членистоногим относятся и омары или раки, которых мы варим живьем, и насекомые, которых мы истребляем триллионами. Насколько их состояния схожи с нашими или с состояниями других млекопитающих, не столь уж важно. Главное, что эти животные способны чувствовать и помнить. Соответственно я предлагаю распространить этот критерий на всех животных, имеющих центральную нервную систему, если не будет доказано обратное. В связи с этим меня немало озадачило известие о том, что ученые калифорнийского Института биологических исследований Дж. Солка, создающие «свиночеловека» (химеру из клеток человека и свиньи), всеми силами стараются не допустить «возникновения элементов сознания» у этих рукотворных организмов. Они не дают человеческим клеткам внедриться в мозг реципиента, чтобы у химеры не раз-

---

²²⁶ Barry Magee and Robert Elwood (2013).

вился разум²²⁷. Эти ученые, с одной стороны, переоценивают возможности горстки разрозненных человеческих клеток, а с другой – упускают из вида, что элементы сознания имеются и у самих свиней.

---

²²⁷ О чувствительности у химеры: www.inverse.com/article/26995.

Пес Хрисиппа

У греческого философа Хрисиппа, жившего в III в. до н. э., мы находим историю об охотничьем псе, которого след вывел на распутье трех дорог. Не учуяв следа добычи на первых двух, пес без раздумий, колебаний и дальнейшего обнюхивания устремился по третьей. С точки зрения Хрисиппа, пес сделал логический вывод: раз на первых двух дорогах следа нет, дичь нужно догонять по третьей. На Хрисиппова пса ссылались многие великие мыслители и даже английский король Яков I, доказывая, что речь не является непременным условием для способности к логическому рассуждению.

Лабораторные мыши, оказавшись на развилке в лабиринте, часто застывают на несколько секунд, прежде чем двинуться дальше. Как позволяют предположить недавние исследования, чтобы выбрать одно из направлений, мышь должна мысленно перенестись в будущее. Нам известно, что грызуны «проигрывают» в особом отделе мозга – *гиппокампе* – последовательность предшествующих действий, а значит, застывшая на распутье в лабиринте мышь вполне может сравнивать воспоминания об уже пройденных путях с воображаемыми предстоящими. Для этого мышь должна отличать уже осуществленные действия от намечаемых, а для этого ей, в свою очередь, необходимо первичное ощущение себя. По крайней мере, так полагают ученые, проводившие

данный эксперимент. И это потрясающе, поскольку в таком случае мы постулируем, что человеку для подобного выбора требуется самосознание, и, соответственно, признаем аналогичный выбор другого живого существа как доказательство, что и оно самосознанием обладает. Подобная экстраполяция вполне приемлема, но все же не лишена риска, поскольку строится на предположении, что задача всегда решается только одним способом²²⁸.

Хрисиппов пес – прекрасный пример очевидного *дедуктивного умозаключения*. Меня же в этом примере интересует не то, как это назвать, а скорее – указывает ли способность к такому умозаключению на обладание сознанием. К счастью, сейчас дедуктивное умозаключение проверяется экспериментально. Американские психологи Дэвид и Энн Премак ставили перед своей шимпанзе Сарой две коробки, в одну из которых клали банан, а в другую – яблоко. Через несколько минут один из экспериментаторов на глазах у Сары съедал либо яблоко, либо банан и выходил из комнаты, оставляя обе коробки в полном распоряжении испытуемой. Поскольку она не видела, откуда экспериментатор взял фрукт, и не знала точно, из коробки или нет, задача перед ней стояла интересная. Однако Сара неизменно выбирала коробку с тем фруктом, который экспериментатор не ел. Очевидно, она делала вывод, что одну коробку экспери-

---

²²⁸ Kristin Hillman and David Bilkey (2010); Thomas Hills and Stephen Butterfill (2015).

ментатор опустошил, следовательно, фрукт остался только во второй. Большинство животных, как отмечают Премаки, на такие умозаключения не способны, они просто наблюдают, как экспериментатор жует фрукт. Шимпанзе же всегда стараются восстановить ход событий, ищут логику и заполняют пробелы²²⁹.

В другом эксперименте обезьянам выдавали две закрытые чашки, предварительно приучив к тому, что лишь в одной из них будет виноград. Обе чашки встряхивали, и обезьяны вполне закономерно выбирали ту, из которой доносился стук виноградин. Однако затем экспериментатор тряс только пустую чашку, в которой, разумеется, ничего не стучало. И тогда обезьяны выбирали другую. Они выясняли, где находится виноград, методом исключения – по отсутствию звука²³⁰, в точности как тот пес, который по отсутствию следа на первых двух дорогах догадался, что ему нужна третья.

Еще один пример дедукции я лично наблюдал в зоопарке Бюргерса, когда мимо шимпанзе, находившихся во внутреннем помещении, пронесли целый ящик обожаемых ими грейпфрутов. Когда мы прошествовали с этим ящиком за дверь, ведущую на открытую территорию, обезьяны явно заинтересовались. Но, когда мы вернулись с пустым ящиком, началось нечто невообразимое: увидев, что грейпфруты исчезли, двадцать пять обезьян разразились дружным уханьем

---

²²⁹ David Premack and Ann Premack (1994).

²³⁰ Josep Call (2004).

и криками восторга. Судя по всему, они заключили, что во-
жделенное угощение осталось на участке, куда их вот-вот
выпустят, и радовались, словно дети, предвкушающие охоту
за пасхальными яйцами.

Исследовать сознание у животных трудно, однако мы
близко подошли к этому, изучая примеры логического рас-
суждения, подобные приведенным выше. Мы, люди, способ-
ны вести подобные рассуждения только осознанно. Чтобы
спланировать вечеринку, нам нужно целенаправленно про-
думать все, что нам понадобится; наверняка то же самое
должны проделывать и животные, когда строят планы на бу-
дущее. Как показывают новейшие исследования в области
нейробиологии, сознание – это адаптивное свойство, позво-
ляющее нам представлять будущее и устанавливать взаимо-
связи между событиями прошлого. Предполагается, что у
нас в мозге существует некое «рабочее пространство», где
мы сознательно храним одно событие, пока не появится дру-
гое, которое нужно с ним увязать²³¹. Возьмем, например, ре-
акцию пищевого отвращения у крыс. Известно, что крысы
избегают определенных токсичных для них продуктов, да-
же если тошнота у попробовавших их начинается лишь че-
рез несколько часов, то есть прямой ассоциацией это от-
вращение объяснить нельзя²³². Могут ли крысы сознатель-
но возвращаться мыслями в недавнее прошлое и перебирать

---

²³¹ Stanislas Dehaene and Lionel Naccache (2001).

²³² John Garcia et al. (1955).

все съеденное, вычисляя, что именно вызвало тошноту? Мы ведь в случае пищевого отравления действуем именно так, и потом нас мутит при одной мысли о сомнительном продукте или ресторане, из-за которого нам пришлось страдать.

Предположение, что у крыс имеется ментальное рабочее пространство, в котором они перебирают собственные воспоминания, не так уж беспочвенно, учитывая растущее число свидетельств их способности «проигрывать» в мозге воспоминания о прошлых событиях²³³. В данном случае мы имеем дело с так называемой *событийной памятью* (*episodic memory*), которая отличается от ассоциативного научения, когда собака усваивает, что за выполнение команды «Сидеть!» она получит крекер. Чтобы создать ассоциативную связь, дрессировщик должен выдать награду сразу, даже несколько минут промедления могут эту связь разорвать. Событийная память, напротив, позволяет возвращаться мысленно к тому или иному событию, иногда очень далекому, например дню свадьбы. Мы вспоминаем, кто как был одет, какая была погода, кто и по какому поводу проследил, кто с кем танцевал, чей дядюшка в конце концов уснул лицом в салате. Для таких воспоминаний требуется участие сознания – как у Марселя Пруста, который в цикле романов «В поисках утраченного времени» возвращается в детство, обмакнув в чай печенье-мадленку. Память с готовностью рисует живые и яркие картины, которые дают возможность по-

---

²³³ Danielle Panoz-Brown et al. (2018).

грузиться в прошлое.

Именно этим видом памяти, скорее всего, пользуются дикие шимпанзе, когда во время поисков корма навещают ежедневно около десятка плодоносящих деревьев. Деревьев в лесу слишком много, чтобы обходить их все наугад. Работая в Национальном парке Таи в Кот-д'Ивуаре, голландский приматолог Карлин Янмат обнаружила, что обезьяны отлично помнят предыдущие места кормежки, поскольку направляются преимущественно к тем деревьям, плодами которых питались в предшествующие годы. Наткнувшись на обильно усыпанное спелыми плодами дерево, они наедятся до отвала, удовлетворенно похрюкивая, и обязательно наведуются к нему еще раз через несколько дней. Как пишет Янмат, направляясь к таким деревьям, шимпанзе устраиваются на ночлег как можно ближе к намеченному курсу и готовы вставать до рассвета, чего они обычно терпеть не могут из-за опасения встретить леопарда. Несмотря на глубоко укоренившийся страх, обезьяны пускаются в дальний путь ради такого обильно плодоносящего дерева, на котором они недавно кормились. Они стремятся опередить других любителей инжира – от белок до птиц-носорогов. Примечательно, что шимпанзе меняют время утреннего подъема в зависимости от удаленности вожака от места ночлега и в результате завтракают почти всегда в один и тот же час. То есть они рассчитывают время на дорогу исходя из расстояния. Все вышеизложенное дало Карлин Янмат основание предпо-

ложить, что, обеспечивая себе вкусный и сытный завтрак, шимпанзе активно опираются на воспоминания о предшествующем опыте²³⁴.

Британский ученый Ники Клейтон поставила с кембриджскими кустарниковыми сойками (семейство врановых) классический эксперимент, позволяющий выяснить, что они помнят о спрятанной про запас пище. Птицам выдавалось два вида корма – скоропортящийся (мучные черви) и долгохранящийся (арахис). Отыскивая свои запасы через четыре часа после закладки, сойки принимались сначала за мучных червей – свой любимый корм – и только потом переходили к арахису. Через пять дней после закладки все кардинально менялось: червей, которые за это время уже протухли и стали несъедобными, сойки даже не пытались искать, зато по-прежнему прекрасно помнили, где спрятан арахис. Этот оригинальный эксперимент, в котором были задействованы и контрольные группы, позволил Ники Клейтон прийти к обоснованному выводу, что сойки прекрасно запоминают, какие именно запасы, когда и где они делают. Чтобы совершить правильный выбор, птицам необходимо «прокрутить» эти данные в голове²³⁵.

Кроме прочего, мы ведем исследования в области *метапознания* – что означает «знание о знании». Допустим, в телевикторине меня просят выбрать между вопросом из те-

---

²³⁴ Karline Janmaat et al. (2014).

²³⁵ Nicola Clayton and Anthony Dickinson (1998).

мы «Поп-звезды 1970-х» или «Кинофантастика». Я без раздумий выберу первую, потому что в ней я разбираюсь лучше. То есть я знаю, что именно я знаю. У животных (обезьян, птиц, дельфинов, крыс), как показывают соответствующие эксперименты с их участием, степень уверенности в своих знаниях тоже может варьировать. Какие-то задания они выполняют с ходу, а в каких-то никак не могут определиться и долго колеблются. В одном из первых таких испытаний от дельфина по кличке Натуа требовалось отличить высокий звук от низкого. Судить о степени его уверенности не составляло труда: чем труднее оказывалась задача, тем медленнее Натуа приплывал давать ответ. Когда звуки резко различались, он мчался стрелой, поднимая волну, грозившую захлестнуть электронную аппаратуру, которую экспериментаторам пришлось в итоге укутать в пластик. Если же разница между звуками была трудноуловимой, Натуа плыл не спеша, крутил головой и колебался при выборе. В таких случаях вместо того, чтобы дать четкий ответ, нажав на одну из двух педалей, обозначающих высоту звука, он нажимал педаль пропуска (то есть просил перейти к следующему заданию). Следовательно, он знал, что, скорее всего, ответит неправильно. Это и есть метапознание в действии, и оно вполне может затрагивать сознание, поскольку от животного требуется оценить надежность собственной памяти и восприятия²³⁶.

---

²³⁶ David Smith et al. (1995).

Даже если эти и другие исследования не расскажут нам так же красноречиво и прямо, – как это сделал Марсель Пруст с его писательским талантом, – насколько животные осознают свои собственные воспоминания, трудно отрицать вероятность того, что животные сознательно путешествуют мыслями во времени и роются в закромах накопленных знаний и опыта²³⁷. Теперь у нас имеются хотя бы зачатки представлений о том, что дает нам сознание и зачем оно развивалось в ходе эволюции. Эти доводы можно распространить и на эмоции, доказывая, что для некоторых животных такой общей характеристики, как чувствительность, недостаточно. Чувствительность подразумевает лишь способность переживать и ощущать, а это возможно и без участия сознания. Однако для видов, обладающих развитым мозгом (то есть всех млекопитающих и птиц), необходимо добавить и такой критерий, как сознание, и не только в том случае, когда речь идет о памяти и мышлении, но и при рассуждениях об эмоциональной жизни. Я подозреваю, что животные, способные сознательно обращаться к своему опыту и воспоминаниям, способны осознавать и переживания на телесном уровне, которые мы называем эмоциями. Вероятно, эта способность помогает им принимать решения, позволяя осознавать, какие чувства у них вызывают происходящие события.

Подводя итоги всему сказанному, в общем и целом мы можем выделить три уровня чувствительности. Первый уро-

---

²³⁷ Robert Hampton (2001).

вень – чувствительность в широком смысле как реакция на условия среды и внутреннее состояние организма, позволяющая поддерживать гомеостаз и предотвращать гибель. Чувствительность, направленная на самосохранение, которая не затрагивает сознание и может быть полностью механической, свойственна любому растению, животному и другим организмам и, вероятно, выступает основой для высших своих форм. Второй уровень – чувствительность в узком смысле, предполагающая способность испытывать боль, удовольствие и другие ощущения в той степени, в которой они могут отложиться в памяти. Этим видом чувствительности, обеспечивающим научение и модификации поведения, с большой долей вероятности обладают все животные, имеющие мозг, независимо от его размеров. И наконец, третий уровень – это сознание, при котором внутренние состояния и внешние условия не просто запоминаются, но оцениваются, взвешиваются и логически увязываются, как в примере с псом Хрисиппа. Осознанная чувствительность нужна как для ощущений, так и для решения задач. Мы не знаем, где и когда она зародилась, но подозреваю, что это должно было случиться на относительно раннем этапе эволюции.

Эволюция без чудес

В 2016 г. я был в числе организаторов международной конференции, посвященной эмоциям и чувствам у человека и животных. Проводилась она в Эрриче – древнем сицилийском городе-крепости на горе высотой 750 м. В перерыве между заседаниями мы с Яком Панксеппом прогуливались по извилистым мощеным улочкам с великолепным видом на Средиземное море и беседовали о чувствах животных. Я считал, что переходить к конкретике еще рано: «По моему, я знаю, что они чувствуют, но пока это всего лишь домыслы». Яак с неизменной своей добродушной грустью покачал головой: «Во-первых, Франс, наличие чувств у животных уже подтверждается, и довольно убедительно. А во-вторых, кому и когда мешали обоснованные предположения?» Он полагал, что я должен выйти и открыто рассказать о своих впечатлениях. Поскольку теперь я склонен с ним согласиться, попытаюсь обрисовать его точку зрения и объяснить, почему он вынужден был всю жизнь за нее сражаться.

Яак Панксепп, увы, скончавшийся через год после той конференции, был основоположником и корифеем нейробиологии аффектов. Он рассматривал эмоции человека и животных в непрерывном преемственном развитии и первым предложил для этого нейробиологическую концепцию. Ему приходилось идти против господствующих в науке тече-

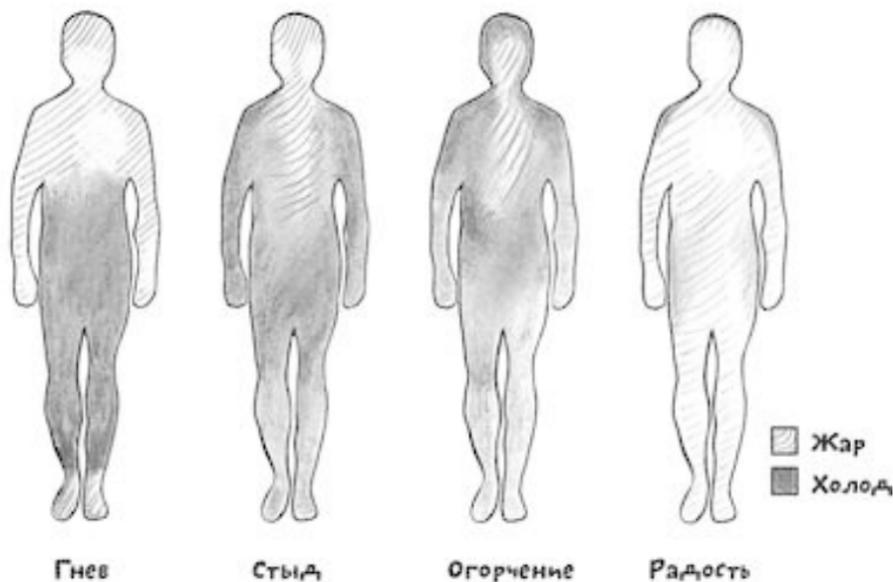
ний, самым мощным и несокрушимым из которых был радикальный бихевиоризм Б. Скиннера, для которого человеческие эмоции ничего не значили, а эмоции у животных и вообще оставались под большим вопросом. Стремление изучать нейробиологические основы аффектов (эмоциональных переживаний) не вызывало ничего, кроме насмешек, поэтому с финансированием у Панкsepпа всегда было туго. Однако, несмотря на вечную нехватку денег, он сделал больше, чем кто-либо другой для того, чтобы эмоции у животных стали обсуждать всерьез. Он и получил известность благодаря изучению ультразвуковых выражений радости, игрового настроения и смеха у крыс. Он выяснил, что активные попытки крыс подставляться под щекочущие пальцы, скорее всего, обусловлены вознаграждением, которое дают опиоиды, вырабатываемые в мозге. По данным его исследований, эмоции базируются в древних подкорковых отделах мозга, общих для всех позвоночных, а не в относительно недавно развившейся коре. Его фундаментальный труд под названием «Нейробиология аффектов. Основы эмоций человека и животных» (Affective Neuroscience: The Foundations of Human and Animal Emotions, 1998) стал бестселлером по меркам научной литературы. Яак Панкsepп опередил свое время и оказал влияние на многих ученых, занимающихся животными, – в том числе на Темпл Грандин и на меня.

На конференции 2016 г. в Эриче Панкsepп ввязался в долгий и жаркий спор с Лизой Фельдман Барретт, которая

считает, что эмоции конструируются разумом и потому зависят от языковой и культурной принадлежности. С ее точки зрения, эмоции не заложены у нас изначально, они сплетаются из прошлого опыта и сиюминутной оценки происходящего, поэтому невозможно точно выделить конкретные эмоции²³⁸. Концепция Лизы Фельдман Барретт была, по сути, прямой противоположностью гипотезе Панксеппа о подкорковом базировании эмоций, и оба оппонента стояли на смерти, повторяя одни и те же доводы снова и снова, как часто бывает, когда доказываешь свое, не слушая собеседника. Но мне кажется, совсем не обязательно было впасть в непримиримую конфронтацию, ведь если провести четкую грань между эмоциями и чувствами, логичными будут обе точки зрения. Панксепп говорил в первую очередь об эмоциях, а Лиза Фельдман Барретт – о чувствах. Для нее чувства и эмоции – это одно и то же, тогда как Панксепп, я и многие другие ученые считаем необходимым их разделять.

---

²³⁸ Lisa Feldman Barrett (2016).

Эмоции затрагивают не только сознание, но и тело. В ходе исследования представителей трех разных культур просили обозначить на контурном рисунке, в каких именно частях тела они ощущают те или иные эмоции. Все сошлись на том, что гнев в основном сосредоточен в голове и верхней части корпуса, а радость разливается по всему телу. От стыда горит голова и щеки, но холодеет все остальное, тогда как от огорчения тело будто бы немеет. По данным исследования Лаури Нумменмаа и др. (Nummenmaa et al., 2014)

Эмоции поддаются наблюдению и измерению, отражаются в физических реакциях, в действиях и поступках. Поскольку тело у всех людей на земле устроено одинаково, эмоции в общем и целом универсальны (включая и то, что мы

испытываем, когда влюбляемся, веселимся или злимся). Поэтому эмоциональная изоляция нам не грозит даже в тех странах, где мы ни слова не знаем на местном языке. Чувства же, наоборот, представляют собой личные, скрытые от посторонних глаз ощущения и переживания, которые варьируют в зависимости от обстоятельств и субъекта. Что один человек ощущает как боль, другой может ощущать как удовольствие. Между эмоциями и чувствами нет однозначного соответствия. В каждом языке имеются свои понятия для описания субъективных состояний, и сами люди вкладывают в свои чувства и их подоплеку совершенно разный жизненный опыт.

И во всем этом активно участвует тело. Описывая свои чувства, мы прикладываем руку к сердцу или к животу, впираемся ногтями в ладони, сжимаем руками виски или крепко обхватываем себя, словно боясь рассыпаться на части. Плач, например, – это не только звук. Нам становится трудно дышать, у нас сбивается ритм сердцебиения, опускается диафрагма, в горле встает ком, по лицу текут слезы. Мы плачем всем телом. Уильям Джеймс пошел еще дальше, утверждая, что физическая реакция – это не столько выражение эмоции, сколько сама эмоция и есть. Хотя предположение это пока остается спорным, группа финских ученых во главе с Лаури Нумменмаа составили карту областей тела, задействованных при различных эмоциях. Они просили участников эксперимента отметить на этой карте области, которые связаны у них

с той или иной эмоцией. В результате оказалось, что отвращение затрагивает пищеварительный тракт и горло; гнев и радость – верхние конечности, а страх и тревога – желудок. Поскольку отмеченные области, как ни удивительно, совпали у носителей финского, шведского и тайваньского – трех совершенно не родственных языков, – исследователи пришли к выводу, что представители разных культур переживают эмоции одинаково²³⁹.

Это ни в коем случае не отменяет расхождений в том, как мы описываем и обсуждаем свои чувства. Тесть с тещей у меня французы, и я не раз поражался тому, насколько они экспрессивны по сравнению со сдержанными голландцами, которые стараются казаться как можно более спокойными и рассудительными. Французы же с легкостью распалются или впадают в сантименты, особенно когда речь идет о любви и еде. Нас с женой после нескольких десятилетий совместной жизни эти культурные различия не пугают, пусть и сейчас порой не обходится без комичных ситуаций или недоразумений (тоже иногда гомерически смешных). Тем не менее, хотя при описании своих чувств голландцы и французы кажутся жителями разных планет (и тем самым подтверждают гипотезу Фельдман Барретт о том, что чувства конструируются разумом), когда к участию подключается тело, голос, мимика, все культурные барьеры рушатся. Досада на проигрыш своей футбольной команды выглядит совершенно оди-

---

²³⁹ Lauri Nummenmaa et al. (2014).

наково и у французских болельщиков, и у голландских.

В значительной мере во всей этой путанице повинны языковые фильтры, через которые ученые рассматривают человеческие эмоции. Мы сосредоточиваемся на вербальном выражении пережитого, акцентируя лингвистические нюансы, обращая чуть ли не больше внимания на ярлыки, чем на сами чувства, которыми они должны обозначаться. Панксепп же действует «от противного», начиная свои поиски из глубин мозга, где никакие словесные ярлыки и языковые значения не играют почти никакой роли. Хотя чувствами Панксепп никогда не занимался, он был уверен, что они всегда присутствуют, не только у человека, но и у крыс. Это просто составляющая эмоций.

Одно из самых убедительных доказательств – реакция животных на препараты, которые вызывают у человека состояние удовольствия или эйфории. Механизм воздействия этих веществ на человеческий мозг хорошо изучен. Крыс привлекают абсолютно те же самые вещества, и изменения в их мозге происходят абсолютно такие же. Собственно, по их реакции на тот или иной новый препарат (будут они жаждать его или избегать) можно в точности спрогнозировать, подкрепляющим воздействием он будет обладать у человека или отталкивающим. Объяснить такую идентичность чем-то кроме общности субъективных переживаний было бы трудно.

Однако такое объяснение нравится не всем. О чувствах животных до сих пор принято упоминать с оговорками и все

отсылки к ним маскировать тучей кавычек и эвфемизмов. В 1949 г. швейцарский психолог Вальтер Гесс получил Нобелевскую премию за открытие того, что агрессивную реакцию у кошек можно вызвать с помощью электростимуляции гипоталамуса. Вздрыгнув шерсть, кошка выгибает спину, шипит, бьет хвостом и выпускает когти, готовая напасть. Кроме того, у нее поднимается давление, расширяются зрачки и появляются другие признаки ярости. Но как только стимуляция пропадает, кошка тотчас успокаивается и снова ведет себя как обычно. Тем не менее Гесс называл это состояние не иначе как «мнимой яростью», камуфлируя, таким образом, эмоциональную составляющую поведения кошки. Однако впоследствии, уже отойдя от научной деятельности, он об этой уловке жалел. По его собственному признанию, он использовал этот обтекаемый термин лишь для отвода глаз, чтобы не придрались американские эксперты, даже в мыслях не допускающие, что, воздействуя на подкорковые отделы мозга, можно возбудить полноценную эмоцию. В действительности же, как утверждал сам Гесс, ему всегда казалось, что кошки при этом чувствовали самую настоящую ярость²⁴⁰.

Под придирающимися «американскими экспертами» Гесс, Панксепп и другие европейские ученые подразумевают бихевиористов. Несмотря на то что эта научная школа была распространена во всем мире, наибольшая приверженность ее радикальной доктрине и принципам ощущалась в севе-

---

²⁴⁰ Jaak Panksepp (1998).

роамериканских университетах. Изначально бихевиористами двигало благое намерение разработать единую концепцию, объясняющую поведение человека и животных. Своим названием (бихевиоризм – от behavior, «поведение») их теория обязана стремлению сосредоточиться на наблюдаемых действиях и поступках, пренебрегая всем, что скрыто от глаз – сознанием, мыслями, чувствами. Бихевиористы считали, что психологии пора сбросить «ярмо сознания»²⁴¹. Нужно поменьше рассуждать (или даже совсем не говорить) о том, что происходит «в голове», и побольше – о поведении как таковом.

Однако произошедшая полвека спустя «когнитивная революция» побудила науку отклониться от этого вполне достойного пути. В 1960-е гг. психологи начали заострять внимание на когнитивных процессах у нашего вида, исследовать сознание и мышление. Они раскритиковали бихевиоризм за узость подхода и отказались от него. В то время бихевиоризм еще мог бы модернизироваться, принять на вооружение ряд принципиальных концепций когнитивистики и двигаться дальше в общем русле. Вместо этого бихевиористы предпочли отмежевать наш вид от всего остального царства животных. Если отказать человеку в способности думать или осознавать себя было бы затруднительно, то отрицать эти способности у остальных животных приверженцам бихевиоризма по-прежнему никто не мешал. Они упор-

---

²⁴¹ John B. Watson (1913).

но настаивали на том, что к животным следует относиться как к бесчувственным механизмам, действующим по принципу «стимул – реакция», но к людям этот подход применяли осторожно и избирательно. Так бихевиористы создали разрыв между человеком и всеми остальными видами, который впоследствии только разрастался.

В результате на всех факультетах психологии по всему миру образовались два направления. Тем, кто изучал человеческое поведение, давалось полное право видеть за ним широкий спектр сложных мыслительных процессов, подразумевающих высокий уровень самосознания. Для человека предполагались самые сложные когнитивные хитросплетения – например, один человек знает, что другой знает, что первый знает что-то, чего они не знают. Те же, кто изучал животных, то есть занимался так называемой сравнительной психологией, действовали с точностью до наоборот – старательно избегали любого упоминания о мыслительных процессах и старались предельно все упростить. Поведение животных объясняли через научение на основе опыта, независимо от того, каким размером мозга обладал данный вид, хищник он или жертва, летает или плавает, к теплокровным относится или холоднокровным и так далее. Ученые, которые отважились рассуждать об особых способностях, связанных с эволюционной историей вида, напрашивались на жесточайшую критику, поскольку исключения из выведенного Торндайком «закона эффекта» не признавались. Удивительно, как

бихевиоризм, упорно отвергающий и биологию, и этологию, и теорию эволюции, в принципе продержался столько времени.

Разница между психологами «человеческими», которые могли ни в чем себе не отказывать, и зоопсихологами, вынужденными ограничивать себя на каждом шагу, выростала в проблему, которую уже давно предвидел Уильям Джеймс. Он-то как раз подчеркнул преемственность между человеком и остальными животными:

Потребность в преемственности оказалась поистине пророческой. В связи с этим мы должны искренне стараться всеми возможными путями проникнуть к истокам сознания, чтобы оно не выглядело как вторжение чего-то нового, до той поры не существовавшего²⁴².

Увы, увязать противоречивые взгляды на разум человека и животных получалось только за счет «вторжения нового». Именно поэтому мы так часто слышим об огромном скачке, который сделал человек в ходе своего эволюционного развития. Разумеется, современный ученый не позволит себе говорить ни о божественном начале, ни тем более об акте творения, но идея все равно выглядит очень похожей. Неиссякающий поток литературы о нашей исключительности рисует, как сказано в аннотации к одной из таких книг, «человека, совершающего свой неповторимый шаг: одной ногой

---

²⁴² William James (1890), p. 148.

он твердо стоит среди тех существ, с кем развивался, а другой – на особом месте, связанном с самосознанием и осмыслением, которое во всей вселенной занимаем лишь мы»²⁴³. Каждая книга, посвященная человеческой исключительности, приводит свою версию того, почему же нам так повезло. Благодаря особенному (но всегда загадочному) процессу в мозге, влиянию культуры и цивилизации или совокупности мелких перемен с далеко идущими последствиями. Немецкий философ и друг Карла Маркса Фридрих Энгельс даже оставил нам очерк «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека»²⁴⁴.

Любая из этих версий неизменно требует от нас представить вместо привычного медленного, плавного хода эволюции неожиданный – да еще лихо закрученный – вираж. Однако на самом деле изобретать подобный вираж понадобилось лишь потому, что наука отказывается принимать в расчет способности животных. Мы предельно долго принижали их так, что наши собственные когнитивные достижения стали казаться недостижимыми. Но что, если в действительности умственные способности животных вовсе не так незначительны, как мы их представляем?

Сегодня мы переживаем вторую волну когнитивной рево-

---

²⁴³ Рекламный текст на обложке книги Кеннета Миллера – Kenneth Miller (2018).

²⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 50 т. Т. 20. – М.: Политиздат, 1961. – С. 345–499.

люции, наконец распространившейся и на наших собратьев. Молодое поколение ученых уже не сковано теми табу, которые так долго нас сдерживали. Уровень, на который мы помещаем животных, повышается день ото дня – медленно, но верно. В интернете регулярно появляются новости об ошеломляющих научных открытиях в области *эволюционного познания* (изучении разума человека и животных с эволюционной точки зрения), иллюстрируемые потрясающими воображение видеороликами, в которых человекообразные обезьяны, врановые, дельфины, слоны и прочие демонстрируют и понимание причинно-следственных связей, и *понимание психических состояний других особей*²⁴⁵, и планирование, и самосознание, и культурное наследование. Благодаря этим исследованиям когнитивные способности животных настолько выросли в наших глазах, что теперь история развития человеческого разума может обойтись и без чудес. Все основы были заложены еще в незапамятные времена.

Тем временем нейробиология, вскрывая «черный ящик» мозга, выдвигает гипотезы о том, как животные решают задачи, и эти гипотезы все меньше и меньше опираются на прежние теории научения. Бихевиоризм умирает медленной

---

²⁴⁵ Эту сторону психики обозначают термином «theory of mind», однако дословный перевод «теория разума» совершенно не отражает сути явления. В отечественной литературе принят термин «модель психического» (Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Прусакова О.А. Модель психического как основа становления понимания себя и другого в онтогенезе человека. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009). – *Прим. науч. ред.*

смертью, лишь изредка поднимая голову, чтобы из последних сил попытаться притормозить развитие науки. Панксепп боролся с его гнетом всю свою жизнь, поскольку тогда бихевиоризм был в полном расцвете. Насаждаемое бихевиористами представление о животных как о роботах было для Панксеппа проклятием, и он сетовал на «патологический агностицизм», не дававший никому занять твердую позицию по отношению к происхождению разума.

Западные ученые всегда увлекались метафорами из области механики. Все трудно поддающиеся пониманию биологические процессы сравниваются с механическими. Машины мы понимаем, потому что конструируем их сами. И поэтому нам проще представить сердце как насос, тело – как автомат, а мозг – как компьютер. Блуждая в дебрях такой запутанной и туманной биологии, мы пытаемся превратить ее в подобие Ньютоновой физики. Именно в такой механистический шаблон вписывал человеческие страсти французский философ XVII в. Рене Декарт в своем знаменитом «Трактате о человеке»:

Я желаю, чтобы вы заметили, что все эти отправления (включая страсть, аппетит, память и воображение) суть естественные последствия расположения органов этой машины, подобно тому как движения часов или автомата суть результат действия противовеса и колес²⁴⁶.

---

²⁴⁶ René Descartes (1633), p. 108.

Правомерность метафоры часового механизма пытаются оспорить почти столько же, сколько она существует. Самый очевидный ее изъян в том, что, в отличие от механики, в биологии все растет и развивается в совокупности и тесной взаимосвязи. Мозг больше похож на незастывший студень, чем на механизм, в нем миллиарды разных связей, самым невероятным способом интегрированных на всех уровнях в единое целое. Кроме того, он представляет собой неотъемлемую часть всего организма и его нельзя рассматривать в отрыве от него. Рукотворные же устройства, наоборот, собираются из разрозненных деталей, изготовленных отдельно и впервые оказавшихся рядом только на столе мастера. В собранном механическом приборе они никак друг от друга не зависят и сообщаются лишь в пределах тех или иных конструктивных узлов. Там нет неочевидных дальних связей, тогда как в человеческом организме мы обнаруживаем все новые и новые связи такого рода – например, связь между кишечной флорой и мозгом или синхронизация сердцебиения у будущей матери и плода²⁴⁷. В часовом механизме каждая деталь сохраняет относительную независимость, поэтому часы можно разобрать, собрать заново, и они опять будут ходить. Организм такого бесцеремонного обращения не потерпит. Отрежьте какой-нибудь орган – допустим, печень, и можете сразу прощаться со всем остальным. Ваш «механизм» разрушен. То есть даже не разрушен, а попросту погиб.

---

²⁴⁷ Peter van Leeuwen et al. (2009).

Панксепп не мог примириться с тем, что животных полагаются воспринимать как системы ввода-вывода с ограниченным набором реакций. Организм не имеет ничего общего с машиной, и все эти часовые и компьютерные метафоры только сбивают с толку. Панксепп же искренне интересовался внутренними переживаниями животных и, как любой биолог, подразумевал преемственность между ними и человеком.

Невозможность выяснить напрямую, что чувствуют животные, не такая уж серьезная помеха. Как-никак у науки большой опыт работы с тем, что нельзя увидеть воочию. Эволюцию путем естественного отбора нельзя наблюдать, как и дрейф материков или большой взрыв, однако все эти теории подкреплены такими неоспоримыми доказательствами, что мы воспринимаем их почти как факт. Или возьмем одну из основ современной психологии – «theory of mind», «модель психического», то есть понимание психических процессов, как собственных, так и другого субъекта. Никто и никогда не видел, как она работает, однако это не мешает считать ее важным этапом развития ребенка. Во всех этих случаях мы собираем доказательства и свидетельства и смотрим, как они согласуются с гипотезой. В конце концов, даже то, что Земля круглая, непосредственно подтвердил только цветной снимок нашей планеты из космоса в 1967 г. Поэтому распространенный довод, гласящий, что чувства и сознание животных науке неподвластны, поскольку мы их не видим, прини-

мать в расчет ни в коем случае не нужно. Как мудро заметил Панксепп:

Если мы собираемся рассматривать существование эмпирических состояний, таких как сознание, у других животных, нужно быть готовыми работать на уровне теорий, где о состоятельности доводов приходится судить по массиву свидетельств, а не ждать исчерпывающего доказательства²⁴⁸.

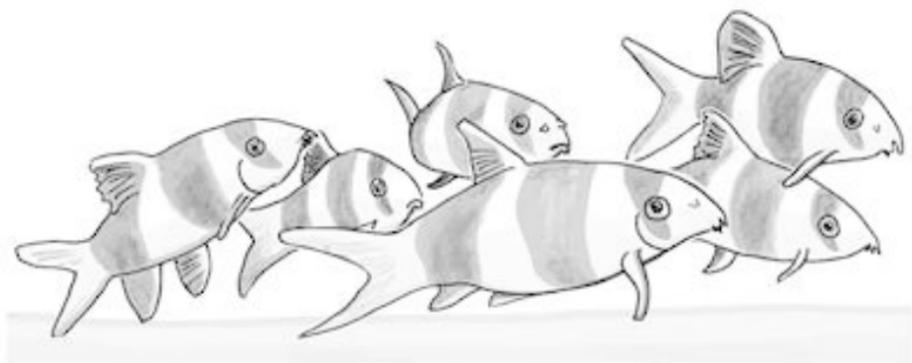
²⁴⁸ Jaak Panksepp (2005), p. 31.

Рыбы не плачут

Я, как это ни странно для приматолога, увлекаюсь рыбами. Мальчишкой я ездил по субботам на велосипеде ловить колюшек, саламандр и прочих водных обитателей, которых потом держал в разномастных горшках и ведерках, пока на очередной день рождения мне не подарили первый аквариум. С тех пор я не мыслю своей жизни без аквариумов, и в нынешнем моем доме тоже имеются два больших встроенных в стену пресноводных резервуара с растениями и рыбами.

Сейчас рыбы у меня умирают крайне редко. У меня живет один крупный сом плекостомус, которому, наверное, уже больше двадцати пяти лет, и стайка боций макрокантов возрастом не менее пятнадцати. И хотя они немного похожи на рыбку Немо – амфиприона-клоуна, прославившегося благодаря диснеевскому мультфильму, – роднит их только яркая полосатая раскраска: амфиприоны обитают в океане, а боции – пресноводные и принадлежат совсем к другому семейству. Несмотря на толстые бока, неповоротливыми их не назовешь, и наблюдать за их проворной стаей не надоедает никогда. Они всегда держатся вместе, то и дело соприкасаются, часто протискиваются в немыслимо узкие лазейки. Секрет хорошего аквариума – изобилие укрытий, так что увидев в такой пещерке кого-нибудь из своих друзей, боция

немедленно туда юркнет, и они будут выглядывать наружу уже вдвоем, тесно прижимаясь друг к другу. Иногда в такие укрытия умудряются набиться все шесть рыбок. Я говорю «друзей», потому что они действительно друг друга узнают. Я убедился в этом на горьком опыте, когда несколько раз пытался посадить к ним кого-нибудь еще. Нет, новичков не задирали, как бывает у территориальных видов, изгоняющих непрошенных гостей, однако прием им оказывали холодный и вписаться в сложившуюся стайку не смог ни один.

Социальная природа проявляется у рыб не только в больших косяках, но и в мелких стайках, в которых они узнают друг друга «в лицо». Боции — тропические пресноводные рыбы — часто снуют туда-сюда сообща и держатся вместе

Мне нравится общительность моих боций и интересно взаимодействие у других рыб, которое на самом деле гораздо

сложнее, чем думает большинство. В некоторых парах самец с самкой отлично ладят и мирно плавают бок о бок, тогда как в других не прекращаются стычки, и супруги даже поест друг другу не дают. Понятно, что при таких напряженных отношениях потомства у этой пары не будет. Какие-то виды рыб заботятся о выводке – как многие цихлиды или колюшки, которых я держал в детстве. После оплодотворения колюшка-отец обмахивает икру плавниками, обеспечивая приток кислорода, а после того, как вылупятся мальки, еще несколько дней не дает выводку рассеяться, засасывая в рот норовящих сбежать и выпуская обратно в гнездо. Возможность наблюдать все эти взаимоотношения так близко – огромная привилегия аквариумиста, а для меня еще и вечный повод недоумевать, почему рыб всегда недооценивают. К ним относятся как к какой-то низшей форме жизни, о которой, в отличие от других животных, даже беспокоиться не стоит.

Вот уже полвека дебаты о чувствительности, как и следовало ожидать, то и дело сворачивают на выяснение вопроса о том, ощущают ли рыбы боль. Если сегодня никому не придет в голову, как некоему выдающемуся картезианцу, пнувшему беременную собаку, объявлять ее скулеж скрипом шестеренок (между тем сам Декарт своего пса обожал), то насчет рыб у людей по-прежнему остаются сомнения. Отчасти они объясняются тем, что рыбы и в самом деле совсем не обязательно чувствуют боль, когда трепыхаются на суше или

спасаются от опасности. Как у многих животных, на нейронных аксонах у них имеются рецепторы, реагирующие на повреждение периферической ткани. Реакция эта, называемая ноцицепцией, автоматическая – как у нас, когда мы, случайно коснувшись горячей кастрюли, машинально отдергиваем палец, даже не осознав, что произошло. Ноцицепторы посылают сигналы в мозг, и тот командует телу избавиться от источника угрозы или отшатнуться. Довольно долго утверждалось, что у рыб имеется лишь такая рефлекторная система реакции на боль.

Значит ли это, что дергающаяся на крючке рыба ничего не чувствует? Представители рыбной отрасли, конечно, предпочли бы изобразить все именно так. Многие исследователи доказывают, что в силу отсутствия у рыб коры головного мозга у них отсутствует и восприятие боли. Кроме того, рыбы не подают сигналов бедствия, и это тоже усиливает наши сомнения. Поскольку для людей самым понятным сигналом боли служит высокий пронзительный звук, нам остается только гадать, насколько в действительности плохо рыбе, которая всегда молчит. Между тем у рыб имеются свои способы коммуникации, которые мне наглядно продемонстрировали золотые рыбки в моем собственном пруду.

При всей своей любви к диким животным должен признаться, что питаю самые недобрые чувства к цаплям. Их длинный клюв приспособлен для того, чтобы пронзать добычу насквозь, и, увы, бьют эти красавцы практически без

промаха. А золотых рыбок выводили как яркое, бросающееся в глаза украшение пруда, и это их свойство отнюдь не способствует их выживанию. Одной цапле не составит труда за несколько часов опустошить весь декоративный водоем. Так что, заметив у себя на заднем дворе эту изящную серую птицу, я решил накрыть пруд сеткой. Лишившись возможностей для охоты, цапли больше не показывались.

Однако в сетке, свисавшей в воду, запуталась золотая рыбка. Пленницу я вызволил, но, судя по белым проплешинам на золотистых боках, в ловушке она барахталась, обдирая чешую о сетку, довольно долго. После этого все остальные рыбы как-то непривычно присмирели и не показывались из укрытий даже ради кормежки. Вероятнее всего, они наблюдали мучения своей товарки, продолжавшиеся, возможно, несколько часов. Но, что еще интереснее, точно так же перепугались рыбки в другом моем пруду, никак не соединенном с первым. Они тоже залегли на дно. Поскольку в телепатию я не верю, требовалось другое объяснение. Узнать о страданиях пленницы напрямую они никак не могли.

Почти столетие назад один австрийский ученый открыл *Schreckstoff*. Немецкий глагол *schrecken* означает «испугаться» – например, если ко мне в окно влезет медведь, я schreck'нусь до смерти. *Stoff* же означает «вещество». Таким образом, *Schreckstoff* – это вещество, которое передает послание от напуганного и либо покалеченного, либо растерзанного хищником животного. Так как сама жертва уже ни-

чего никому сообщить не может, всех остальных рыб предостерегает выделяемое ею *Schreckstoff*, давая им время принять меры, чтобы не повторить участь пострадавшего. То, что сигнал тревоги выгоден только адресатам, а не самой жертве, само по себе любопытно, однако меня тогда больше интересовало, как это вещество перебралось из одного водоема в другой. Догадался я, лишь когда вспомнил, что очистной фильтр у меня один на оба пруда.

После этого происшествия пострадавшая рыбка восстанавливалась месяца два (проплешины постепенно зарастали), тогда как остальные пришли в себя примерно через неделю. Не обладая непосредственными сведениями о травмирующем событии, они тем не менее приняли правильные меры защиты от хищников благодаря химической системе оповещения. Хотя действующее вещество *Schreckstoff* (сахароподобная молекула) науке теперь известно, от этого нам все равно не становится яснее, что чувствуют рыбы²⁴⁹.

В физиологическом отношении рыбы поразительно схожи с млекопитающими. У них происходит адреналиновый выброс, когда случается что-то неожиданное, и повышается уровень кортизола, когда их теснят или гоняют. Рыба, которая весь день вынуждена прятаться в дальнем углу аквариума от собрата, яростно защищающего свою территорию, может в буквальном смысле умереть от стресса. У рыб вырабатывается и дофамин, и серотонин, и изотоцин. Изотоцин –

---

²⁴⁹ Ajay Mathuru et al. (2012).

это их эквивалент окситоцина, участвующего в социальном поведении.

Поэтому не стоит удивляться исследованиям депрессии у рыб. В одном из таких исследований экспериментаторы нескольких недель вырабатывали у данио-рерио зависимость от этанола, а затем, резко прекратив «запой», вызвали у рыбок абстинентный синдром. Данио утратили интерес к жизни, стали апатичными и безучастными – как случается с человеком, впавшим в депрессию. Перестав резвиться у поверхности воды, данио почти без движения замирали у самого дна. В нормальном состоянии рыбы любопытны и лучше всего чувствуют себя в насыщенной объектами среде, однако сейчас они скучали и даже не пытались исследовать аквариум. Замечу, что «скука» и «депрессия» в данном случае вовсе не антропоцентристская проекция: когда этим безразличным ко всему рыбам давали антидепрессанты – например диазепам, – они оживлялись и начинали больше плавать у поверхности. Одинаково успешное воздействие препарата и на человека, и на рыбу говорит об их глубинном неврологическом сходстве²⁵⁰.

Та же история и с болью. Британский ихтиолог-рыбовод Виктория Брейтуэйт в своей книге «Больно ли рыбам?» (Do Fish Feel Pain? 2010) приводит примеры проявлений у них интеллекта, показывающие заодно, как рыбы реагируют на отрицательные раздражители. Когда им вводят подкожно

---

²⁵⁰ Julian Pittman and Angelo Piato (2017).

раздражающие химические вещества, например уксус, они трутся о гравий на дне аквариума, пытаясь избавиться от неприятного ощущения. Они теряют аппетит и становятся настолько рассеянными, что утрачивают привычную настроенность по отношению к незнакомым объектам. Однако, когда им вводят болеутоляющее – например, морфин, – эти симптомы пропадают. Кроме того, рыбы стремятся избежать боли, причем не только рефлекторно, как избегает ее любой обладатель ноцицептивной системы: они помнят, где именно подверглись вызывающему боль воздействию, и стараются избегать этих мест. То есть, пользуясь тем же аргументом, который мы приводили применительно к крабам, можно сделать вывод: если раздражающее воздействие отложилось в памяти, значит, его ощутили. Принимая во внимание данные этого и других исследований, сейчас все сходится на том, что боль рыбы чувствуют²⁵¹.

Вам может показаться странным, что к этому заключению пришлось идти так долго, однако у нас есть параллельный пример, который озадачивает еще больше. Точно так же наука очень и очень долго относилась к человеческим младенцам. Их считали недоллюдьми, которые производят «случайные звуки», улыбаются лишь из-за «газиков» и не чувствуют боли. Серьезные ученые ставили жестокие эксперименты, в которых младенцев кололи иглами, поливали горя-

---

²⁵¹ Victoria Braithwaite (2010); Lynne Sneddon (2003); Sneddon, Braithwaite, and Michael Gentle (2003).

чей и холодной водой и сдавливали им голову, доказывая, что ничего они не чувствуют. Реакция младенцев считалась рефлекторной, начисто лишенной эмоций. В результате врачи регулярно причиняли младенцам боль (во время обрезания или инвазивной хирургии), поскольку применять анестезию считалось излишним. Им вводили только кураре – миорелаксант, не дававший младенцам сопротивляться действиям врачей. Этот подход изменился лишь в 1980-е, когда выяснилось, что у младенцев имеется полноценная реакция на боль, выражаемая гримасами и плачем. Сегодня нам об этих экспериментах читать дико и кажется странным, как такую реакцию на боль умудрялись не замечать прежде²⁵².

Как видим, скептическое отношение к боли распространяется не только на животных, но и на любой организм, не обладающий даром речи. Как будто наука обращает внимание на чувства, только если они имеют четкое вербальное выражение: «Твое действие причинило мне острую боль!» Придавать такое значение языку просто смешно. Тем не менее мы больше столетия проявляли агностицизм во всем, что касается боли и сознания, не выражаемых словесно.

---

²⁵² David Chamberlain (1991).

Прозрачность

Как ни парадоксально, результаты исследований интеллекта и эмоций у животных оборачиваются против самих же исследований. Передо мной тоже возмущенно потрясали моими собственными открытиями. Гуманно ли вводить рыбам уксус, мучить обезьян когнитивными заданиями, держать дельфинов в неволе и даже заводить домашних питомцев? Кто-то и вовсе доказывает, что исследования поведения не нужны, ведь и так понятно, что животные умны и обладают такими же эмоциями, как и мы. Это же всем известно! Тут я поспорю: будь это общепризнанной истиной, нам не пришлось бы отчаянно бороться за свои концепции. Не стоит забывать, что животных веками изображали как бесчувственные механизмы, лишённые значимых ощущений и эмоций. Так что «всем известно» – это не аргумент.

Если бы человек никак и нигде не сталкивался с животными, никогда не жил с ними рядом, не исследовал их способности, мы бы ничего о них не знали и, наверное, даже не думали. Нас редко волнует то, что нас не касается. Поэтому я твердо верю, что активное стремление держать домашних питомцев, а также посещать зоопарки и заповедники, чтобы понаблюдать за дикими животными, самым благоприятным образом влияет на наши отношения с братьями. Многие горожане, все больше и больше отрываясь от природы, смот-

рят на нее через розовые диснеевские очки, плохо представляя себе суровую действительность. Поэтому общение с животными активно формирует наши представления о них, побуждает узнать больше и заботиться о том, чтобы они не исчезли с лица земли. При виде того, как школьники целыми классами бегают по зоопарку, заполняя розданные учителем листочки с вопросами и заданиями, я испытываю оптимизм, поскольку вижу здесь энтузиазм и жажду знаний. Все это в конечном итоге сводится к тому, что биолог-эволюционист Эдвард Осборн Уилсон назвал *биофилией*, – к инстинктивной тяге человека к другим животным и природе в целом. У нас за плечами долгая история тесного взаимодействия с животными – и ради обеспечения средств к существованию, и ради досуга, – и не факт, что отказ от этого взаимодействия пойдет на пользу нам и им. Человеку будет еще меньше дела до них, чем сейчас.

Все было бы иначе, если бы на планете сохранялись девственные территории, нетронутая естественная среда, куда животные могли бы удалиться, но, увы, того мира больше нет. Поэтому сама идея освобождения животных довольно спорная. Прирученные, одомашненные виды, которые потянулись к нам в незапамятные времена, теперь зависят от нас целиком и полностью. У диких животных зачастую тоже нет альтернативы обитанию бок о бок с нами или под нашей охраной. Многим пришлось выгрызть себе экологическую нишу в разрастающихся городах и продолжать свое эволю-

ционное развитие в созданной человеком среде. Это, например, городские койоты в Северной Америке (они забредают ко мне на задний двор) и ожереловые попугаи Крамера – ярко-зеленые тропические птицы, стаи которых чирикают сейчас на улицах и площадях по всей Европе. В процессе приспособления к новой городской среде у таких животных меняется генофонд²⁵³. С другой стороны, животные, лишившиеся своей естественной среды обитания и не сумевшие приспособиться к нашей, оказываются в большой беде. Примеров я могу привести немало, и, как ни горько, возглавляют этот список наши ближайшие родичи – человекообразные обезьяны.

Выражаясь предельно четко и недвусмысленно: если бы завтра я родился заново в теле орангутана и мне предложили выбор – жить в джунглях Борнео или в одном из лучших зоопарков мира, Борнео я бы, наверное, не выбрал. Больно смотреть на фотографии детенышей орангутана, сгрудившихся вокруг единственного уцелевшего дерева в выгоревшем дотла лесу. Когда же орангутаны-«беженцы» начинают объедать плодовые деревья на фермах, их отстреливают как вредителей. В переполненный индонезийский заповедник продолжают поступать все новые и новые особи. Этим крупным обезьянам требуется качественная пища, их нельзя просто вытеснить в другие места обитания, которые тоже в большинстве своем сокращаются и приходят в упадок.

---

²⁵³ Menno Schilthuizen (2018).ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Безусловно, центрам реабилитации орангутанов нужна вся поддержка, которую мы способны им дать, однако это не отменяет главного: мы имеем дело с острым «миграционным кризисом», и надежды с ним справиться пока мало. За последние два десятилетия популяция орангутанов на Борнео сократилась на 100 000 (почти вдвое!). В таком же бедственном положении находятся и другие исчезающие виды – носороги (которые теперь перемещаются по равнинам Кении под вооруженной охраной), горные гориллы (в дикой природе их осталось менее тысячи), калифорнийский кондор (очутившийся на грани вымирания и спасенный благодаря программе разведения в неволе), калифорнийская морская свинья (сейчас в Калифорнийском заливе осталось менее тридцати особей этих родичей дельфинов). И это далеко не полный список. Мы можем сколько угодно идеализировать естественную среду как единственную, в которой диким животным положено жить и где они будут свободны, но что толку от свободы, если она не способствует выживанию?

В области опытов и экспериментов над животными обозначились некоторые сдвиги. Чем больше животное похоже на нас, тем проще распространить на него принципы гуманного обращения, поэтому преимущества наметившихся перемен первыми ощутили на себе шимпанзе. В 2000 г. в Новой Зеландии законодательно запретили использование высших обезьян в исследованиях, а в Испании приняли постановление, предписывающее наделить их юридическими пра-

вами. При этом ни в той, ни в другой стране опытами на человекообразных обезьянах никто на самом деле не занимался. Я в связи с этим, не удержавшись, заявил в интервью одному испанскому журналисту, что лучше бы они запретили корриду. Борьба за улучшение положения приматов начала приносить плоды, лишь когда аналогичные законы приняли в Нидерландах и Японии, поскольку в этих странах действительно было что запрещать. Учитывая, что эвтаназия как способ сокращения численности исключалась, обоим правительствам пришлось раскошелиться на поиски нового дома для бывших подопытных шимпанзе, часть из которых требовала особого ухода и заботы, так как в лабораториях они подвергались экспериментальному заражению различными болезнями. В 2013 г. в «клуб защитников» вступили и США, обойдясь без законодательного запрета на использование человекообразных обезьян в биомедицинских исследованиях, но сократив финансирование, что в итоге привело к тому же результату.

Это решение я полностью поддерживаю, хотя оно сказалось и на неинвазивных исследованиях поведения, которые я провожу. Я уже много лет состою в совете директоров луизианского заповедника «Приют шимпанзе» – крупнейшего в мире «дома престарелых» для обезьян. Они поступают туда из лабораторий и исследовательских учреждений со всех концов страны, чтобы дожить остаток своих дней на больших лесистых островах. «Приют шимпанзе» – это самая луч-

шая среда обитания (помимо дикой природы), которую только можно представить. Поток направляемых в приют животных настолько плотный, что сейчас мы срочно подготавливаем новые участки леса.

Улучшить положение остальных животных, используемых в исследованиях и сельском хозяйстве, я надеюсь, поможет информационная открытость. Пусть общество само решает, в каких отношениях находиться с животными и какое обращение с ними себе позволять, но для этого данную сферу жизненно важно вывести из тени. Мы почти не знаем, что творится во многих местах, и потому ведем себя так, будто все в порядке. Исследования не должны вестись за закрытыми дверями, а фермерские хозяйства необходимо обязать отчитываться о том, как содержатся животные. В идеале на магазинной упаковке с мясом необходимо помещать QR-код, позволяющий получить на смартфон фотографии (сделанные независимой компанией), по которым мы сможем сами судить об условиях содержания скота. Если повсюду, где животные содержатся в неволе, они будут, как и в зоопарках, полностью на виду, положение их начнет стремительно улучшаться. Общественное давление и предпочтения потребителей сделают свое дело.

Многолетний опыт работы в учреждениях, занимающихся приматами, подсказывает мне, что самым большим шагом вперед будет закон, предписывающий содержать их только группами. Пока мы еще слишком часто видим ряды отдель-

ных клеток, в которых макаки сидят поодиночке. Какими бы исследованиями мы ни занимались, мы должны по меньшей мере обеспечить испытуемым социальное взаимодействие. Да, оно не обходится без стрессов – точнее, изобилует драмами и стычками, но вместе с тем способствует дружбе, грумингу, играм. Поскольку я всегда работал с приматами, ведущими групповой образ жизни, то успел убедиться, как много им дает социальное окружение. Ссорятся они или вычесывают друг друга, они созданы для того, чтобы жить вместе и взаимодействовать. Вот пример, наглядно показывающий, насколько это для них важно: на открытой территории полевой станции в центре Йеркса мы построили нашим шимпанзе новую конструкцию для лазанья – огромное деревянное сооружение с веревками и гнездами высоко над землей, с которого открывался обзор на несколько миль. Пока мы ее возводили, всю колонию несколько недель держали в закрытом помещении. Мы так гордились своим проектом, так предвкушали реакцию шимпанзе и, выпустив их, даже не сомневались, что они кинутся осваивать конструкцию и любоваться видами. Однако шимпанзе, насидевшиеся в закрытом помещении отдельно друг от друга, рассудили иначе.

Они бурно радовались встрече. На конструкцию даже не посмотрели, зато друг на друга наглядеться не могли. С ликующим уханьем они обходили родных и друзей, с которыми так долго не виделись, и без конца трогали их, гладили, целовали и обнимали. Обезьяны испытывали восторг сейчас

именно от общения друг с другом, а конструкция могла подождать. Я в очередной раз убедился, что социальное взаимодействие всегда будет важнее, чем бытовые условия, и это обязательно нужно учитывать, стремясь оптимизировать содержание животных.

Исследователи, возражающие против группового содержания, обычно аргументируют это тем, что определенные процедуры требуют ежедневного контакта с животным. Довод неубедительный, учитывая насколько просто приучить приматов отделяться от группы и подходить к исследователю. Для этого достаточно позвать их по имени и открыть дверь. Да и вообще, во многих экспериментах можно сделать участие добровольным, если процесс будет доставлять животным удовольствие. В японском Институте изучения приматов на открытой территории расставлены кабинки, в которые шимпанзе могут зайти в любой момент и самостоятельно поработать с сенсорным экраном. И прекратить работу они тоже могут, когда пожелают. Идентифицировать испытуемого исследователям позволяет запись с камеры видеонаблюдения в кабинке. Благодаря современным беспроводным технологиям и микрочипам экспериментатору теперь совсем не обязательно постоянно контактировать с испытуемым, поэтому подопытным приматам можно предоставить частичную свободу.

На полевой станции центра Йеркса, например, резусы живут в просторных открытых вольерах группами примерно по

сотне особей. Капля творческого подхода и умение пользоваться достижениями техники – и ничто не помешает при таком размещении вести практически любые исследования. В идеале приматологическим центрам нужно совсем отказаться от тесных клеток и станков для фиксации и отслеживать жизнедеятельность животных в процессе взаимодействия с собратьями. Так будет лучше и для обезьян, и для науки. На многих площадках ученые уже решают эту задачу совместно со специалистами по компьютерным технологиям. Подтолкнуть к этому остальные исследовательские центры поможет прозрачность. Центры по изучению приматов должны открыть двери (в буквальном смысле) для прессы и широкой общественности, чтобы все желающие могли наблюдать за происходящим – лично или через веб-камеры. Поскольку мы, люди, и сами относимся к таким же общественным приматам, большинству наблюдателей на интуитивном уровне понятно, какие условия содержания лучше подходят для обезьян.

Как видим, от разговоров о чувствительности мы плавно перешли к тому, как нужно обращаться с животными, которые находятся на нашем попечении. Переход совершенно логичный и своевременный, поскольку сейчас и наука, и общество уже готовы отказаться от механистических представлений о животных. Пока мы считаем животных бесчувственными роботами, о гуманном обращении с ними можно было не задумываться – к сожалению, именно этим подобные

взгляды отчасти и подкупали. Если же признать животных чувствующими, у нас появляется моральный долг – принимать в расчет их положение и страдания. Именно к этому мы сейчас пришли.

И нам, специалистам по поведению, необходимо срочно включаться в этот процесс, не только потому, что мы используем животных (хотя и это уже достаточная причина), но и потому, что мы находимся на переднем крае меняющихся представлений об интеллекте и эмоциях животных. Мы трудимся над тем, чтобы животных воспринимали иначе, поэтому мы и должны добиваться практического воплощения назревших перемен. У нас имеются инструменты, позволяющие точно выяснить, какие условия для животных благоприятны, а какие вредны. Мы в состоянии предложить животным на выбор разные условия жизни и посмотреть, какие они предпочтут. Что больше нравится курам – твердая поверхность или мягкая земля? Действительно ли свинья везде найдет грязь? Благополучие животных поддается измерению и превращается в самостоятельную и самодостаточную область науки – этого никогда бы не произошло, если бы мы по-прежнему считали, что чувств у животных нет.

Заключение

Первые этологи изучали рыб, птиц и грызунов, выясняя, сходны ли паттерны их поведения. Если действия совершались в определенной последовательности, – например, животные замирали, затем убегали; угрожали, затем нападали, – значит, рассуждали мы, и мотивация у них, скорее всего, одна и та же. В то время я был еще студентом, и мы говорили только об этих кластерах поведения (известных также как *поведенческие системы*), представленных в сложных диаграммах, иллюстрирующих то, как животные расставляют приоритеты. Как оказалось, животное выбирает в рамках системы определенный паттерн (например, самец колюшки исполняет свой зигзагообразный танец) в зависимости от цели (в данном случае побуждая самку выметать икру в гнезде). В таком системном подходе была и объективность, и элегантность, но кое-что мы упускали: откуда возникают мотивации, лежащие в основе такого поведения? Что они из себя представляют? Обсуждая этот вопрос, мы старались избегать любых упоминаний об эмоциях. Однако в ретроспективе побудительные причины многих поведенческих систем подозрительно напоминали такие внутренние состояния, как страх и злость.

Еще труднее объяснить заговор молчания вокруг эмоций, если посмотреть, чем мотивировалось поведение животных

согласно ведущим альтернативным концепциям. Преобладала точка зрения, что животные обладают инстинктами – рядом врожденных действий, вызываемых определенной ситуацией, или запрограммированных простых реакций, сводящихся к одному виду действий, адаптированных к одному виду условий. Это представляется весьма сомнительным, ведь в таком случае поведение всегда будет задано жестко, а такая жесткость в условиях меняющихся обстоятельств может обернуться катастрофой.

Представьте себе самца, который запрограммирован, как робот, реагировать на появление самки автоматическим набором действий – возбуждение, ухаживание, приближение, спаривание. В стандартном случае все увенчается успехом, но если, допустим, объект внимания станет отчаянно сопротивляться? А если рядом сидит ревнующий доминант? А если из-за куста в самый неподходящий момент появится хищник? Понятно, что автоматизированный от начала до конца алгоритм может здорово навредить нашему самцу. Именно из-за абсолютной негибкости инстинктов ученые почти перестали на них ссылаться.

Если же рассматривать поведение через призму эмоций, получается, что вид привлекательного самца вызывает горячее желание, предполагающее тем не менее тщательную оценку ситуации. Желание побуждает особь стремиться к наилучшему возможному результату. Точно так же работают и другие эмоции – когда животное сталкивается с хищни-

ком, пытается защитить детенышей, стремится занять более выгодное положение в иерархии, претендует на чужую еду и так далее. Все эти ситуации служат стимулом к пробуждению эмоций, которые обычно ориентированы на возможно лучший исход для особи. Однако они задают лишь направление действия для тела и разума, а не жесткий курс, от которого нельзя уклониться. Иногда лучше замереть, чем бежать, иногда поделиться едой выгоднее, чем драться, а сексуального партнера иногда лучше увести в укромный уголок, чтобы спариться там без помех. Эмоции такую гибкость допускают.

В области искусственного интеллекта это преимущество тоже признается, отсюда попытки наделить роботов «эмоциями». Отчасти это делается, чтобы облегчить взаимодействие с человеком, но кроме того – чтобы обеспечить поведению робота логическую структуру. Эмоции хороши тем, что направляют внимание, способствуют запоминанию происходящего и подготавливают нас к взаимодействию с внешней средой. Такой способ структурирования поведения гораздо лучше, чем прописывание для машины подробной инструкции на каждую предполагаемую ситуацию. Программируя «эмоциональных» роботов, ученые дают крайне любопытные определения, например: «Роботу радостно, если все идет так, как положено. Особенно его радует активное использование своих двигателей или процесс пополнения

энергии»²⁵⁴. Судя по неуклонному развитию *эмоциональных вычислений*, как называют эту область, наделение субъекта внутренними состояниями, ориентированными на действие, – это лучший способ организации поведения. Для нас его уже разработала эволюция. На этой основе мы и функционируем, равно как и большинство животных. Мы насквозь, до мозга костей эмоциональны²⁵⁵.

Для меня вопрос всегда заключался не в том, обладают ли животные эмоциями, а почему наука так долго отказывалась эти эмоции замечать. Ведь изначально все обстояло иначе – достаточно вспомнить новаторский труд Дарвина, – но впоследствии отношение изменилось. Почему мы так старательно отрицали или высмеивали явление столь очевидное? Причина, разумеется, в том, что мы ассоциируем эмоции с чувствами, а это, как известно, тема скользкая и щекотливая даже у нашего вида. Чувства возникают, когда эмоции всплывают на поверхность, и мы их осознаем. Осознав свои эмоции, мы получаем возможность выразить их словами и оповестить о них окружающих: они видят их проявление в мимике, но о чувствах узнают только с наших слов. Мы говорим, что рады, и нам верят – если, конечно, не поймут по другим признакам, что это вовсе не так. Супружеская пара может благополучно изображать на публике счастливую семью, а через месяц развестись. Для самых близких это, воз-

---

²⁵⁴ Sandra Gadanho and John Hallam (2001), p. 50.

²⁵⁵ Michael Arbib and Jean Marc Fellous (2004).

можно, не окажется неожиданностью. А если окажется, близкие будут недоумевать, как же так, почему они не замечали, что к тому идет. Мы хорошо умеем отделять декларируемые чувства от наблюдаемых эмоций и обычно доверяем последним больше, чем первым.

Мысль о том, что животные могут испытывать точно такие же эмоции, какие испытываем мы, многим ученым-ретроградам кажется неудобоваримой – во-первых, потому что животные о своих чувствах никогда не рассказывают, а во-вторых, потому что чувства предполагают уровень сознания, который эти ученые у животных признавать отказываются. Но, учитывая, насколько поведение животных похоже на наше, принимая во внимание общность физиологических реакций, мимики, устройства мозга, не будет ли странным как раз обратное – радикальное отличие их внутренних переживаний? Владение речью в данном случае никакого отношения к делу не имеет, и размеры коры нашего мозга тоже не дают основания предполагать различия. Нейробиология давно отвергла гипотезу, что чувства зарождаются именно там. Они коренятся гораздо глубже, в тех участках мозга, которые теснее связаны с остальным организмом. Может даже оказаться, что чувства – это не просто какой-то причудливый побочный продукт, а неотъемлемая часть эмоций. Не исключено, что они составляют одно целое. В конце концов, организму нужно как-то выяснять, каким эмоциям повиноваться, а какие подавить или игнорировать. Если наилучший

способ регулировать эмоции – это осознать их, значит, они и вправду неотделимы от чувств, и не только у нас, но и у всех живых организмов.

Однако признаю, в данный момент все это пока остается на уровне рассуждений. Чувства, конечно, меньше поддаются научному исследованию, чем эмоции. Когда-нибудь мы, возможно, сумеем измерить внутренние переживания других видов, но пока придется довольствоваться тем, что на виду. В этой области намечается явный прогресс, и, по моим прогнозам, изучение эмоций скоро будет новым передним краем науки о поведении животных. И пока мы то и дело открываем у них самые разные когнитивные способности, самое время задаться вопросом – что такое познание без эмоций? Эмоции наполняют все смыслом и служат главными вдохновителями познания, да и жизни как таковой. Хватит ходить вокруг них с опаской, пора открыто признать, в какой степени они определяют поведение всех животных.

Благодарности

Как приматолог я изучаю главным образом социальное взаимодействие, а к нему всегда прилагались и эмоции. Это неотъемлемая часть политики, разрешения конфликтов, дружеских привязанностей, сотрудничества и чувства справедливости у приматов. Начав с наблюдений за спонтанным социальным поведением, я постепенно пришел к исследованию умственных способностей, таких как распознавание лиц и эмпатия, умение проникнуться чужой проблемой. В конце концов, настал момент заняться эмоциями вплотную. Так появилась эта книга. «Последнее объятие Мамы» я считаю продолжением предыдущей своей работы – «Достаточно ли мы умны, чтобы судить об уме животных?» (Are We Smart Enough to Know How Smart Animals Are?), целиком посвященной их интеллекту. Хотя в этих двух книгах эмоции и познание рассматриваются отдельно, в жизни они неразрывно связаны.

В Утрехтском университете мне повезло учиться у специалиста по мимике приматов – Яна ван Хоффа. Так как мимика – это отражение души, обсуждать ее без упоминания эмоций невозможно в принципе. Изучение человеческих эмоций тоже начиналось с мимики. Поэтому я привык обращаться к теме эмоций у животных еще в те времена, когда большинство ученых старались обходить ее молчанием.

Я выражаю благодарность всем тем людям, которые сопровождали меня на этом долгом пути – от коллег и сотрудников до студентов и аспирантов. Вот лишь несколько имен только за последние годы – Сара Броснан, Сара Калькутт, Мэтью Кэмпбелл, Девин Картер, Занна Клей, Тим Эпли, Кейти Холл, Виктория Хорнер, Лиза Парр, Джошуа Плотник, Стефани Престон, Дарби Проктор, Тереза Ромеро, Малини Сучак, Джулия Вацек и Кристина Уэбб. Я признателен зоопарку Бюргерса, Национальному центру изучения приматов им. Р. Йеркса и заповеднику «Лола-йя-бонобо» близ Киншасы за возможность проводить исследования, а также Университету Эмори и Утрехтскому университету – за академическую среду и предоставление материально-технической базы для моих изысканий.

Я с любовью вспоминаю всех обезьян, которые стали частью моей жизни и немало ее обогатили. Прежде всего, конечно, Маму, ныне покойную королеву колонии и главную героиню этой книги, оставившую неизгладимый след в моем сердце.

Я чрезвычайно обязан своему агенту Мишель Тесслер и редактору издательства W. W. Norton & Co Джону Глусману, которых хочу поблагодарить за увлеченность и дотошность при работе с рукописью.

Огромное спасибо моей жене Катрин, которая поддерживает меня, балует и помогает наводить стилистический глянец на мои тексты. Прекраснее нашей любви и дружбы для

меня нет ничего на свете. А еще я извлекаю из них ценнейшие уроки, касающиеся человеческих эмоций.

Об авторе

Франс де Вааль – голландско-американский этолог и приматолог. Получив докторскую степень в Утрехтском университете в 1977 г., он шесть лет изучал колонию шимпанзе в зоопарке Бюргерса в Арнеме, а затем переехал в Соединенные Штаты. В своей первой научно-популярной книге «Политика у шимпанзе. Власть и секс у приматов» (*Chimpanzee Politics*, 1982) де Вааль сравнивал интриги в борьбе за власть у шимпанзе с человеческой политикой. С тех пор он проводит параллели между поведением приматов и человека. Благодаря своим книгам, переведенным более чем на двадцать языков, он стал одним из самых известных биологов в мире.

Открыв процесс примирения у приматов, де Вааль положил начало исследованиям разрешения конфликтов у животных. В 1989 г. он удостоился премии *Los Angeles Times* за книгу «Миротворчество у приматов» (*Peacemaking Among Primates*). Его научные статьи публикуются в ведущих журналах – от *Science*, *Nature* и *Scientific American* до специализированных изданий, посвященных поведению и познанию. В последнее время его основные научные интересы лежат в области происхождения эмпатии, сотрудничества у животных и эволюции нравственности у человека.

Де Вааль – обладатель профессорской стипендии Чарльза Говарда Кандлера, профессор психологического факультета

Университета Эмори, руководитель центра «Живые звенья» в Национальном центре изучения приматов им. Р. Йеркса в Атланте и почетный профессор Утрехтского университета. Член Национальной академии наук США и Нидерландской королевской академии наук и искусств. В 2007 г. журнал *Time* включил его в список ста наиболее влиятельных людей мира.

Проживает со своей женой Катрин в Смоук-Райз, штат Джорджия, США.

Библиография

- Adang, O. 1999. *De Machtigste Chimpansee van Nederland*. Amsterdam: Nieuwezijds.
- Alexander, R. D. 1986. Ostracism and indirect reciprocity: The reproductive significance of humor. *Ethology and Sociobiology* 7:253–70.
- Alvard, M. 2004. The Ultimatum Game, fairness, and cooperation among big game hunters. In *Foundations of Human Sociality: Ethnography and Experiments from Fifteen Small-Scale Societies*, ed. J. Henrich et al., 413–35. London: Oxford University Press.
- Anderson, J. R., et al. 2017. Third-party social evaluations of humans by monkeys and dogs. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews* 82:95–109.
- Anderson, J. R., A. Gillies, and L. C. Lock. 2010. Pan thanatology. *Current Biology* 20: R349 – R351.
- Andrew, R. J. 1963. The origin and evolution of the calls and facial expressions of the primates. *Behaviour* 20:1–109.
- Andrews, K., and Beck, J. 2018. *The Routledge Handbook of Philosophy of Animal Minds*. Oxford: Routledge.
- Apicella, C. L., F. W. Marlowe, J. H. Fowler, and N. A. Christakis. 2012. Social networks and cooperation in hunter-gatherers. *Nature* 481:497–501.
- Appel, H. M., and R. B. Cocroft. 2014. Plants respond to

leaf vibrations caused by insect herbivore chewing. *Oecologia* 175:1257–66.

Arbib, M. A., and J. M. Fellous. 2004. Emotions: From brain to robot. *Trends in Cognitive Sciences* 8:554–61.

Aureli, F., R. Cozzolino, C. Cordischi, and S. Scucchi. 1992. Kin-oriented redirection among Japanese macaques: An expression of a revenge system? *Animal Behaviour* 44:283–91.

Bailey, M. B. 1986. Every animal is the smartest: Intelligence and the ecological niche. In *Animal Intelligence*, ed. R. Hoage and L. Goldman, 105–13. Washington, DC: Smithsonian Institution Press.

Baron-Cohen, S. 2005. Autism—‘autos’: Literally, a total focus on the self? In *The Lost Self: Pathologies of the Brain and Identity*, ed. T. E. Feinberg and J. P. Keenan, 166–80. Oxford: Oxford University Press.

Barrett, L. F. 2016. Are emotions natural kinds? *Perspectives on Psychological Science* 1:28–58.

Bartal, I. B.-A., et al. 2016. Anxiolytic treatment impairs helping behavior in rats. *Frontiers in Psychology* 7:850.

Bartal, I. B.-A., J. Decety, and P. Mason. 2011. Empathy and pro-social behavior in rats. *Science* 334:1427–30.

Barton, R. A., and C. Venditti. 2013. Human frontal lobes are not relatively large. *Proceedings of the National Academy of Sciences USA* 110: 9001–9006.

Baumeister, R. F. 2008. Free will in scientific psychology. *Perspectives on Psychological Science* 3:14–19.

Bekoff, M. 1972. The development of social interaction, play, and metacommunication in mammals: An ethological perspective. *Quarterly Review of Biology* 47:412–34.

Beran, M. J. 2002. Maintenance of self-imposed delay of gratification by four chimpanzees (*Pan troglodytes*) and an orangutan (*Pongo pygmaeus*). *Journal of General Psychology* 129:49–66.

Berns, G. S., A. Brooks, and M. Spivak. 2013. Replicability and heterogeneity of awake unrestrained canine fMRI responses. *PLoS ONE* 8: e81698.

Biro, D., T. Humle, K. Koops, C. Sousa, M. Hayashi, and T. Matsuzawa. 2010. Chimpanzee mothers at Bossou, Guinea, carry the mummified remains of their dead infants. *Current Biology* 20: R351 – R352.

Bloom, P. 2016. *Against Empathy: The Case for Rational Compassion*. New York: Ecco.

Boesch, C. 1994. Cooperative hunting in wild chimpanzees. *Animal Behaviour* 48:653–67.

Bosch, O. J., et al. 2009. The CRF System mediates increased passive stresscoping behavior following the loss of a bonded partner in a monogamous rodent. *Neuropsychopharmacology* 34:1406–15.

Braithwaite, V. 2010. *Do Fish Feel Pain?* Oxford: Oxford University Press.

Brosnan, S. F., and F. B. M. de Waal. 2003a. Regulation of vocal output by chimpanzees finding food in the presence or

absence of an audience. *Evolution of Communication* 4:211–24.
–. 2003b. Monkeys reject unequal pay. *Nature* 425:297–99.
–. 2014. The evolution of responses to (un) fairness. *Science* 346:314–322.

Brotcorne, F., et al. 2017. Intergroup variation in robbing and bartering by longtailed macaques at Uluwatu Temple (Bali, Indonesia). *Primates* 58:505–16.

Buchanan, T. W., S. L. Bagley, R. B. Stansfield, and S. D. Preston. 2012. The empathic, physiological resonance of stress. *Social Neuroscience* 7:191–201.

Burkett, J., et al. 2016. Oxytocin-dependent consolation behavior in rodents. *Science* 351:375–78.

Burrows, A. M., B. M. Waller, L. A. Parr, and C. J. Bonar. 2006. Muscles of facial expression in the chimpanzee (*Pan troglodytes*): Descriptive, comparative and phylogenetic contexts. *Journal of Anatomy* 208:153–67.

Calcutt, S. E., T. L. Rubin, J. Pokorny, and F. B. M. de Waal. 2017. Discrimination of emotional facial expressions by tufted capuchin monkeys (*Sapajus apella*). *Journal of Comparative Psychology* 131:40–49.

Call, J. 2004. Inferences about the location of food in the great apes. *Journal of Comparative Psychology* 118:232–41.

Campbell, M. W., and F. B. M. de Waal. 2011. Ingroup-outgroup bias in contagious yawning by chimpanzees supports link to empathy. *PLoS ONE* 6: e18283.

Caruana, F., et al. 2011. Emotional and social behaviors

elicited by electrical stimulation of the insula in the macaque monkey. *Current Biology* 21:195–99.

Chamberlain, D. B. 1991. Babies don't feel pain: A century of denial in medicine. Lecture at the 2nd International Symposium on Circumcision, San Francisco, CA.

Chen, P. Z., R. L. Carrasco, and P. K. L. Ng. 2017. Mangrove crab uses victory display to “browbeat” losers from re-initiating a new fight. *Ethology* 123:981–88.

Chester, D. S., and C. N. DeWall. 2017. Combating the sting of rejection with the pleasure of revenge: A new look at how emotion shapes aggression. *Journal of Personality and Social Psychology* 112:413–30.

Churchill, W. S. 1924. Shall we commit suicide? *Nash's Pall Mall Magazine*.

Churchland, P. S. 2011. *Braintrust: What Neuroscience Tells Us about Morality*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Clay, Z., and F. B. M. de Waal. 2013. Development of socio-emotional competence in bonobos. *Proceedings of the National Academy of Sciences USA* 110:18121–26.

Clayton, N. S., and A. Dickinson. 1998. Episodic-like memory during cache recovery by scrub jays. *Nature* 395:272–74.

Coan, J. A., H. S. Schaefer, and R. J. Davidson. 2006. Lending a hand: Social regulation of the neural response to threat. *Psychological Science* 17:1032–39.

Coe, C. L., and L. A. Rosenblum. 1984. Male dominance

in the bonnet macaque: A malleable relationship. In *Social Cohesion: Essays Toward a Sociophysiological Perspective*, ed. P. R. Barchas and S. P. Mendoza, 31–63. Westport, CT: Greenwood.

Cordain, L., et al. 2000. Plant-animal subsistence ratios and macronutrient energy estimations in worldwide hunter-gatherer diets. *American Journal of Clinical Nutrition* 71:682–92.

Crick, F. 1995. *The Astonishing Hypothesis: The Scientific Search for the Soul*. New York: Scribner.

Curtis, V. A. 2014. Infection-avoidance behaviour in humans and other animals. *Trends in Immunology* 35:457–64.

Custance, D., and J. Mayer. 2012. Empathic-like responding by domestic dogs (*Canis familiaris*) to distress in humans: An exploratory study. *Animal Cognition* 15:851–59.

Damasio, A. R. 1994. *Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain*. New York: Putnam.

–. 1999. *The Feeling of What Happens: Body and Emotion in the Making of Consciousness*. New York: Harcourt.

Darwin, C. 1987. *The Correspondence of Charles Darwin*, vol. 2: 1837–1843. Ed. F. Burkhardt and S. Smith. Cambridge: Cambridge University Press.

–. 1998 [orig. 1872]. *The Expression of the Emotions in Man and Animals*. New York: Oxford University Press.

Davila Ross, M., S. Menzler, and E. Zimmermann. 2007. Rapid facial mimicry in orangutan play. *Biology Letters* 4:27–30.

de Montaigne, M. 2003 [orig. 1580]. *The Complete Essays*.

London: Penguin.

de Waal, F. B. M. 1982. *Chimpanzee Politics*. London: Jonathan Cape.

–. 1986. The brutal elimination of a rival among captive male chimpanzees. *Ethology and Sociobiology* 7:237–51.

–. 1989. *Peacemaking Among Primates*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

–. 1997a. The chimpanzee's service economy: Food for grooming. *Evolution and Human Behavior* 18:375–86.

–. 1997b. *Bonobo: The Forgotten Ape*. Berkeley: University of California Press.

–. 2007 [orig. 1982]. *Chimpanzee Politics: Power and Sex among Apes*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

–. 2008. Putting the altruism back into altruism: The evolution of empathy. *Annual Review of Psychology* 59:279–300.

–. 2011. What is an animal emotion? *The Year in Cognitive Neuroscience, Annals of the New York Academy of Sciences* 1224:191–206.

–. 2013. *The Bonobo and the Atheist: In Search of Humanism Among the Primates*. New York: Norton.

–. 2016. *Are We Smart Enough to Know How Smart Animals Are?* New York: Norton.

de Waal, F. B. M., and L. M. Luttrell. 1985. The formal hierarchy of rhesus monkeys: An investigation of the bared-teeth display. *American Journal of Primatology* 9:73–85.

–. 1988. Mechanisms of social reciprocity in three primate

species: Symmetrical relationship characteristics or cognition?
Ethology and Sociobiology 9:101–18.

de Waal, F. B. M., and J. Pokorny. 2008. Faces and behinds: Chimpanzee sex perception. *Advanced Science Letters* 1:99–103.

Dehaene, S., and L. Naccache. 2001. Towards a cognitive neuroscience of consciousness: Basic evidence and a workspace framework. *Cognition* 79:1–37.

Descartes, R. 2003 [orig. 1633]. *Treatise of Man*. Paris: Prometheus.

Dimberg, U., P. Andréasson, and M. Thunberg. 2011. Emotional empathy and facial reactions to facial expressions. *Journal of Psychophysiology* 25:26–31.

Dimberg, U., M. Thunberg, and K. Elmehed. 2000. Unconscious facial reactions to emotional facial expressions. *Psychological Science* 11:86–89.

Douglas, C., et al. 2012. Environmental enrichment induces optimistic cognitive biases in pigs. *Applied Animal Behaviour Science* 139:65–73.

Dugatkin, L. A. 2011. *The Prince of Evolution: Peter Kropotkin's Adventures in Science and Politics*. CreateSpace.

Easterlin, R. 1974. Does economic growth improve the human lot? In *Nations and Households in Economic Growth: Essays in Honor of Moses Abramovitz*. Ed. M. Abramovitz, P. David, and M. Reder, 89–125. New York: Academic Press.

Eibl-Eibesfeldt, I. 1973. *Der vorprogrammierte Mensch: Das Ererbte als bestimmender Faktor im menschlichen Verhalten*.

Vienna: Verlag Fritz Molden.

Ekman, P. 1998. Afterword: Universality of emotional expression? A personal history of the dispute. In *Darwin*, ed. P. Ekman, 363–93. New York: Oxford University Press.

Ekman, P., and W. V. Friesen. 1971. Constants across cultures in the face and emotion. *Journal of Personality and Social Psychology* 17:124–29.

Essler, J. L., W. V. Marshall-Pescini, and F. Range, 2017. Domestication does not explain the presence of inequity aversion in dogs. *Current Biology* 27:1861–65.

Evans, T. A., and M. J. Beran. 2007. Chimpanzees use self-distraction to cope with impulsivity. *Biology Letters* 3:599–602.

Fehr, E., H. Bernhard, and B. Rockenbach, 2008. Egalitarianism in young children. *Nature* 454:1079–83.

Fessler, D. M. T. 2004. Shame in two cultures: Implications for evolutionary approaches. *Journal of Cognition and Culture* 4:207–62.

Filippi, P. et al. 2017. Humans recognize emotional arousal in vocalizations across all classes of terrestrial vertebrates: Evidence for acoustic universals. *Proceedings of the Royal Society B* 284:20170990.

Finlayson, K., J. F. Lampe, S. Hintze, H. Würbel, and L. Melotti. 2016. Facial indicators of positive emotions in rats. *PLoS ONE* 11: e0166446.

Flack, J. C., L. A. Jeannotte, and F. B. M. de Waal. 2004. Play signaling and the perception of social rules by juvenile

chimpanzees. *Journal of Comparative Psychology* 118:149–59.

Foerster, S., et al. 2016. Chimpanzee females queue but males compete for social status. *Scientific Reports* 6:35404.

Fouts, R., and T. Mills. 1997. *Next of Kin*. New York: Morrow.

Frankfurt, H. G. 1971. Freedom of the will and the concept of a person. *Journal of Philosophy* 68:5–20.

–. 2005. *On Bullshit*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Fruteau, C., E. van Damme, and R. Noë. 2013. Vervet monkeys solve a multiplayer “forbidden circle game” by queuing to learn restraint. *Current Biology* 23:665–70.

Fruth, B., and G. Hohmann. 2018. Food sharing across borders: First observation of intercommunity meat sharing by bonobos at LuiKotale, DRC. *Human Nature* 29:91–103.

Fry, D. P. 2013. *War, Peace, and Human Nature: The Convergence of Evolutionary and Cultural Views*. Oxford: Oxford University Press.

Furuichi, T. 1997. Agonistic interactions and matrifocal dominance rank of wild bonobos (*Pan paniscus*) at Wamba. *International Journal of Primatology* 18:855–75.

–. 2011. Female contributions to the peaceful nature of bonobo society. *Evolutionary Anthropology* 20:131–42.

Gadanhó, S. C., and J. Hallam. 2001. Robot learning driven by emotions. *Adaptive Behavior* 9:42–64.

Garcia, J., D. J. Kimeldorf, and R. A. Koelling. 1955.

Conditioned aversion to saccharin resulting from exposure to gamma radiation. *Science* 122:157–58.

Gazzaniga, M. S. 2008. *Human: The Science Behind What Makes Your Brain Unique*. New York: Ecco.

Gesquiere, L. R., et al. 2011. Life at the top: Rank and stress in wild male baboons. *Science* 333:357–60.

Ghiselin, M. 1974. *The Economy of Nature and the Evolution of Sex*. Berkeley: University of California Press.

Godfrey-Smith, P. 2016. *Other Minds: The Octopus, the Sea, and the Deep Origins of Consciousness*. New York: Farrar, Strauss and Giroux.

Goldstein, P., I. Weissman-Fogel, G. Dumas, and S. G. Shamay-Tsoory. 2018. Brain-to-brain coupling during handholding is associated with pain reduction. *Proceedings of the National Academy of Sciences USA* 115:201703643.

Goleman, D. 1995. *Emotional Intelligence*. New York: Bantam.

Goodall, J. 1986a. *The Chimpanzees of Gombe: Patterns of Behavior*. Cambridge, MA: Belknap.

–. 1986b. Social rejection, exclusion, and shunning among the Gombe chimpanzees. *Ethology and Sociobiology* 7:227–36.

–. 1990. *Through a Window: My Thirty Years with the Chimpanzees of Gombe*. Boston: Houghton Mifflin.

Grandin, T., and C. Johnson. 2009. *Animals Make Us Human: Creating the Best Life for Animals*. Boston: Houghton Mifflin.

Greenfeld, L. 2013. Are human emotions universal?

Psychology Today.

Haeckel, E. 2012 [orig. 1884]. *The History of Creation, Or the Development of the Earth and its Inhabitants by the Action of Natural Causes*, vol. 1. Project Gutenberg.

Hampton, R. R. 2001. Rhesus monkeys know when they remember. *Proceedings of the National Academy of Sciences USA* 98:5359–62.

Hare, B., and S. Kwetuenda. 2010. Bonobos voluntarily share their own food with others. *Current Biology* 20: R230 – R231.

Hebb, D. O. 1946. Emotion in man and animal: An analysis of the intuitive processes of recognition. *Psychological Review* 53:88–106.

Herculano-Houzel, S. 2009. The human brain in numbers: A linearly scaled up primate brain. *Frontiers in Human Neuroscience* 3:1–11.

–. 2016. *The Human Advantage: A New Understanding of How Our Brain Became Remarkable*. Cambridge, MA: MIT Press.

Herculano-Houzel, S., et al. 2014. The elephant brain in numbers. *Frontiers in Neuroanatomy* 8:46.

Hillman, K. L., and D. K. Bilkey. 2010. Neurons in the rat Anterior Cingulate Cortex dynamically encode cost-benefit in a spatial decision-making task. *Journal of Neuroscience* 30:7705–13.

Hills, T. T., and S. Butterfill. 2015. From foraging to autothetic consciousness: The primal self as a consequence of

embodied prospective foraging. *Current Zoology* 61:368–81.

Hobaiter, C., and R. W. Byrne. 2010. Able-bodied wild chimpanzees imitate a motor procedure used by a disabled individual to overcome handicap. *PLoS ONE* 5: e11959.

Hockings, K. J., et al. 2007. Chimpanzees share forbidden fruit. *PLoS ONE* 2: e886.

Hofer, M. K., H. K. Collins, A. V. Whillans, and F. S. Chen. 2018. Olfactory cues from romantic partners and strangers influence women's responses to stress. *Journal of Personality and Social Psychology* 114:1–9.

Hoffman, M. L. 1981. Is altruism part of human nature? *Journal of Personality and Social Psychology* 40:121–37.

Horgan, J. 2014. Thanksgiving and the slanderous myth of the savage savage. *Scientific American Cross-Check Blog*.

Horner, V., and F. B. M. de Waal. 2009. Controlled studies of chimpanzee cultural transmission. *Progress in Brain Research* 178:3–15.

Horner, V., D. J. Carter, M. Suchak, and F. B. M. de Waal, 2011. Spontaneous prosocial choice by chimpanzees. *Proceedings of the Academy of Sciences USA* 108:13847–51.

Horowitz, A. 2009. *Inside of a Dog: What Dogs See, Smell, and Know*. New York: Scribner.

Hrdy, S. B. 2009. *Mothers and Others: The Evolutionary Origins of Mutual Understanding*. Cambridge, MA: Belknap.

James, W. 1950 [orig. 1890]. *The Principles of Psychology*. New York: Dover.

Janmaat, K. R. L., L. Polansky, S. D. Ban, and C. Boesch. 2014. Wild chimpanzees plan their breakfast time, type, and location. *Proceedings of the National Academy of Sciences USA* 111:16343–48.

Jasanoff, A. 2018. *The Biological Mind: How Brain, Body, and Environment Collaborate to Make Us Who We Are*. New York: Basic Books.

Kaburu, S. S. K., S. Inoue, and N. E. Newton-Fisher. 2013. Death of the alpha: Within-community lethal violence among chimpanzees of the Mahale Mountains National Park. *American Journal of Primatology* 75:789–97.

Kaminski, J., et al. 2017. Human attention affects facial expressions in domestic dogs. *Scientific Reports* 7:12914.

Kano, T. 1992. *The Last Ape: Pygmy Chimpanzee Behavior and Ecology*. Stanford, CA: Stanford University Press.

Kellogg, W. N., and L. A. Kellogg. 1967 [orig. 1933]. *The Ape and the Child: A Study of Environmental Influence upon Early Behavior*. New York: Hafner.

King, B. J. 2013. *How Animals Grieve*. Chicago: University of Chicago Press.

Koepke, A. E., S. L. Gray, and I. M. Pepperberg. 2015. Delayed gratification: A grey parrot (*Psittacus erithacus*) will wait for a better reward. *Journal of Comparative Psychology* 129:339–46.

Kraus, M. W., and T. W. Chen. 2013. A winning smile? Smile intensity, physical dominance, and fighter performance. *Emotion*

Kropotkin, P. 2009 [orig. 1902]. *Mutual Aid: A Factor of Evolution*. New York: Cosimo.

Ladygina-Kohts, N. N. 2002 [orig. 1935]. *Infant Chimpanzee and Human Child: A Classic 1935 Comparative Study of Ape Emotions and Intelligence*. Ed. F. B. M. de Waal. Oxford: Oxford University Press.

Lahr, J. 2000. *Dame Edna Everage and the Rise of Western Civilisation: Backstage with Barry Humphries*, 2nd ed. Berkeley: University of California Press.

Langford, D. J., et al. 2010. Coding of facial expressions of pain in the laboratory mouse. *Nature Methods* 7:447–49.

Lazarus, R., and B. Lazarus. 1994. *Passion and Reason*. New York: Oxford University Press.

LeDoux, J. E. 2014. Coming to terms with fear. *Proceedings of the National Academy of Sciences USA* 111:2871–78.

Leuba, J. H. 1928. Morality among the animals. *Harper's Monthly* 937:97–103.

Limbrecht-Ecklundt, K., et al. 2013. The effect of forced choice on facial emotion recognition: A comparison to open verbal classification of emotion labels. *GMS Psychosocial Medicine* 10.

Lindgaard, M. R., et al. 2017. Consolation in the aftermath of robberies resembles post-aggression consolation in chimpanzees. *PLoS ONE* 12: e0177725.

Lipps, T. 1903. Einfühlung, innere Nachahmung und

Organenempfindungen. *Archiv für die gesamte Psychologie* 1:465–519.

Lorenz, K. 1960. *So kam der Mensch auf den Hund*. Vienna: Borotha-Schoeler.

–. 1966. *On Aggression*. New York: Harcourt.

–. 1980. Tiere sind Gefühlsmenschen. *Der Spiegel* 47:251–64.

Magee, B., and R. E. Elwood. 2013. Shock avoidance by discrimination learning in the shore crab (*Carcinus maenas*) is consistent with a key criterion for pain. *Journal of Experimental Biology* 216:353–58.

Maslow, A. H. 1936. The role of dominance in the social and sexual behavior of infra-human primates: I. Observations at Vilas Park Zoo. *Journal of Genetic Psychology* 48:261–77.

Masson, J. M., and S. McCarthy. 1995. *When Elephants Weep: The Emotional Lives of Animals*. New York: Delacorte.

Mathuru, A. S., et al. 2012. Chondroitin fragments are odorants that trigger fear behavior in fish. *Current Biology* 22:538–44.

Matsuzawa, T. 2011. What is uniquely human? A view from comparative cognitive development in humans and chimpanzees. In *The Primate Mind*, ed. F. B. M. de Waal and P. F. Ferrari, 288–305. Cambridge, MA: Harvard University Press.

McConnell, P. 2005. *For the Love of a Dog*. New York: Ballantine Books.

McFarland, D. 1987. *The Oxford Companion to Animal Behaviour*. Oxford: Oxford University Press.

Mendl, M., O. H. P. Burman, and E. S. Paul. 2010. An integrative and functional framework for the study of animal emotion and mood. *Proceeding of the Royal Society B* 277:2895–904.

Michl, P., et al. 2014. Neurobiological underpinnings of shame and guilt: A pilot fMRI study. *Social Cognitive and Affective Neuroscience* 9:150–57.

Miller, K. R. 2018. *The Human Instinct: How We Evolved to Have Reason, Consciousness, and Free Will*. New York: Simon and Schuster.

Mogil, J. S. 2015. Social modulation of and by pain in humans and rodents. *PAIN* 156: S35 – S41.

Mulder, M. 1977. *The Daily Power Game*. Amsterdam: Nijhoff.

Nagasaka, Y. et al. 2013. Spontaneous synchronization of arm motion between Japanese macaques. *Scientific Reports* 3:1151.

Neal, D. T., and T. L. Chartrand. 2011. Amplifying and dampening facial feedback modulates emotion perception accuracy. *Social Psychological and Personality Science* 2:673–78.

Nishida, T. 1996. The death of Ntologi: The unparalleled leader of M Group. *Pan Africa News* 3:4.

Norscia, I., and E. Palagi. 2011. Yawn contagion and empathy in *Homo sapiens*. *PloS ONE* 6: e28472.

Nowak, M., and R. Highfield. 2011. *SuperCooperators: Altruism, Evolution, and Why We Need Each Other to Succeed*. New York: Free Press.

Nummenmaa, L., E. Glerean, R. Hari, and J. K. Hietanen. 2014. Bodily maps of emotions. *Proceedings of the National Academy of Sciences USA* 111:646–51.

Nussbaum, M. 2001. *Upheavals of Thought: The Intelligence of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press.

O'Brien, E., S. H. Konrath, D. Gröhn, and A. L. Hagen. 2013. Empathic concern and perspective taking: Linear and quadratic effects of age across the adult life span. *Journals of Gerontology, Series B: Psychological Sciences and Social Sciences* 68:168–75.

O'Connell, C. 2015. *Elephant Don: The Politics of a Pachyderm Posse*. Chicago: University of Chicago Press.

O'Connell, M. 2017. *To Be a Machine*. London: Granta.

Ortony, A., and T. J. Turner. 1990. What's basic about basic emotions? *Psychological Review* 97:315–31.

Osvath, M., and H. Osvath. 2008. Chimpanzee (*Pan troglodytes*) and orangutan (*Pongo abelii*) forethought: Self-control and pre-experience in the face of future tool use. *Animal Cognition* 11:661–74.

Panksepp, J. 1998. *Affective Neuroscience: The Foundations of Human and Animal Emotions*. New York: Oxford University Press.

-. 2005. Affective consciousness: Core emotional feelings in animals and humans. *Consciousness and Cognition* 14:30–80.

Panksepp, J., and Burgdorf, J. 2003. “Laughing” rats and the evolutionary antecedents of human joy? *Physiology and Behavior* 79:533–47.

Panoz-Brown, D., et al. 2018. Replay of episodic memories in the rat. *Current Biology* 28:1–7.

Parr, L. A. 2001. Cognitive and physiological markers of emotional awareness in chimpanzees (*Pan troglodytes*). *Animal Cognition* 4:223–29.

Parr, L. A., M. Cohen, and F. B. M. de Waal. 2005. Influence of social context on the use of blended and graded facial displays in chimpanzees. *International Journal of Primatology* 26:73–103.

Paukner, A., S. J. Suomi, E. Visalberghi, and P. F. Ferrari. 2009. Capuchin monkeys display affiliation toward humans who imitate them. *Science* 325:880–83.

Payne, K. 1998. *Silent Thunder: In the Presence of Elephants*. New York: Simon and Schuster.

Pepperberg, I. M. 2008. *Alex and Me*. New York: Collins.

Perry, S., et al. 2003. Social conventions in wild white-faced capuchin monkeys: Evidence for traditions in a neotropical primate. *Current Anthropology* 44:241–68.

Pinker, S. 2011. *The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined*. New York: Viking.

Pittman, J., and A. Piato. 2017. Developing zebrafish depression-related models. In *The Rights and Wrongs of Zebrafish: Behavioral Phenotyping of Zebrafish*, ed. A. V. Kalueff, 33–43. Cham: Springer.

Plotnik, J. M., and F. B. M. de Waal. 2014. Asian elephants (*Elephas maximus*) reassure others in distress. *PeerJ* 2: e278.

Plotnik, J. M., F. B. M. de Waal, and D. Reiss. 2006. Self-recognition in an Asian elephant. *Proceedings of the National Academy of Sciences USA* 103:17053–57.

Premack, D., and A. J. Premack. 1994. Levels of causal understanding in chimpanzees and children. *Cognition* 50:347–62.

Proctor, D., R. A. Williamson, F. B. M. de Waal, and S. F. Brosnan. 2013. Chimpanzees play the Ultimatum Game. *Proceedings of the National Academy of Sciences USA* 110:2070–75.

Proust, M. 1982. *Remembrance of Things Past*, 3 vols. New York: Vintage Press.

Provine, R. R. 2000. *Laughter: A Scientific Investigation*. New York: Viking.

Pruetz, J. D., et al. 2017. Intragroup lethal aggression in West African chimpanzees (*Pan troglodytes verus*): Inferred killing of a former alpha male at Fongoli, Senegal. *International Journal of Primatology* 38:31–57.

Range, F., L. Horn, Z. Viranyi, and L. Huber. 2008. The absence of reward induces inequity aversion in dogs. *Proceedings of the National Academy of Sciences USA* 106:340–45.

Rawls, J. 1972. *A Theory of Justice*. Oxford: Oxford University Press.

Rilling, J. K., et al. 2011. Differences between chimpanzees and bonobos in neural systems supporting social cognition. *Social Cognitive and Affective Neuroscience* 7:369–79.

Romero, T., M. A. Castellanos, and F. B. M. de Waal. 2010. Consolation as possible expression of sympathetic concern among chimpanzees. *Proceedings of the National Academy of Sciences* 107:12110–15.

Rowlands, M. 2009. *The Philosopher and the Wolf: Lessons from the Wild on Love, Death and Happiness*. New York: Pegasus.

Rozin, P., J. Haidt, and C. McCauley. 2000. Disgust. In *Handbook of Emotions*, ed. M. Lewis and S. M. Haviland-Jones, 637–53. New York: Guilford.

Sakai, T. et al. 2012. Fetal brain development in chimpanzees versus humans. *Current Biology* 22: R791 – R792.

Salovey, P., M. Kokkonen, P. N. Lopes, and J. D. Mayer. 2003. Emotional intelligence. In *Feelings and Emotions: The Amsterdam Symposium*, eds. T. Manstead, N. Frijda, and A. Fischer, 321–340. Cambridge: Cambridge University Press.

Sanfey, A. G., J. K. Rilling, J. A. Aronson, L. E. Nystrom, and J. D. Cohen. 2003. The neural basis of economic decision-making in the ultimatum game. *Science* 300:1755–58.

Sapolsky, R. M. 2017. *Behave: The Biology of Humans at Our Best and Worst*. New York: Penguin.

Sarabian, C., and A. J. J. MacIntosh. 2015. Hygienic tendencies correlate with low geohelminth infection in free-ranging macaques. *Biology Letters* 11:20150757.

Sarabian, C., R. Belais, and A. J. J. MacIntosh. 2018. Feeding decisions under contamination risk in bonobos. *Philosophical*

Transactions of the Royal Society B 373.

Sato, N., L. Tan, K. Tate, and M. Okada. 2015. Rats demonstrate helping behavior toward a soaked conspecific. *Animal Cognition* 18:1039–47.

Sauter, D. A., O. LeGuen, and D. B. M. Haun. 2011. Categorical perception of emotional facial expressions does not require lexical categories. *Emotion* 11:1479–83.

Scheele, D., et al. 2012. Oxytocin modulates social distance between males and females. *Journal of Neuroscience* 32:16074–79.

Schilder, M. B. H., et al. 1984. A quantitative analysis of facial expression in the plains zebra. *Zeitschrift für Tierpsychologie* 66:11–32.

Schilthuizen, M. 2018. *Darwin Comes to Town: How the Urban Jungle Drives Evolution*. New York: Picador.

Schneiderman, I., et al. 2012. Oxytocin during the initial stages of romantic attachment: Relations to couples' interactive reciprocity. *Psychoneuroendocrinology* 37:1277–85.

Schoeck, H. 1987. *Envy: A Theory of Social Behaviour*. Indianapolis: Liberty Fund.

Schwing, R., X. J. Nelson, A. Wein, and S. Parsons. 2017. Positive emotional contagion in a New Zealand parrot. *Current Biology* 27: R213 – R214.

Shapiro, J. A. 2011. *Evolution: A View from the 21st Century*. Upper Saddle River, NJ: FT Press Science.

Sherif, M., et al. 1954. *Experimental study of positive and*

negative intergroup attitudes between experimentally produced groups: Robbers' Cave Study. Norman: University of Oklahoma Press.

Sherman, R. 2017. *Uneasy Street: The Anxieties of Affluence*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Singer, T., B. Seymour, J. P. O'Doherty, K. E. Stephan, R. J. Dolan, and C. D. Frith. 2006. Empathic neural responses are modulated by the perceived fairness of others. *Nature* 439:466–69.

Skinner, B. F. 1965 [1953]. *Science and Human Behavior*. New York: Free Press.

Sliwa, J., and W. A. Freiwald. 2017. A dedicated network for social interaction processing in the primate brain. *Science* 356:745–49.

Smith, A. 1937 [orig. 1759]. *A Theory of Moral Sentiments*. New York: Modern Library.

–. 1982 [orig. 1776]. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. Indianapolis: Liberty Classics.

Smith, J. D., J. Schull, J. Strote, K. McGee, R. Egnor, and L. Erb. 1995. The uncertain response in the bottlenosed dolphin (*Tursiops truncatus*). *Journal of Experimental Psychology: General* 124:391–408.

Sneddon, L. U. 2003. Evidence for pain in fish: The use of morphine as an analgesic. *Applied Animal Behaviour Science* 83:153–62.

Sneddon, L. U., V. A. Braithwaite, and M. J. Gentle. 2003.

Do fishes have nociceptors? Evidence for the evolution of a vertebrate sensory system. *Proceedings of the Royal Society, London B* 270:1115–21.

Springsteen, B. 2016. *Born to Run*. New York: Simon and Schuster.

Stanford, C. B. 2001. *Significant Others: The Ape-Human Continuum and the Quest for Human Nature*. New York: Basic Books.

Stomp, M., et al. 2018. An unexpected acoustic indicator of positive emotions in horses. *PLoS ONE* 13: e0197898.

Suchak, M., and F. B. M. de Waal. 2012. Monkeys benefit from reciprocity without the cognitive burden. *Proceedings of the National Academy of Sciences USA* 109:15191–96.

Tan, J., and B. Hare. 2013. Bonobos share with strangers. *PloS ONE* 8: e51922.

Tan, J., D. Ariely, and B. Hare. 2017. Bonobos respond prosocially toward members of other groups. *Scientific Reports* 7:14733.

Tangney, J., and R. Dearing. 2002. *Shame and Guilt*. New York: Guilford.

Teleki, G. 1973. Group response to the accidental death of a chimpanzee in Gombe National Park, Tanzania. *Folia primatologica* 20:81–94.

Tinklepaugh, O. L. 1928. An experimental study of representative factors in monkeys. *Journal of Comparative Psychology* 8:197–236.

Tokuyama, N., and T. Furuichi. 2017. Do friends help each other? Patterns of female coalition formation in wild bonobos at Wamba. *Animal Behaviour* 119:27–35.

Tolstoy, L. 1975 [orig. 1904]. *The Lion and the Dog*. Moscow: Progress Publishers.

Tottenham, N., et al. 2010. Prolonged institutional rearing is associated with atypically large amygdala volume and difficulties in emotion regulation. *Developmental Science* 13:46–61.

Tracy, J. 2016. *Take Pride: Why the Deadliest Sin Holds the Secret to Human Success*. New York: Houghton.

Tracy, J. L., and D. Matsumoto. 2008. The spontaneous expression of pride and shame: Evidence for biologically innate nonverbal displays. *Proceedings of the National Academy of Sciences USA* 105:11655–60.

Troje, N. F. 2002. Decomposing biological motion: A framework for analysis and synthesis of human gait patterns. *Journal of Vision* 2:371–87.

Tybur, J. M., D. Lieberman, and V. Griskevicius. 2009. Microbes, mating, and morality: Individual differences in three functional domains of disgust. *Journal of Personality and Social Psychology* 97:103–22.

van de Waal, E., C. Borgeaud, and A. Whiten. 2013. Potent social learning and conformity shape a wild primate's foraging decisions. *Science* 340:483–85.

van Hooff, J. A. R. A. M. 1972. A comparative approach to the phylogeny of laughter and smiling. In *Non-verbal*

Communication, ed. R. Hinde, 209–241. Cambridge: Cambridge University Press.

van Leeuwen, P., et al. 2009. Influence of paced maternal breathing on fetalmaternal heart rate coordination. *Proceedings of the National Academy of Sciences USA* 106:13661–66.

van Schaik, C. P., L. Damerius, and K. Isler. 2013. Wild orangutan males plan and communicate their travel direction one day in advance. *PLoS ONE* 8: e74896.

van Wyhe, J., P. C. Kjærgaard. 2015. Going the whole orang: Darwin, Wallace and the natural history of orangutans. *Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences* 51:53–63.

Vianna, D. M., and P. Carrive. 2005. Changes in cutaneous and body temperature during and after conditioned fear to context in the rat. *European Journal of Neuroscience* 21:2505–12.

Wagner, K., et al. 2015. Effects of mother versus artificial rearing during the first 12 weeks of life on challenge responses of dairy cows. *Applied Animal Behaviour Science* 164:1–11.

Walsh, G. V. 1992. Rawls and envy. *Reason Papers* 17:3–28.

Warneken, F., and M. Tomasello. 2014. Extrinsic rewards undermine altruistic tendencies in 20-month-olds. *Motivation Science* 1:43–48.

Wathan, J., et al. 2015. EquiFACS: The Equine Facial Action Coding System. *PLoS ONE* 10: e0131738.

Watson, J. B. 1913. Psychology as the behaviorist views it.

Psychological Review 20:158–77.

Westermarck, E. 1912 [orig. 1908]. *The Origin and Development of the Moral Ideas*. Vol. 1. 2nd ed. London: Macmillan.

Wilkinson, R. 2001. *Mind the Gap*. New Haven, CT: Yale University Press.

Wilson, M. L., et al. 2014. Lethal aggression in Pan is better explained by adaptive strategies than human impacts. *Nature* 513:414–17.

Wispé, L. 1991. *The Psychology of Sympathy*. New York: Plenum.

Woodward, R., and C. Bernstein. 1976. *The Final Days*. New York: Simon and Schuster.

Wrangham, R. W. 2009. *Catching Fire: How Cooking Made Us Human*. New York: Basic Books.

Wrangham, R. W., and D. Peterson. 1996. *Demonic Males: Apes and the Evolution of Human Aggression*. Boston: Houghton Mifflin.

Yamamoto, S., T. Humle, and M. Tanaka. 2012. Chimpanzees' flexible targeted helping based on an understanding of conspecifics' goals. *Proceedings of the National Academy of Sciences USA* 109:3588–92.

Yerkes, R. M. 1941. Conjugal contrasts among chimpanzees. *Journal of Abnormal and Social Psychology* 36:175–99.

Yokawa, K., et al. 2017. Anaesthetics stop diverse plant organ movements, affect endocytic vesicle recycling and ROS

homeostasis, and block action potentials in Venus flytraps. *Annals of Botany*: mcx155.

Young, L., and B. Alexander. 2012. *The Chemistry Between Us: Love, Sex, and the Science of Attraction*. New York: Current.

Zahn-Waxler, C., and M. Radke-Yarrow. 1990. The origins of empathic concern. *Motivation and Emotion* 14:107–30.

Zamma, K. 2002. A chimpanzee trifling with a squirrel: Pleasure derived from teasing? *Pan Africa News* 9:9–11.

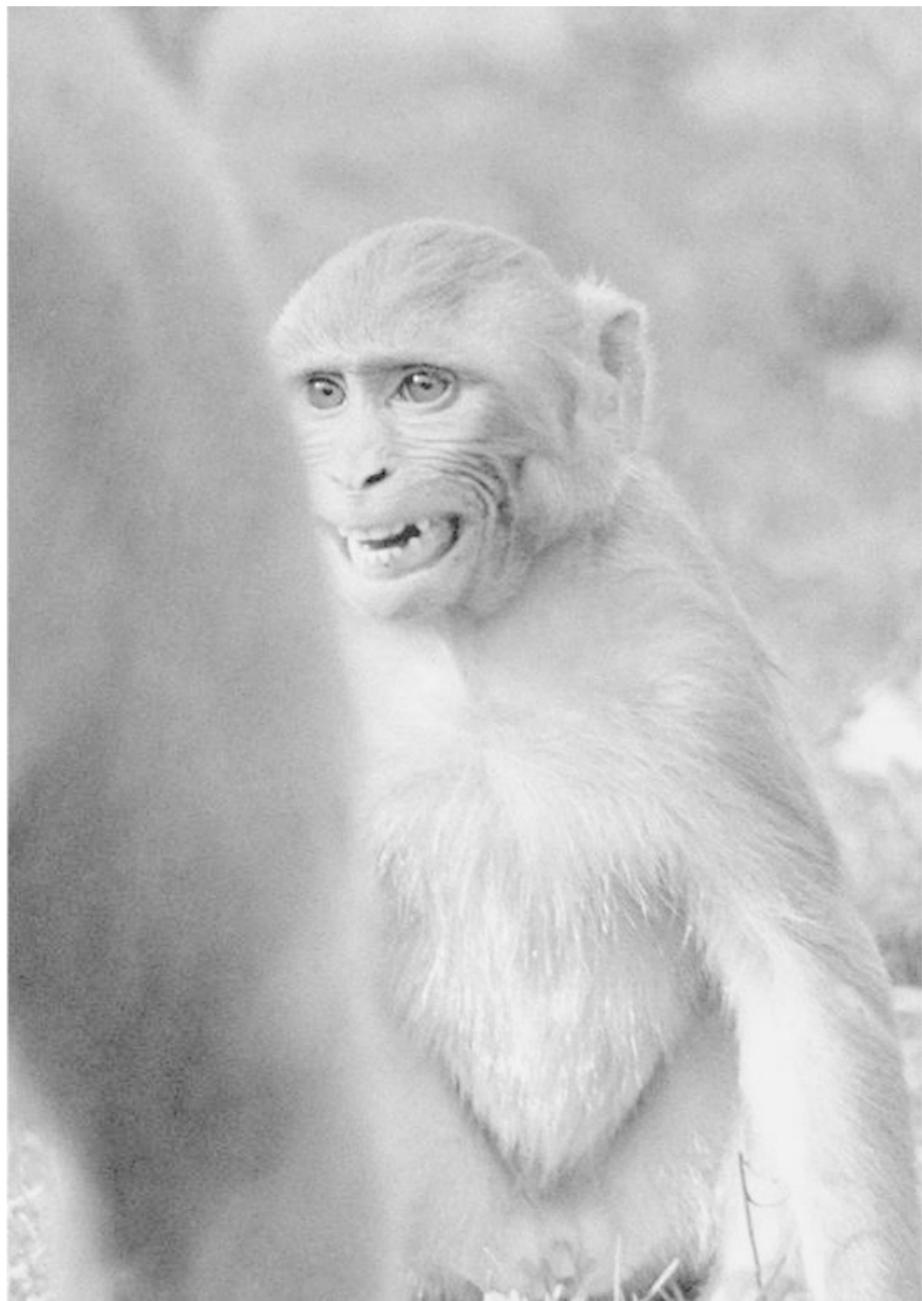

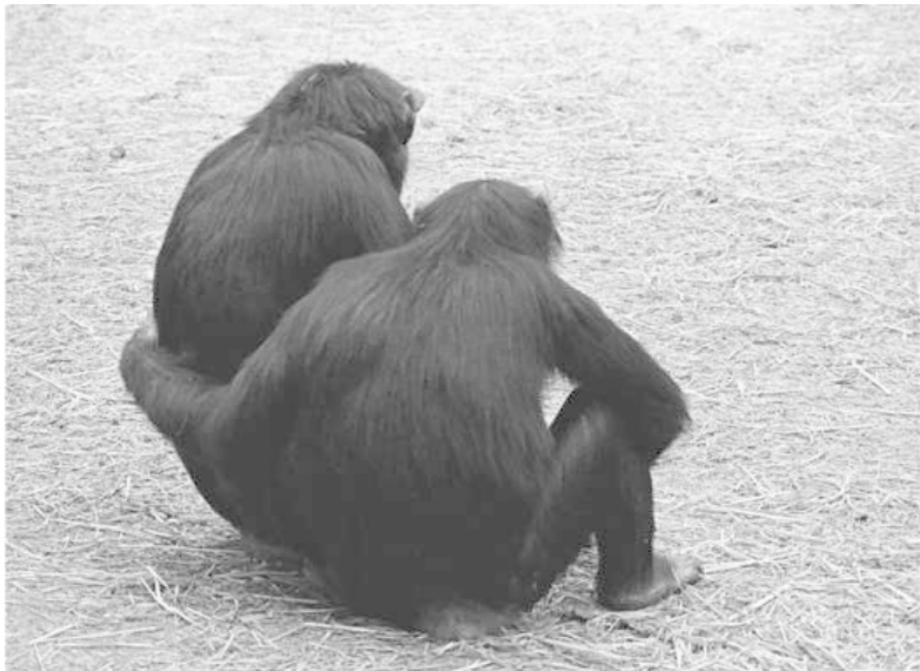
Маме не было равных в умении улаживать конфликты. Здесь она вмешивается в стычку между альфа-самцом Никки (справа) и своим протеже, подростком по имени Фонс, который протестующе верещит (слева). Встав между противниками, Мама утихомиривает Никки учащенным похрюкиванием. После этого она примется его вычесывать, а затем уведет Фонса

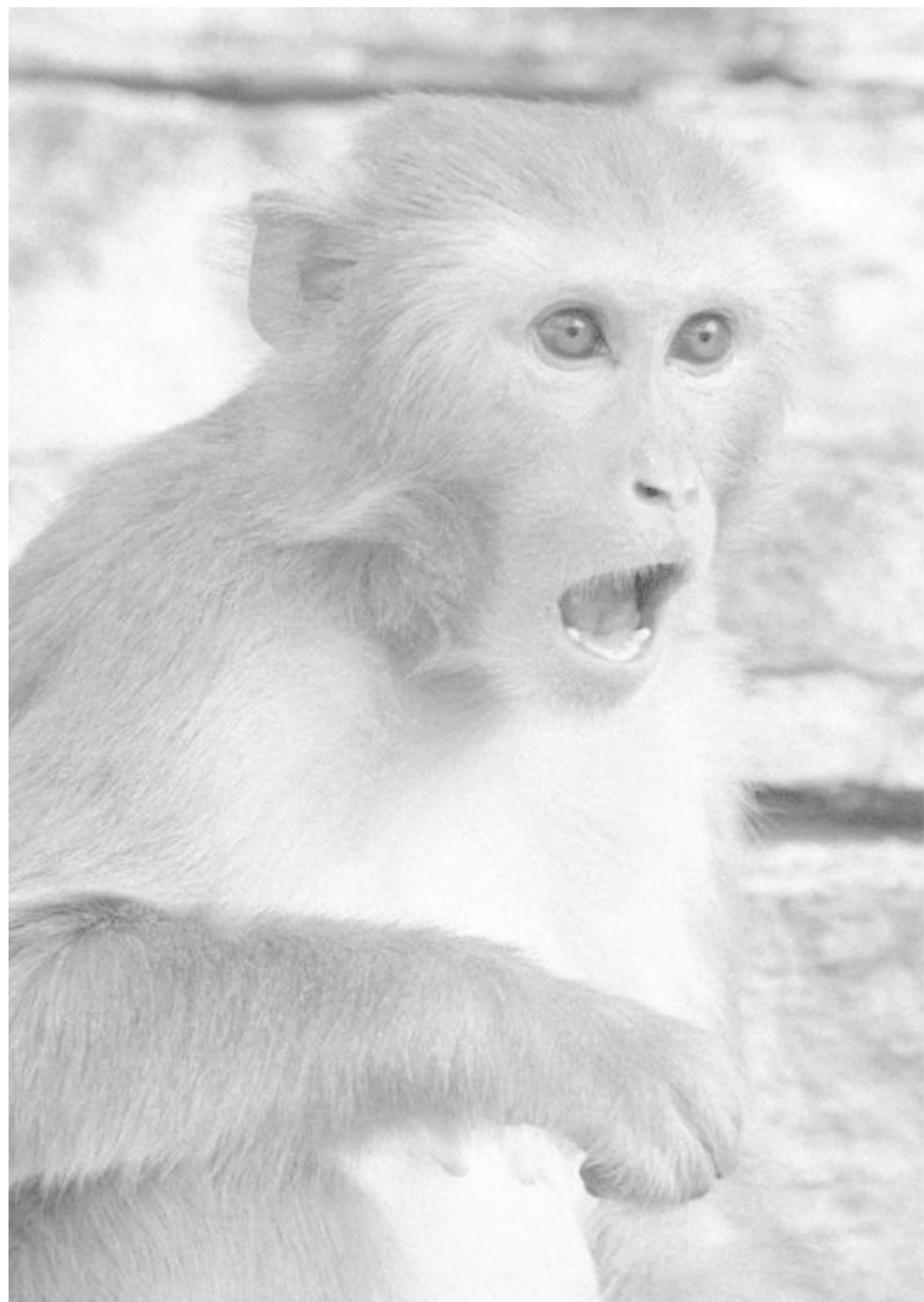

Телесный контакт действует успокаивающе на всех приматов. Две самки шимпанзе жмутся друг к другу, наблюдая за вспыхнувшей потасовкой

Считается, что обнажение зубов у приматов (в том числе и человеческая улыбка) происходит от рефлекторной реакции на неприятные раздражители. На сделанном в Кении снимке бабуин, посядающий кактус, оттягивает губы, чтобы не уколоться

Споры о том, считать ли нахмуривание, вызываемое сокращением крошечных мышц между бровями, исключительно человеческим умением, не утихают со времен Дарвина. Теперь мы знаем, что такие же мышцы имеются и у других приматов, которые тоже сокращают их, когда рассержены. Молодой самец бонобо (слева) смотрит, нахмурившись и плотно сжав губы, на своего противника, детеныша помладше, сбежавшего под защиту взрослой самки (справа). Та прижимает его к себе одной рукой, а другой замахивается на агрессора

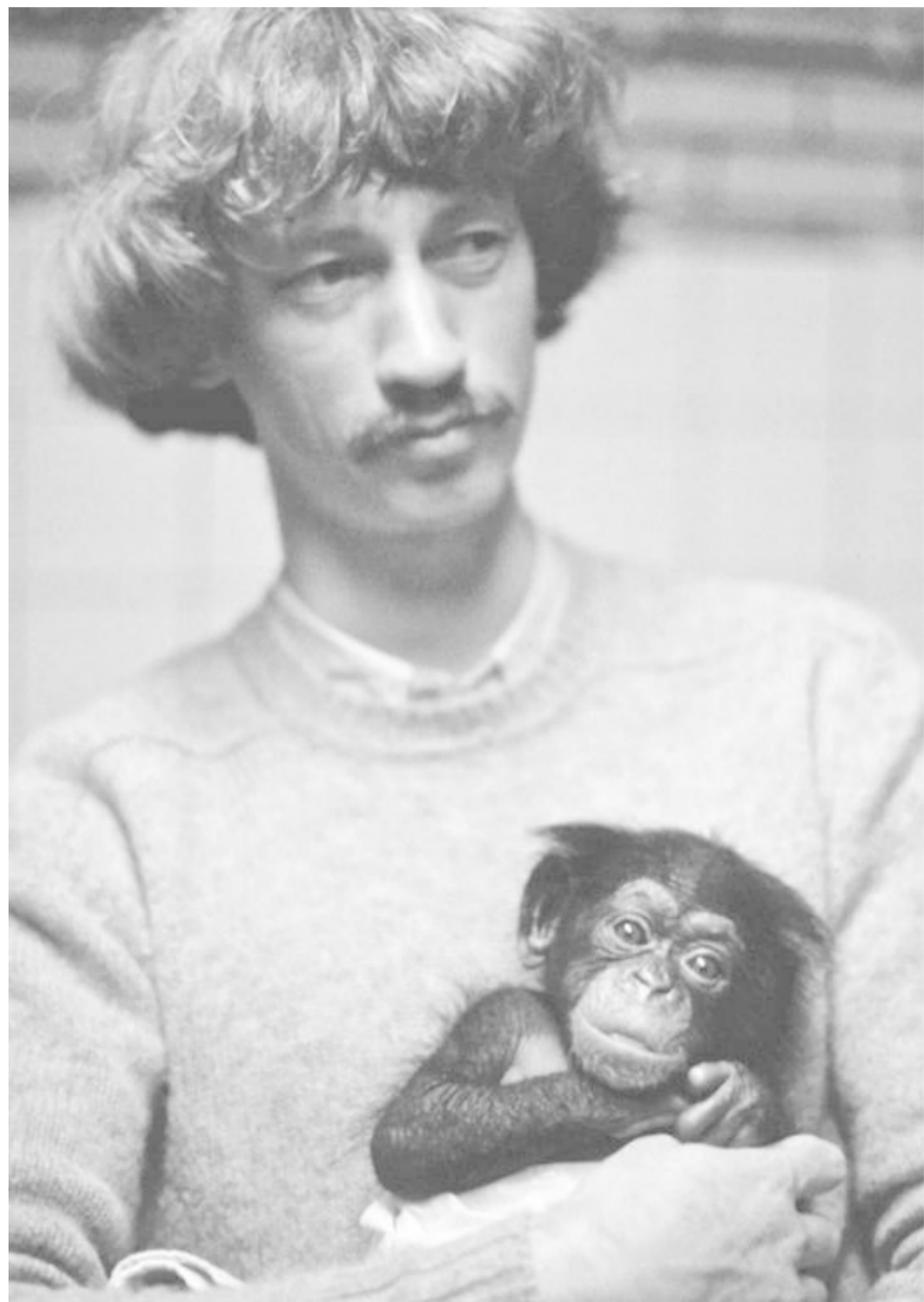

Молодой шимпанзе возмущенно вопит, протягивая руку за ягодами, которые стащи у него взрослый самец

После драки два взрослых самца шимпанзе очутились на верхушках соседних деревьев. Один из них протягивает другому руку в знак примирения. Сразу после того, как я снял этот кадр, они обнялись и поцеловались, а затем вместе спустились на землю

